

Министерство образования и науки Российской Федерации
*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный Факультет

МАТЕРИАЛЫ

VIII Межвузовской научно-практической
Конференции с международным участием

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

22–23 апреля 2019 года

Санкт-Петербург

2019

УДК 81.
ББК Ш10я43

Материалы Восьмой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2018 года. 304 с.

Организатор конференции

Кафедра иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета – Шелудько Виктор Николаевич, д. т. н., доцент, ректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Заместители председателя оргкомитета: Гигаури Нина Константиновна, к. т. н., доцент, декан Гуманитарного факультета; Шумков Андрей Арнольдович, д. филол. н., доцент, заведующий кафедрой иностранных языков; Шульженко Татьяна Владимировна, доцент, зам. зав. каф. иностранных языков по учебной работе, руководитель направления «Лингвистика», Журавлёва Ольга Михайловна, к. и. н., доцент, зам. заведующего кафедры иностранных языков по научной работе.

Члены оргкомитета: Степанова Наталия Валентиновна, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков; Флакман Мария Алексеевна, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков; Преображенская Ольга Алексеевна, к. филол. наук, доцент, Ульяницкая Любовь Александровна, ассистент кафедры иностранных языков; Беседина Елена Ивановна, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков; Кузьмич Ирина Васильевна, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков; Зубкова Евгения Сергеевна, ассистент кафедры иностранных языков.

Ministry for Education and Science
Of the Russian Federation

St. Petersburg Electrotechnical University

Faculty of Humanities

Proceedings of the VIII National University Conference with International Guests

Current Issues in Linguistics

April 22^d–23^d, 2019

Saint Petersburg

2019

УДК 81.
ББК Ш10я43

Proceedings of the VIII National University Conference with International Guests 'Current Issues in Linguistics', Saint-Petersburg, April 22^d–23^d, 2019. – 304 pp.

Conference Organizers:

Foreign Languages Department,
Saint-Petersburg Electrotechnical University

Organizing Committee

Chairman of the Organizing Committee:

Ag. Rector of St. Petersburg Electrotechnical University, D.Sc., Associate Prof.
Victor Sheludko

Vice-chairmen of the Organizing Committee:

- Dean, faculty of Humanities, St. Petersburg Electrotechnical University, Associate Prof. **Nina Gigauri**.
- Head of Foreign Languages Department, St. Petersburg Electrotechnical University, Associate Prof. **Andrey Shumkov**.
- Head of "Linguistics" Program, Associate Prof. **Tatiana Shulzhenko**.
- Associate Prof. **Olga Zhuravleva**.

Members of the Organizing Committee:

Associate Prof. **Nataliia Stepanova**, Associate Prof. **Maria Flaksman**, Associate Prof. **Olga Preobrazhenskaya**, Assistant Lecturer **Lyubov Ulyanitskaya**, Associate Prof. **Yelena Besedina**, Associate Prof. **Irina Kuzmich**, Assistant Lecturer **Eugenia Zubkova**.

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ, СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА.....	11
О. В. Атаманова Частота использования слов с абстрактным значением в устной речи с точки зрения теории дискурса.....	11
О. В. Бахмет Вторжение вечности в зону времени: метаязыковая репрезентация английского перфекта	16
Е. П. Корчагина Нейминг как процесс формирования рекламного дискурса на примере наименований объектов гостиничного бизнеса.....	23
М. Л. Лисецкий, А. Л. Сопина Персонификация роботов в публицистическом дискурсе: friend or foe	29
И. В. Ляпин Концептуальные метафоры мира природы в английской и русской языковых картинах мира (на примере лексем 'landslide' и 'avalanche').....	34
Л. В. Носкина К вопросу о прагматике коммуникативного акта и понятии референции.....	40
М. А. Прокофьева Исследование продуктивности аффиксов английского языка на базе данных корпуса.....	47
О. В. Рамантова Неопределенная детерминация источника информации в англоязычных СМИ	53
Е. В. Рязанова Интерпретация концептов народной песенной традиции в английском и русском языках	59
О. О. Секиро Концепт «истина»: эволюция содержания понятия или новая эпоха «готового слова».....	65
М. С. Сигаева Язык как инструмент подавления личности в романе «Рассказ служанки».....	71
А. Л. Соколова Дискурсивное прочтение мифологемы «war» в политических медiateкстах	76
Т. А. Спиридонова Косвенное цитирование как маркер интертекстуальности в новостном дискурсе.....	82
Н. В. Степанова Роль концептуальной интеграции в реализации персуазивной стратегии в политическом интервью.....	86
И. М. Теплыгина На перекрестке дискурсов: компьютерные технологии и туризм	92

Е. С. Тихонова К проблеме соотнесения действия с точными датами посредством темпоральных существительных в «Старшей Ливонской рифмованной хронике».....	98
М. М. Тонкова Аллюзия как маркер возраста персонажа в художественном тексте	104
T. Triberio Grammatical Labels Associated With Russian Forms Ending in “-o” Within the НКРЯ	110
Д. В. Чертова Русские описательные переводные соответствия английских отыменных конверсионных глаголов.....	116
Е. Ю. Шиянова Неологизмы в современном французском языке и наиболее продуктивные способы пополнения словарного состава французского языка ...	123
Н. Ф. Щербак Лингвистика текста, философия языка и нарратология: вектор развития	131
СЕКЦИЯ 2. КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ; ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	136
О. В. Андреева Музыка А. Шнитке в межкультурном пространстве	136
Я. А. Бабич Знают ли люди о своём уникальном стиле общения?	143
Я. А. Бабич, Е. А. Строй Концепт детства: взгляд на теории воспитания по обе стороны Ла-манша	147
A. Besedina Machine Translation of Attributive Noun Chains	155
Н. А. Гаврик, Ю. Б. Генина Об обучении грамматике в техническом вузе.....	159
Н. В. Денисова, Е. А. Кованова Ономастическая игра в сказках Р. Даля: прагматилистический и переводческий аспекты	164
О. М. Журавлева Предпосылки для межкультурной коммуникации на территории Санкт-Петербурга в ретроспективе	171
Ю. В. Журавлева Культурологический потенциал паремий в межкультурной коммуникации.....	176
Е. С. Зубкова О шансах русского пуризма в эпоху каршеринга и анонимайзеров (на материале российских газет)	182
Г. Р. Козеличкина Заимствования в китайском языке	188
Л. В. Литвинова Англицизмы в испанском языке	197
Ю. В. Перлова Речевая тактика неодобрения как косвенный способ выражения побудительной интенции	203
О. А. Преображенская Анималистический компонент в русской языковой картине.....	208
Н. С. Тимофеев К вопросу об андроцентричности русского языка и необходимости его феминизации в сопоставлении с английским языком.....	213

А. Н. Ткачева	Функции англоязычных заимствований во французских кинозаголовках	219
М. А. Чалая, И. А. Шпаковская	Изменение значений слов, заимствованных русским языком	224
А. В. Шитова, Ху Хунбинь	Инструментарий и лингводидактический потенциал инстаграма на примере изучения иврита в контексте поликультурного подхода	232
СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ		239
Е. И. Беседина	К вопросу о функционировании звукоизобразительных глаголов движения (на материале романа Брайана Джейкса «Воин Редволла»)	239
В. А. Давыдова	Жестовая мотивация звукоизобразительных слов: лицевая мимика в звукоизображениях малого размера	243
Е. И. Кривошеева	К вопросу изучения иконизма в китайском языке	250
И. В. Кузьмич	К вопросу об этимологической фоносемантике	256
Ю. Г. Седёлкина, Л. О. Ткачева	К вопросу о визуальном восприятии звукоизобразительности родного и иностранного языка	261
М. А. Флакسمан	Метод фоносемантического анализа: проблемы применения	266
С. В. Чиронов	Звукосимволизм и японский идеофон: феномен и класс	271
Шамина Е. А.	Универсальная классификация онематопов С. В. Воронина как инструмент изучения языковых звукоподражаний	277
СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО. НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ		282
Л. Н. Каминская	О некоторых аспектах усвоения норм пунктуации в контексте государственной итоговой аттестации	282
Е. Б. Рыкова	Пути формирования страноведческой компетенции при обучении русскому языку как иностранному	288
И. Л. Шершнёва	Актуальные проблемы преподавания страноведения в группах билингвов	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая конференция посвящена памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Игоревны Бродович (1939-2018), 80 лет со дня рождения которой исполняется в мае 2019 года.

На кафедре Иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» профессор Ольга Игоревна Бродович проработала 10 лет, начиная с 2004 года.

Ольга Игоревна была замечательным человеком, выдающимся лингвистом, преподавателем, организатором, Профессионалом с большой буквы.

После окончания Ленинградского университета в 1966 году Ольга Игоревна работала ассистентом, затем доцентом и профессором на кафедре Английской филологии ЛГУ (ныне СПбГУ), где в течение сорока лет преподавала историю английского языка и теорию перевода.

С 1989 года и вплоть до последних дней она также осуществляла организаторскую и преподавательскую деятельность в должности ректора и профессора в НОУ ВПО Институт иностранных языков (Санкт-Петербург), к самому появлению которого она также имела непосредственное отношение.

Кроме того, Ольга Игоревна стала одним из первых президентов SPELTA – Санкт-Петербургской ассоциации преподавателей английского языка, профессиональной организации, объединяющей преподавательские кадры всех уровней.

В 1972 году Ольга Игоревна защитила кандидатскую диссертацию («Структуры с вторично-предикативной связью между элементами в современном английском языке»), а в 1991 – докторскую («Английская диалектная вариативность: типологический и общетеоретический аспекты»).

Она является автором свыше 90 печатных работ, включающих монографию, посвященную изучению диалектов английского языка, учебник по истории английского языка, ряд разделов в коллективных монографиях, а также многочисленные статьи и тезисы докладов.

Одним из основных научных интересов Ольги Игоревны (помимо истории языка, диалектологии и переводоведения) была фоносемантика. После ухода из жизни её супруга, Станислава Васильевича Воронина, основавшего это научное направление в отечественной лингвистике, Ольга

Игоревна подхватила эстафету и возглавила Санкт-Петербургскую школу фоносемантики.

Эта школа до сих пор является ведущим центром по изучению языковой изобразительности в России, своеобразным центром притяжения внимания других российских исследовательских групп, разрабатывающих сходную тематику, и постепенно завоевывающим международное признание. Ольга Игоревна очень много времени и сил уделяла популяризации идей С. В. Воронина, подготавливая к печати и делая достоянием научной общественности его малоизвестные или ранее не опубликованные работы.

После кончины Станислава Васильевича Воронина Ольга Игоревна не только возглавила Петербургскую фоносемантическую школу, но и расширила тематику исследований (фоносемантика и диалектология, диахроническое изучение звукоизобразительной лексики). И сегодня фоносемантика по праву занимает свое место среди других лингвистических дисциплин во многом благодаря её усилиям, неиссякаемой энергии и научному авторитету.

**Климова Светлана Владимировна, к.ф.н.,
заведующий кафедрой иностранных языков
СПбГУПТД**

Ольга Игоревна много лет принимала активное участие в подготовке конференций и круглых столов по проблемам звукоизобразительности. Так, в рамках международной конференции «Англистика XXI века», регулярно организуемой в Санкт-Петербургском государственном университете и посвящённой в 2016 году памяти профессора С. В. Воронина, во многом благодаря Ольге Игоревне была организована англоязычная секция Phonosemantics; за три дня работы секции были заслушаны и обсуждены доклады участников из различных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Эти доклады были изданы отдельным сборником на английском языке, под общей редакцией Ольги Игоревны.

Также Ольга Игоревна Бродович являлась неизменным руководителем Фоносемантической секции на ежегодной Международной филологической конференции в СПбГУ и идейным вдохновителем создания секции «Проблемы фоносемантических исследований» в рамках ежегодной конференции «Актуальные проблемы современного языкознания» СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Секция начала свою работу в 2016 году.

В этом году секция «Проблемы фоносемантических исследований» проходит в «ЛЭТИ» уже в третий раз. Её руководителем является бывшая аспирантка Ольги Игоревны, кандидат филологических наук Мария Алексеевна Флакسمан.

Заседания этих секций неизменно привлекают много участников из числа вузовских преподавателей, научных сотрудников и студентов, которые приходят не только сделать и послушать интересные доклады, но и принять участие в свободной, подчас острой, но всегда благожелательной дискуссии.

К ученикам Ольга Игоревна умела быть одновременно критичной и ободряющей. Ее полный, с легкой хрипотцой, голос, всегда прямая спина и высоко поднятая голова заставляли соответствовать высоким физическим, личностным и научным стандартам. А еще она совершила женский и научный подвиг: посвятила огромную часть своей жизни – кто знает? может быть, в ущерб своим личным научным интересам – тому, чтобы труд ее избранника был признан.

**Шамина Елена Анатольевна,
к.ф.н., доцент кафедры
фонетики и методики преподавания иностранных языков
филологического факультета СПбГУ**

Помимо организаторской и собственной научной работы, Ольга Игоревна также осуществляла руководство аспирантами, уделяя много времени и сил воспитанию новых научных и педагогических кадров. Под её опытным руководством 12 молодых исследователей защитили кандидатские диссертации и 1 – докторскую (из них 2 кандидатские диссертации на фоносемантическую тематику – Н. Н. Швецова «Звукоизобразительная лексика в английских диалектах» (2011г.) и М. А. Флакسمан «Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка» (2015г.)).

Ольга Игоревна обладала особым даром педагога. В ней сочетались заразительное для окружающих восхищение предметом исследования, бескомпромиссная требовательность к качеству работы и, одновременно с этим, редкая человеческую теплота к ученикам и искренняя радость от сделанным ими, даже маленьких, открытий. Я всегда буду ей благодарна за научное руководство.

**Варвара Алексеевна Давыдова,
аспирант О. И. Бродович, СПбГЭУ**

Ольга Игоревна была человеком, по-настоящему преданным своему делу. Любую работу, за которую она бралась, – будь то правка статьи или руководство ВУЗом – Ольга Игоревна делала на совесть и того же требовала от других. Она всегда была строга в формулировках и не допускала произвольного обращения с фактами. Научная истина, честность, доказательность выводов, открытость дискуссий всегда были для Ольги Игоревны приоритетными.

Нам всем – её ученикам, друзьям, коллегам – будет её очень не хватать.

31.03.2019.

*Коллеги и ученики, сотрудники кафедры
Иностранных языков
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*

**СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ,
КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; СТРУКТУРНАЯ
ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ, СЕМАНТИКО-
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА**

УДК 748, 1751

О. В. Атаманова

Военная академия связи им. С. М. Буденного, г. Санкт-Петербург
ataman772@yandex.ru

**ЧАСТОТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВ С АБСТРАКТНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ В УСТНОЙ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ
ДИСКУРСА**

Рассматривается влияние психологического стресса на речь человека с точки зрения статистики устного текста. Результаты исследований показывают, что по мере усиления стресса доля слов с абстрактным значением уменьшается, им на смену приходят упрощенные формы, короткие слова – происходит то, что называют обеднением лексики.

Синергетика, дискурс, самоорганизация систем, психологический стресс, лексическая статистика текста, обеднение лексики

Рассматривая всякого рода речевое поведение в контексте современного дискурса, невозможно не отметить в первую очередь тот факт, что понятие дискурса весьма разноречиво. В переводе с позднелатинского оно означает «речь», «довод». В XIX веке немецкими лингвистами Якобом и Вильгельмом Гриммами дискурс определялся как «речь», «беседа», «лекция» [12, с.32]. Но если раньше, изучая речевые явления различного рода, в первую очередь придавали значение «чистой лингвистике», то в настоящее время все большее внимание обращают на контекст беседы, на экстралингвистические факторы, влияющие на исход коммуникативного акта. Можно говорить о том, что наряду со структурно-синтаксическим и структурно-стилистическим подходами к установлению понятия дискурса используют коммуникативный и социально-прагматический подход [2, с.139; 12, с. 33]. Можно отметить также, что связано это, помимо прочих факторов, с тенденцией применять учение о синергетике, весьма популярное за последние сорок лет [11], к самым разным областям науки. Многие сложные системы (например, если иметь в виду лингвистическую науку, язык речь или текст (см. напр., [10]) при этом относят

к разряду синергетических систем, поведением которых управляет неограниченное число факторов различной природы.

Если говорить о тексте, то к таким факторам относятся контекст / речевая ситуация, в которой порождается текст, различные смыслы высказывания, которые могут соответствовать различным понятиям и выражаться различным образом (различными знаками), так что даже «само представление о смысле двусмысленно» [9, с.112–120]. В силу неопределенности смыслов, а также изначальной неопределенности информации, постепенно ликвидируемой в ходе высказывания, можно говорить о тексте как об открытой системе. Текст имеет некую направленность на адресата, который, в свою очередь, по-разному может воспринимать его и данному понятию придавать различные смыслы.

Итак, все факторы, влияющие на порождение текста, и лингвистические, и экстралингвистические, сложнейшим образом связаны между собой, вследствие чего перспективы развития коммуникативного акта весьма разнообразны. С точки зрения синергетической концепции это означает нелинейность развития системы (синергетической). При этом изменение какого-либо из компонентов такой системы приводит к последствиям, которые, вообще говоря, невозможно предугадать, то есть наша система является неупорядоченной в силу нечеткости множества смыслов ([8, с. 26-27], а значит, несчетности этого множества [4]. И по причине неупорядоченности системы невозможно определить эффективность процесса путем суммирования составляющих его. А это значит, что текст как система эмерджентен [5].

Текст обладает свойством диссипативности, так как в речи постоянно образуются разного рода временные неустойчивые структуры, они исчезают, на их месте возникают новые. Но коль скоро имеет место хаотичность структур, существует также стремление системы к преодолению хаоса и установлению естественного для себя порядка (то есть самоорганизация). Применительно к тексту мы можем говорить о том, что поскольку высказывание имеет определенную цель, сам автор задает некое направление развития текста (стремится к тому, чтобы его «правильно» поняли), а это, по сути, движение, направленное на преодоление хаоса.

Таким образом, текст обладает всеми свойствами синергетической системы – нелинейной, неупорядоченной, эмерджентной, диссипативной и самоорганизующейся, открытой воздействию неограниченного числа внешних факторов.

На вопрос о том, каким факторам следует отдать предпочтение, и в какой мере, может ответить указанная синергетическая концепция, в соответствии с которой сложную синергетическую систему можно изучать только статистическими методами и часто лишь на основе экспериментальных данных [3]. Итак, к синергетической системе следует применять синергетический метод исследования, благодаря которому скучная статистика может дать нам наиболее четкую и правильную картину. И в этом смысле можно говорить о том, что дискурсивный подход как раз позволяет учитывать неограниченное число факторов различной природы (то есть экстралингвистических),

влияющих на поведение системы порождения и восприятия речи человеком, а также на свойства порожденного при данных условиях текста (текст также рассматривается как синергетическая система).

И, конечно, имея в виду различные экстралингвистические факторы, мы не можем учитывать такой важный, без сомнения, фактор, как психологическое состояние участников коммуникации. Человек может пребывать в состоянии беспокойства, выраженного в большей или меньшей степени; возможно, наоборот, его психологическое состояние может считаться стабильным. С точки зрения синергетики, человеческая психика также относится к разряду синергетических систем. Важнейшим свойством таких систем – нелинейных, неупорядоченных эмерджентных, диссипативных, является свойство самоорганизации (которое, собственно, связано с диссипативностью, и по сути, означает стремление к преодолению системой хаоса, стремлению к устойчивости в условиях нестабильности).

Что касается состояния психологического стресса, который принято считать частным случаем изменения состояния сознания адресанта [6, с.14-16], то здесь может как раз идти речь о нестабильности психологического состояния человека, спровоцированной различными факторами, которое для человека некомфортно, и которое человек стремится преодолеть. Значит, опять же мы можем говорить о психике человека как самоорганизующейся системе. При этом измененное состояние сознания первоначально определялось как адаптивная реакция человека на непривычные для себя условия [6, с.14], что опять же указывает на свойство самоорганизации.

Такое явление, как психологический стресс, весьма подробно изучено с различных точек зрения, в основном он считается вредным фактором, последствия которого разрушительны для здоровья человека, его психического и физического состояния. С лингвистической точки зрения этот феномен также изучался [7]. Большое внимание уделялось свойствам текста, порожденного в состоянии беспокойства, прежде всего, его статистическим свойствам (как видим, в духе как раз синергетической идеи, статистика используется как основной инструмент исследования). Было выявлено, в частности, что по мере усиления стресса слова с абстрактным значением все в большей степени вытесняются словами, относящимися к повседневной реальности человека, то есть слова, обозначающие какие-либо отвлеченные понятия – то, что позволяет нам почувствовать себя выше всякого рода жизненных обстоятельств, «подняться над суетой» – используются нами все реже. И чем сильнее проявляется наше беспокойство, тем меньше сил остается у нас на то, чтобы мы могли абстрагироваться от реальности. Напротив, короткие слова и слова-паразиты, поисковые слова, слова-заместители и заполнители молчания, всякого рода упрощенные формы играют все более важную роль – их становится все больше в нашей речи.

Какова доля таких «упрощенных» форм, можно увидеть, если построить частотный словарь на основе текста, письменного или устного, переведенного в письменную форму. В этом случае, как обычно, верхние ранги словаря

соответствуют наиболее употребительным словоформам. Служебные слова преобладают в верхних рангах любого частотного словаря [1], однако если число таких рангов резко увеличивается, это означает, что лексика говорящего обедняется, и это может быть связано с состоянием беспокойства. Конечно, есть много других факторов – индивидуальные особенности, привычки, те или иные реакции, определяющие наше речевое поведение. Поэтому весьма полезным может оказаться сравнение свойств частотных списков, составленных на основе текстов, генерированных одним и тем же человеком, но при различных обстоятельствах – в том случае, когда фактор стресса присутствует в его жизни, и тогда, когда этого повода для беспокойства не существует. Для характеристики свойств текстов можно использовать такие параметры, как параметр абсолютного обеднения словаря – число рангов, соответствующих «обедненным» словоформам (M), параметр относительного обеднения словаря (A) – отношение «накопленного» значения частоты «обедненных» словоформ (F_m) к длине текста (N), отношение объема словаря (V) к длине текста (N).

Итак, стресс по мере усиления все меньше позволяет нам быть «выше» реальности, использовать сложные и отвлеченные понятия.

Учет такого фактора как психологическое состояние респондента дает возможность соотносить свойства текста, описанные рядом статистических параметров, с формальными показателями его психологического состояния. Такой экстралингвистический или, в более широком смысле – дискурсивный подход к рассмотрению статистических свойств текста, порожденного в разных обстоятельствах, позволит изучать все эти показатели во взаимосвязи, методами многомерного статистического анализа, что безусловно, будет иметь большое практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П.М. Частотные словари. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц., общ. ред., вступит. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. Вступ. ст. Г.Г. Малинецкого. М.: КомКнига, 2007.
4. Корн Г, Корн Т. Справочник по математике (для инженеров и научных работников). М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1978.
5. Лелис Е. И. Синергетика художественного текста. Сайт славянского Университета РМ. URL: http://www.surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=298&itemid=146/
6. Людвиг А. Измененные состояния сознания // Чарльз Тарт. Измененные состояния сознания; [Пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян]. М.: Эксмо, 2003.
7. Носенко Э.Л. Эмоциональное состояние и речь. Киев, Вища школа, 1981. № 6. С. 80–85.

8. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении) Изд. 2-е дополненное и исправленное, монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006.

9. Свирский Я. И. Самоорганизация смысла (опыт синергетической онтологии). М.: ИФРАН, 2001.

10. Степанов Ю. С. Между «системой» и «текстом»: выражения «фактов» // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: [Сб. ст.]: К 60-летию Ю. Н. Караулова. Рос. АН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; М.: ИРЯ, 1995. с. 111 – 119.

11. Хакен Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. Перевод с англ. Ю.А. Данилова; под ред. [и с предисл.] Ю.Л. Климонтовича. М.: Мир, 1985.

12. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике. Ученые записки Казанского государственного университета. Т.151, кн.6. 2009. С. 31–37.

Atamanova, O. V.

Budenny Military Telecommunications Academy, Saint Petersburg

THE FREQUENCY OF USE OF ABSTRACT WORDS IN ORAL SPEECH AS THE ASPECT OF DISCOURSE

The influence of psychological stress on human speech in the aspect of statistics of oral text is considered in the article. The results of experiment mark that meanwhile the stress enforces the ratio of abstract words decreases. These words have been substituted by simplified forms, short forms and constructions, in a word the minimization of lexicon happens.

Synergetic theory, discourse, self-regulation of systems, psychological stress, lexical statistics of text, minimization of lexicon

УДК 811.111

О. В. Бахмет

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

olevalebakh@mail.ru

ВТОРЖЕНИЕ ВЕЧНОСТИ В ЗОНУ ВРЕМЕНИ: МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ПЕРФЕКТА

В данной статье предлагается рассмотреть метаязыковые модели английских перфектных форм настоящего времени. Подобные модели представляются важными с точки зрения их объяснительного потенциала для выработки понимания глубинного значения перфекта, имеющего отношение к посессивности.

Время, перфектное настоящее, английский язык, метаязык, метаязыковая модель, посессивность

Поэт и нобелевский лауреат по литературе И. Бродский сказал: «...на самом деле литература не о жизни, да и сама жизнь не о жизни, а о двух категориях, более или менее о двух: о пространстве и о времени. ...Время для меня — куда более интересная, я бы даже сказал, захватывающая категория, нежели пространство, вот, собственно, и все...» [3, с.111]. Данные категории были предметом и его поэтических размышлений: «*И пространство пятилось, точно рак, пропуская время вперед. И время шло на запад, точно к себе домой, выпачкав платье тьмой*» [2, с. 82]. Темнота является помехой для освоения человеком пространства, она угрожает потерей безопасности, а время враждебно человеку, так как оно несет забвение, потери и исчезновение – наносит ущерб человеку действующему.

Все человеческие действия, поступки, дела безвозвратно уходят в прошлое. Некогда современные достижения труда устаревают, утрачивают актуальность, забываются. Противостоять времени помогает язык, где перфект, в качестве инструмента, находящегося в распоряжении языковой личности, призван служить ей для отстаивания себя в борьбе со временем. Отрицать исчезновение можно путем фиксации приобретения, потери отрицаются с помощью фиксации достижений, забвение отрицается фиксацией памяти. Форма перфекта представляет действие как «присвоенное» свершение и выражает стремление говорящего заполнить этим свершением пустоту, усилить и обогатить реальность, актуальность которой аннулируется неумолимым временем.

По мере того как время стремительно поглощает действие, действие, будучи также активной стороной в этом конфликте, вытесняет время. Эта идея

находит свое отражение в форме перфекта, как инструмента для противостояния времени. Языковая материя страдательного причастия инкапсулирует действие и в составе аналитической формы перемещает его по временной оси подобно машине времени (см. Рисунок 1). Причастие, выражая «окачествленное» действие или состояние как свойство лица или предмета, актуализирует их причастность к этому действию или состоянию.

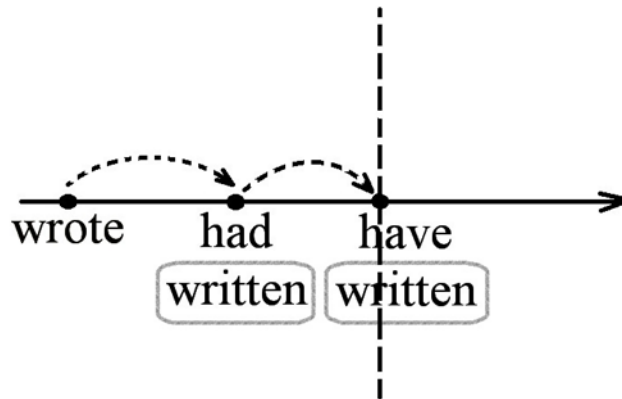

Рисунок 1

Роль перфекта – не столько высветить крупным планом события и ситуации, привязав их к временной локализации, сколько подчеркнуть значимость самого лица, выраженного подлежащим (субъект), с привязкой к признаку, который раскрывается причастием, например:

1) '*Who has done this?*' exclaimed Miss Mills, succouring her friend.

I replied, 'I, Miss Mills! I have done it! Behold the destroyer!' - or words to that effect - and hid my face from the light, in the sofa cushion [6, с. 456].

В предложении «*I have done it!*» перфект не просто соединяет прошлое событие с настоящим, но привлекает внимание слушающего к действующему субъекту, выраженному подлежащим *I*, подчеркивает его роль, как производителя действия, а последующее «*Behold the destroyer!*» еще более усиливает эффект от признания героя, оказавшегося в центре внимания. Сравните:

2) '*My wonderful husband Steve, who has been such a great provider and patriarch of this family, thank you for being my rock, I did it baby, I did it!*' [5, с. vii].

В приведенном примере автор высказывания выражает признательность мужу за поддержку, отдает ему должное как кормильцу и защитнику. Используя перфектную форму «*has been*», она акцентирует внимание на его высоком статусе патриарха семьи; но если он обладает статусом главы семьи, то жена оказывается как бы на вторых ролях. При упоминании о своей писательской деятельности автор скромно не желает переносить акцент на себя (перфектная форма отсутствует), смещая его в сторону объекта, выраженного дополнением *it* при глагольной форме *did* в простом прошедшем времени. Для

мужа не будет новостью то, что она – автор опубликованного произведения. Его внимание должно быть обращено на плод ее труда – книгу, которая, вместе с тем, может стать для мужа поводом гордиться своей женой.

Для сравнения приведем пример, где по мере развития мысли говорящего субъект, действие и объект высказывания остаются тождественны самим себе, но происходит аналогичное смещение акцента с субъекта в сторону объекта при помощи замены перфекта простым прошедшим временем:

3) *I have given you the greatest of all things; and you ask me to give you little things. I gave you **your own soul**...* [9].

В данном случае субъект *I* сначала характеризует себя с точки зрения своего вклада в жизнь другого лица (*you*), а затем переносит внимание на уже упомянутый ранее объект (*the greatest of all things*), при этом конкретизируя его (*your own soul*). Роль объекта в перфектном предложении ослабевает вследствие того, что глагол обладания *to have* в составе перфектной формы, прежде всего, постулирует связь объекта - обладаемого с субъектом - обладателем. Вообще, по замечанию Э. Бенвениста, «ни в одном из своих употреблений «иметь» не указывает на объект – всегда только на субъект» [1, с. 214]. Десемантизация глагола обладания *to have* накладывает определенные ограничения на восприятие перфекта на современном этапе развития языка, затемняя вышеизложенный смысл наличия глагола *to have*.

Выдающийся лингвист Э. Бенвенист обратил внимание на признаки, проливающие свет на сущность категории перфекта в тех языках, где он связан с использованием вспомогательных глаголов «быть» и «иметь», и у него нет другого возможного выражения, кроме как через «быть» или «иметь» плюс причастие прошедшего времени глагола. В нашем исследовании мы опираемся на высказанное им положение о том, что «перфект – это такая форма, в которой понятие состояния, соединенное с понятием обладания, отнесено к действующему лицу; в перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия» [там же, с. 217]. То, что перфект есть форма состояния, связанного с обладанием, по мнению ученого, можно продемонстрировать путем внутреннего анализа перифрастических форм, где в отношении между элементами формы обнажается значение, внутренне присущее перфекту [там же].

Исследователь Репринцева М. А. отмечает, что «воспринимаемое человеком слово способно активизировать в подсознании / сознании некую структуру, «шаблон», «модель», служащую для узнавания его частеречной принадлежности и особых грамматических признаков. Слово в состоянии вызвать ряд индивидуальных импульсов - ассоциаций, позволяющих соединить в сознании человека реальный образ грамматического явления с представлением о нем, «моделями» метаязыка, лежащими за реальными языковыми формами [4, с. 197].

В связи с невозможностью буквального перевода английской аналитической конструкции на русский язык возникает необходимость разработки универсальных метаязыковых моделей. В данной работе

метаязыковая модель представляет собой синтагму, которая превращают субъект в «обладателя» и имеет лексические дополнения с целью восполнения смысловых потерь средствами родного языка, что может значительно облегчить понимание сути английского перфекта в процессе изучения английского языка как иностранного. Использование глагола «делать» в создании моделей представляется естественным в связи с фактом принадлежности данного глагола ядру ментального лексикона человека и, следовательно, возможностью идентификации различных видов его активности через единицу «делать».

Рассмотрим потенциал применения метаязыковых моделей для осмысления перфектной формы на примере конструкции перфектного настоящего «**have (not) + причастие II**» в английском художественном дискурсе:

4) *I know more than either of you. One of you has not yet exhausted his first love: the other has not yet reached it. But I – I – [9].*

ПЕРЕВОД: Я знаю больше вас обоих. У одного из вас еще не иссякла его первая любовь, другой еще не познал ее. А я... я...

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (I) «**иметь сделанным / иметь не сделанным**»: Один из вас имеет еще не исчерпанной первую любовь, другой – имеет ее еще не достигнутой / У одного из вас первая любовь еще не исчерпана, а у другого еще не достигнута. А я... я... (Вариативность метаязыковой модели обусловлена тем, что «иметь» по-русски может выражаться предложной конструкцией «быть у кого-либо»).

В данном примере героиня сравнивает себя с собеседниками. Высказывание является структурно незавершенным и содержит невербализованную имплицитную информацию о ней самой: в отличие от своих визави, она имеет знания и опыт, присущие человеку, который находил и терял любовь. Вместе с тем в данном случае имеет место фиксация объекта *first love*, признак которого выражает английская форма Past Participle Passive, соответствующая русскому страдательному причастию прошедшего времени на **-нный, -тый** от переходных глаголов в составе метаязыковой модели.

Рассмотрим далее речь героини:

5) *... never in all my life have I done anything that was not ordained for me. I've been myself. I've not been afraid of myself. And at last I have escaped from myself, and am become a voice for them that are afraid to speak, and a cry for the hearts that break in silence. ... I have earned the right to speak. I have dared. I have gone through. I have not fallen withered in the fire. I have come at last out beyond, to the back of Godspeed? [9].*

ПЕРЕВОД: ... никогда в жизни не делала я ничего такого, что не было бы предопределено мне свыше. Я была собой. Я не боялась себя. И, наконец, я убежала от самой себя и стала голосом для тех, кто боится говорить, и криком для сердец, которые разбиваются в безмолвии... Я заслужила право говорить. Я обрела решимость. Я прошла весь путь. Я не

упала в огонь. Я, наконец, вышла к краю света, скрытому за счастливым поворотом.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (II) «иметь [статус] сделавшего / иметь [статус] не сделавшего» (выделено в тексте прямым подчеркиванием): ... на протяжении всей своей жизни я не имею сделанным (у меня не сделано) ничего такого, что не было бы предопределено мне свыше. Я имею [статус (человека)], бывшего самим собой. Я имею [статус (человека)], не бывавшего в испуге от самого себя. И, наконец, я имею [статус (человека)], убежавшего от самого себя и являюсь (человеком), ставшим голосом тех, кто боится говорить, и криком сердец, которые разбиваются в безмолвии... Я имею заслуженным право говорить. Я имею [статус (человека)] посмеявшегося. Я имею [статус (человека)], прошедшего весь путь. Я имею [статус (человека)], не упавшего в огонь. Я, наконец, имею [статус (человека)], пришедшего к краю света, скрытому за счастливым поворотом.

В вышеприведенном отрывке мы имеем дело с примерами фиксации статуса. Метаязыковая модель (II) содержит действительное причастие прошедшего времени на **-ший, -вший**, которое соответствует английскому Past Participle Active от непереходных глаголов. Перфектная форма служит для присвоения субъекту определенного статуса. Под статусом мы понимаем положение (состояние) или позицию (мнение, мировоззрение, чувство, ощущение), релевантные для характеристики действующего субъекта на определенном этапе с точки зрения полученного им опыта.

Приведем пример фиксации опыта как переживания события:

6) 'How many times,' she asked, talking swiftly, postponing the final moment as long as possible, 'how many times have you climbed in here?' [10].

ПЕРЕВОД: Сколько раз... - поспешно спросила она, отчаянно пытаюсь отсрочить развязку, - сколько раз вы забирались сюда таким путем?

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (II) «иметь [опыт] делавшего / иметь [опыт] не делавшего»: *Который раз, – поспешно спросила она, пытаюсь отсрочить развязку, – в который раз имеете вы [опыт (человека)], пробравшегося сюда таким путем?*

Широко распространены случаи, когда экспериенциальный перфект служит для фиксации опыта, понимаемого как приобретенные в течение жизни знания, умения, навыки, а также сохраненные впечатления и воспоминания, например:

7) I've been at this game for twenty-five years. I've been a call-boy, a stage-hand, a stage-manager, an actor, a publicity man, damn it, I've even been a critic. I've lived in the theatre since I was a kid just out of a board school, and what I don't know about acting isn't worth knowing. I think you're a genius. [8, с.17].

ПЕРЕВОД: Я в этой игре уже двадцать пять лет. Я был мальчиком, вызывающим актеров на сцену, рабочим сцены, режиссером, актером, рекламным агентом, был даже критиком, черт побери. Я живу в театре с самого детства, с тех пор, как вышел из школы, и то, чего я не знаю об актерском мастерстве, и знать не стоит. Я думаю, что вы гениальны.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (II) «иметь [знание, умение, навык, впечатление, воспоминание] делавшего / иметь [знание, умение, навык, впечатление, воспоминание] не делавшего»: Я имею [впечатления / воспоминания (человека)], пробывшего в этой игре двадцать пять лет. Я имею [навыки / умения (человека)], побывавшего мальчиком, вызывающим актеров на сцену, рабочим сцены, режиссером, актером, рекламным агентом, у меня, черт побери, даже есть [опыт (человека)], бывшего критиком. Я имею [знания (человека)], прожившего в театре с самого детства, с тех пор, как вышел из школы, и то, чего я не знаю об актерском мастерстве, и знать не стоит. Я думаю, что вы гениальны.

Перфектная конструкция «**be (not) + причастие II**» отмечена в примере (5) пунктирным подчеркиванием: «*I... am become a voice*». Ей соответствует МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (III) «**являться сделавшим / являться не сделавшим**» с бытийным глаголом и действительным причастием. Данная конструкция вышла из широкого употребления в ходе исторического развития английского языка. В вышеприведенном отрывке она служит стилистическим средством для придания словам героини некоего сакрального смысла, древнего, как мир. Исповедальная интонация ее речи преисполняется еще большей глубиной и эмоциональностью.

В качестве дополнительного примера приведем строку из древней священной книги индуизма, переведенную с санскрита на английский язык:

8) «*Now I am become Death, the destroyer of worlds*» [7, с. 123].

ПЕРЕВОД: Теперь я стал смертью, разрушителем миров.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (III): Я являюсь ставшим смертью, разрушителем миров.

В таком архаичном виде эти слова, принадлежащие богу Вишну, были процитированы знаменитым ученым, создателем ядерного оружия, Робертом Оппенгеймером, как свидетельство об опасности данного изобретения, применение которого может кончиться катастрофой. Эмоциональная рефлексивная оценка состояния ученого во время испытания атомной бомбы делается с привлечением венаучного знания, дошедшего до нас из глубины веков. Примечательно, что существуют и другие варианты перевода этой фразы, где слово *kala* означает не *Death* - «смерть», а *Time* - «время»: «*I am terrible Time, the destroyer of all beings in all worlds*» [11], то есть согласно данному философскому учению, время синонимично смерти и разрушению.

В современном языке перфектные конструкции с бытийным глаголом функционируют лишь с ограниченным набором знаменательных глаголов. Это переходные глаголы *to do*, *to finish* и непереходный глагол *to go* (КОНСТРУКЦИЯ: *be done*, *be finished*, *be gone*; ПЕРЕВОД: сделать, закончить, уйти / уехать / пропасть; МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (III): «являться сделавшим, закончившим, ушедшим / уехавшим / пропавшим»). В модели III для переходных глаголов вместо страдательного причастия прошедшего времени (как в модели I) используется действительное причастие прошедшего времени (по модели II).

Таким образом, рассмотренные в статье перфектные конструкции обуславливают референцию к субъекту действия и служат для закрепления за действующим лицом определенного статуса, конкретизированного причастием II, или объекта с конкретным признаком, выраженным причастием прошедшего времени. Само действие в перфекте превращается в признак объекта, также рассматриваемый как обладаемое, связанное с субъектом-обладателем вневременной и постоянной посессивной связью, что придает действию свойства абсолютности и бесконечности. В ходе интерпретации и поиска инвариантного значения перфекта метаязыковые модели помогают восполнить смысловые лакуны, связанные с десемантизацией глагола обладания в составе перфектной конструкции и ее грамматикализацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
2. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том III. Издание 2-е. СПб.: Пушкинский фонд, 1998.
3. Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М., 2000.
4. Репринцева М. А. К вопросу о системной организации "наивного" метаязыка (на примере модели причастия и деепричастия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2010.
5. Dawn T. Divine Inspirations: From My Soul to Yours. Bloomington: Bilboa Press, 2012.
6. Dickens Ch. David Copperfield. Chatham: Wordsworth Editions Ltd, 1992.
7. Hijiya, J. A. The Gita of Robert Oppenheimer // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 144, No. 2, June 2000.
8. Maugham S. Theatre. London: Vintage, 2001.
9. Shaw G. B. Getting Married // Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/files/5604/5604-h/5604-h.htm> (дата обращения 24.03.2019).
10. Shaw I. The Young Lions // Google Books. URL: <https://books.google.ru/books?id=baJMV9qRvoQC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 24.03.2019).
11. Srimad Bhagavad Gita, Chapter 11, Verse 32. URL: <http://www.bhagavad-gita.org/Gita/verse-11-30.html> (дата обращения: 24.03.2019).

Bakhmet O.V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

THE ENTRY OF ETERNITY INTO TIME: METALINGUISTIC REPRESENTATION OF THE ENGLISH PERFECT

In the proposed article the metalinguistic models of the Present Perfect Tense in the English language are worked out. Such models seem to be important in regards to their potential to unveil the intrinsic meaning of the Perfect that carries the implications of possessiveness.

Time, present perfect tense, English language, metalanguage, metalinguistic model, possessiveness

УДК 81'42

Е. П. Корчагина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
katherinekorch@gmail.com*

НЕЙМИНГ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОБЪЕКТОВ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

В настоящей статье рассматривается дискурс как речевой инструмент рекламы, представленный в форме языковых единиц, возникших в процессе нейминга – одного из современных явлений номинации. Нейминг изучается с точки зрения различных аспектов: как акт творения новых языковых единиц, а также как процесс формирования краткого речевого произведения, выполняющего определённую коммуникативную функцию. В качестве материала исследования использовались названия гостиниц Санкт-Петербурга.

Дискурс, нейминг, теория номинации

На сегодняшний день можно смело утверждать, что изучение такого языкового феномена, как дискурс, определение его особенностей и границ – одно из актуальных направлений современной лингвистики. На данный момент было дано множество определений этого понятия, в связи с чем можно сделать вывод о том, что дискурс – явление многогранное и требует комплексного

подхода при его исследовании. В настоящей статье мы сосредоточились на изучении дискурса, выполняющего функцию речевого инструмента рекламы применительно к такому явлению современного делового мира, как нейминг. В ходе работы нейминг исследовался на примере названий объектов гостевой индустрии Санкт-Петербурга. Всего было проанализировано 155 единиц.

Понятие «нейминг» возникло сравнительно недавно и является важным и актуальным этапом в основании и ведении бизнеса – Интернет предлагает огромное количество веб-страниц, содержащих руководства, правила, советы экспертов по проблеме грамотного создания бренда, звучного и броского названия компании, издаются новые пособия и книги с практическими рекомендациями. Термин «нейминг» определяется как «профессиональная деятельность по имяобразованию, представляющая собой подбор (поиск, придумывание) подходящего наименования для всего того, что с точки зрения заказчика нуждается в собственном оригинальном имени» [2]. Таким образом, в результате процесса нейминга возникают языковые единицы (далее – единицы нейминга), представляющие собой имена собственные и выражающие принадлежность объекта, получившего то или иное название, к конкретному бренду, то есть, иными словами, осуществляется номинация данного объекта.

Сам процесс номинации является непрерывным, поскольку в жизни человека постоянно возникают новые реалии, которым требуется дать имя, будь то возникновение нового концепта или поиск более удачного эквивалента для заимствованного слова [6, с. 2505-2506]. Однако лексические единицы, полученные в процессе нейминга, всегда образованы в ходе вторичной номинации, то есть из уже имеющихся лексем. Здесь следует также отметить ещё одну особенность нейминга, а именно целенаправленность, ориентацию на результат. Это обусловлено тем, что нейминг представляет собой деятельность, направленную на создание языковой единицы, обладающей определёнными особенностями (броскость, оригинальность). Это отличает конечные слова и словосочетания от единиц, полученных в процессе номинации как таковой, необходимой в первую очередь для присвоения языковой формы тому или иному концепту. Нейминг никогда не бывает стихийным.

В данной статье единицы нейминга рассматриваются как одна из форм дискурса, в частности дискурса рекламы. Говоря о дискурсе в рамках исследуемой темы, следует в первую очередь обратить внимание на проблему разграничения таких явлений, как дискурс и текст. Данный вопрос представляется важным, поскольку единицы нейминга с формальной точки зрения представляют собой лексические единицы, состоящие всего лишь из нескольких слов (в среднем от одного до пяти). Поэтому одной из проблем, рассматривающихся в настоящей статье, является возможность отнесения данных единиц к дискурсу как таковому. С другой стороны единицы нейминга в первую очередь имеют письменную форму и не являются непосредственно устным речевым произведением.

По мнению швейцарского лингвиста П. Серио дискурс – это и эквивалент речи, и, с точки зрения формального подхода, «единица, по размеру

превосходящая фразу», и воздействие высказывания на получателя (перлокутивный аспект речевого произведения) [4, с. 26]. Однако в современной науке речь понимается не только как устная, но и как письменная [3, с. 13]. Поэтому нельзя соотносить дискурс исключительно с устными проявлениями речевой деятельности. В процессе речи с языковой точки зрения формируется речевое произведение – текст, зафиксированный письменно, либо устный: «лингвисты обозначают этим термином не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное (всё равно – записанное или только произнесённое) речевое произведение любой протяжённости» [3, с. 13]. То есть дискурс может быть записан в виде текста. По большому счёту дискурс содержит в себе текст как составной элемент [1, с. 4], поэтому дискурс представляет собой процесс формирования текста в ходе коммуникации, а текст является конечным этапом в дискурсивном произведении. Здесь возникает вопрос – можно ли считать дискурсом произведение состоящее из такого малого количества элементов, поскольку единица нейминга не превосходит фразу по размеру? Данная особенность дискурса существенно усложняет характеристики единиц нейминга как дискурсивных произведений. Однако поскольку некоторые лингвисты, как указано выше, рассматривают дискурс как речевое произведение и конечный текст любой протяжённости, мы предлагаем ввести понятие «нейминг-дискурс» как особую форму микродискурса, поскольку языковые единицы, формирующиеся в процессе нейминга обладают многими признаками дискурса как такового и рекламного дискурса в частности.

В чём же заключаются дискурсивные признаки единиц нейминг-дискурса? Поскольку нейминг – это целый ряд процессов по созданию наименования, можно в первую очередь подчеркнуть присущую полученной единице совокупность лингвистических и экстралингвистических особенностей. «Нейминг – первая и базовая часть создания словесно-графического знака и в целом фирменного стиля. За ним следует разработка визуальной концепции и др. Общие требования к названию – это точность, ёмкость, краткость, эмоциональность и благозвучие, а также уникальность и лёгкость идентификации» [2]. То есть, работа по созданию «громкого названия» включает в себя не только собственно номинацию, но и проработку таких вопросов, как визуальная подача и оформленность бренда, заключающаяся не только в графическом выражении, но и в формировании языковой единицы таким образом, чтобы ею достигалась определённая цель – привлечение клиентов, поддержка конкурентоспособности компании на должном уровне и т. д.

Кроме того, необходимо обратить внимание на диалогичность единиц нейминга, что также свойственно дискурсу. Как и любое дискурсивное произведение, они обладают адресантом (компания-владелец бизнеса, заказчик нейминг-услуг и пр.), и адресатом, представленным целевой аудиторией объекта номинации (в нашем случае клиентами, заинтересованными в проживании в гостиницах). Несмотря на то, что данный вид дискурсивных произведений по

своей форме представляет собой монолог, он всё равно диалогичен, хотя и имплицитно. В данном случае «дискурс предполагает и создает своего рода идеального адресата», то есть обращён к некому обобщённому адресату [5, с. 41], то есть к потенциальному клиенту, благодаря чему единицы нейминга вовлечены в конкретную коммуникативную ситуацию и успешно выполняют коммуникативную функцию. При этом название компании-адресанта призвано вызывать «у потребителя вполне определенные ассоциации. Если эти ассоциации никак не соотносятся с бизнес-стратегией фирмы, декларируемыми и реализуемыми ею отношениями с потребителями, то деньги, вложенные в коммуникации с ними, тратятся впустую, если не во вред, вызывая отторжение клиентов» [2], в результате чего происходит коммуникативная неудача. Таким образом, единица нейминга, как и любое речевое действие, обладает локутивным, иллокутивным и перлокутивным компонентами, выделенными ещё Дж. Остином. Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что единица нейминга всегда подразумевает двусторонний процесс общения (передачу сообщения и его восприятие), в нём задействованы как минимум два участника-коммуниканта (компания – потребитель), и, наконец, она имеет языковую форму (используемые при его построении языковые единицы), цель (намерение, интенция) и результат – воздействие на адресата, то есть локутивную, иллокутивную и перлокутивную составляющие.

Для анализа единиц нейминга было отобрано 155 названий гостиниц, отелей, апарт-отелей и хостелов Санкт-Петербурга разного уровня и ценовой категории методом случайной выборки из базы объектов гостиничной индустрии Booking.com. В первую очередь рассмотрим полученные единицы нейминга с точки зрения семантической нагрузки, которую специалисты хотели вложить в название. Среди проанализированных единиц можно выделить следующие основные смысловые тенденции:

1) отели, относящиеся к крупным международным сетям и носящие их название (**10** единиц – **7 %**, пример: *Kempinski Moika 22*);

2) названия, связанные со сферой бизнеса, в рамках которого функционирует данный объект – лексемы *отель, гостиница, хостел, hotel, inn, гостевой дом* и пр. (**114** единиц – **74 %**, примеры: *Metropolis Hotel, Nautilus Inn, Арт Отель Карелия*);

3) названия, указывающие местоположение объекта (**71** единица – **47 %**). Среди них можно выделить следующие подгруппы: а) явное указание на местоположение через топонимы – названия улиц и площадей (*Номера на Гончарной*), названия достопримечательностей (*Solo Sokos Hotel Palace Bridge*), а также топонимика региона (*Арт Отель Карелия*); б) косвенное указание на местоположение (**5** единиц), например, *Северный Модерн* – отсылка на архитектурный стиль, преобладающий на Петроградской стороне, *Best Corner* – «лучший угол», можно рассматривать как лучший из знаменитых «Пяти углов». Большое количество единиц нейминга содержит название города, в котором находятся объекты (Санкт-Петербург, Питер, Петерштадт) – всего **17** единиц;

4) названия, содержащие значения *гостеприимство, дружелюбие* (5 единиц – 3 %, примеры: *Друзья на Фонтанке, WELCOME*);

5) названия, в которых основной упор делается на комфорт и удобство (4 единицы – 2,5 %, примеры: *Комфорт на Чехова, Comfort Line*);

6) названия, содержащие фамилии известных деятелей культуры и искусства, проживавших в Санкт-Петербурге (примеры: *Гоголь Хауз, Дом Чайковского*), а также различных исторических личностей (*Marco Polo Saint Petersburg Hotel* – ассоциативный ряд «путешественник», «путешествие») – всего 13 единиц (9 %);

7) концепты *роскошный, лучший* и т.п. (20 единиц – 13 %, примеры: *Бутик-отель Золотой Треугольник, Radisson Royal Hotel, Бутик Отель Дворец Трезини*), в подавляющем большинстве случаев распространены среди названий отелей 4-5 звёзд;

8) различные варианты названий, броскость которых достигается благодаря оригинальности, нетипичным приёмам: использование чисел и дат (*5 rooms, 1852*), окончания -офф (*Отель Обуховф*), сокращений (*GhOtel*), игры слов (*Come Inn*), сленга (*Мини-отель ВПитер, Отель WOW*) – всего 18 единиц (12 %);

9) прочие средства выразительности, такие как эпитеты и метафоры, служащие для создания яркого названия, которые невозможно отнести ни к одной из перечисленных категорий. Данные названия призваны заинтересовать клиента вызываемым ассоциативным рядом, подчеркнуть особенность объекта, стилистическое оформление которого часто выполнено в соответствии с тематикой названия (57 единиц – 37 %, примеры: *Санфур, Вертикаль* (отсылка к внешнему виду и архитектурным особенностям здания), *Соната* (один из примеров использования музыкальных терминов в нейминге).

В рассматриваемых единицах нейминга часто сочетаются несколько категорий, поскольку основной задачей специалиста по созданию успешного бренда является передача максимального количества информации крайне ограниченными средствами (название объекта состоит из 2-5 слов наиболее распространены названия из 3 слов, подавляющее большинство – существительных в именительном падеже). Доминирующие категории, выполняющие иллокутивную функцию привлечения клиентов: 1) сфера бизнеса (отнесённость данного объекта к конкретной сфере услуг), 2) территориальная принадлежность (позволяет клиенту быстрее ориентироваться и установить местоположение объекта, его удалённость от центра, ближайшие достопримечательности и пр.), а также 3) использование различных средств языковой выразительности, эпитетов и метафор, чтобы выделить тот или иной объект среди прочих ему подобных, присвоить ему запоминающееся, особенное название.

Следует также обратить внимание на язык, использующийся при формировании названия бренда. Большая часть названий составлены на русском языке (98 единиц, 63 %), однако английский язык также образует существенную долю наименований (57 единиц, 37 %, включая лексемы,

переведённые на русский посредством транслиерации). Использование английского языка может быть следующими факторами: 1) привлечение туристов из-за рубежа и расширение охвата целевой аудитории; 2) создание яркого названия в связи с современными тенденциями внедрения англоязычных заимствований и форм в русский язык под влиянием в том числе моды; 3) названия международных сетей, сохраняющих особенности оригинальных имён и т.д.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что нейминг-дискурс, действительно, выделяется как отдельный, особый тип рекламного дискурса. Он отличается краткостью формы, внешней диалогичностью, преимуществом письменной формы над устной, а также ограниченным функционалом, но тем не менее обладает целым рядом дискурсивных признаков и особенностей. По нашему мнению, данная проблема требует дальнейшего более глубокого изучения, поскольку сам вопрос создания ярких брендов и названий – сравнительно новое направление в современном бизнесе, и более подробные исследования смогут, в том числе, способствовать совершенствованию данной процедуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2003.
2. Маркетинг. Большой толковый словарь. URL: <http://vocable.ru/slovari/marketing-bolshoi-tolkovyi-slovar-.html> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учебник для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
4. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
5. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – с. 35–73 (отрывок, раздел 1 «Дискурс» – с. 36–45).
6. Ягафарова Г. Н. О факторах, влияющих на процесс номинации в языке // Фундаментальные исследования Пенза, 2014, №12-11 [с. 2505-2508].

Korchagina, E. P.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

NAMING AS A PROCESS OF BRIEF ADVERTISING DISCOURSE CREATION ON THE EXAMPLES OF HOTEL INDUSTRY NAMES

This article is dedicated to the studies of discourse phenomenon, which fulfills the function of advertising tool in the field of naming problem. Naming is researched from various points of view, including the creation of new lexical items, as well as speech acts with a particular communicative role. The studies of naming discourse issues are based on the analysis of hotel industry brands of Saint Petersburg.

Discourse, naming, nomination theory

УДК 811.111

М. Л. Лисецкий

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
mikhail.liset@gmail.com*

А. Л. Сопина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
alsopina@gmail.com*

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ РОБОТОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: FRIEND OR FOE

Рассматривается явление метафорической концептуализации понятия «robot» в современном английском публицистическом дискурсе. Обнаруживается вариация в персонификации роботов, которая говорит о потребности в осмыслении роли и места роботов в обществе. Появление в дискурсе таких конкурирующих концептуальных метафор, как РОБОТ – ПОДЧИНЕННЫЙ, РОБОТ – ДРУГ и РОБОТ – ВРАГ, говорит о неопределенности позиций общества по отношению к роботам в целом.

Концептуальная метафора, дискурс анализ, робот, область-источник, персонификация

На протяжении всей своей истории человечество пыталось создать орудия и механизмы, которые позволили бы облегчить людям их повседневную жизнь. Последним витком реализации данного желания можно назвать развитие робототехнической промышленности. Роботы уже несколько десятилетий стоят на службе у человека, а именно выполняют тяжелую, монотонную работу на самых разных производствах. Однако сегодня роботы все активнее используются людьми в повседневной жизни. Разрабатываются роботы няни, садовники, курьеры, уборщики, спасатели и даже музыканты и писатели, устраиваются спортивные соревнования роботов, и проходит их обучение командному взаимодействию. Такие изменения в социуме не могут не отразиться в языке. Чтобы определить то, как человек воспринимает данные изменения и каким образом концептуализирует такое новое для повседневной жизни явление как робот, представляется целесообразным обратиться к публицистическому дискурсу.

Как заметил Х. Ортега-и-Гассет в своем эссе к двухсотлетию Иммануила Канта: «метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и недостижимого» [2, с. 2]. Такое понимание метафоры, предложенное уже в начале 20 века испанским мыслителем, отражает представления о роли метафоры в языке современной когнитивной лингвистики. Метафора является не столько языковым приемом, сколько инструментом познания абстрактных понятий. В 80-е годы XX столетия Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем» развивают данную идею в теорию концептуальной метафоры [1]. В основе этой теории лежит утверждение о том, что процесс метафоризации играет важную роль в осмыслении человеком действительности, и метафоры, обнаруживаемые в языке, являются не просто средовым усилением выразительности речи, а отражением мыслительной деятельности. Суть метафоры – «это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [1, с. 128]. В результате процесса метафоризации происходит взаимодействие двух структур знаний – когнитивной области-источника и когнитивной области-цели, а именно высвечивание характерных черт первой и их наложение на вторую. Так некое сложное и абстрактное понятие приобретает конкретные очертания и становится ясным. То, каким образом концептуализируется то или иное понятие может меняться в зависимости от языковой ситуации, культурных конвенций и личных представлений говорящего. В связи с этим методы теории концептуальной метафоры стали широко применяться не только непосредственно в когнитивной лингвистике для выявления связи языка и мышления, но и в исследованиях дискурса.

В настоящей статье приводятся результаты анализа особенностей метафорической концептуализации роботов в 10 последних аналитических статьях общим объемом 11490 слов, опубликованных электронным информационным сервисом BBC Future (<http://www.bbc.com/future>),

посвященным вопросам современных технологий в различных областях и исследованию мировых социальных тенденций.

В Оксфордском словаре дается следующее определение лексемы «robot»: «a machine capable of carrying out a complex series of actions automatically, especially one programmable by a computer» [3]. При этом отмечается, что слово происходит от чешского слова «robota», означающего подневольный труд. Механизм (или машина), управляемая компьютером, не обладает мышлением как таковым, а выполняет действия, заданные определенным алгоритмом или являющиеся результатом определённых вычислений. В связи с этим закономерно представление роботов в речи как объектов, и в частности компьютеров, с которыми можно производить какие-либо манипуляции (robots can be used, social robots being hacked, robots are programmed to), оценивать их пользу (the potential benefits of social robots). Такой взгляд не подразумевает наличия у объекта независимого мышления и интенции, а значит, способности самостоятельно действовать и принимать решения вне заданной программы.

Однако анализ показал, что концептуализация роботов в публицистическом дискурсе, затрагивающем проблемы робототехники, достаточно неоднородна. В 10 рассмотренных статьях было обнаружено более 100 случаев персонификации роботов.

Корпус робота и его детали часто описываются в терминах частей человеческого тела (the arm of bomb disposal robots, providing bomb disposal robots with greater manual dexterity, behind those robotic eyes, a humanoid robot with tracked legs, to replicate in robot brains, build a robot with humanlike anatomy, [robot] has a thermoplastic skeleton complete with vertebrae, phalanges, and a ribcage). Перемещение роботов в пространстве описывается как ходьба, а движения механических частей как жесты ([robot] is roaming the Red Planet's surface). Кроме того, машине приписывается способность чувствовать, как живой организм (robot is tasked with sniffing out explosives). Непрерывающееся совершенствование технических разработок представляется в дискурсе как взросление живого организма (robots will finally make baby steps toward greater autonomy, the machine was born, is alive, and is now dying, machine is alive), а также как движение вперед, так что метафора LIFE IS JOURNEY оказывается актуальной и для описания развития роботов (robots have taken huge strides since then, social robots are coming). Поскольку роботы быстро становятся частью общества, неудивительно то, что большое внимание уделяется возможностям взаимодействия человека с роботом, которое описывается в терминах общения (sending selfies back to Earth, machines are talking about you behind your back, robots can retrieve information and ask for help, robots to respond to human gestures and speech, we are going to have to get more and more used to robots sharing our daily lives, robots need to recognise not just people but their emotions, most robots would not be fooled, [robot] made me realise). Технические параметры и характеристики машины описываются в терминах свойств личности (robots are already smarter than we are, a robot with human-like intelligence).

О том, что человеку свойственно осмыслять «опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик, и деятельности людей» [1, с. 59] было давно замечено. Как отмечает Дж. Лакофф, персонификация, то есть представление неодушевленных вещей, также как и абстрактных понятий, в качестве живых существ является неотъемлемой частью мыслительного процесса и одним из наиболее частотных вариантов метафорического переноса [1]. Однако в данном случае персонификация, как способ осмысления реальности, приобретает особую социальную важность, так как она направлена на определение места нового объекта в социуме. Как показало исследование, часто персонификация роботов не ограничена метафорой РОБОТ – ЧЕЛОВЕК, и область-источник приобретает более конкретное очертание, а именно указание на положение человека в обществе (более низкий по статусу), РОБОТ – СЛУГА/ПОДЧИНЕННЫЙ, или на отношение к человеку, а именно РОБОТ – ДРУГ или РОБОТ - ВРАГ.

Концептуальная метафора РОБОТ – СЛУГА/ПОДЧИНЕННЫЙ рождается из понимания роботов как созданий рук человеческих, целью существования которых является служение на благо человечества, что не позволяет им занимать то же социальное положение, что и человеку. В публицистическом дискурсе данная метафора реализуется в языковых выражениях, очерчивающих круг услуг, которые роботы могут предоставить, а также указывающих на принадлежность роботов хозяину (robots could look after us when we're old, robots can help an ageing population cope with, aside from all of that, robots have simply got better at managing our expectations, robots are like mechanical butlers, robots can be sacrificed, what will empower them [robots], robot caregivers can anticipate potential health problems, they [robots] need to fade into the background, and become part of the furniture, robots still seem like machines pretending to be humans, we all soon have sophisticated personal robots).

Иная концептуальная метафора, РОБОТ – ДРУГ, выражается в проявлении доверия к роботам (we can trust the robots, robot which made people want to talk to and open up to it, propensity to form bonds with machines). Более того, роботы воспринимаются как социально близкие человеку элементы способные стать настоящими друзьями (we will have robots that are friends and companions, our robotic chums, [robots] become enriching companions) или даже членами семьи (considering it [robot] as a member of the family as if it were a pet, treating them [robots] as extended members of the family, funerals for their robotic pet dogs).

Несмотря на то, что человек является непосредственным создателем роботов, и в данный момент основной предполагаемой задачей робототехники является создание робота равного или превосходящего человека по способностям (в любых сферах деятельности), развитие и закрепление достигнутых результатов в этой области часто понимается в терминах понятий «соревнование» и «война», где робот приобретает роль противника и восприниматься как угроза. Таким образом, дискурс наполняется лексикой

спортивной и военной тематики (we might be wary of the next robot frontier, Google's AlphaGo beat the Go world champion, BM's Deep Blue computer defeated world chess champion, the triumph of the robots will be complete, the machine wins this round, welcoming an army of social robots into our world). Не раз классики предвосхищали кризис, который может возникнуть при дальнейшем развитии робототехнической промышленности, при этом все же человек понимает, что этот процесс уже не остановить, что проявляется в языке. Показательным является вопрос: [are we ready for] the rise of social robots? Представление развития техники как ее «подъема» или «восстания» строится на таких базовых концептуальных метафорах, как HEALTH/LIFE ARE UP, CONSCIOUS IS UP, HAVING CONTROL IS UP, и указывает одновременно на повышающуюся автономность роботов, неотвратимость их появления в жизни человека, а также на их возрастающую силу. Ощущение потери контроля создает тревогу.

Таким образом, процесс персонификации не только высвечивает в понятии «робот» физиологическую схожесть машины с человеком, но и определяет ее социальную роль. В результате в дискурсивной практике создается противоречие, а именно входят в конфликт позиции РОБОТ – СЛУГА/ПОДЧИНЕННЫЙ, РОБОТ – ВРАГ и РОБОТ – ДРУГ/ЧЛЕН СЕМЬИ. Персонификация роботов и понимание их как равных человеку ведет к разработке таких документов, как «Robot bill of rights» (Билль о правах роботов), основной сутью которого является то, что человек должен нести моральную ответственность перед роботами. Если робот как личность несет ответственность перед человеком за выполнение своих задач, то он обретает личные права. При этом, как показал анализ, появление роботов в жизни человека влечет за собой определенные страхи, а именно боязнь невозможности справиться с силой, которая может вторгнуться в обыденную жизнь человека, что проявляется в концептуализации робота как чужака и врага. То или иное восприятие реалии определяет отношение к ней и способ взаимодействия с ней, что может определять вектор развития науки и разработок и то, каким образом общество будет использовать роботов, станут ли они полноправной частью общества или будут исполнять лишь ограниченные функции, как сегодняшняя бытовая техника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
2. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика Философия культуры. М.: Изд-во Искусство, 1991.
3. Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2019. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/robot> (дата обращения: 18.03.2019).

Lisetsky, M. L.; Sopina, A. L.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

FRIEND OR FOE: PERSONIFICATION OF ROBOTS IN MEDIA DISCOURSE

The article explores metaphorical conceptualization of robots in modern English media discourse. Variation in personification of robots indicates the need for understanding the role and place of robots in the society. The presence of such competing conceptual metaphors as ROBOT IS SERVANT, ROBOT IS FRIEND and ROBOT IS ENEMY in media discourse reveals the uncertainty regarding the social status of robots in general.

Conceptual metaphor, discourse analysis, robot, source domain, personification

УДК 81-115

И. В. Ляпин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
ivlyapin@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ МИРА ПРИРОДЫ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ 'LANDSLIDE' И 'AVALANCHE')

Настоящая статья посвящена рассмотрению и анализу концептуальных метафор, относящихся к миру природы, в английской и русской языковых картинах мира. В работе приводятся определения языковой картины мира, концептуальной метафоры и образной парадигмы. В статье также проводится сравнительно-сопоставительный анализ концептуальных метафор, содержащих компоненты 'landslide' (оползень) и 'avalanche' (лаваина) в английской и русской языковых картинах мира.

Языковая картина мира, сравнительный анализ, концептуальная метафора, образная парадигма

Вопросы, касающиеся образных парадигм и языковых картин мира, являются чрезвычайно актуальными в современной лингвистике. В данном

докладе ставится задача выявления образных мыслительных закономерностей, свойственных носителям русского и английского языков, с целью более глубокого понимания национально-культурных символов, стереотипов, менталитета и специфики коммуникативного поведения представителей рассматриваемых культур.

Поскольку данное исследование выполнено на стыке культурологии и когнитивной лингвистики, представляется необходимым выделить из категориального аппарата рассматриваемых наук несколько смежных основополагающих понятий. Прежде всего, это языковая картина мира, концептуальная метафора и образная парадигма.

Понятие «языковая картина мира» изучается лингвистами уже не один десяток лет. Согласно А. А. Джигоевой, языковая картина мира – «это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [1, с. 10].

Каждый человек, принадлежащий к той или иной национальной культуре, обладает знаниями о мире, которые представлены через язык. Наиболее ярко процесс языкового воплощения знаний человека о мире проявляется в образных средствах языка, в семантике которых заложено уподобление различных объектов окружающей действительности по принципу аналогии. Поэтому особый интерес для настоящего исследования представляет понятие «концептуальная метафора».

Первыми концептуальную метафору описали Джордж Лакофф и Марк Джонсон в работе «Metaphors We Live by». Основные тезисы, которые выдвигали исследователи, заключаются в том, что метафора — это не просто способ украшения речи, а один из основных инструментов познания, объяснения и структурирования окружающего мира. По мнению авторов, «суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [3, с. 7]. Посредством метафоры свойства одного объекта рассматриваются через свойства другого объекта, чьим именем он назван. Перенос понятий из одной сферы в другую – это не только проявление гибкости человеческого разума, но и необходимость для самого постижения действительности.

Концептуальная метафора, являясь универсальным орудием мышления и познания мира, входит в качестве отдельного компонента в более общее понятие «образная парадигма». Подробное описание данного явления впервые встречается в монографии Н. В. Павлович «Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке». Под образной парадигмой понимается «как сам инвариант, так и множество образов, в которых он реализуется» [5, с. 12]. Под инвариантом образа понимается «сложный смысл $X \rightarrow Y$, где X и Y – понятия, находящиеся в отношении противоречия, а стрелка показывает направление отождествления. При этом X и Y являются инвариантами лексических рядов» [5, с. 12]. Левый компонент образной парадигмы – то, что отождествляется (X), принято также называть референтом. То, с чем

происходит отождествление, т.е. правый компонент парадигмы, называется агентом. Понимание образного языка во многом строится на восприятии реципиентом больших и малых парадигм. По мнению Н. В. Павлович, большие парадигмы представляют собой языковые универсалии, общие для словесного образного искусства разных культур. Например, вода → живое существо. В то время как малые парадигмы отражают специфику и своеобразие культур. Таким образом, изучение образных парадигм представляется весьма значимым, так как позволяет глубже понять язык в его динамике, получить наиболее полное представление о его своеобразии и образном потенциале.

В настоящей работе проводится сравнение существующих концептуальных метафор, содержащих лексику *landslide* (оползень) и *storm* (буря) в английской и русской языковых картинах мира на материале словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary, Современного толкового словаря русского языка Т. Ф. Ефремовой, а также фрагментов The British National Corpus и Национального корпуса русского языка. Рассматриваемые метафоры входят составной частью в образные парадигмы с правым компонентом «стихийное бедствие».

В словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary приведены следующие определения понятия *landslide*:

1. a mass of earth, rock, etc. that falls down the slope of a mountain or a cliff.
2. an election in which one person or party gets very many more votes than the other people or parties [7].

В современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой предлагаются следующие определения существительного «оползень»:

1. Смещение, скольжение вниз по склону массы горной породы.
2. Опустившаяся в результате смещения часть горной породы [2].

Несмотря на то, что первичные номинации данных явлений в обоих языках совпадают, английская лексема *landslide* обладает рядом специфических коннотаций, не характерных для русской лексики оползень.

Словарная статья под номером два в OALD отражает метафорическое использование единицы, обозначающей стихийное бедствие, в политическом дискурсе. В данном случае, победа на выборах абсолютным большинством голосов сравнивается с сокрушительным воздействием масс земли и камней, которые, обрушиваясь, захватывают все на своем пути. Одной из причин подобной победы на выборах может являться, так называемый, эффект присоединения к большинству (a bandwagon effect) – форма группового мышления, проявляющаяся в том, что популярность определённых убеждений увеличивается по мере того, как их принимает всё больше людей.

*Official Romanian election results have confirmed a **landslide** win for President Ion Iliescu and his National Salvation Front* [6]

Дальнейший анализ британского национального корпуса показал, что образный потенциал слова *landslide* не ограничивается использованием лишь в политическом дискурсе. В частности, весьма распространено использование

данной языковой единицы в рамках спортивного комментария с аналогичным значением полной победы над противником:

They are two points behind Portadown and would need to beat City of Derby by a **landslide** in their final match [6].

Таким образом, приведенные примеры позволяют сформулировать специфическую для английской языковой картины мира метафорическую модель TRIUMPH – LANDSLIDE, которая является частью образной парадигмы TRIUMPH – NATURAL DISASTER.

Рассматриваемая английская лексема обладает весьма широким спектром метафорических значений. Оползень как природное явление представляет собой сдвиг значительных масс земли. Данная характеристика является ключевой для метафорического переноса со значением «большое количество чего-либо»:

*At the County Ground the swindon fans were ready for a runaway win; ready for a **landslide** of goals, after Nicky Summerbee went and won a penalty in the opening minutes [6].*

*It is about as impenetrable as any dispute in the European Community can get, but it threatens either to seriously weaken the edifice of Project 1992' or at least to bury businessmen under a **landslide** of new paperwork [6].*

Метафора GREAT AMOUNT OF SOMETHING – LANDSLIDE является репрезентативом образной парадигмы GREAT AMOUNT OF SOMETHING – NATURAL DISASTER, которая является универсальной для обеих рассматриваемых картин мира.

Анализ фактического материала на базе национального корпуса русского языка показал, что лексема оползень очень слабо представлена во вторичной номинации. Возможной причиной этому может быть преимущественно равнинный рельеф на территории России. Однако, в русском языке существует близкая по значению лексическая единица лавина, обладающая значительно большим образным потенциалом и вариативностью вторичных номинаций, нежели лексема оползень.

*На них наваливалась **лавина** людей, враз потерявших всё [4].*

В словаре Т.Ф. Ефремовой приводится характерное определение слова лавина, содержащее помимо основного, два переносных значения, одно из которых соответствует вышеприведенной концептуальной метафоре. Лавина – это:

1.
 1. Масса снега, воды и т.п., низвергающаяся с высоты.
 2. перен. Стремительно, неудержимо движущаяся масса кого-л., чего-л.
2. перен. что-л. нарастающее, скапливающееся в большом количестве [2].

Таким образом, можно говорить о существовании метафоры БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ЧЕГО-ТО – ЛАВИНА как части образной парадигмы БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ЧЕГО-ТО – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ в русской лингвокультуре.

Лавина и оползень – явления, похожие по своей природе. Оба обозначают некую массу, стремительно и в большом количестве низвергающуюся с гор или возвышенностей. Интенсивность данных природных явлений актуализируются в следующих метафорах:

*Sometimes he fell in a **landslide** on Finn, clouting him round the head over the dinner table when Finn's insouciant insolence went too far* [6].

*Я верю и не верю тебе, меня пугает **лавина** моих чувств, я могу не устоять, меня пронзит или сметет вечной болью, если я не приму противоядие* [4].

Таким образом, рассматриваемые языковые единицы могут служить обозначением выражения бурных эмоций. На основании приведенных примеров, можно сформулировать метафорическую модель EMOTION (ЭМОЦИЯ) – LANDSLIDE (ЛАВИНА), которая, являясь универсальной для английской и русской языковых картин мира, входит составной частью в образную парадигму ЭМОЦИЯ – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ.

Активизируются не только признаки масштабности и интенсивности данного явления, но также стремительность, с которой происходит сход снежных масс, и его непредсказуемый характер.

*Слова Сопровского были одновременно и поступки: они обрушивались на тебя как **лавина*** [4].

Данная характеристика так же является одной из ключевых для английского эквивалента слова лавина – ‘avalanche’. В словаре OALD даются следующие определения данного понятия:

1 A mass of snow, ice, and rocks falling rapidly down a mountainside.

1.1 A large mass of mud or other material moving rapidly downhill.

‘an avalanche of mud’

2 A sudden arrival or occurrence of something in overwhelming quantities.

‘we have had an avalanche of applications for the post’ [7].

Для вторичной номинации в английской языковой картине мира обязательным компонентом является огромное (overwhelming) количество предметов или явлений, происходящих внезапно, в то время как для русской лексемы данное условие не является обязательным. Сравним:

‘Morgan's head spins from the sudden avalanche of words’ [6].

*Ситуация развивается как **лавина**. В четверг я была в школе и управлении образования* [4].

При этом общим является наличие негативной коннотации и отсутствие лексической сочетаемости с лексемами, обозначающими положительные явления.

‘I have had a sudden avalanche of e-mails, just at a time when I'm struggling to finish a script’ [6].

***Лавина** беззакония не обрушилась на нас из ниоткуда* [4].

Таким образом, можно констатировать факт наличия концептуальной метафоры, общей для обеих рассматриваемых лингвокультур: SUDDEN

TROUBLE – AVALANCHE (ВНЕЗАПНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ – ЛАВИНА), являющейся репрезентативом парадигмы TROUBLE – NATURAL DISASTER.

Заслуживает внимания тот факт, что английские лексемы *landslide* и *avalanche* обладают схожими вторичными номинативными функциями и могут использоваться синонимично. Например, в нижеприведённом примере соблюдается метафора TRIUMPH – NATURAL DISASTER:

Oxford though can be their own worst enemies when they let in soft goals like these, Tony Henley the scorer. Mind you Oxford should have won by an **avalanche** [6].

Следующий пример отражает метафорическую модель GREAT AMOUNT OF SOMETHING – NATURAL DISASTER.

On top of that, Wright has his England future to worry about because much as he may look forward to an **avalanche** of goals against San Marino in February, first he must ensure his presence in the team, then be in control of himself when the chances come [6].

Таким образом, в результате анализа переносных номинаций стихийных бедствий *landslide* (оползень) и *avalanche* (лавины) были выявлены следующие образные парадигмы:

TRIUMPH – NATURAL DISASTER.

GREAT AMOUNT OF SOMETHING – NATURAL DISASTER.

EMOTION – NATURAL DISASTER.

TROUBLE – NATURAL DISASTER

Проведенный анализ четырех попарно эквивалентных лексических единиц позволил обнаружить как универсальные, так и этноспецифические образные парадигмы в рассматриваемых языковых картинах мира, внутри которых выявляются универсальные и алломорфные метафорические модели, актуализирующие географические, природные и исторические факторы, типичные для сопоставляемых лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джигоева А. А. Английская номинативность и картина мира. – RuScience Москва, 2016. – 206 с.
2. Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. — М.: АСТ, 2010. — 699 с.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – ЛКИ, 2008. – 256 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2019).
5. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. — М.: URSS, 2004. — 457 с.
6. British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 10.02.2019).

7. Oxford Online English Dictionary. URL:
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>

Lyapin, I. V.

Nizhny Novgorod State Linguistics University

CONCEPTUAL METAPHORS OF NATURAL WORLD IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEWS (BASED ON THE ANALYSIS OF THE LEXICAL UNITS 'LANDSLIDE' AND 'AVALANCHE')

The article is devoted to the examination and analysis of conceptual metaphors related to the natural world in English and Russian worldviews. The article gives the definition of language worldview, conceptual metaphor, and image paradigm. Also the article presents a comparative analysis of English and Russian conceptual metaphors, related to the target lexical units 'flood' and 'storm'.

Language worldview, comparative analysis, conceptual metaphor, image paradigm

УДК 81.367.32

Л. В. Носкина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В.И. Ульянова (Ленина),
leti-inyaz@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА И ПОНЯТИИ РЕФЕРЕНЦИИ

Исследуются основные вопросы теории референции. Особое внимание уделено взаимосвязи коммуникативной организации высказывания с формированием референциального статуса языкового элемента.

Референция, прагматика коммуникативного акта, данное/новое

Понятия данного/нового, отражающие коммуникативную организацию высказывания, тесно связаны с явлением референции, и под этим углом зрения, а именно в аспекте соотношения передачи языковым элементом данного/нового

и приобретения им референциального статуса и исследуются в данной статье вопросы теории референции.

Суть теории референции состоит в установлении соотнесенности языковых элементов с внеязыковыми объектами.

Основные положения этой теории были разработаны в русле логической семантики Б. Расселом, который связывал вопрос референтности имени с проблемой истинности высказывания [10, с. 95–111]. Б. Рассел разработал типологию именуемых выражений, в основу которой положен принцип разграничения имен собственных и дескрипций, причем последние, как было установлено, неоднородны и подразделяются в свою очередь на определенные и неопределенные дескрипции в зависимости от того, обозначают ли они единичный объект или допускают отнесенность к разным объектам.

Исследуя проблему определенных дескрипций, Б. Рассел пришел к выводу, что в позиции субъекта такая дескрипция обязательно содержит предпосылку о существовании предмета и его единичности. В случае же невыполнения этих условий, по мнению Б. Рассела, следует считать ложным все предложение, содержащее данную дескрипцию.

Однако другой подход к рассмотрению референции, а именно изучение этого явления в коммуникативно-прагматическом аспекте позволил исследователям поставить под сомнение вышеупомянутый вывод Б. Рассела [5, 7]. Так, согласно точке зрения П. Стросона, для установления референциальной соотнесенности именного выражения необходимо отличать предложение от употребления предложения и именное выражение от употребления этого выражения, поскольку решающее значение приобретает та коммуникативная ситуация, в условиях которой осуществляется референциальный акт.

По мнению сторонников прагматического направления, на формирование референциального статуса языкового элемента существенное влияние оказывает учет таких факторов как намерение говорящего, фонд знаний собеседников [5]. Понятие референции, как считают эти исследователи, характеризуется следующими условиями: 1) существует один, и только один, объект, к которому приложимо употребляемое говорящим выражение; 2) употребленное говорящим выражение должно предоставлять слушающему достаточные средства для идентификации объекта.

Введение прагматических факторов в логическую интерпретацию высказывания позволило подойти с других позиций к проблеме неопределенных дескрипций. Так, Б. Рассел считал предложения с неопределенными дескрипциями "a so and so" экзистенциальными, т.е. включающими утверждение о существовании предметов. Однако, по его мнению, такие предложения не имплицируют идентичности предмета.

Иное осмысление содержания неопределенных дескрипций было предложено, в частности, П. Стросоном, который утверждает, что неопределенные дескрипции так же, как и определенные заключают в себе указание на единичный предмет. Различие же между данными дескрипциями

П. Стросон усматривает в том, что определенные дескрипции, включающие определенный артикль "the", сигнализируют о предварительной информированности адресата об объекте, обозначенном именным выражением. Неопределенные дескрипции, содержащие неопределенный артикль "a", используются в случае, если говорящий не ставит своей целью идентифицировать объект для слушающего.

Подобные взгляды характерны и для З. Вендлера, относящего к идентифицирующим такие предложения, которые всегда могут быть трансформированы в экзистенциальные путем порождения ограничительного придаточного, например: I see a house — There is a house I see [4].

Аналогичная точка зрения на природу неопределенных дескрипций приводится и в работах И. Беллерт. Анализируя высказывания типа "Один мужчина женился после девяноста лет" ("A certain man has got married in his nineties"), И. Беллерт отмечает, что адекватная интерпретация таких высказываний предполагает, что имеется в виду единственный объект, о котором говорит отправитель сообщения, обладающий некоторым свойством [3, с. 197–198] Такой объект однозначно определяется только через интенцию говорящего, т.е. имплицитно.

Итак, исследователи, учитывающие прагматический аспект в теории референции, рассматривают неопределенные дескрипции как показатели различной осведомленности коммуникантов об объекте высказывания. Подобная трактовка данных дескрипций позволяет утверждать, что, невзирая на форму выражения, неопределенные дескрипции так же, как и определенные, способны приобретать референциальный статус.

Дальнейшее исследование неопределённых дескрипций показало их семантическую неоднородность, что, в частности, было отмечено С.Куно, который дифференцировал неопределенные дескрипции, выделив среди них четыре вида: конкретную, неконкретную, родовую и качественную [9, с. 348–373].

Под конкретной референцией понимается отнесенность к единичному предмету, известному говорящему, например: I met a doctor. He was tall and good-looking.

Неконкретное употребление неопределенных дескрипций предполагает, что говорящий не имеет в виду определенный объект: I want to marry a doctor.

Родовая референция указывает на отнесенность **имени ко всему** классу предметов или любому члену класса: A beaver builds dams (Beavers build dams).

К качественной референции относится имя в функции предиката: He is a doctor.

Таким образом, среди выделенных С.Куно употреблений неопределенных дескрипций только для первого вида (конкретной референции) характерна соотнесенность с определенным объектом; остальные же три вида не содержат идентифицирующей информации, поскольку обозначают наиболее существенные признаки **класса** предметов, которые могут быть представлены и в отдельном, абстрактном представителе класса.

Определенный вклад в изучение явления референции внесли и сторонники каузальной теории [7, 8]. Так, ими была разработана концепция жестких десигнаторов – имен собственных и имен естественных классов и веществ, отличительным свойством которых является то, что при их использовании референциальный акт может осуществляться без обращения к семантике именуемого выражения, при этом не учитываются и свойства объектов, по отношению к которым производится референция. Это положение, в частности, иллюстрируется в работе К. Донеллана, где указывается, что в случае непосредственного указания на объект необходимым условием для осуществления референции является лишь факт наличия объекта в данной коммуникативной ситуации [9, с. 100–114]. Так, по мнению автора, определенная референция имеет место даже тогда, когда говорящий ошибочно принимает виднеющуюся издали скалу за человека с тросточкой. Данное утверждение подвергается справедливой критике ученых, которые подчеркивают, что в этом случае явление референции рассматривается в полном отрыве от предикации и смысла предложения и, следовательно, не может считаться адекватным [2, с.25]. Однако следует остановиться и на тех моментах концепции К. Донеллана, которые были приняты большинством ученых и имели существенное значение для дальнейшего развития теории референции.

Особого внимания заслуживает идея К. Донеллана о двух типах употребления определенных дескрипций – атрибутивном и референтном. Определенная дескрипция используется атрибутивно, если она соотносится с единичным объектом, который, однако, неизвестен, но идентифицируется в результате своего участия в определенном событии. Так, если совершено преступление и преступник пока не найден, то до тех пор, пока его личность не будет установлена, он будет именоваться как "преступник", т. е. использование этого именуемого выражения и представляет собой случай атрибутивного употребления определенной дескрипции.

При референтном употреблении говорящий имеет в виду конкретный объект.

Обращаясь к рассмотрению проблем референции, исследователи отмечают, что процесс референции можно считать двухступенчатым, когда на первом этапе для того, чтобы соотнести с именем некоторый объект, слушающий должен вначале получить сигнал о том, что имя в данном употреблении должно быть соотнесено с объектом действительности, т.е. на этом этапе происходит образование некоторого речевого показателя, указывающего на необходимость соотнесения имени с объектом. На втором же этапе слушающий, руководствуясь полученным сигналом, осуществляет процесс соотнесения имени с объектом. В качестве сигналов выступают различные актуализаторы – артикли, местоимения, некоторые морфологические категории глагола и имени.

Подобный подход характерен для изучения явления референции в собственно лингвистическом аспекте. В этом направлении данная теория наиболее широко разрабатывается в трудах Н. Д. Арутюновой и

Е. В. Падучевой.

Как особо подчеркивается исследователями, референция присуща не предложению, а высказыванию, поскольку составляющие предложения обладают лишь виртуальной отнесенностью к действительности и актуализируются только в условиях речевого акта, поэтому "основные проблемы референции – это проблемы механизмов и средств актуализации предложения, включенного в речь" [6, с. 7].

В настоящей работе мы принимаем дефиницию референции, предложенной Н. Д. Арутюновой, которая под референцией понимает "отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности" [2, с.6].

Н. Д. Арутюнова исследует проблемы референции в плане их взаимодействия с синтаксической и семантической структурой предложения. Так, автор, в частности, отмечает, что "изменение характера референции может иметь своим следствием перестройку синтаксической структуры предложения" [1, с. 366]. Это положение, например, подтверждается тем фактом, что в русском языке "нереферентные имена вытесняются из позиции "классического подлежащего"" [1, с. 368]. Подобное явление, как считает автор, не свойственно, однако, для английского языка, в котором референтность имени утратила соотнесенность с позицией подлежащего, а для обозначения типа референтной соотнесенности стали применяться артикли и местоименные показатели.

Н. Д. Арутюнова предлагает выделять следующие типы употребления имен, различающиеся характером осуществляемой ими референции: 1) отнесение имени к признакам класса (этот предмет – карандаш); 2) отнесение имени к любому члену класса (дай мне карандаш); 3) отнесение имени к объекту, известному говорящему, но не знакомому адресату (Вчера я встретил одного приятеля); 4) отнесение имени к единичному, но не идентифицированному предмету (Вчера было совершено ограбление банка. Грабитель не пойман.); 5) отнесение имени к идентифицированному объекту (Петя женился на Вере); 6) отнесение имени к целиком взятому классу объектов (Люди смертны) [1, с. 204].

Е. В. Падучева рассматривает денотативный (референциальный) статус именной группы в плане его отражения в семантическом представлении предложения. При этом под денотативным (референциальным) статусом понимается тип референциального предназначения именной группы [6, с. 83]. Реальная соотнесенность именной группы с внеязыковым объектом происходит только в условиях речевого акта, в высказывании, а денотативный статус, представляя собой потенциальную способность к осуществлению того или иного типа референции, характеризует именную группу в предложении.

Описывая референтное употребление именной группы, Е. В. Падучева использует логический критерий определения референтности, т. е. фактор существования и единственности объекта, а также привлекает прагматические критерии, позволяющие адекватно описать референциальный статус именной

группы в конкретной коммуникативной ситуации.

В соответствии с концепцией Е. В. Падучевой референтные именные группы подразделяются на определённые, слабоопределённые и неопределённые.

Признак "сильная определенность" предполагает определенность объекта как для говорящего, так и для слушающего.

В случае употребления слабоопределённой именной группы объект известен говорящему, но неизвестен слушающему.

Неопределённые именные группы отличаются тем, что объект неизвестен говорящему.

Существенным фактором для понимания природы названных типов референтной соотнесенности именных групп является и следующее отмеченное автором их отличие: при употреблении определенной именной группы говорящий хочет, чтобы адресат опознал объект его референции; такое требование, однако, говорящий не выдвигает, используя слабоопределённую именную группу, хотя сам он имеет в виду определенный объект; в случае же неопределённой именной группы объект индивидуализируется только своим участием в ситуации, описанной в тексте, а не заранее, как это происходит при употреблении определенной именной группы.

Нереферентные именные группы обозначают неиндивидуализированные объекты.

Важным представляется тот факт, что, хотя Е. В. Падучева выделяет указанные выше типы референции на примере предметных имен, в приводимом ею иллюстративном материале на тот или иной вид референции помимо предметных встречаются также и абстрактные термы, как например, "недостаток", "претензия", "условия" [6, с. 88–90]. Это показывает, что Е. В. Падучева не исключает возможности применения выработанных ею критериев для определения референциального статуса слов с абстрактным значением.

Говоря о возможности употребления абстрактных имен как референтных, следует отметить, что если на уровне языка абстрактные существительные обозначают отвлечение свойств, отношений от предметов, с которыми они в действительности неразрывно связаны, то на уровне речи они актуализируются и становятся конкретными, приобретая отнесенность к конкретным явлениям действительности опосредованно, через значение других слов.

О способности использования абстрактных существительных в референтных целях в высказывании писала, например, Н. Д. Арутюнова, которая указывала на применение понятия референции к разным нематериальным сущностям, в частности, к свойствам, признакам [1, с. 75; 2, с. 37]. Однако нужно отметить, что вопросы референции к непредметным сущностям являются наиболее неразработанными, неосвещёнными в лингвистической литературе и требуют дальнейшего исследования.

Рассмотрение основных вопросов теории референции позволяет выделить следующие положения: явление референции-соотнесенность именного

выражения с внеязыковыми объектами возникает лишь в конкретном речевом акте, то есть в высказывании; осуществление референции неразрывно связано с прагматикой коммуникативного акта; понятие референции можно применять не только к предметным, но и к непредметным явлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Арутюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
3. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.
4. Вендлер З. Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1972.
5. Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
7. Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982.
8. Donellan K. Reference and Definite Descriptions // Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. Cambridge, 1971.
9. Kuno S. Some Properties of Non-referential Noun Phrases // Studies in General and Oriental Linguistics. Tokyo, 1970.
10. Russel B. The Impact of Science on Society. London, 1952.

L. V. Noskina

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

TO THE QUESTION OF PRAGMATICS OF COMMUNICATION ACT AND NOTION OF REFERENCE

The article deals with the main questions of reference theory. Special attention is paid to the interrelation of utterance communication structure and the formation of the referential status of the language element.

Reference, pragmatics of communication act, givenness/new

УДК 81'373.611

М. А. Прокофьева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
mouryou@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ АФФИКСОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА БАЗЕ ДАННЫХ КОРПУСА

Рассматривается понятие продуктивности аффиксов, существующие точки зрения на понятия продуктивного и непродуктивного аффикса. На основании количественных измерений выделены высокопродуктивные аффиксы современного английского языка, выявлена закономерность развития их продуктивности.

Аффикс, продуктивность, корпусная лингвистика, словообразование, аффиксация

Корпусная лингвистика внесла в работу ученых несколько новшеств, ведь ещё полвека назад об автоматизации языковых исследований можно было лишь мечтать. Замена ручных подсчетов на машинные значительно упростила работу лингвиста, уменьшила вероятность появления ошибок, и, несомненно, заметно сократила затрачиваемое на получение данных время. Развитие информационных технологий позволило проводить исследования на порядок быстрее, и сегодня корпусная лингвистика является перспективным направлением языкознания. Заключаемые в корпусах большие объемы особо размеченной текстовой информации представляют собой обширное поле для различного рода исследований как синхронического, так и диахронического характера. Обработка больших пластов языковых единиц позволяет обнаруживать новые закономерности и предсказывать развитие определенных языковых черт, отслеживать формирование слов и частоту их употребления. Во многих современных лингвистических исследованиях, лексикографических и грамматических работах используются языковые корпуса для получения данных и иллюстрации их примерами.

Из всего количества существующих на данный момент корпусов, созданных на базе различного языкового материала, особый интерес представляет Corpus of Contemporary American English (COCA). Данный корпус дает открытый доступ к базе из 560 миллионов вхождений, возможность диахронического анализа языковых единиц американского варианта английского языка, начиная с 1970 года, а также широкий выбор инструментов для лингвистического исследования.

За всё время своего существования английский язык постоянно пополняется новыми словами и словообразовательными моделями. Значительную роль в этом процессе играет аффиксация, на настоящий момент являющаяся одним из самых продуктивных и распространенных способов словообразования [2, с. 36].

В связи с развитием средств массовой информации и Интернета английский язык, ставший средством общения всего мира, начал ещё более активно наполняться новой лексикой и вариантами словообразования. Сейчас лексикографы зачастую отстают от динамичного и постоянно развивающегося языка, не успевая фиксировать последние изменения в лексическом и морфемном составе языка. Таким образом, присутствует необходимость лингвистического анализа новых тенденций аффиксального словообразования, выявления наиболее продуктивных аффиксальных единиц на данный момент. Это поможет предсказать будущие изменения в продуктивности словообразовательных моделей и аффиксов, изменения лексического состава современного английского языка.

Не все аффиксы современного английского языка обладают способностью образовывать новые слова. Одни из них могут быть использованы под влиянием момента, а другие – нет. Это зависит от продуктивности аффикса – его способности участвовать в образовании новых слов, то есть его активности [3]. В научной литературе нет единого мнения на то, что же называть продуктивным аффиксом. Однако большинство исследователей делят по критерию продуктивности все «живые» аффиксы языка на высокопродуктивные, продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные. Для подобной классификации важными являются ограничения дистрибуции аффикса и факторы, влияющие на нее. Степень продуктивности аффикса очень сильно зависит от синтаксической, лексико-грамматической и семантической природы производящей основы и значения аффикса [1, с. 124].

От определения продуктивности также зависит то, какие аффиксы считать непродуктивными. Исходя из определения, непродуктивными аффиксами можно назвать только те из них, которые с большой вероятностью не будут использованы для образования новых слов, к примеру, *-th* и *fore-*. Некоторые исследователи под непродуктивными аффиксами подразумевают те из них, которые не могут быть использованы для формирования неограниченного количества новых слов, следовательно, непродуктивными аффиксами с этой точки зрения можно назвать *-dom*, *-ship*, *-en*, *-fy* и многие другие [1, с. 112, 125].

Теория относительной продуктивности словообразовательных аффиксов подтверждается исследованиями истории английского языка. Каждый период существования языка характеризуется своими продуктивными аффиксами. Примечательно, что из семи глагольных суффиксов древнеанглийского периода только один дошёл до современного языка, оставшись в нём с достаточно небольшой степенью продуктивности – суффикс *-en* (*to soften*, *to darken*, *to whiten*). Словообразовательный аффикс также может быть

продуктивным лишь в одном из своих значений, если оно особенно актуально в определенный этап развития языка и общества [1, с. 125].

Современные учёные придерживаются различных точек зрения на то, какие аффиксы в английском языке являются наиболее продуктивными и активными в словообразовательном процессе на данный момент.

Для изучения продуктивности аффиксов современного английского языка после анализа научной литературы методом случайной выборки было выделено 35 аффиксальных единиц, отличающихся сравнительно высокой степенью продуктивности. В этой работе не учитываются единицы типа *auto-* и *-man*, данные образования рассматриваются как полуаффиксы.

Для упрощения работы со статистическими данными, а также с целью получения наиболее точного результата были составлены словообразовательные модели, в которых данные аффиксы проявляют свою наибольшую продуктивность.

1. *anti-* + n → N (*antifashism, antiunion, antiaircraft, antitrust*)
2. *extra-* + a → A (*extraterritorial, extraordinary*)
3. *inter-* + v → V (*interdepend, interlace, interact*)
4. *mis-* + v → V (*misdirect, mismanage, mistrust*)
5. *non-* + n → N (*non-interference, non-acceptance*)
6. *out-* + v → V (*outwit, outstay, outdo, outdance*)
7. *post-* + a → A (*postclassical, postglacial*)
8. *sub-* + a → A (*subtropical, subconscious*)
9. *super-* + a → A (*supersensitive, superatomic*)
10. *un₁* + v → V (*unbind, unclog*)
11. *un₂* + a → A (*unaware, unloving*)
12. *under-* + v → V (*undervalue, underestimate*)
13. v + *-ance* → N (*avoidance, disappearance, endurance*)
14. n + *-dom* → N (*kingdom, teacherdom, serfdom*)
15. v + *-ee* → N (*employee, addressee*)
16. v + *-er* → N (*reader, sleeper, receiver*)
17. n + *-ess* → N (*poetess, lioness, waitress*)
18. n + *-ette* → N (*dinette, diskette, kitchenette*)
19. n + *-ful* → N (*potful, bucketful, spoonful*)
20. n + *-ics* → N (*linguistics, morphemics*)
21. n + *-ie* → N (*auntie*)
22. v + *-ing* → N (*translating, swelling, flooring*)
23. v + *-ion* → N (*motivation, reintegration*)
24. n + *-ism* → N (*Darwinism, heroism*)
25. n + *-ist* → N (*Darwinist, canoeist*)
26. a + *-ness* → N (*softness, emptiness, happiness*)
27. v + *-able* → A (*eatable, readable, speakable*)
28. n + *-an* → A (*Italian, African, comedian*)
29. n + *-ic* → A (*acrobatic, allergic*)

- 30. a + -ish → A (*blackish, reddish*)
- 31. n + -less → A (*careless, handless, motherless*)
- 32. n + -like → A (*arrowlike, comradelike*)
- 33. n + -y → A (*watery, thorny, velvety, slangy*)
- 34. n + -ate → V (*eventuate, oxygenate*)
- 35. n + -ize → V (*materialize, winterize*)

Все выведенные модели аффиксации образуют новое производное слово: существительное (16 моделей), глагол (7 моделей) или прилагательное (12 моделей). Эти части речи в любой момент существования языка являются наиболее актуальными для его носителей, поэтому и в современном английском языке подобные модели являются крайне продуктивными.

Большинство рассматриваемых единиц относятся к исконно английским аффиксам (14 единиц) и заимствованиям из латыни (10 единиц). Несколько меньшие доли приходятся на заимствования из греческого (5 единиц) и французского языков (5 единиц). Присутствует также заимствование из шотландского варианта английского языка (1 единица), что говорит о невысокой продуктивности аффиксальных заимствований, пришедших в английский язык не из латыни, французского или греческого языков. Можно предположить, что высокая степень продуктивности заимствованных из латыни аффиксов объясняется их относительной интернациональностью, что крайне важно в условиях глобализации и использования английского языка в качестве интернационального. Большая продуктивность исконно английских аффиксов связана с тем, что с момента своего появления в языке и на протяжении всего своего существования они обладают базовыми семантическими компонентами, всегда актуальными для словообразования, вне зависимости от языковой моды.

Предлагаемые словообразовательные модели образуют существительные, глаголы и прилагательные, ведущая роль отводится именным аффиксам. Прежде всего, в языке имеется необходимость давать наименования новым предметам и явлениям, появляющимся при изменении жизни его носителей. Семантически среди суффиксов, прежде всего, выделяются группы агентивных единиц (4), единиц, выражающих наличие признака (6) и единиц, выражающих значение абстрактного существительного (5). Среди префиксов наибольшее количество единиц принадлежит к группе префиксов локативного значения (6), следовательно, на данный момент в языке востребованы лексические единицы, уточняющие положения компонентов в своих системах и лексико-семантических полях (ЛСП). Это может быть объяснено высоким темпом развития науки, появлением множества смежных областей, ускорением и усложнением образа жизни человека в современном постиндустриальном обществе.

На основе материала, предоставленного лингвистическим корпусом современного американского английского (COCA), был проведен количественный подсчет использования отобранных аффиксальных единиц в лексике апробированных источников корпуса, включающих в себя как

художественный и научный, так и публицистический стили, а также разговорную речь. Анализ проводился на материале с 1990 года по 2014 год включительно, найдено количественное измерение употребления всех слов и их словоформ, содержащих отобранные аффиксы в заданных словообразовательных моделях за периоды 1990–1994, 1995–1999, 2000–2004, 2005–2009 и 2010–2014 годов. Также использовалось ограничение, которое позволило не учитывать слова, найденные в базе корпуса менее 10 раз, тем самым в материал исследования были включены лишь слова, обладающие воспроизводимостью в языке.

При анализе количественных данных было замечено, что на протяжении смены пятилетий лишь небольшое количество аффиксов исключительно увеличивают или уменьшают свою частотность употребления. В большинстве случаев наблюдаются своеобразные статистические «волны», при которых количество слов то увеличивается, то уменьшается. Можно предположить, что подобное явление связано с языковой модой, политическими и социальными явлениями. К примеру, префикс *anti-* в 1990–1994 характеризуется 923 случаями употребления, в 1995–1999 – 893 случаями, в 2000–2004 – 919 случаями, в 2005–2009 – 838 случаями, и в 2010–2014 – 854 случаями употребления. Несмотря на то, что пик продуктивности префикса пришёлся на период 1990–1994, по сравнению с предыдущим периодом, сейчас его продуктивность снова продолжает расти, а, следовательно, его можно назвать продуктивным. Помимо *anti-*, аналогична ситуация с аффиксами *mis-*, *non-*, *out*, *un-*, *-ance*, *-ion*, *-able*, и *-less* – итого 9 единиц.

Несколько иная ситуация происходит с другой группой аффиксов, которую можно проиллюстрировать на примере префикса *extra-*. До периода 2005–2009 годов его продуктивность неуклонно росла, достигнув отметки в 267 уникальных случаев употребления. Однако в период 2010–2014 годов в корпусе было зарегистрировано всего 224 случая его использования. Предположительно, аффикс уже пережил пик своей продуктивности, и на настоящий момент к числу высокопродуктивных аффиксов относиться он не будет. Однако, учитывая волнообразность частотности использования аффиксальных единиц, можно предположить, что через какое-то время подобные аффиксы вновь начнут наращивать свою продуктивность. К этой группе можно отнести аффиксы *extra-*, *inter-*, *sub-*, *super-*, *un-*, *under-*, *-dom*, *-ee*, *-ess*, *-ette*, *-ful*, *-ics*, *-ing*, *-ism*, *-ist*, *-ness*, *-an*, *-ish*, *-like*, *-y*, *-ize* – итого 21 единица. Это самая многочисленная группа аффиксов.

Последняя группа, которую возможно выделить среди продуктивных аффиксов современного английского языка, – это те аффиксы, которые неуклонно наращивали степень своей продуктивности, и на данный момент находятся на ее пике. К ним можно отнести аффиксы *post-* (1123 случая употребления на период 2010–2014), *-er* (12535 случаев употребления на период 2010–2014), *-ie* (1424 случая употребления), *-ic* (5646 случаев употребления на период 2010–2014), *-ate* (1074 случая употребления на период 2010–2014) –

итого 5 единиц. Из всех отобранных единиц эти аффиксы в настоящее время обладают наиболее высокой продуктивностью.

На основе данного деления можно сделать вывод о том, что значительная часть продуктивных аффиксов в языке на данный момент находится в стадии уменьшения степени продуктивности, однако обладает потенциальной возможностью вновь начать ее увеличивать (60% от изученных единиц). Примерно четверть продуктивных аффиксов английского языка на данный момент уже пережили пик своей продуктивности, а затем её уменьшение, но вновь продолжают наращивать степень продуктивности (приблизительно 26% от изученных единиц). Меньшая часть аффиксальных единиц, обозначаемых как продуктивные, на данный момент пребывает на пике частотности использования в словообразовании (14 % от изученных единиц).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Р. З., Хидекель С. С., Князева Г. Ю., Санкин А. А. Лексикология английского языка. М: Высш. школа, 1979.
2. Елисеева В. В. Лексикология английского языка. СПб: СПбГУ, 2003.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Изд-во «Пилигрим». 2010. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 20.03.2019).
4. The Corpus of Contemporary American English // Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 18.03.2019).

Prokofieva, M. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

THE RESEARCH OF THE AFFIX PRODUCTIVITY IN ENGLISH LANGUAGE BASED ON THE CORPUS DATA

The notion of affix productivity is considered, as well as the existing concepts of productive and unproductive affixes. On the basis of quantitative data the highly productive affixes of modern English are analyzed and the patterns of their productivity development are revealed.

Affix, productivity, corpus linguistics, word formation, affixation

УДК 8; 811

О. В. Рамантова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
“ЛЭТИ” им. В. И. Ульянова (Ленина),
ms.ramantova@mail.ru

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ИСТОЧНИКА ИНФОРМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена описанию способов языковой репрезентации информационного источника в современных англоязычных массмедиа. Особое внимание автор акцентирует на степени детерминированности информационного источника в сообщении и его роли в интерпретации реципиентом сведений во взаимосвязи с другими экстралингвистическими параметрами ситуации порождения и распространения информации.

Детерминация, источник информации, семантико-когнитивный анализ, массовая коммуникация, медиадискурс

Особую актуальность на протяжении долгого времени представляют лингвистические исследования, проводимые в русле современной антропоориентированной парадигмы, в рамках которой языковые явления рассматриваются в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием и миропониманием. В связи с внедрением данной парадигмы в современную науку происходит активное изучение процессов категоризации действительности, в частности особый научный интерес представляет исследование особенностей формирования представлений человека о мире в условиях массовой коммуникации. Наряду с сообщениями информационного характера, содержащими констатацию событий и суждения познавательного содержания, целесообразно говорить об особом типе высказываний, маркированных указанием на источник информации разной степени конкретизации.

К анализу способов языкового представления информационного источника в медиатекстах целесообразно подходить с позиции современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы. В современных лингвистических исследованиях все чаще выдвигается когнитивный подход к исследованию языкового материала, поскольку “когнитивный подход позволяет рассматривать медиатексты не только как отдельные произведения речи, но и как результат совокупной деятельности людей и организаций, занятых в производстве и распространении информации...” [2, с. 180]. В связи с развитием дискурсивно-когнитивной парадигмы все большее внимание уделяется стратегиям представления информации и их языковому воплощению в различных типах медиатекстов [1; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 11]. Особую

актуальность сохраняет изучение наиболее типичных лингвистических приемов передачи информации, общих и для языка популярной прессы, и для языка некоторых аналитических изданий. Действительно, значительная часть новостных сообщений в популярных изданиях, рассчитанных на широкий круг читателей, как правило, маркируется указанием на источник информации, который в силу непроверенности и изменчивости сведений в современную эпоху может быть представлен множеством способов, и, чем конкретнее автором детерминирован источник информации, тем правдивее кажется передаваемая информация или по крайней мере является таковой на данный момент времени.

Рассмотрим наиболее типичные способы неопределенной детерминации информационного источника в некоторых англоязычных популярных интернет-изданиях. Указание на полную анонимность осуществляется посредством лексемы *anonymous* (т.е. *анонимный источник*), как в следующем случае, при этом условия неразглашения имени информатора не оговариваются автором: 1) “As congressional investigations deepen, **an anonymous source** at the company tells Reuters that ads were purchased in order to meddle in the 2016 election...” [17]. В сообщении говорится о заявлении анонимного источника из компании Google о якобы потраченных российской стороной десятках тысяч долларов на рекламу с политически провокационным контентом с целью повлиять на президентские выборы в США 2016 года. Неопределенная и размытая семантика источника информации может передаваться лексемой *sources* (как *сообщают источники*): 2) “Meghan Markle declines Hollywood invitation with special honour, sources say this is why... The Duchess of Sussex was invited to the Emmy Awards but declined, **according to sources**...” [16]. В статье говорится о том, что герцогиня Сассекская Меган Маркл отклонила приглашение на церемонию вручения наград известной американской телевизионной премии в связи с тем, что теперь она принадлежит к королевскому окружению и не может посещать публичные мероприятия такого уровня. Устный характер передачи информации и неконкретизированность информационного источника традиционно выражаются синтаксическими конструкциями с глаголом распространения слухов *rumour* и глаголами говорения *say* (*сообщать*), *allege* (*якобы утверждать*), *claim* (*якобы заявлять*): 3) “The Note 9 **is rumoured to have** a huge 4,000mAh battery, 6.4-inch QHD+ Super AMOLED display and 6GB of RAM...” [18]. В статье сообщается, что по слухам самая последняя версия смартфона Galaxy оснащена аккумулятором мощностью 4000 ампер-часов. Иногда в новостных сообщениях встречаются вводно-интродуктивные конструкции, которые выполняют роль средства организации текста и мысли. В этом смысле употребление подобных синтаксических конструкций можно рассматривать как особую стратегию подачи непроверенной информации в публицистическом дискурсе: 4) “**It has been claimed** actor Ryan Thomas “threatened to pull out of the line-up” after hearing his girlfriend’s ex-boyfriend would also be entering the Channel 5 house...Ryan is currently dating scripted

reality star Lucy Mecklenburgh, who previously dated Dan Osborne. However, a source close to Coronation Street star Ryan confirmed to OK! Magazine that there is “no drama” with Dan...” [14]. В статье сообщается о том, что актер Райан Томас якобы хочет покинуть телепроект в связи с возможным появлением на нем бывшего друга его девушки, но данная информация пока не находит подтверждения. Источник информации остается неопределенно-детерминированным и в тех случаях, когда авторы сообщения ссылаются на множество других медиа-источников чаще всего посредством значения *reports* (т.е. *новостные сообщения, репортажи*). При этом существенным является именно указание на их *множественность*: 5) “A Japanese medical university has systematically discriminated against female applicants because women tend to quit as doctors after starting families, causing hospital staffing shortages, **media reports said** Thursday” [19]. В статье представлена информация о сокращении числа женщин-докторов, обусловленном якобы несправедливыми многочисленными отказами при подаче абитуриентками документов в медицинский университет. Особую группу лексических средств, актуализирующих неопределенную детерминацию и множественный характер информационного источника, составляют лексема *claims* (*по словам, по некоторым сведениям*) и лексема *rumours* (*слухи*), содержание которых уточняется в зависимости от контекста (например, *слухи о беременности, слухи о разрыве*). В современном мире неподтвержденная и непроверенная информация распространяется письменным путем в силу разнообразия каналов и скорости распространения информации, а также в силу массового адресата. В этом смысле, можно говорить о новой специфике когнитивно-информационной ситуации порождения и распространения слухов. На это указывают и данные словарей синонимов и антонимов, в которых среди синонимов глагольной лексемы *rumour* есть глагол *publish* [12]. Следовательно, можно утверждать, что слухи являются не только сообщениями, передаваемыми устно, но и публикуемыми сообщениями: 6) “They have long been the subject of **pregnancy rumours**. And now Woman's Day have once again claimed that Karl Stefanovic, 43, and Jasmine Yarbrough, 34, plan to start a family very soon. With the loved-up couple rumoured to wed in the coming weeks, a Nine insider told the publication: 'It's a given that it (having children) will happen...'” [15]. В данном случае репрезентированы слухи о беременности жены известного австралийского телеведущего Карла Стефановича. В интернет-изданиях новостной направленности достаточно много сообщений, в которых автор старается аргументировать обстоятельства получения сведений. Речь идет о невозможности разглашения имени информатора или другой связанной с ним информации по не зависящим от автора причинам. Анонимность в этой ситуации становится условием сообщения важной информации, делает ее еще более ценной и повышает доверие и интерес реципиента. Таким образом, сообщаемые сведения являются не только достаточно обоснованными, но и конкретизированными во взаимосвязи с другими параметрами информационно-когнитивной ситуации распространения информации. Так, например, источник информации может

конкретизироваться одновременно указанием статуса или регалий информатора (например, *senior official* – т.е. *высшее должностное лицо, высокопоставленный сотрудник*), обстоятельствами получения информации и условиями невозможности разглашения имени информатора. В следующем примере немаловажным является употребление лексемы *confirm* (т.е. *подтвердить*) в предикативной структуре, значение которой в значительной степени сглаживает анонимность информатора: 7) Aziz Asbar was one of Syria's most important rocket scientists... On Saturday, he was killed by a car bomb... It was at least the fourth assassination mission by Israel in three years against an enemy weapons engineer on foreign soil, **a senior official** from a Middle Eastern intelligence agency **confirmed** on Monday. **The following account is based on information provided by the official, whose agency was informed about the operation. He spoke only on the condition of anonymity to discuss a highly classified operation** [13]. Информация о трагической гибели известного сирийского ученого поступила и затем была подтверждена высокопоставленным уполномоченным лицом разведывательного управления, хотя и анонимно.

При анализе информационно-когнитивной ситуации порождения и распространения информации в СМИ в основном были рассмотрены наиболее типичные случаи, когда источник информации вообще не конкретизируется автором или его конкретизация не имеет предельно ясного выражения в языке и происхождение передаваемых сведений поэтому остается неопределенным. Тем не менее, целесообразно полагать, что на абсолютную идентифицируемость источника информации в массовой коммуникации указывают номинации, отождествляемые только с первоисточником. В остальных случаях следует учитывать дополнительные экстралингвистические факторы. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. *Во-первых*, в сообщениях-слухах и высказываниях со значением неофициальной информации одновременно могут быть использованы сразу несколько языковых обозначений, указывающих и на детерминированность источника информации, и на количество источников информации, и на устный или письменный характер сообщаемых сведений, и на степень приближенности информатора к первоисточнику. *Во-вторых*, детерминация источника информации осуществляется на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. *В-третьих*, выбор языковых средств, дистанцирующих читателя от информационного источника, зависит не только от целей, но и от возможностей автора, как, например, в случае с вынужденным соблюдением анонимности информаторов в силу особых обстоятельств (это может быть личное пожелание информатора или должностное обязательство о неразглашении служебной информации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт). Дисс. ...канд.филол.наук. Екатеринбург, 2007
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования английской медиаречи. 2-е изд. М., 2005. 380 с.
3. Зубарев С. В. Дискурс современной прессы как смысловое поле формирования ценностных ориентиров коллективной языковой личности (микроконцептосфера "Богатство"). Дисс. ...канд.филол.наук. Сочи, 2009
4. Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация: области пересечения и области взаимодействия//Язык современной публицистики. М., 2005. с. 103-115.
5. Ленкова Т. А. Textoобразующие стратегии создания письменного дискурса репортажа в современной немецкой прессе. Д. ... канд.филол.наук. М., 2009
6. Менджерицкая Е. О. Дискурсофера печатных СМИ: игра на выживание. М.: МАКС Пресс, 2017, 2017. 312 с.
7. Сальникова Ю. А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прессы США (на материале современных информационно-аналитических газетных статей). Дисс. ...канд.филол.наук. Хабаровск, 2010.
8. Сибирко Н. С. Коммуникативно-когнитивные и функционально-прагматические особенности модификации публицистических жанров (на материале англоязычной "качественной" прессы). Дисс. ...канд.филол.наук. Пятигорск, 2010.
9. Скороходова Е. Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации: автореф. дисс. ...д.филол.наук. М., 2008. 29 с.
10. Тырыгина В. А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе. Дисс. ...д.филол.наук. М., 2008.
11. Юдина Т. В. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации//Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. с. 334-340.
12. Collins Concise Thesaurus. HarperCollinsPublishers, 1997.
13. A Top Syrian Scientist Is Killed, and Fingers Point at Israel// URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/06/world/middleeast/syrian-rocket-scientist-mossad-assassination.html> (дата обращения 10.08.2018).
14. Celebrity Big Brother 2018: Ryan Thomas 'threatened to pull out of line-up// URL: <http://www.express.co.uk/showbiz/tv-radio/1000378/Celebrity-Big-Brother-2018-Ryan-Thomas-Quit-Dan-Osborne-Channel-5-Line-Up> (дата обращения 13.08.2018).
15. It's a given that it will happen': Today show's Karl Stefanovic, 43, and fiancée Jasmine Yarbrough, 34, are planning for children after the TV host 'had his vasectomy secretly reversed last year'// URL: <http://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-6029731/Today-shows-Karl->

Stefanovic-fianc-e-Jasmine-Yarbrough-planning-children-vasectomy.html (дата обращения 11.08.2018).

16. Royally rejected: Meghan Markle 'declines invitation' to attend Emmy Awards in Hollywood// URL: <http://www.express.co.uk/news/uk/999886/Meghan-Markle-Prince-Harry-Royal-Family-actress-Suits-Emmy-Awards-Hollywood> (дата обращения 17.08.2018).

17. Russian operatives spent thousands of dollars on Google ads, source claims// URL: <http://www.theguardian.com/world/2017/oct/09/russian-operatives-spent-thousands-of-dollars-on-google-ads-source-claims> (дата обращения 11.09.2018).

18. Samsung Galaxy Note 9 leak just revealed ALL the specs ahead of official release date// URL: <http://www.express.co.uk/life-style/science-technology/998822/Samsung-Galaxy-Note-9-leak-specs-battery-camera-S-Pen-screen> (дата обращения 11.09.2018).

19. Tokyo medical school said to alter tests to keep out women// URL: <http://apnews.com/965b56a92a0d4649809861085e33621f> (дата обращения 17.09.2018).

Ramantova, O. V.

Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

THE UNCERTAIN DETERMINATION OF THE INFORMATION SOURCE IN THE ENGLISH LANGUAGE MASS MEDIA

The paper discusses the results of the study of different ways in which the information source can be represented. Special attention is focused on the unspecified information source determination in the mass media text and the role it may play in the report interpretation. Social aspects of mass communication are also described.

Cognitive analysis, determination, information source, mass communication, media discourse

УДК 81'27

Е. В. Рязанова

Санкт-Петербургский государственный университет,
e.ryazanova@spbu.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ НАРОДНОЙ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена вопросам влияния концептов народной песенной традиции на современную языковую картину мира. Фольклорная картина мира является неотъемлемой частью общенациональной картины мира и находит свое отражение в структуре современных языковых концептов. Проведенный автором ассоциативный эксперимент на основе концептов-символов народной лирической песни позволяет выявить сходства и различия в интерпретации некоторых фольклорных концептов современными носителями английской и русской культуры.

Концепт, народная песенная традиция, языковая картина мира, фольклорная картина мира, ассоциативный эксперимент

Связь языка и культуры является одним из ключевых направлений современной лингвистической науки. Берущее начало из теории Сепира-Уорфа, это направление исследований продолжает находить свои интерпретации в современных теориях социолингвистики и когнитивной лингвистики. Социолингвистика ставит своей целью изучение лингвистического поведения человека в обществе, в свою очередь когнитивная лингвистика использует знания когнитивной психологии и разрабатывает учение о том, как человек познает и осмысляет мир на макро и микроуровне и как язык передает и отражает созданную человеком концептуальную картину мира.

Одним из направлений современной когнитивной лингвистики является изучение способов организации концептуальной и языковой картин мира. Концептуальная картина мира представляет собой накопленный в течение веков и выраженный в виде ментальных структур опыт осмысления человеческим коллективом окружающей реальности, который формируется у представителей той или иной культуры в виде лингвистических концептов. По мнению Г. В. Колшанского, «картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык...» [1, с. 15]. Каждый национальный язык отображает окружающую этнос действительность сквозь призму своей национальной традиции, своего менталитета, географических и климатических особенностей.

Именно поэтому концепты в языковых картинах мира не совпадают, несут в себе с одной стороны общечеловеческие, а с другой национальные, обусловленные собственной культурой и языком черты.

Языковая картина мира, по мнению многих ученых, сочетает в себе как национальные, так и индивидуальные черты. “Окружающий человека мир един, и это обеспечивает наличие языковых универсалий, но многообразен, и в зависимости от среды обитания в языках разных народов возникают необходимые обозначения разных видов снега или разных видов песка и т.д., то есть создаются национальные ограниченные и национально своеобразные лексико-семантические поля” [2, с.15]. Помимо универсальных общечеловеческих смыслов и национально-культурной специфики языковая картина мира преломляется в силу индивидуального восприятия мира отдельным представителем коллектива, который воспринимает реальность с учетом собственного жизненного опыта и особенностей воспитания, образования и социокультурной среды.

Концептуальная картина мира, веками складывающаяся в памяти этноса, находит свое отражение и в фольклорной модели мира, символика которой пронизывает исторический слой концептов, связанных с миром народной культуры. Тексты и произведения народной культуры наполнены большим количеством концептов-символов, которые устойчиво закрепляются в народном менталитете и оказывают определенное влияние на формирование современной языковой картины мира.

Тем не менее концептуальная модель мира, отраженная в фольклоре, со временем претерпевает изменения. Изменения касаются исторического слоя концепта, понятийная структура в некоторых случаях видоизменяется и входит в современную картину мира с новыми наслоениями смыслов. Некоторые концепты исчезают или нейтрализуют свои семиотические компоненты, в результате чего исчезают или становятся архаичными соответствующие языковые единицы на лексико-семантическом уровне. Однако, как показал эксперимент концепты, наделенные особой семиотической нагрузкой, продолжают жить в языковой картине мира современных носителей языка.

Поскольку фольклорная модель мира во многом связана с древними языческими представлениями о мире природы и человека, она строится по принципу антропоцентрической модели. Такие антропоцентрические, представления, укоренившись в фольклорной модели мира, нашли свое отражение и в современной языковой картине мира.

Фольклорная песенная традиция Европы и России имеет богатый набор прецедентных оригинальных текстов, заботливо собранных лингвистами и фольклористами разных стран у народных исполнителей, которые когда-то передавали эти бесценные образцы народного творчества из уст в уста. Благодаря такому арсеналу текстов, обладающих большим лингвистическим потенциалом, стала возможна реконструкция внутренних смыслов в историческом слое концептов-символов. Метод реконструкции глубинных смыслов является на сегодняшний день одним из наиболее эффективных

способов изучения «внутренней формы» концепта, позволяет заглянуть в историческое прошлое и увидеть, какие связи в концептуальной системе образует тот или иной образ.

Народная лирическая песня представляет собой жанр, тесно связанный с эмоциональным миром как героев, так и самого народного творца, который передавал знакомые тексты, часто видоизменяя и перестраивая их, согласно собственному внутреннему миру. Народная лирика искренне описывала эмоции, связанные с любовными и романтическими отношениями, которые нельзя было в то время выражать открыто в результате строго регламентированных обществом запретов и табу. Эмоциональной окраска народных лирических песен диктовала необходимость «шифровать, кодировать» описываемые чувства и отношения. Для этого народные певцы пользовались определенным набором символов, которые скрепляли фольклорную реальность согласно незримо существующему арсеналу канонов и принципов, делая ее понятной, как для исполнителя, так и для слушателя. Этот своеобразный семиотический код веками создавался и сохранялся в языковой форме, и опосредованный языком передавался от поколения к поколению в каждом этническом коллективе. Символика народной песни тесно связана с миром природы, который был неотъемлемой средой существования простого народа прошлых веков.

Для сопоставления образной песенной символики Англии и России нами были выбраны концепты-символы, связанные с миром природы. В ассоциативном эксперименте респондентам предлагалось дать ассоциации на традиционные символы из народных песен, которые связаны с эмоциональным и физическим состоянием человека. Целью ассоциативного эксперимента было выяснить, присутствуют ли концепты-символы фольклорной песенной культуры в современной языковой картине мира англичан и россиян и сохраняют ли они свои семиотические составляющие. В анкетировании принимали участие 40 представителей английской культуры и 40 русских респондентов в возрастных категориях от 17 до 50 лет. Им предлагалось дать ответный ассоциативный ряд на слова-стимулы: *цветение растений, увядание растений, свивание растений*, а также на образы птиц-символов счастья и горя *соловей и черный дрозд*.

Концепты-символы, связанные с природой и эмоциями человека, которые так ярко проявились в жанре лирической народной песни, условно делятся на символы счастья и символы горя. Например, радость и счастье символизирует цветение растений, в то время как их увядание является символом печали, горя, разлуки, и так далее. Так, в английской народной песне символом ушедшей в мир иной девушки является увядший цветок:

*The finest flower that ere was seen
Is withered to a stalk... [5, p.119].*

Концепт *увядания растений* характерен и для русской фольклорной картины мира. В следующем примере метафора увядания является символом грусти, печали, расставания, которые испытывает главная героиня:

*Сохнет, вянет в поле травка,
Она вянет без дождя,
Всё желтеет и бледнеет
От холодной от росы
И тоскует и горюет
Девчонка по дружку [3, Т. 5, № 63].*

Результаты показали, что у современных носителей английской культуры *увядающий цветок* ассоциируется с уходящей молодостью и потерей привлекательности (*old age, someone is losing good looks*). Цветение растений у современных носителей английского языка, наоборот, вызывает ассоциации с молодостью и началом новой жизни, весенним пробуждением природы, взрослением (*new life, spring, growing up*). Результаты анкетирования в современной русскоязычной культуре выявили, что ассоциативное восприятие данных концептов также показывает связь с фольклорной моделью мира и наличие сематических рядов с противоположными признаками: «увядший цветок» - *осень, похороны, угасающая красота, старость*; «цветение растений» - *красота, юность, возрождение, весна*.

Однако не все символические элементы фольклорной модели мира сохраняют свою семиотическую составляющую в неизменном виде в языковой и концептуальной картине мира современных носителей языка. Изменения в смысловых ассоциациях продемонстрировали ответы респондентов на концепт *свивания/переплетения растений*, который в народной песенной лирике как Англии, так и России символизирует расцвет любовного чувства, иногда даже после смерти героев песни. Примеры, приведенные ниже, наглядно иллюстрируют символическое значение образа *свивания растений* в структуре фольклорной картины мира двух стран:

*Lord Thomas was buried in the church;
Fair Eleanor in the choir;
And out of her bosom there grew a red rose,
And out of Lord Thomas a briar.
They grew till they reached the church tip top,
When they could grow no higher,
And there they entwined like a true love's not
For all true lovers to admire [7, p.13].*

*Не свивайся, не срастайся
Хмелинушка с травинкой;
Не свикайся, не влюбляйся*

Молодец в девицу [3, Т.4, № 224].

Анализ ассоциативных ответов показал, что для некоторых английских респондентов *свивание растений* символизирует любовь, брак (*love, marriage*), в то время как другие видят в нем связь с конфликтными, проблемными ситуациями (*conflict, problems*). Очень похожие интерпретации продемонстрировали и ответы русских респондентов. Они также дали противоположные ассоциации на фольклорный символ *свивание растений*: *жизнь, поддержка* - в одних случаях, но *жизненные перипетии* - в других. Это наглядно иллюстрирует, что современный концепт *свивания растений* преломляется и видоизменяется в силу наслоения других культурно-обусловленных смыслов.

К фольклорным концептам-символам, связанным с миром природы также относятся образы птиц. Однако выбор того или иного вида определяется национально-культурной спецификой и отличиями в структурах русского и английского языков. Для русской фольклорной песенной традиции характерно делить образы птиц на мужские и женские, которые обычно встречаются парами и символизируют любовные отношения героев: *селезень и утушка, гусь и лебёдушка, голубь и голубка*. Такое видение фольклорного мира отчасти обусловлено наличием категории рода в русском языке. Наоборот, отсутствие категории рода у английских существительных определенно не позволило народным менестрелям использовать их парами. Так, чаще образы соловья *nightingale* и жаворонка *lark* персонифицируют одинокую девушку, скучающую по возлюбленному и в контексте песен часто ассоциируются с представительницами слабого пола.

*As I was a walking one morning in spring
To hear the birds whistle and the nightingales sing;
I spied a fair damsel, so sweetly sang she [7, p.23].*

*The lark in the morn she will rise up from the nest,
And mount in the air with the dew
All on her breast,
And like the pretty ploughboy
She will whistle and sing
And at night she'll return to her own nest again [5, p.100-101.*

Образ соловья и жаворонка в русской песенной традиции также популярен, но в силу наличия мужского рода не символизирует женскую героиню, а может, наоборот отражать внутренний мир героя-мужчины.

Еще одним орнитологическим образом-символом в фольклорной английской песне является образ дрозда *blackbird*. Согласно фольклорной картине мира чёрный дрозд (*blackbird*) является символом горя, печали, несчастья или даже смерти. В прошлом в Уэльсе существовало поверье, что

«два чёрных дрозда, сидящие рядом на подоконнике или крыльце, - примета, что в доме кто-нибудь умрёт» [4, с. 474]. Чёрный дрозд в лирических песнях символизирует печаль и грусть разлуки или горечь безответной любви:

The blackbirds and thrushes sing loud in the bushes... [7, p. 21].

Результаты проведенного эксперимента, однако, показали, что если соловей ассоциируется с пением, весной и счастьем, то образ черного дрозда в современной картине мира англичан не вызывает определённых эмоционально-окрашенных ассоциаций (*gardens, lawn, nest*), что позволяет говорить об определенной степени нейтрализации семиотической составляющей данного концепта. Тем не менее образ черного дрозда встречается в поэтической системе английского языка и в определенных случаях сохраняет своё метафорическое значение вестника горя и печали в песенной символике. В качестве примера можно привести песню группы «Битлз» с одноимённым названием “Blackbird”:

*Blackbird singing in the dead of night
Take these broken wings and learn to fly,
All your life*

You were only waiting for this moment to arise [6, p.167].

Образ черного дрозда не является знаковым для русской фольклорной картины мира, поэтому он не имеет четких ассоциативных связей с семиотикой выражения эмоций в современной картине мира. Ассоциативный ряд, который выявлен в ответах респондентов в большей степени отражает индивидуально-ассоциативное восприятие: *разлука, вино, лес*.

Проведенный ассоциативный эксперимент позволяет сделать выводы об определенном влиянии фольклорных концептов на формирование современных языковых картин мира. Восприятие концептов близких в семиотическом наполнении фольклорных образов современными носителями языка при этом показывает с одной стороны общие, характерные для двух культур универсальные толкования, обусловленные антропоцентрической структурой фольклорной модели мира, и в то же время отличия в восприятии концептов обнаруживаются в связи с национально-культурной спецификой отображения действительности в языках и культурах разных этносов. Особенности структур русского и английского языков при этом также оказывают свое влияние на концептуальное оформление картин мира представителей разных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
2. Сиротинина О. Б., Кормилицина М. А. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира/Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып. 2. Саратов: Изд-во СГПИ, 1995. С. 15–18.
3. Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Спб., 1895–1902. Т. 1–7.

4. Энциклопедия суеверий. М., 1997.
5. Folk Songs of the British Isles, compiled by Andrew Gant.-Kevin Maythew Ltd., Suffolk, 1997.
6. The Beatles Songbook. Moscow, 1993.
8. The Crystal Spring. English Folk Songs, collected by Cecil Sharp. Book I. Oxford University Press, 1960.

Ryazanova, E. V.

St Petersburg University

THE INTERPRETATION OF TRADITIONAL FOLK SONG CONCEPTS IN MODERN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The article focuses on the influence of the traditional folksong concepts on modern linguistic image of the world. Folk worldview is considered to be an integrated part of national world image and is reflected in the structure of linguistic concepts. The author carried out the association experiment to find out similarities and differences in the ways symbolic folk song concepts are presented in current English and Russian linguistic worldviews.

Concept, folk song tradition, linguistic world image, folk world view, association experiment

УДК 81-23

О. О. Секиро

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
olgasekiro@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ИСТИНА»: ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ ИЛИ НОВАЯ ЭПОХА «ГОТОВОГО СЛОВА»

В данной статье рассматривается эволюция содержания понятия концепта «истина» на материале текстов 1900–2019 гг., источником которых послужил Национальный корпус русского языка. Анализ осуществляется путём классификации прилагательных на основании их семантики, исследование завершается выводом о глубинных семантических сдвигах, произошедших в семантическом поле исследуемого концепта.

Язык и ментальность, концепт «истина», концептуальные исследования, когнитивная лингвистика

В парадигме когнитивных исследований последних лет сложилось множество подходов к пониманию концепта. В связи с существованием обширной литературы, а также многочисленных методик необходимо прояснить те теоретические установки, которые были избраны базовыми для настоящего исследования. Таковой была избрана концепция, сложившаяся в деятельности представителей Петербургской школы концептуальных исследований. В рамках данного подхода, согласно В.В. Колесову, концепт понимается как «...сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных — образе и символе, и в структурной — в понятии» [2, с. 23]. Общий принцип данного подхода — понимание концепта в единстве логического и лингвистического, что практически означает соответствие между содержательными формами концепта и логическим основанием, условием, причиной и целью соответственно, причём основание соответствует концепту, зерну первосмысла концепта, условие — образу, причина — понятию и цель — символу [см. подробнее: 1]. Как сущность, концепт не может проявиться в текстах целиком, по этой причине возможно лишь получить актуальное понятие концепта для конкретных текстов. Для этого необходимо определить его содержание (представленное эпитетами-прилагательными перед именем) и объем (лингвистически представлен предикатами в конкретных текстах). Поскольку содержание и объем понятия связаны между собой (в содержание понятия откладываются как раз те признаки, которые снимаются в общем виде с тех явлений, которые охватывает объем), содержание понятия более устойчиво. Цель данного исследования — выяснить смысловую динамику содержания понятия концепта «истина» с начала 20 века до настоящего момента на материале высказываний, представленных в Национальном корпусе русского языка, определить глубинные семантические сдвиги. Для этого разделим весь материал 20 века на отрезки по 25 лет (пятым отрезком станет материал 2000–2019 г.) и классифицируем прилагательные, употребляемые со словом «истина», с выделением типичных, глубинных, интенсивных и длительных признаков. Данные группы признаков соответствуют логическим категориям объема понятия (типичный признак — цель, интенсивный признак — условие, глубинный — причина, длительный — основание) и содержательным формам концепта.

Классификация имеет следующий вид (группы внутри каждой категории прилагательных выделяются на основании семантики определений):

1900–1925: 334 документа, 1 156 вхождений

Типичные: святая (x11), свободная, чудная (в значении ‘божественного чуда’)

Глубинные: 1. подлинная (x2 — здесь и далее цифра указывает количество вхождений), точная, настоящая (x2), действительная, окончательная, последняя, убедительная; 2. абсолютная (x8), вселенская (x2), единая (x3),

единственная, полная, универсальная (х2); 3. банальная, банальнейшая, простая (х6), очевидная (х2), известная (х3), очевиднейшая, азбучная (х3), прописная, самоочевидная;

Интенсивные: 1. ужасная(2), голая (х3), горькая, живая(х2), страшная(х4), чистая, ясная (х3), позорная, печальная (х3), суровая, светлая, черная, твердая, тонкая, прозрачная, отвратительная, старая (х9), новая, роковая, безотрадная, прискорбная, строгая, глубокая; 2. незыблемая (х2), несомненная (х4), бесспорная (х2), неоспоримая (х2), непреложная (х3), неопровержимая (х2), непререкаемая, безотносительная, священная (х3); 3. а) судейская, классовая, философская (х4), политическая, юридическая, революционно-классовая, личная, религиозная (5), научная (х8), христианская, историческая, сверхнациональная, партийная, страховская, божеская, судебная, математическая (х4), психологическая, человеческая; б) отвлеченно-интеллектуальная, элементарная (х6), материальная, формальная, абстрактная, эмпирическая, теоретическая (2), содержательная; 4. высшая (х5), великая (х7), величайшая, великолепная, возвышеннейшая, величайшая, прекрасная, совершенная, величественная, кардинальная, исключительная, важная

Длительные: вечная (х11)

1926–1950: 281 документ, 923 вхождения

Типичные: святая (х5), божественная, богочеловеческая, нравственная, жизненная

По сравнению с типичными признаками предыдущей эпохи появляется определение «нравственная» вместо «свободной»: от истины свободной, философской намечается движение к наиболее реально-практическим «справедливой» и «моральной», которые мы наблюдаем и в наше время в содержании понятия. На наш взгляд, интересное определение «богочеловеческая» и с двух полюсов «божественная» и «жизненная» лучше всего описывают это «закрепощение». При этом раскладка интенсивных признаков показывает, что параллельно с процессом «закрепощения» количество интенсивных признаков типа «ужасная» и др. с ярко негативной окраской (которая появлялась из-за силы воздействия на человека как результат прямого столкновения живого опыта) уменьшается, что вполне объяснимо: этот процесс представляет собой попытку совладать с явлением в познании.

Глубинные: 1. абсолютная (х6), единственная (х2), полная (х5), частичная, всемирная, всеобщая, объективная (х5), всецелая, последняя (х4), основная (х3), совершенная (х6); 2. действительная (х2), фактическая, сущая (х2), достоверная, неременная; 3. старая (х10), новая, забытая (х2), древняя, давняя, элементарная, известная, избитая, классическая, азбучная (х3), прописная, простая (х4), самоочевидная

Интенсивные: 1. а) научная (х4), христианская (х3), евангельская (х2), философская, онтологическая, трансрациональная, религиозная, православная, марксистская, социологическая, портретная, вероучительная, богословская,

школьная, немецкая, протокольная, местная, логическая статическая; б) парадоксальная, теоретическая, аксиоматическая; 2. а) жуткая, прискорбная, печальная, ужасная, потрясающая, грозная, горькая (х5), плохая, жестокая, тяжелая, яркая, неотразимая, грязная, страшная, ясная, голая, умилительная, парадоксальная; б) великая (х3), важнейшая, высочайшая, высшая, глубочайшая; 3. неоспоримая (х3), несомненная (х3), безличная, беспристрастная, бесспорная (х2), непоколебимая, непреложная (х4), неслыханная, надземная

Длительные: вечная (х10)

1951–1975: 264 документов, 571 вхождений (относительно начала 20 века число вхождений сократилось практически вдвое)

Типичные: святая (х4), нравственная, жизненная (относительно предыдущей эпохи видно, как из состава «типичности» уходят те элементы значения, которые выражают «божественное»), личностная

Глубинные: 1. абсолютная, конечная, полная (х3), предельная (в значении «окончательная», вследствие чего «всеохватная»), единая, совершенная (х3) (в значении «полная»), объективная (х4); 2. Подлинная; 3. старая (х12), простая (х8), банальная, прописная (х2), новая (х2), элементарная, древняя, очевидная, азбучная (х5), тривиальная (х2), общеизвестная (х4), общепризнанная, известная (3), понятная, примитивная

Интенсивные: 1. горькая (х2), живая, грустная, твёрдая (х2), принудительная (х2), неприятная, жуткая, прекрасная, драгоценная, поразительная; 2. великая (х3), главная (х2; родственно «главная», указывает на значительность), великая, поразительная, потрясающая (своим величием), глубокая (х2), важная, сакраментальная, величайшая; 3. поэтичная, догматичная, театральная, личная, научная (х9), словесная, партийная, религиозная, философская, логическая, квантовая, эстетическая, абстрактная, статическая; 4. непреложная (х4), бесспорная, несомненная (х2), безусловная

Длительные: вечная (х3)

Относительно предыдущих эпох видно, как «выветриваются» те глубинные признаки, которые актуально схватывали семантику «соответствия действительности и вследствие этого всесильности».

1976–2000: 516 документов, 1191 вхождение

Типичные: святая (х6), Божья (х3), Господня, личностная, нравственная, истинная, справедливая, человеческая, духовная,

Глубинные: 1. старая (х15), новая (х2), расхожая, очевидная (х5), элементарная (значение «простоты для восприятия» вследствие хорошей известности), нехитрая (х2) простейшая, простая (х5), банальная (х5), избитая, прописная (х8), известная (х4), тривиальная (х2), азбучная (х3); 2. объективная (х6), последняя, окончательная (х2), первая, полная (х2), абсолютная (х10), единая (х2), относительная, единственная (х3), универсальная, совершенная, подлинная; 3. верная, преданная; 4. практическая, действенная

Интенсивные: 1. научная (х8), библейская (х2), онтологическая, историческая (х3), математическая, христианская, житейская (х2),

театральная, художественная, философская, детская, диалектическая, фундаментальная, конкретная; 2. циничная, трагическая, страшная, прямая, отвратительная, подлая, нелепая, голая, нагая, огромная, маленькая, неприятная, печальная (х2), хилая, строгая, грустная, горькая (х2), глубокая (х2), живая, прозрачная, нежнейшая, отрицательная, проблематичная; 3. непреложная (х3), неоспоримая (х4), безусловная, неприступная, бесспорная, безоговорочная, необъятная, непоколебимая, непостижимая; 4. великая (х5), уникальная, сакральная, кафолическая, важная, главная.

Длительные: вечная (х2)

2000–2019: 629 документов, 1 075 вхождений.

Типичные: Божья, истинная, святая, тайная, животворная (истина творения жизни)

Глубинные: 1. абсолютная (х6), окончательная, конечная, объективная (х9), последняя (х5), универсальная, первейшая, единственная (х2); 2. простая (х13), просисная (х7), известная (х10), очевидная (х2), старая (х8), банальная (х5), избитая (х2), новая (х2), самоочевидная, общеизвестная (х2), азбучная (х5), простенькая, затёртая, хрестоматийная; 3. верная

Интенсивные: 1. А) банкирская, конспирологическая, математическая (х2), Божественная, историческая (х2), поэтическая, общечеловеческая, физическая, абстрактная, философская, этическая, балабановская, газовая, кораническая, политическая (х2), научная (х2), условная; Б) разительная, идеальная, противоположная, феноменальная, фундаментальная (х2), абстрактная; 2. высшая (х6), великая (х3), важная (х2), особая; 3. непреложная (х8), неоспоримая, незыблемая, бесспорная, несомненная (х2), безжалостная; 4. невесёлая, печальная (х2), нагая, неприятная, большая, страшная, циничная, горькая (х2)

Длительные: вечная (х3)

На данном этапе наблюдается тенденция к удалению из содержания понятия признаков более подвижных, индивидуальных, среди эпитетов очень мало образных. Это говорит об отсутствии опыта непосредственного столкновения с истиной в познании, которое мы отмечали особенно на момент начала 20 века. Первое образное определение (и то самое популярное в русском языке, «горькая») встретилось в примере из корпуса (и то в выступлении, опубликованном в «Вестнике РАН»):

Но горькая истина заключается в том, что эти прогнозы неосуществимы при той системе организации экономики, общества и государства, которую мы имеем. [С. С. Григорян. Выступление на научной сессии общего собрания РАН (2008) // «Вестник РАН», 2009].

При этом же прилагательные типа «старая» встречаются намного реже, т.е. «старое» содержание понятия тоже «вычищается». Прилагательные часто повторяются (начало этой тенденции по количеству вхождений можно отследить в конце 20 века).

На основании проведённой классификации можно сделать следующий вывод: из текста в текст «кочуют» одни и те же определения, при этом

содержание понятия постепенно застывает, живые процессы познания прекращаются. Также существенно обедняется та часть интенсивных признаков, которая выражала реальные проявления истины в разных областях: математическая, научная и др. Это также говорит о разрыве истины с практикой (во время существования «свободной» истины практическое применение в различных условиях было намного сильнее). При этом многократно повторяющееся прилагательное «объективное» обрастает в таком семантическом окружении неким элементом «неприложимости», к практическому «субъективному» осуществлению. Очевидным становится появление некоей дистанции, особой закрытости истины и невозможности встречи с ней. Но вера в её существование остаётся, отсюда – ранее не появляющийся эпитет «тайная». Интенсивные признаки типа «непреложная» встраиваются в этот новый семантический контекст следующим путём: непреложным оказывается то, что лишь открывается по своей воле, никак иначе обуздать и что-то с этим сделать нельзя. «Ужасная» и «живая» истина остаётся в своей полноте потаена, вырождаясь на поверхности реальности в моральные рамки (возможно, из-за страха перед её свободой). Полное отсутствие образных определений у современных информантов наряду с активным брожением внутри семантического поля содержания понятия говорит о том, что данный концепт сам «просит» живого опыта столкновения с явлением и его содержание понятия содержит достаточное пространство для этого столкновения, иначе этот сильный импульс заставляет заполнять пустоту (пусть даже страшную и ужасную!) чужими признаками, вызывая смешение и смещение. Также при отсутствии живого опыта эта потребность вынуждает «притягивать» в качестве типичных признаки другого концепта – «правды». Истина оказывается изгнанной из жизни или существует вместо «правды» в жестких моральных рамках. Другая сторона смещения – излишняя рационализация этики, этот импульс несёт в себе данный концепт изначально.

Динамика содержания понятия (на сегодняшний момент – «кочующие» из текста в текст определения, превращающиеся в готовые, почти средневековые формулы) соотносится с результатами исследования предикатов, полученных на основании анализа высказываний информантов: «анализ содержательных форм концепта «истина», проведенный на материале анализа высказываний студентов, позволил определить, что современное понимание указанного концепта, наблюдаемое у информантов, тяготеет к «идеальной» рациональности, характерной для средневековья» [3. с. 114].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М. В. Пименова. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 248 с.
2. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

3. Секиро О. О. Концепт «истина» в современном русском языковом сознании. // Материалы Седьмой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2018 г. СПб., 2018.

O. O. Sekiro

Saint-Petersburg state university (SPBU)

CONCEPT 'TRUTH': EVOLUTION OF CONTENT OR NEW EPOCH OF 'READY WORD'

This article describes the content evolution of the concept 'truth' on the material of the sources from the period 1900-2019 (taken from the National corpus of Russian language). The analysis is carried out by means of classifying adjectives on the base of their semantics. The research ends with a conclusion about deep changes in the content of this concept.

Language and mentality, concept 'truth', conceptual studies, cognitive linguistic

УДК: 81'42

М. С. Сигаева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
msigaeva@gmail.com*

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

В данной статье рассматривается роль языка как эффективного способа подавления личности в тоталитарном обществе на примере романа Маргарет Этвуд «Рассказ служанки». В работе исследуются языковые приемы и особенности, характерные как для антиутопической литературы в целом, так и для данного произведения в частности.

Антиутопия, дискурс, аллюзия, метафора, неологизм

Язык во все времена являлся мощным политическим орудием. Слоганы, памфлеты, лозунги и политические статьи должны привлекать внимание, заявлять о насущных проблемах и возможностях их решения, и убеждать

адресата в правильности его выбора. Крайне интересным объектом для изучения языка как инструмента влияния на личность являются антиутопические романы.

По словам Гарольда Д. Лассуэлла, известного как основателя политической психологии, «с помощью власти мы можем понять взаимоотношения между людьми, которые, в случае необходимости, делают свой выбор по принуждению. Слова и власть тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение, и так далее). Слова также имеют большое значение в переходные для власти периоды – во времена революционных волнений и конституционных инноваций» [2, с. 264].

Объектом данного исследования стало произведение канадской писательницы-феминистки Маргарет Этвуд «Рассказ служанки». Вслед за Олдосом Хаксли и Джорджем Оруэллом она продолжает английскую традицию «антиутопий», изображая государство как машину, подавляющую волю человека, его эмоции и право выбора. Сама автор позиционирует свою книгу как жанр спекулятивной фантастики (speculative fiction, SpecFi) – термин, принятый у англоязычных критиков и литературоведов. В отличие от обычной фантастики, данный жанр описывает будущее, которое возможно и без технологических прорывов, будущее, которое люди могут создать своими руками. Данное определение было введено в 1947 году Робертом Хайнлайном в эссе 1947 года «On the Writing of Speculative Fiction» [5, с. 7]. По словам Маргарет Этвуд, в научной фантастике есть монстры и космические корабли; спекулятивная фантастика может стать просто реальностью «*Science fiction has monsters and spaceships; speculative fiction could really happen*» [6].

Книга повествует о жизни в теократической республике Гилеад, где к власти пришли христианские радикалы. В условиях, где, вследствие радиоактивной катастрофы, большая часть женщин стали бесплодны, новый класс женщин – Служанок должен обеспечить потомством правящий класс. Роман наполнен аллюзиями к Старому и Новому Заветам, с помощью которых новая власть утверждает новый порядок вещей, эвфемизмами и метафорами, цель которых – заставить людей забыть прошлую жизнь и подчиниться новому строю. Само название романа *Handmaid's tale* отсылает нас к «Кентерберийским рассказам» Д. Чосера [6].

Произведение переживает новый всплеск популярности в наши дни после прихода к власти нового президента США, а также выхода одноименного сериала. Так, многие американки выходят на митинги против ущемления женских права, в частности таких, как право на аборт, в связи с обсуждениями и принятия новых законопроектов. Эти протесты прокатились по главным городам Америки и получили название Женский Марш (Woman's March). Они во многом связаны с заявлениями будущего президента, а также его соратников.

Язык – это одна из первых вещей, которые меняет новая власть: вводится строгая иерархия должностей, запрещается употребление наименований многих явлений из прошлой жизни. Женщины лишаются права читать и писать. Все женские роли в новом обществе четко определены и их наименования также частично отсылают нас к Старому Завету: Жены (Wives), Служанки (Handmaids), Марфы (Marthas), Иезавели (Jezebels) и Недоженщины (Unwomen). Вне зависимости от положения в новом обществе, все женщины лишены своих настоящих имен, кроме Жен. Это знаковый момент, который также может напомнить о главном герое романа Замятина «Мы» Д-503. Г.Г. Почепцов говорит, что «имя задает и предопределяет будущее человека. В далеком прошлом просто так нельзя было употреблять имя человека, чтобы ему не навредить» [3, с. 237]. В Гилеаде будущее женщин предопределено и оно – в служении мужчинам и общему благу. Новые имена Служанок – производные от имени их Командора (Commander), образованные с помощью предлога Of, означающего принадлежность: Offred (Of+Fred – Фредова, Of+Glen = Ofglen Гленова, Of+Warren = Ofwarren – Уореннова). Сама автор говорит о возможном существовании скрытого смысла данного образования от «offered» – пожертвованный. *Within this name is concealed another possibility: “offered,” denoting a religious offering or a victim offered for sacrifice* [6]. Оксфордский словарь дает следующие определения handmaid – 1. female servant 2. A subservient partner or element. Служанка – 1. Прислуга женского пола 2. Подчиненный партнер или элемент [8]. В романе именно это два определения характеризуют жизнь Служанок. Они имеют в данном обществе четко определенную задачу, являются ключевым, но зависимым элементом. Далее по иерархии идут Марфы (Marthas) – бездетные служанки, ответственные за организацию домашнего быта. В Новом Завете Марфа – сестра Марии, в их доме останавливался Иисус Христос. *Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне* [1, с. 31]. Затем Иезавели (Jezebels) – представительницы древнейшей профессии в публичных домах, расположенных на границе с Гилеадом. Исторически Иезавель (упоминается в Ветхом Завете, в нескольких Книгах Царств, в Новом Завете, в Откровении Иоанна Богослова) – дочь царя Сидонского Ефваала, жена Ахава, седьмого царя Израильского, символ порочности и распутства [7, с. 623].

Помимо имен, библейские аллюзии встречаются и на бытовом уровне. Названия машин: «Буря», «Вихрь», «Бегемот». *The car is a very expensive one, a Whirlwind; better than the Chariot, much better than the chunky, practical Behemoth*; [4, с. 7]; продуктовых магазинов: Хлеб и рыба (Loaves and Fishes), Вся плоть (All Flesh), Полевые Лилии (Lilies of the Field) – все отсылает нас к различным библейским главам. *We got the fish at Loaves and Fishes* [4, с. 65]; *We go to Milk and Honey, and to All Flesh* [4, с. 115].

Правящий класс монополизирует язык посредством запрета доступа к литературе и тотального контроля дискурса. Структура фраз и предложений,

приветствий и прощаний четко регламентирована. Вместо приветствия все должны использовать одинаковые фразы, беседы на личные и отвлеченные темы запрещены, приветствие и прощание стандартизированы и предполагают обязательные ответы **«Blessed Be the Fruit»** – «May the Lord open», «Under his Eye». Варианты развития диалога также сведены к определенному набору фраз.

"The war is going well, I hear," she says.

"Praise be," I reply.

"We've been sent good weather."

"Which I receive with joy."

"They've defeated more of the rebels, since yesterday."

"Praise be," I say. I don't ask her how she knows, "What were they?"

"Baptists. They had a stronghold in the Blue Hills. They smoked them out."

"Praise be." [4, с. 8]

Автор играет со словами и цитатами из Библии, показывая, как, за относительно короткий срок, можно поменять сознание и восприятие реального мира под давлением окружающего дискурса. Правительство манипулирует языком, чтобы нарастить влияние над населением. Оно намеренно использует библейские фразы, чтобы показать, что их намерения чисты, и люди должны подчиниться ради их собственного блага. Противоправные, с точки зрения гуманизма, вещи совершаются под прикрытием Библии. Выбор имен для гендерных ролей и обозначения для новых реалий неслучаен. Представитель высшего руководства – Коммандор (Commander) является также главой Домочадцев (Household – A house and its occupants regarded as a unit house+hold. *I wait, for the household to assemble. Household: that is what we are. The Commander is the head of the household. The house is what he holds. To have and to hold, till death do us part [4, с. 31].* Все мужские роли в обществе так или иначе являются аллюзиями на библейские темы: Защитники веры (Guardians of the Faith) – представители полиции, Очи (Eyes of the Lord) – секретная служба шпионов и Ангелы (Angels) – солдаты.

Своего рода посредниками между Служанками и их будущими семьями стоят Aunts – «уютное», будто бы успокаивающее имя, напоминающее о доме и заботе включает в себе достаточно суровые и авторитарные функции его носителя. Недаром в переводе на русский выбран вариант «Тетки», передающий негативную коннотацию, заложенную в данном слове. Их задача – подготовить своих подопечных к их новой роли, а также осуществлять надзирательную и исполнительную функции. К последней относится исполнение приговоров, вынесенных тем, кто нарушил закон. Интересно само название казни: Salvaging (Избавление). Люди, которые были казнены, считаются «очищенными» (salvaged). Помимо аллюзий используются неологизмы, созданные, чтобы заменить ранее существовавшие в языке формы. Целью данного процесса является необходимость убрать из слова негативные, пугающие коннотации. Вместо слова казнь используется неологизм **Причастика (Particicution)** – способ лишения жизнь, когда преступника должны убить любым способом, но голыми руками, без

применения оружия. Слово образовано от «participate» и «execution». Это не единственный пример замены или изменения реальных названий действий или явлений. Так, люди нетрадиционной ориентации именуются гендерными изменниками (gender traitor), машина, везущая в родильный дом – родоавтомобиль (birthmobile), младенец, рожденный с каким-либо дефектом – недоребенок (unbaby).

В романе, как видно из вышеуказанных примеров, используются различные языковые приемы, чтобы отвлечь внимание от истинного положения дел, завуалировать реальные действия. Метафора, несомненно, является одним из самых действенных и распространенных способов манипуляции сознанием. Именно поэтому ими богаты многие антиутопические произведения. Описывая собственное положение, главная героиня с горькой иронией называет себя и остальных служанок «*ladies in reduced circumstances*» [4, с. 41]. В то же время их убеждают в собственной ценности и значимости, что создает достаточно абсурдную ситуацию. *We want you to be valued, girls. Think of yourselves as pearls. You must cultivate poverty of spirit* [4, с. 44]. Реакция главной героини на эти слова подтверждает полную зависимость, в том числе и в определениях: *We are hers to define, we must suffer her adjectives* [4, с. 44]. Книжки, находящиеся под запретом, сравниваются с оазисом. *They're filled with books. Books and books and books It's an oasis of the forbidden* [4, с. 55].

Таким образом, язык тоталитарного общества – это язык пропаганды и давления. В данном случае куда более мощный эффект достигается за счет запрета на использование языка в целях, не отвечающих идеям государства. Люди страдают от многих форм подавления личности и свободы, но доминантной является именно язык. Слово обладает магической силой, а многократное повторение шаблонных фраз вызывает эффект привыкания, заставляет многих смириться с существующим порядком вещей. Автор демонстрирует насколько эффективен способ борьбы с инакомыслием и противодействием власти при запрете использовать привычные фразы и имена, как быстро может поменяться восприятие реальности в условиях преобладания нового дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова В. Н. Евангелие от Луки. Комментарий. М., 2004.
2. Лассуэлл Г. Язык власти//Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006.
3. Почепцов Г. Г. *Теория коммуникации* / Г. Почепцов. – 2-е изд., стер. – М.: Сمارт Бук, 2009.
4. Atwood Margaret, *The Handmaid's Tale*. New York: Fawcett Crest, 1986.
5. Robert A. Heinlein, *On the Writing of Speculative Fiction in Of Worlds Beyond: The Science of Science-Fiction Writing* ed. by L. A. Eshbach, Fantasy Press, 1947.
6. An Interview with Margaret Atwood on her novel, “The Handmaid's Tale”. Nashville Public Library on 13 April 2016.

Словари

7. А. Л. Иезавель // Энциклопедический словарь – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1894.

8. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/online> (дата обращения: 06.03.2019).

M. S. Sigaeva

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

LANGUAGE AS AN INSTRUMENT OF SUPPRESSION IN THE NOVEL «HANDMAID'S TALE»

The article considers the role of language as an efficient way to suppress individuality in totalitarian society on the example of «Handmaid's Tale» by Margaret Atwood. The study analyzes language devices and peculiarities typical for dystopian literature in general as well as the ones used in the book.

Dystopia, discourse, allusion, metaphor, neologism

УДК 81'42

А. Л. Соколова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
alexandra.l.sokolova@yandex.ru*

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ МИФОЛОГЕМЫ «WAR» В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Данная работа посвящена исследованию мифологемы «war» как элемента конструирования медиатекстов. Приводится краткая характеристика медиадискурса и политического дискурса. Описываются способы воздействия на адресата и роль мифологемы в качестве инструмента такого воздействия. Приводятся примеры, иллюстрирующие положительное или отрицательное семантическое значения мифологемы в текстах СМИ. В рамках этих категорий рассматриваются основные характеристики: ужас, угроза, превосходство, успех, достижение.

Дискурс, мифологема, политический дискурс, язык сми

Медиадискурс политической направленности это совокупность медиатекстов, относящихся к описанию событий в политической сфере общества. «Текст является политическим, если он отражает отношения между социальными группами по поводу осуществления власти в обществе» [1, с. 287].

Медиатекст – это сложное, многокомпонентное образование, носящее массовый характер и используемое для передачи той или иной информации в СМИ. Медиатексты могут иметь форму репортажа, рекламы, лозунга, речи, теле- или радиопрограммы. Для правильного воздействия на адресата в медиатекстах используются игра слов, понятий, структур. Задачей является сообщение адресату не больше, но и не меньше необходимого для формирования определенного образа происходящего. При этом конструирование дискурса происходит по вполне традиционной схеме: интерпретатор компилирует общее значение из «понятийных примитивов».

Согласно В.З. Демьянкову новая информация помещается в рамки предварительной интерпретации, то есть внутри текста устанавливаются различные связи, а новая информация «погружается» в тему дискурса. В результате появляется возможность устранить или, наоборот, добавить референтную неоднозначность. При интерпретации также определяется коммуникативная цель, необходимая для построения сценария всего дискурса. В процессе такой интерпретации воссоздается мысленный мир, в котором человек находит характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий и т.п. Этот мысленный мир существует по правилам, установленным его создателем с уникальным жизненным опытом. Автор не может избежать собственных оценок дискурса при его конструировании, как и добавления к нему каких-либо субъективных деталей. Интерпретатор, в свою очередь, не может расшифровать его без персональной субъективации, что подтверждает идею о недостижимости людьми стопроцентного понимания [2, с. 117].

Говоря о политическом медиадискурсе, стоит отметить, что авторы «текстов» умело пользуются механизмом представления знаний. Пытаясь понять «текст» в широком смысле, человек стремится постичь чужое мысленное пространство, а опытный автор, особенно политик, предваряет такое речевое внушение подготовительной обработкой чужого сознания, с тем, чтобы новое отношение к предмету гармонизировало с устоявшимися представлениями.

Внушение может быть прямым или опосредованным. Наиболее интересным в рамках данной работы представляется опосредованное внушение, когда адресант не знает, что подвергается воздействию манипулятора. Такое внушение весьма трудно отследить, когда сообщение передается в печатном виде. Так, во многих статьях политической направленности воздействие осуществляется с помощью языкового инструментария мифологем, обращаясь к которым автор может легко установить контакт с подсознанием читателя. По словам В.А. Рыжовой в политическом дискурсе широко используются те

мифологемы, прагматические установки которых опираются на архетипические знания человечества как на область психологических ролевых образов [45, с. 194].

Таким образом, при столкновении с «отсылкой» к знакомой истории, в сознании человека формируется определенная реакция, за которой следуют специфические ощущения. На бессознательном уровне происходит идентификация персонажей упомянутого события с людьми, событиями или явлениями, непосредственно ему знакомыми. При референтности сюжетов рассказ обретает для человека большую значимость и личностный смысл, что влечет за собой приобретение им дополнительного опыта. Полученный таким опосредованным образом опыт может помочь человеку обогатить свою модель мира. При коммуникации это представляет особую важность, т.к. такая информация позволяет осознать границы собственных представлений и знаний, что влечет за собой расширение этих границ и вариантов эмоционального реагирования.

Следовательно, наблюдается эффект мифологизации сознания — искажение или замещение реального представления о действительности глубоко эмоционально, ассоциативно и метафорически насыщенным. На основе этого явления появляются современные политические мифы, которыми наполнены дискурсы СМИ. Они стараются воздействовать на устоявшиеся иллюзии, мечты, желания, надежды, страхи людей. Мифы с интенцией на формирование или замену устоявшегося миропонимания и/или мироощущения, стремятся манипулировать идеологическими и психологическими установками и ожиданиями. В ходе такого воздействия осуществляется подмена реальных причинно-следственных связей между событиями или явлениями вымышленными, порождаются ложные образы личностей, слагаются одиозные или героические легенды.

Одной из ключевых мифологем англоязычного политического дискурса была и остается мифологема «war». Операция с простыми представлениями о войне, построение бинарной оппозиции – хороший/ плохой – ключевой принцип применения мифологемы в дискурсе СМИ. Знакомые сюжеты, переложенные на события текущего конфликта, обеспечивают сближение читателя с героями истории. Интересно, что в медиатекстах политического характера могут реализовываться три варианта значения такого, казалось бы, однозначного понятия: положительное, отрицательное и нейтральное. Это может рассматриваться как элемент игры с впечатлением ради достижения поставленных задач.

В ходе работы с языковым материалом, отобранным из текстов газетных статей, содержащихся в Британском национальном корпусе [4], было выявлено две основных группы значений мифологемы:

1. «Ужас», «разрушение».
2. «Превосходство», «успех», «достижения».

Рассмотрим некоторые примеры.

В обоих случаях при реализации значения используются элементы, входящие в лексико-семантическое поле мифологемы «war». В первом это единицы с ярко выраженной негативной коннотацией:

- существительные: blood, bomb, bombing, bullet, corpse, death, explosion, graveyard, massacre, tombstone, wound, etc.

- глаголы: to attack, to bury, to explode, to invade, to kill, to shoot, etc.

The contradiction seems lost, or maybe even no longer relevant, in a conflict where death often comes from the skies».

Barrel bombs, the Syrian war's most savage weapon, are also its most indiscriminate killer.

Amid the regular distant thunder of artillery strikes, insurgent tactics are starting to bite.

"They got out of tanks and they had guns and knives," he repeated. "Some of them were wearing civilian clothes, some army clothes.

Corpses were still arriving 10 days after the original discovery on January 29, washed downstream by currents flushed by winter rains.

СМИ делают акцент на привычном людям кровавом образе войны, говоря о резне («An 11-year old boy has described how he smeared himself in the blood of his slain brother and played dead as loyalist gunmen burst into his home and killed six members of his family during the start of a massacre in Houla, central Syria.»); о ранениях (They had been returned to their families with bullet and knife wounds and were to be buried in the afternoon.); об обстрелах и взрывах («Those explosions you saw in Damascus in December [an apparent twin car bombing], we were told to avoid the area for two hours before," he claimed. "It was the same with the suicide bombing in Midan [an explosion one month later in the centre of Damascus]) и т. д.

Значения страха и ужаса также передаются напрямую номинативными средствами языка с соответствующей коннотацией, что придает оформленность представлениям о страхе, как естественном спутнике войны, а также нивелирует попытку отстраненного восприятия данного значения:

Syrian city of Raqqa gripped by fear of US air strikes on Isis.

«We walked up the mountain another 10 hours. All the way we were terrified. If the Turks saw us, they would have shot us».

Все вместе апеллирует к существующему в сознании британца образам войны (тут и массовые потери в первой мировой, и бомбежки Лондона во второй, и Ковентри, и более ранние военные конфликты, которыми так богата история Соединенного королевства) и формирует вполне определенное отношение к ситуации в целом.

Во втором случае используются единицы с положительной окраской. Война не может продолжаться без должной мотивации людей. Даже если страна и не принимает непосредственного участия в конфликте, она, вероятнее всего, финансирует военные операции, являясь союзником одной из сторон. Следовательно, в качестве оправдания расходов налогоплательщиков, необходимо описывать храбрость участников, результативность операций,

надежды на победу, – то есть демонстрировать, что правда на «нашей» стороне. Для этого используются единицы уже совсем другого типа:

- существительные: achievement, defender, defence, faith, freedom, heroism, honour, victory, warrior, etc.

- прилагательные: brave, fearless, alert, courageous, heroic, ingenuous, prepared, resilient, strong, etc.

- глаголы: to defend, to protect, to shield, to struggle, to win, etc.

The spectacular successes of the jihadists last week has perhaps done more to demonstrate the weakness of the state actors they are fighting than to showcase their own strength.

Instead they were being slowly driven back by outnumbered, outgunned but disciplined forces whom the city's leader compared to heroes of ancient Greece in their ingenuity and bravery.

Здесь происходит обращение к устойчивым представлениям: память мифологического сознания хранит знания о рыцарских идеалах. Воин, солдат должен быть честным и благородным. Главной задачей в жизни рыцаря было не только поклонение атрибутам веры, но и их защита. Рыцари служили идеалом преданности и храбрости. Следовательно, использование лексем традиционно связанных в сознании с положительным образом воина-спасителя, запускает программу идентификации того, о ком рассуждают в указанных терминах, как «своего», «хорошего» и «правого».

Другой причиной существования положительной окраски мифологемы является тот факт, в большинстве своем, люди хотят знать, что все есть или будет хорошо. Нельзя видеть только плохое, тем более, если катастрофические события не касаются читателей напрямую. В статье должна присутствовать мажорная нота. Какие бы ужасы не описывались в тексте, заключение призвано воодушевлять.

One view is that the fight for Syria's capital is coming, but not quite yet – in the summer perhaps, some predict, when the rebels have consolidated their gains in the south. Others argue that outright victory by either side is unlikely and hope for a political solution imposed from abroad.

Many military defectors have returned there to live with their families

Зачастую, для привлечения большей аудитории, медиатексты приобретают нейтральный характер, уходя от непосредственных оценочных суждений, однако оставляя некоторую двусмысленность, апеллирующую как раз к собственным установкам адресата.

We know better than the outsiders, who are here just to fight and kill.

What will happen to them when they become mired in the real politik of civil war?

Подобный прием позволяет сформировать у адресата представление о самостоятельной интерпретации предложенной информации, при этом, направляя оценочность его собственных суждений в нужную адресанту сторону.

Особенность обращения к мифологеме войны, состоит в том, что она почти всегда вызывает нужный резонанс. Представления о войне в первооснове, – как о явлении, несущем гибель, – будет совпадать во многих культурах. Однако мифологема так же этноцентрична, и каждая культура присваивает ей те основные качества, которые ей кажутся естественными и исконными. В один исторический период времени в разных культурах можно наблюдать широкое применение мифологем, сопровождающих, описывающих и/или актуализирующих ход того или иного процесса, в особенности в политическом дискурсе. При этом каждому этносу свойственен свой специфический набор мифологем, отражающих какое-либо явление, событие или личность (статус личности) в истории. Установки таких мифологем имеют абсолютно разные цели: от внушения актуального мнения, манипулирования сознанием общества или идеологическими установками людей, до подчинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохин И.Н. Произведение политической журналистики // Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия. СПб., 2004. – 446 с.
2. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003., с.116–133.
3. Рыжова В.А. Мифологема как симулятивный знак и лингвистический инструмент внушения представлений // Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск. Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ» 2015, Том 6, № 1, с. 193 – 195.
4. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 27.02.2019).
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Chris Fox, Rosalind Combley. Pearson Education, 2014 – 2224 p.

A. L. Sokolova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MYTHOLOGICAL CONCEPT «WAR» IN THE POLITICAL MEDIA TEXTS DISCOURSE

The article deals with the mythological concept «war» in the political media texts discourse. The paper considers the basic principles of mythological concepts influence on the readers perception of the information provided. Empirical data is used to illustrate the key characteristics of the mythological concept «war» in political discourse.

Discourse, mythological concept, mythology, political discourse, media language

УДК 811.111

Т. А. Спиридонова

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
spirtam@yandex.ru

КОСВЕННОЕ ЦИТИРОВАНИЕ КАК МАРКЕР ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируется взаимодействие ресурсов модусных категорий оценочности, эвиденциальности, персуазивности для создания интертекста посредством пересказа чужой речи, который допускает отхождение от языковой формы оригинала, авторское перефразирование текста, информационное сжатие, авторские включения.

Косвенное цитирование, модусные категории, новостной дискурс

Отличительной особенностью новостного текста, особенно связанного с политической проблематикой, является его интертекстуальный характер. Исследователи отмечают своеобразный бум интертекстуальности [2, с. 177], который объясняется как огромным информационным потоком, который требует определенного отсыла к сопряженным новостным сюжетам с целью ориентирования адресата в новостном пространстве, так и тем, что новостной текст не может создаваться без опоры на предыдущие источники. Обладая открытой структурой, он, с одной стороны, вбирает в себя всевозможные отсылки к ранее созданным текстам, с другой стороны, сам расширяет новостной континуум. Процесс создания новостного текста с необходимостью затрагивает проблему прямой и косвенной оценочности, через которую осуществляется убеждение адресата, формирование того или иного отношения к новостному событию или отдельной личности [1].

Целью данной статьи является рассмотрение видов косвенного цитирования, за счет которого происходит создание интертекста в ходе передачи чужой речи в новостных сюжетах. Данная цель предусматривает решение таких задач, как уточнение понятия «интертекст», определение типов косвенного цитирования и их прагматического эффекта на адресата.

Прежде чем перейти к собственно исследованию, представляется необходимым уточнить понятие «интертекст» в связи его разнообразной трактовкой в научных произведениях. Начнем с того, что интертекст может создаваться за счет привлечения различных ресурсов, самым распространенным из которых является цитация, которая подразделяется на два вида: прямую и косвенную. Мы не можем согласиться с мнением тех

исследователей, которые ставят знак равенства между цитатой и интертекстом: «Цитата, будучи интертекстом, включается в текст интернет-новостей особым образом» [2, с. 178]. Очевидно, что цитата в этом процессе играет роль маркера интертекстуальности, она сигнализирует о сопряжении разнотекстовых пространств, в ходе которого и создается продукт этой деятельности, предстающий в форме информационной реальности, призванной активировать когнитивную базу адресата. Сама цитата при этом является интекстом, текстом внутри текста.

Отметим, что цитирование, прямое или косвенное, обязательно сопровождается маркерами эвиденциальности, отсылающими к источнику информации и позволяющими расценивать саму информацию как правдивую или фейковую, надежную или ненадежную, точную или неточную и т. д. Ресурсы модусных категорий эвиденциальности и оценочности, усиливая действие друг друга, направлены на убеждение адресата в правильности той или иной оценки, заложенной в создаваемом интертексте.

Пересказ чужой речи является явным маркером интертекстуальности в новостном дискурсе, поскольку содержит отсылку к чужому тексту. В отличие от прямой цитаты, косвенная цитация допускает отхождение от языковой формы оригинала, авторское перефразирование текста, часто информационное сжатие текста, а также авторские включения, иногда прямые редуцированные цитаты. При этом, как и при прямом цитировании, используются лексические маркеры эвиденциальности. Приведем пример:

(CNN) President Donald Trump has sent a lot of bad tweets. He's tweeted things that aren't true. He's tweeted personal attacks about everyone from Hillary Clinton to Mika Brzezinski and back. He's called North Korean dictator Kim Jong Un "Little Rocket Man." But a tweet he sent Monday morning -- just hours before sitting down with Russian President Vladimir Putin -- has to be the worst... ..the President of the United States saw fit to turn the blame for the bad relationship between the two countries on the US. And specifically on an investigation launched by his Justice Department and run by Mueller, who was appointed head of the FBI by Republican President George W. Bush -- a position he held for a decade. ...His defense of Putin -- he says he didn't do it! -- in the face of the unanimous intelligence community conclusion that Russia did, in fact, meddle in our election is even worse. [3].

В статье автор говорит о различных заявлениях президента Трампа, сделанных им в своем твите. В приведенном выше примере присутствуют все перечисленные способы передачи чужой речи, сопровождающиеся лексическими маркерами эвиденциальности: *tweeted, called, saw fit to turn the blame for..., says*, которые, с одной стороны, призваны засвидетельствовать правдивость передаваемой информации, а, с другой стороны, создать ее аксиологическую маркированность с помощью дерогативного по смыслу сочетания *saw fit to turn the blame for...*, а также графических маркеров, например, восклицательного знака в конце синтаксической вставки,

цитирующей слова президента США по поводу вмешательства российского президента в американские выборы «-- *he says he didn't do it!* --», что указывает на возмущение автора и призвано указать читателю на недопустимость полагаться на слова своего политического противника.

Информационное сжатие текста до самой высокой степени плотности касается твитов президента по поводу его политических оппонентов – Хилари Клинтон и американской журналистки и телеведущей Мики Бжезински. Автор применяет гиперонимическое обобщение «*личные нападки*» Д. Трампа (*personal attacks*) на своих ярых противниц. Такая степень информационного сжатия вполне объяснима, поскольку события достаточно дистанцированы во временном отношении, очень широко известны и нет необходимости пересказывать слова президента в подробностях.

Пересказ другого твита, посвященного лидеру Северной Кореи, содержит прямую графически маркированную цитату «*маленький человек-ракета*» («*Little Rocket Man*»), обладающую многовекторной аллюзивностью: отсылкой к рассказу Рэя Брэдбери “The Rocket Man”, треку “Rocket Man” группы Pearls Before Swine, песне Элтона Джона, изначально называвшейся “Little Big Town”, а затем получившей название “Rocket Man”, компьютерной игре «Little Rocket Man». Однако очевидно, что в твите и затем в новостном контексте происходит дерогативная пословная актуализация каждого компонента словосочетания: *Little* явно является прозрачным намеком на рост корейского лидера Ким Чен Ына, а параллельно и на размер страны, которой он руководит, словосочетание *Rocket Man* со всей очевидностью переосмыслено и не является эквивалентом *астронавта* или *космонавта*, а содержит прозрачную отсылку к концепту «ядерные ракеты», которыми обладает государство и власть использовать которые имеет этот маленького роста человек. Доказательством нового прочтения словосочетания после твита президента служит появление сленгового фразеологизма *Little Rocket Man*, компоненты дефиниции которого в Urban Dictionary (*a person who loves to shoot off rocket missiles at other countries*), в свою очередь, при последовательном семантическом развертывании дефиниции отсылают к инвективной лексике [4], усиливая его негативную аксиологическую составляющую. Прямая усеченная цитата из твита приводится автором новостного сюжета с целью экстраполировать негативное впечатление от цитаты на подтверждение правомерности восприятия имиджа самого президента.

Авторские включения в рассматриваемом примере носят характер комментария, отражающего авторскую позицию по отношению к официальным твитам президента, а, следовательно, и к самому президенту, посредством упоминавшихся выше средств эвиденциальности с отрицательной оценочностью, синтаксической вставки с восклицательным знаком, а также лексического повтора прилагательного *bad* во всех степенях сравнения, которое становится ключевым словом эмоционально окрашенной тематической сетки «*очень плохая политика*»: *a lot of bad tweets, things that aren't true, personal attacks, a tweet... has to be the worst... , saw fit to turn the*

blame for the bad relationship...His defense of Putin -- he says he didn't do it! -- is even worse. Таким образом авторские включения также работают на создание синергетического дискурсивного эффекта с нарастающей негативной оценочностью, которая строится за счет прямой эксплицитной оценки, градуированной по оценочной шкале до самой критической отметки.

Подводя итоги, отметим, что выявленные в ходе анализа виды косвенного цитирования являются пространством синергетического сцепления ресурсов модусных категорий оценочности, эвиденциальности, персуазивности, которые могут рассматриваться как постоянный категориальный кластер интертекстуальности в новостном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузина О. А. Цитирование как средство воздействия в медиадискурсе // Вестник ММА <https://cyberleninka.ru/article/n/tsitirovanie-kak-sredstvo-vozdeystviya-v-mediadiskurse>
2. Цибикова Н. С. Прагматика цитатной речи (на материале Интернет-СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 177–179.
3. URL: <https://edition.cnn.com/2018/07/16/politics/trump-tweet-putin/>
4. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term>

Spiridonova T. A.

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

INDIRECT CITATION AS A MARKER OF INTERTEXTUALITY IN NEWS DISCOURSE

The article examines the interaction of resources of the modus categories 'evaluation', 'evidentiality', 'persuasiveness' to create the intertext through other people's speech retelling that permits deviation from the form of the original, paraphrasing the speaker's text, information compression, author's insertions.

Indirect citation, modus categories, news discourse

УДК 81'42(07)

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
nathalie.tresjolie@icloud.com

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Рассматриваются стратегии в политическом интервью. Исследуется механизм реализации персуазивной стратегии через когнитивную метафору. Выявляется роль концептуальной интеграции в формировании персуазивной стратегии в современном политическом интервью.

Политическое интервью, концептуальная интеграция, когнитивная метафора, ментальные пространства, дискурсивные стратегии, персуазивная стратегия

Настоящая статья является частью расширенного исследования стратегий в политическом интервью и представляет собой пример анализа персуазивных тактик в рамках когнитивного подхода.

Политическое интервью выделяется как жанр политического дискурса, однако в нем присутствуют отдельные признаки медиа- и аргументативного дискурса. Современное американское политическое интервью характеризуется демократизацией как с точки зрения диалогического формата общения, подразумевающего равенство сторон, так и с точки зрения проникновения в институциональный политический дискурс черт развлекательности и разговорной речи [2, с. 68].

Формат американского политического интервью способствует реализации следующих коммуникативных стратегий: эвразивность, стратегия положительной и отрицательной репрезентации, контраргументация, целеполагание, создание эмоционального фона, дискредитация [2, с. 9].

В политическом интервью, как и в других жанрах политического дискурса, нередко применяется персуазивная стратегия, реализуемая посредством частной стратегии оценочного информирования. Суть оценочного информирования состоит в создании определенного образа объекта, а не в его объективном описании. При этом на первый план выходит эмоционально-аффективное воздействие, вытесняющее рациональное мышление, используются оценочная лексика и экспрессивные структуры, присутствует ориентация на определенную референтную группу.

В политическом дискурсе оценочное информирование осуществляется главным образом с помощью персуазивной техники этикетирования, которая

реализуется двумя способами. Первый способ – противопоставление «своего» (мы) и «чужого» (они). Второй является логическим продолжением первого и заключается в положительной характеристике «своего» и дискредитации «чужого».

Тактики (техники), способствующие реализации стратегии оценочного информирования, многообразны. Например, тактика групповой идентификации, ведущая к формированию национальной, этнической, территориальной или политической идентичности (использование лозунговых слов). И соответственно – тактика дискредитации или политического размежевания, способствующая приписыванию «чужому» отрицательных характеристик. Это так называемая тактика «навешивания ярлыка» [1].

В данной статье предпринимается попытка анализа персуазивной стратегии современного американского политического интервью с помощью когнитивного подхода, а именно теории концептуальной интеграции.

Построение значения в теории концептуальной интеграции рассматривается как создание конфигураций ментальных пространств – постоянно модифицируемых когнитивных конструкторов, которые строятся в режиме реального времени в ходе дискурсивной деятельности и хранятся в оперативной памяти говорящих [5, с. 58].

Концептуальная интеграция представляет собой мгновенный процесс творческого соединения информативных элементов в системе ментальных пространств. Ее суть состоит в совмещении двух ментальных пространств, результатом которого является бленд, пространство со смешанными характеристиками, вбирающими в себя свойства двух исходных пространств (см. рис. 1) [3, с. 8].

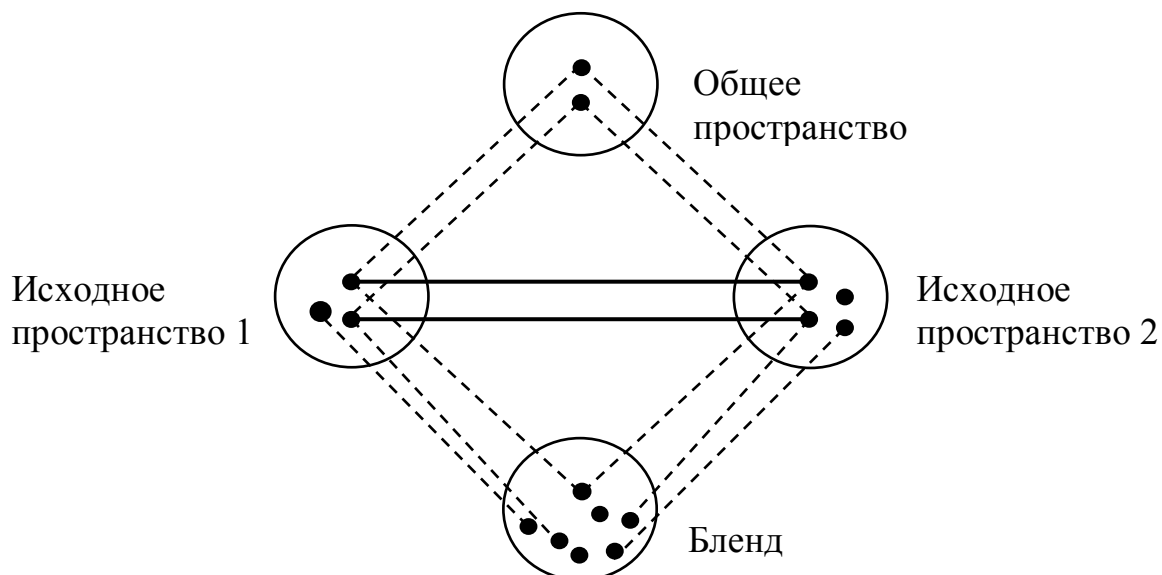
Рассмотрим специфику использования персуазивной стратегии Дональдом Трампом на примере фрагмента интервью президента США изданию New York Times. В этом фрагменте Трамп, отвечая на вопрос журналиста, рассуждает о взаимоотношениях США с Китаем и о влиянии Всемирной торговой организации (ВТО) на развитие экономики обоих государств:

Peter, without the tariffs, we wouldn't be talking. And I make this point clear to them. We've never had a deal with China. We've never had a trade deal with China. You have the World Trade Organization, which is a disaster for the United States. The World Trade Organization is probably the worst trade deal ever made with Nafta being second. The World Trade Organization helped create China. If you look at China, it's flatlined. And from the day the World Trade Organization came into existence, it's a rocket ship. But just the opposite for the United States. That was a terrible deal for the United States and it was an unbelievably good deal for China. [4].

Дискурс президента США в целом отличается эмоциональностью и оценочным характером. Не стал исключением и данный отрывок интервью, в котором Трамп использует окрашенные единицы и дает свою оценку происходящим событиям. К эмоциональной лексике можно отнести наречие

never, которое повторяется дважды в соседних предложениях, что несомненно обращает внимание слушателя на заявление американского президента.

Рис. 1. Обобщенная схема концептуальной интеграции

Весьма эмоционально прозвучали также последние слова рассматриваемой реплики. Здесь президент в рамках одного предложения применяет оппозицию, поляризуя *a terrible deal* и *an unbelievably good deal*.

Д. Трамп использует эксплицитное противопоставление по линии «мы-они» («свой-чужой»), что проявляется в неоднократном использовании местоимения *we*, в синтаксической оппозиции «США – Китай».

Стратегия дискредитации другой стороны представлена акцентированием деятельности ВТО, которая, по мнению Трампа, сильно вредит его государству, и Китая, с которым США не заключали торговых сделок, что подчеркивается президентом дважды.

На фоне использования стратегии дискредитации и отрицательной репрезентации деятельности ВТО включается также стратегия положительной самопрезентации, которая реализуется при помощи личного местоимения *I*, обращения к журналисту по имени, повторов. Все эти средства помогают Трампу говорить убедительно, демонстрировать контроль над ситуацией и представлять себя и свою страну в выгодном свете, в противоположность другой стороне. Здесь обращает на себя внимание не столько собственно положительная репрезентация США и Трампа, сколько национальная и политическая идентичность, которая важна для Трампа как для главы государства.

Эмоционально-окрашенным является существительное *disaster* (несчастье, катастрофа, трагедия), при помощи которого Трамп характеризует деятельность ВТО в отношении Соединенных Штатов. Безусловно оценочным можно считать использование превосходной степени *the worst trade deal ever*,

прилагательного *flatlined* (находящийся в застое или депрессии) и выражения *rocket ship* (ракетный корабль).

По мнению Трампа, влияние ВТО на развитие США оказалось исключительно пагубным, в то время как Китаю Всемирная торговая организация дала мощный толчок к развитию. Такие допущения становятся для читателя возможными главным образом благодаря действию механизма концептуальной (когнитивной) метафоры.

В исследуемом фрагменте интервью имплементации персуазивной стратегии способствуют сразу две когнитивных метафоры: *WTO is disaster* (for the US) и *WTO is engine* (for China). Проследим, каким образом происходит актуализация этих метафор в дискурсе интервью.

Построим сети концептуального смешения для обеих метафор и посмотрим, какие допущения возникают по мере актуализации двух сценариев в рамках каждой из них.

По мере реализации метафоры *WTO is engine* актуализируются два сценария, для каждого из которых формируется отдельное исходное пространство (см. рис. 2). Межпространственное отображение соединяет сходные элементы двух пространств (прототипы), которые в результате становятся частью смешанного пространства – бленда.

В процессе композиции характеристики понятия *engine* (двигатель) проецируются на *WTO*. Это так называемые жизненно важные отношения (*vital relations*) сходства, времени и пространства.

Двигатель – устройство, преобразующее какой-либо вид энергии в механическую работу. На основании сходства, в процессе операции завершения, бленд дополняется фоновыми знаниями и когнитивными моделями. В результате получается, что ВТО преобразует экономический потенциал Китая в конкретные проявления (рост экономических показателей), то есть сходство основано на том, что ВТО привела в движение Китай подобно тому, как двигатель приводит в движение автомобиль или любое другое транспортное средство. В данном случае – ракетный корабль.

Задействованы здесь также и отношения времени: двигатель включает в работу любое транспортное средство, а тем более ракетный корабль, максимально быстро. В случае с *rocket ship* скорость увеличивается до предела, поскольку само слово *rocket* (ракета) вызывает ассоциацию именно с высокой скоростью движения. В результате операции завершения оказывается, что Китай (ракетный корабль) эволюционирует (экономически) на невероятно высокой скорости.

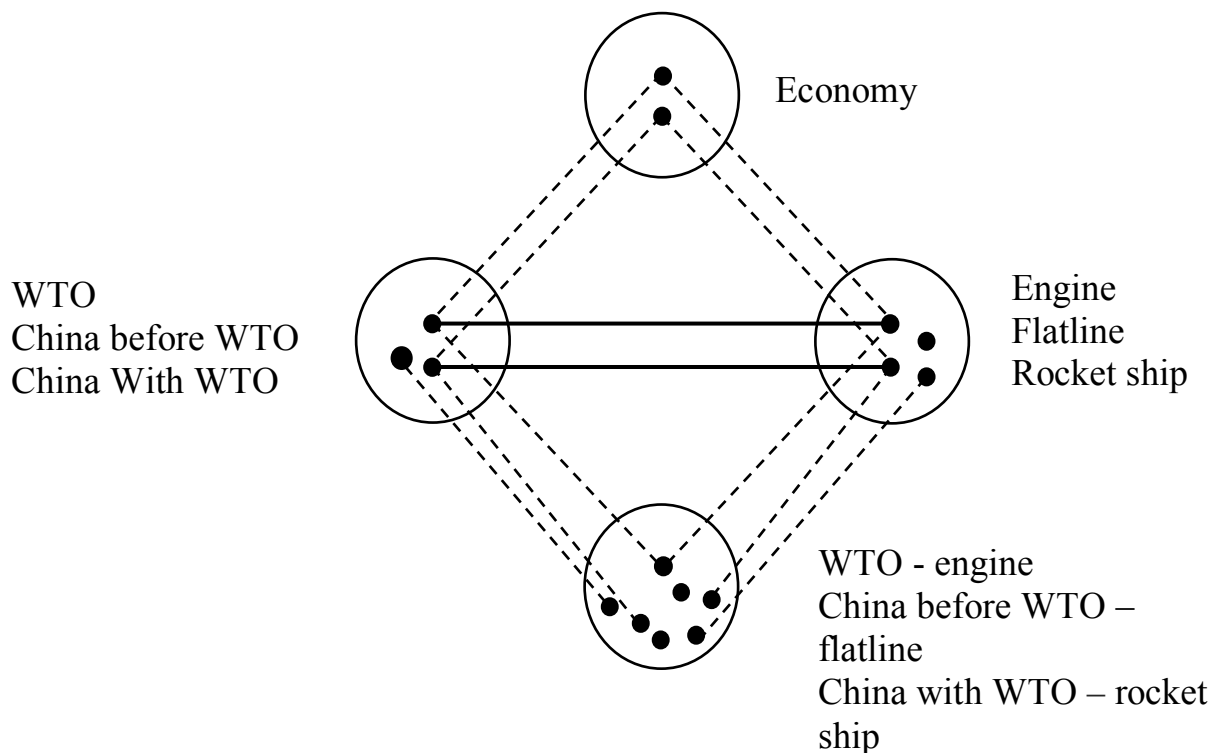
Отношения пространства также, в свою очередь, вступают в силу, поскольку дальность плавания ракетного корабля не ограничена, а значит экономика Китая также не имеет ограничений в своём стремительном движении вперед.

В ходе операции развития смешанное пространство подвергается дальнейшему мысленному моделированию и в нем формируется новая (эмерджентная) структура, где для Китая Всемирная торговая организация

становится настоящим спасением от депрессии и стагнации, способствуя тому, что на сегодняшний день экономика Китая, по темпам своего развития, подобна скорости ракетного корабля.

Метафора *WTO is disaster* актуализуется противоположным образом (см. рис. 3).

Рис. 2. Сеть концептуальной интеграции для *WTO is engine*

В процессе композиции происходит проецирование сходных характеристик двух ментальных пространств друг на друга. Так, WTO метафорически сопоставляется с катастрофой – крупным неблагоприятным событием, влекущим за собой трагические последствия (разрушения, гибель людей и т. д.).

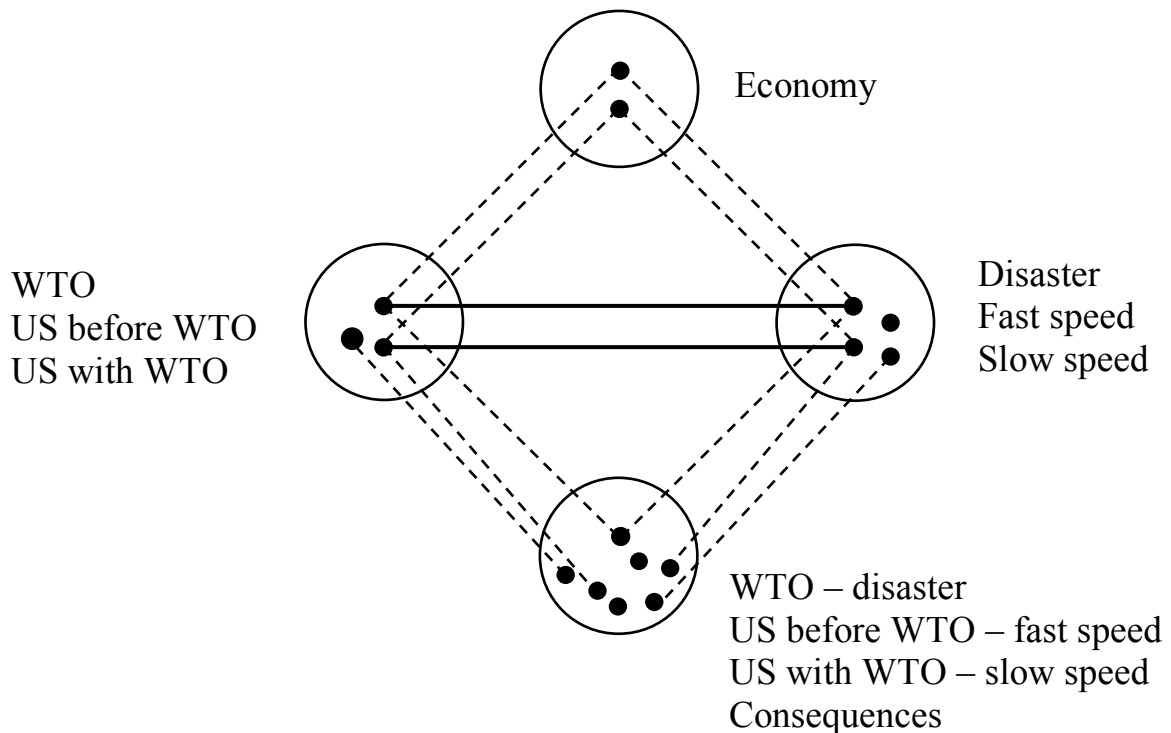
В ходе операции завершения бленд дополняется фоновыми знаниями: до воздействия WTO государство развивалось спокойно, после – началась настоящая катастрофа, последствия которой непредсказуемы. Возникающие здесь допущения могут быть самыми разными, поскольку никаких уточнений кроме *terrible deal* Трамп не вносит. Вероятно, в сознании слушателя может возникнуть образ природного катаклизма (цунами, наводнение, землетрясение), поскольку для политического дискурса в целом характерно сопоставление экономических событий с природными явлениями.

В любом случае в эмерджентной структуре бленда очевидно высвечиваются негативные последствия деятельности WTO для США.

Таким образом, в небольшом фрагменте интервью Дональд Трамп успешно реализует персуазивную стратегию через стратегию оценочного

информирования, а именно использование техники этикетирования (главным образом, тактики политического размежевания).

Рис. 3. Сеть концептуальной интеграции для *WTO is disaster*

Как следует из двух представленных схем, стратегия противопоставления по линии «мы-они» и дискредитации другой стороны формируются во многом благодаря актуализации когнитивного механизма обеих метафор. Благодаря концептуальной интеграции создается общий отрицательный образ Всемирной Торговой Организации, которая способствует развитию и процветанию Китая, но приносит одни лишь беды Трампу и его стране. Положительная характеристика «нас» в данном случае уходит на второй план, однако имплицитно она также присутствует в тексте интервью, создавая ощущение достоверности речи президента.

Когнитивная метафора придает дискурсу политика оттенок убедительности, формируя в сознании аудитории яркий, эмоционально-окрашенный, оценочный, объемный образ «чужого».

ЛИТЕРАТУРА

1. Голоднов А. В. Специфика реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, 2009. № 5, Том 2. Серия филология.
2. Кожевникова Т. А. Риторический аспект аргументации в современном американском политическом интервью – Дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Татьяна Андреевна Кожевникова. – Санкт-Петербург, 2018. – 173 с.
3. Четина М. М. Когнитивно-прагматические основания окказионализмов в современном английском языке (на материале произведений Дж. Фаулза):

Автореф.... Канд. Филол. Наук: 10.02.04 / Мария Михайловна Четина. – Санкт-Петербург, 2011. – 21 с. – с. 8.

4. Excerpts From Trump's Interview With The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/01/us/politics/trump-interview-transcripts.html>. Feb. 1, 2019 (дата обращения: 07.03.2019).

5. Fauconnier G, Turner M. Conceptual blending, form and meaning: Recherches en communication, n. 19 [Electronic resource]. - 2003. – Mode access: <http://tecfa.unige.ch/tecfa/maltp/cofor-1/textes/Fauconnier-Turner03.pdf> (access date: 8.12.16). – с. 58.

Stepanova, N. V.

Saint-Petersbourg State Electrotechnical University "LETI"

THE ROLE OF CONCEPTUAL INTEGRATION IN PERSUASIVE STRATEGY IMPLEMENTATION IN POLITICAL INTERVIEW

The paper considers persuasive strategy in political interview. The mechanism of persuasive strategy implementation by means of cognitive metaphor is studied. The role of conceptual integration in forming discursive strategies of a political interview is revealed.

Political interview, conceptual integration, cognitive metaphor, mental spaces, discursive strategies, persuasive strategy

УДК 81'42

И. М. Теплыгина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
irina@wn-travel.com

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДИСКУРСОВ: КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТУРИЗМ

Рассматривается развитие туристического дискурса сквозь призму истории туризма. Исследуется влияние прогресса в сфере IT технологий на компьютерный дискурс. Анализируется взаимосвязь туристического и компьютерного дискурсов.

Компьютерный дискурс, туристический дискурс, коммуникативная среда

Развитие человечества часто определяется некими знаковыми событиями, которые кардинально меняют окружающий мир. К одним из таких событий можно отнести изобретение письменности. С письменным периодом по большей части ассоциируется книга, как основной носитель и способ передачи информации [1]. В древние времена знания передавались вместе с путешественниками, купцами, военными. Главной целью таких путешествий зачастую было желание обогатиться и расширить свое влияние: завоевание земель, колонизация, торговля. Примеров можно привести множество: Александр Македонский, Крестовые походы, путешествия Марко Поло, Христофора Колумба, Магеллана и многие другие.

Ярким и важным примером таких путешествий является создание Великого Шелкового пути, который столетиями являлся мостом между Востоком и Западом, перекрестком цивилизаций. Культуры, города и народы, находящиеся вдоль Шелкового пути, сильно продвинулись в своем развитии благодаря тому, что во время торговли они также обменивались идеями, обучались друг у друга, стимулируя развитие философии, наук, языкознания и религии. Вместе с ними распространялись знания, идеология, а также происходил культурный и научный обмен [2, с. 8].

До конца 19 века в оздоровительных, политических, дипломатических и образовательных целях могли себе позволить путешествовать только очень богатые и влиятельные представители общества. Например, будущий император Российской Империи Павел I и его жена Мария Федоровна путешествовали по Европе в 1781–1782 годах под именами графа и графини Северных. Поездка продлилась 428 дней. Одним из важных результатов поездки стоит считать формирование художественной коллекции Павловска, Гатчины и Михайловского замка.

До появления массового туризма невозможно говорить о существовании туристического дискурса. Скорее уместно говорить о дискурсе власти (discourse of power) и о политическом дискурсе. Но развитие технологий и инфраструктуры в конце 19 – начале 20 вв. изменило ситуацию.

Основателем массового туризма справедливо можно считать Томаса Кука, который в начале своего пути занимался миссионерской деятельностью. После свадьбы параллельно с работой столяром он начал пропагандировать отказ от алкоголя. И когда Томас Кук узнал, что в 1840 году рядом с его родным городом будет проложена железнодорожная ветка, он решил, что можно сделать больше для распространения своих идей в пользу трезвости и здорового образа жизни. Томас решил взять в аренду поезд и отвезти своих единомышленников в Лафборо, где должен был состояться съезд ассоциации трезвенников центральной Англии. 5 июля 1841 года в Лафборо отправилось 570 человек. Именно этот день считается днем рождения организованного туризма.

Основным принципом Кука было получение максимально возможной выгоды для наибольшего количества людей по самой низкой цене. Томас первым открыл для экскурсий замки и дворцы аристократов. Дорожные чеки как вид финансового документа придумал тоже он. Именно Кук первым стал издавать путеводители с описанием достопримечательностей, а также первый туристический журнал под названием «Экскурсант». В 1872–73 гг. Томас Кук организовал первый кругосветный тур, который длился 222 дня. За это время путешественники преодолели 25 тысяч миль. Компания «Томас Кук и сын» является первым туроператором, который прибегнул к услугам авиации для перевозки пассажиров. Это произошло в 1919 году. В наше время компания, основанная Томасом Куком, является самой респектабельной компанией в сфере туризма на Британских островах. А сам бренд считается гарантией наилучшего сервиса и узнается по всему миру [5].

Туристический дискурс часто является отражением политической и экономической ситуации с той или иной стране. До конца 20 века въездной туризм в России был штучным товаром, но меньше чем на 10 лет приобрел массовый характер. Несомненно важную роль в этом сыграли и те мероприятия, местом проведения которых стала культурная столица России. К таким знаковым событиям можно отнести Саммит Большой Восьмерки (G8) в 2006 году, Чемпионат Мира по футболу в 2018 и многие другие.

30 июня 2018 года в Афинах были подведены итоги одной из самых престижных премий в сфере туризма World Travel Awards 2018. Санкт-Петербург победил в двух номинациях: Лучшее европейское круизное направление и Лучшее культурно-туристическое направление в Европе, что показывает явный интерес со стороны иностранных гостей не только к самому городу, но и к стране, в которой он находится.

Такому положению дел несомненно во многом поспособствовало развитие компьютерных технологий и различных интернет-сервисов, связанных с туризмом. Еще 20 лет назад было сложно представить, что гостиницу, самолет или поезд можно будет забронировать, просто нажав несколько кнопок на клавиатуре, а теперь даже просто используя телефон. Многие современные телефоны обладают мощностью процессора, превышающей мощность компьютера. Все это стало возможным в том числе благодаря развитию широкополосного интернета.

Технологии и компьютеры открыли человечеству дверь в новую эпоху, в так называемый бесписьменный период, или точнее его будет назвать послеписьменным периодом. Можно наблюдать изменения в коммуникативной среде, которая включает в себя все компоненты общения, при этом каналами информационного обмена являются не только органы чувств человека, но и способы технического обмена и хранения информации [1, с. 284]. Современный человек является свидетелем невероятного прогресса в этой сфере. Можно сфотографировать достопримечательность, через минуту опубликовать фотографию на своей страничке во социальных сетях, а через пять минут обсуждать свои впечатления от посещения этого места со своим другом,

который находится на другом конце планеты и который увидел опубликованное фото. Еще несколько лет назад такая ситуация представлялась нереальной.

Увеличивается скорость обмена информацией, которой становится все больше и больше. Также увеличивается число потенциальных партнеров по общению, что может привести к тому, что формы неличностного общения будут стремиться к максимальной клишированности. То есть на уровне общения с друзьями и близкими людьми человек сохранит свою индивидуальность. Текстовая клишированность должна привести к «выветриванию» содержательной части знака. В современной психологии говорят о «синдроме стюардессы», характерной для людей, поддерживающим общение с большим количеством партнеров [1, с. 287].

Различные виды коммуникативной среды могут определяться по количеству каналов общения, из которых они состоят. Личное общение – это самая богатая коммуникативная среда, в то время как компьютерный дискурс представляет собой более ограниченный способ общения, где доступны визуальные и аудио каналы связи, а информация по большей части представлена и передается в виде напечатанного текста [6, с. 612]. Здесь стоит отметить важность гипертекста, с помощью которого можно выделить и подчеркнуть важную информацию, на которую стоит обратить особое внимание [1, с. 290].

В современном мире существует большое количество платформ, которые будущий путешественник может использовать для организации своего путешествия. Современные средства отслеживания предпочтений пользователя позволяют проанализировать интересы этого пользователя, опираясь на историю запросов в интернете. Затем система сама начинает предлагать темы и рекламу пользователю, которая может ему помочь максимально быстро и эффективно удовлетворить свой потенциальный интерес.

В сфере интернет-маркетинга появляются различные виды рекламы, которые ранее не существовали. SMM (social media marketing – продвижение товар и услуг в социальных сетях). Данный вид рекламы даже создал отдельную нишу в сфере занятости и образования, так как это очень популярный и эффективный вид продвижения. Все больше молодых специалистов обучаются, а потом начинают работать в этой сфере. Создаются группы на базе социальных сетей, посвященных туризму и путешествиям, организуются, например, конкурсы на лучшую фотографию, сделанную в путешествии. Здесь можно наблюдать пересечение художественного, туристического и компьютерного дискурсов.

Контекстная реклама – это анализ запросов пользователя, который позволяет скорректировать рекламный контент, появляющийся на экране компьютера. Если пользователь недавно искал в сети отель в Нью-Йорке, то реклама, всплывающая на экране, будет предлагать аффилированные товары и услуги, например: предложение купить билет на самолет до Нью-Йорка по

выгодной цене, экскурсионные услуги в этом городе, аренда авто, топ 10 ресторанов Нью-Йорка и т. д.

В такой контекстной рекламе можно наблюдать пересечение компьютерного, туристического дискурсов и личного дискурса пользователя, причем на условиях абсолютной взаимосвязи по принципу аналоговой системы. Поэтому не стоит придерживаться узкого взгляда на тот или иной вид дискурса и рассматривать его как отдельный жанр. Очевидно, что социальные и культурные факторы, берущие свое начало в коммуникативной среде, оказывают существенное влияние на совокупность характеристик, описывающих дискурс в информационной среде.

Электронная коммуникация рассматривается как отечественными, так и зарубежными учеными. Наиболее интересным представляется анализ интернет-коммуникации, проведенный Британским ученым Дэвидом Кристалом, который приводит свою классификацию в области компьютерного дискурса:

- веб-дискурс,
- дискурс электронной почты,
- дискурс асинхронного общения (форумы, конференции),
- дискурс синхронного общения в интернет-среде [4].

Все эти виды компьютерного дискурса активно участвуют в эффективной реализации туристического дискурса. И без них невозможно было говорить о туризме как о массовом явлении.

Веб-дискурс: в данном контексте стоит упомянуть об алгоритме ссылочного ранжирования RangeRank. Алгоритм применяется к коллекции документов, связанных гиперссылками (веб-страницы из всемирной паутины), и назначает каждому из них некоторое численное значение, измеряющее его «важность» или «авторитетность» среди остальных документов [3]. Эта технология, созданная основателями Google, очень важна для сферы туризма. Особенно, когда пользователи используют поисковую систему для того, чтобы найти наиболее надежного поставщика услуг, а также ищут актуальную информацию о пункте назначения и достопримечательностях, расположенных там.

Дискурс электронной почты: во всех сферах туризма активно используется электронная почта, а также электронный документооборот. Поэтому одной из основ эффективной коммуникации является как техническая сторона, так и подготовленность кадров, эффективно вести коммуникацию по электронной почте.

Дискурс асинхронного общения: одним из самых важных инструментов в туризме сегодня является форум, где можно оставить отзыв о той или иной услуге или объекте. Все коммуникативные стороны туристического дискурса активно пользуются возможностями, которые предоставляет форум. В этой связи часто применяется такой термин как «сарафанное радио».

Дискурс синхронного общения: чаты в так называемых мессенджерах используются во всех сферах бизнеса. Их главной функцией является быстрый

обмен «горячей» информацией, а также быстрое, но неформальное решение важного вопроса.

Развитие технологий и инфраструктуры является важной составляющей для стимуляции желания путешествовать и, как следствие, предоставление средств для эффективной реализации. Развитие компьютерных технологий в XX веке дало человеку новую реальность и расширило границы мира. С появлением интернета путешественники имеют возможность узнать информацию о новых местах и спланировать свою поездку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
2. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий/ П. Франкопан – «Эксмо», 2015.
3. Brin S. and Page L. Google search engine. URL: <http://google.stanford.edu> (дата обращения: 25.02.2019).
4. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University press, 2001.
5. Jacob M., Strutt P. English for international tourism. Longman, 1997.
6. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. The Handbook of Discourse Analysis. Blackwell Publishers Ltd, 2001

Teplygina, I. M.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

AT THE INTERSECTION OF COMPUTER DISCOURSE AND TOURISM DISCOURSE

Tour discourse is considered through the lens of tourism history. The analysis of progress in IT technologies is carried out in affiliation with computer discourse. Interconnection and interaction of tourism discourse and computer discourse is analyzed.

Computer discourse, tourism discourse, communicative environment

УДК 811.122.2'04:929.713

Е. С. Тихонова

С.-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
middjungards@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ СООТНЕСЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ С ТОЧНЫМИ ДАТАМИ ПОСРЕДСТВОМ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ»

*В статье рассматриваются способы соотнесения действия в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике» с реальной хронологией. Анализируются обстоятельства времени, содержащие такие темпоральные существительные, как *jâr* «год», *sumer* «лето», *ôwest* «август», *vaste* «нось» и др. Делается вывод, что в данном произведении подобные показатели находятся на периферии средств, конструирующих темпоральную организацию текста.*

Средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская Рифмованная хроника»,
Немецкий орден, темпоральные существительные, хронология

Анонимная «Старшая Ливонская Рифмованная хроника» (далее – СРХ) описывает деятельность Немецкого ордена в Прибалтике в период 1143–1290 гг. Состоящая из 12017 строк СРХ создана в конце XIII в. на средненемецком диалекте, вероятно, под сильным влиянием рыцарского эпоса [1, с. 35 и сл.].

Несмотря на то, что это хроника, точные даты в СРХ практически отсутствуют. В настоящей статье рассматривается вопрос, как в принципе в данном тексте может осуществляться привязка к абсолютной временной шкале, т.е. к хронологии?

1. В СРХ соотнесение с временем действия возможно с помощью входящих в состав обстоятельств времени существительных с семантикой «года» и его дробных частей – обозначений сезонов, месяцев, а также религиозных праздников. Было выявлено несколько способов, как, используя темпоральные существительные, указать время действия с достаточной степенью определённости и, т. о., соотнести событие с хронологией.

1.1 В СРХ присутствуют **3 точных даты**, т.е. соотнесение действия с годом события: 1143, 1278 и 1290 годы. Точкой отсчёта для таких темпоральных показателей является событие «Рождество Христово», и в СРХ она эксплицитно называется в каждом из этих трёх случаев: все эти даты, помимо собственно числительного и существительного *jâr* «год», включают формулу *von/nach gotes geburt* «от Рождества Христова»:

(1) *diz geschach von gotes geburt tûsent und hundirt jâr // unt drî und vierzik, daz ist wâr.* (430-431) – Это произошло в 1143 году от Рождества Христова, это правда.

Следует отметить, что в данном случае автор СРХ, судя по всему, намеренно искажает хронологию ради увеличения возраста и, следовательно, престижа Риги [2, 31-32].

Лексема *jâr* «год» в 6 случаях сочетается с прилагательным *ander* «другой, следующий»: 4 раза – в грамматикализованной генитивной конструкции *des anderen jâres* «на следующий год» (2), и по одному разу – с предлогами *in* с дативом и *über* с аккузативом. Одним примером представлено сочетание с порядковым числительным и предлогом (3):

(2) *Des anderen jâres daz crûce nam // von Wentlande er Barwîn // mit rittern unde knapen sîn.* (1416-18) – На следующий год крест принял господин Барвин из Вендланда со своими рыцарями и оруженосцами.

(3) *dô in der êrste val geschach, // an dem vierden jâre dar nâch // die burge wurden dô verbrant, // die ûch hie vor sint genant* (11625-28) – Когда с ними произошёл первый случай, на четвёртый год после этого были сожжены крепости, которые названы вам прежде.

На основании сопоставления с другими историческими источниками, такими, как, например, «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга или «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, возможно установить реальную хронологию почти для всех этих событий. Далее все даты будут приведены по изданию Дж. Смита и У. Урбана [4]. Так, для примера (2) называется 1218 г., а для примера (3) – 1290 год.

1.2 Существительное *mônât* «месяц» представлено двумя реализациями, оба раза в конструкции *X mânde mêre*, перед которой следует указание на длительность правления магистра, включающее лексему *jâr* «год». Употребление данной лексики обусловлено необходимостью уточнения хронологии:

(4) *meister Otte, daz ist wâr, // der hatte gerâten drie jâr, // sechs mânde mêre, // wol mit gûter lêre // in Nieflande bie siner zît.* (7953-57) – Магистр Отто – это правда – со знанием дела правил в Ливонии 3 года и шесть месяцев своей жизни.

1.3 К точной дате по своим функциям приближается и **описательная конструкция** *an sente Margarethen tage* «в день св. Маргариты», которая идентифицируется как 13 июля 1280 г.:

(5) *ez was alsô gevallen, // daz sie quâmen sunder clage // an sente Margarethen tage // vrôlich in Duneschâr // mit zwein kocken, daz ist wâr.* (8874-78) – Произошло так, что они без проблем в день св. Маргариты радостно прибыли в Дунешар на двух коггах, это правда.

1.4 Меньшей степенью точности обладают темпоральные показатели, соотносимые с событиями литургического цикла. В СРХ они представлены предложными конструкциями, содержащими лексемы *ôstern* «Пасха» и *vaste* «пост». При этом для современников автора СРХ это были точные даты – 1272 и 1287 годы соответственно:

(6) *Zû ôstern dar nâch zû hant // besante er aber sîne lant.* (8031-32) – Сразу после этого, на Пасху, он созвал свои земли.

(7) *In einer vasten ez geschach, // daz man die Semegallen sach // kein der Rîge kêren hin: // sie wolden heren durch gewin.* (10201-04) – Однажды в пост увидели, что земгалы направляются к Риге: они хотели совершить набег ради добычи.

1.4 Из **дней недели** лишь дважды упоминается воскресенье, и обе реализации расположены рядом в тексте, то есть, речь идёт об одном и том же воскресенье:

(8) *der meister hatte iz sô geschafft, // daz man des suntages vrû // trête deme hagen zû. // dô der suntac dô quam, // ie der man sin wâpen nam.* (6198-6202) – Магистр устроил так, чтобы утром воскресенья в засеку вошли. Когда воскресенье наступило, каждый взял своё оружие.

Здесь, как и в некоторых других случаях, факт близкого расположения в тексте темпоральных существительных сюжетно обусловлен.

2.1. Названия **сезонов** в СРХ достаточно редки: в тексте встречаются *winter* «зима», *herbest* «осень» и *sumer* «лето», а также метафорическое обозначение весны *zû deme nêhesten grase*, букв. «при следующей траве». Поскольку М. Лексер указывает, что, в частности, *bî grase* – обычное формульное обозначение весны [3], можно предположить, что существительное *gras* «трава» достаточно регулярно использовалось как поэтический синоним «весны».

(9) *in einer vaste daz geschach. // zû deme nêhesten grase dar nâch // die Semegallen quâmen uber ein, // daz sie verrieten Terwetein.* (8621-24) – Это произошло в пост. Следующей весной земгалы решили, что они предадут Тервете.

Чаще всего из сезонов упоминается зима (16 реализаций). Судя по тексту СРХ, для циркумбалтийского региона сражение на льду было обычной тактикой.

Лексема *winter* «зима» в большинстве случаев (7 примеров) имеет при себе оценочное определение *kalt* «холодная» или в одном случае *hart* «суровая»:

(10) *dô was der winter harte kalt.* (5481) – Тогда зима была очень суровой.

Употребление данной лексики в основном в качестве предикатива указывает, что она используется не в качестве обстоятельства времени, а как описание ужасных погодных условий. Очевидно, сильные морозы были достаточно важным событием, чтобы оно было достойно упоминания.

Собственно темпоральным показателем существительное *winter* «зима» выступает в генитивных конструкциях (7 примеров):

(11) *des nêhesten winters dar nâch // er warb um eine herevart.* (9918-19) – Потом, на следующую зиму, он ратовал за поход.

Лексема *sumer* «лето» в предложной конструкции представлена одним примером, в котором речь идёт о летней подготовке к зимнему походу. Интересно, что этот пример является как бы ретроспективой, обрамлённой повествованием о зимних событиях:

(12) *in deme sumere was dar brâcht // malzes und meles michele macht // vleisch und andere spîse gnûc, // als manich schif von Rîge trûc.* (10983-86). – Летом там собрали множество солода и муки, мяса и достаточно другой еды, которые привезли на кораблях из Риги.

Кроме того, ещё 7 раз *sumer* «лето» употреблено в генитивной конструкции:

(13) *zû hant dar nâch sie suchten dô // des somers der brûdere lant.* (8122-23) – Сразу после этого летом они напали на страну братьев. (1274 г.?)

2.2 Единственное представленное в СРХ наименование **месяца** – август, и он тоже противопоставлен следующему за ним обстоятельству времени – осени:

(14) *In deme ôwste diz geschah. // des nêhesten herbestes dar nâch // dô wart ein her kein Prûzen lant // von Lettowen gesant.* (9667-70) – Это произошло в августе. Потом, в следующую осень, из Литвы было отправлено войско в Пруссию.

Обстоятельства времени в примерах (9) и (14) построены одинаково. Такой тип временной организации вообще характерен для СРХ: сначала называется некая точка во времени, а потом при помощи темпорального существительного и средств когезии указывается на последующее действие. Это в очередной раз подчёркивает, что в СРХ важна была не привязка события ко времени на хронологической шкале, а само это событие.

3.1 Указание на точное **время суток** в СРХ может осуществляться как за счёт соотнесения с литургическими часами (*zu nône* – около трёх часов пополудни), так и с использованием лексемы *mitter nacht* «полночь»:

(15) *ich wil noch hûte zû nône // vor dem himelthrône // bie unser vrowen nâhen // mîne spîse enpfâhen.* (9345-48) – Я желаю ещё сегодня, в девятом часу, вкушать пищу перед Небесным троном, рядом с нашей Госпожой.

Интересно, что в обоих примерах с *mitte(r) nacht* «полночь» действие локализуется либо после, либо до полуночи, но никогда ровно в полночь. Т.е., данная лексема также обладает оценочными коннотациями и обозначает своего рода рубеж:

(16) *ê danne ez wurde mitte nacht, // Traniât quam mit sîner macht // geriten ûf der brûdere her.* (6927-29) – Прежде чем наступила полночь, Тройнат со своими людьми напал на войско братьев.

3.2 Ещё одним, хотя и менее точным способом соотнесения с часом действия является соотнесение со временем суток, осуществляемое с помощью лексем *nacht* «ночь», *morgen* «утро», *tac* «день» или *âbent* «вечер». При обозначении время суток для этих существительных характерно 1) употребление в качестве подлежащего (с глаголами *quemen* «приходить», *ûf brechen* / *ane brechen* «наступить, начинаться») и предикатива (с глаголами восприятия), т.е. в таких предложениях локализация во времени осуществляется за счёт сообщения о наступлении вечера; 2) противопоставление другим темпоральным существительным; 3) употребление

в грамматикализованной генитивной конструкции, как правило, вместе с другим темпоральным показателем.

Одной из самых частотных в СРХ является лексема *nacht* «ночь»: она представлена 32 реализациями. Из них 8 раз она встречается в сочетании *naht unde tac* «ночь и день» для характеристики длительности действия, и ещё 5 – в противопоставлении существительным *tac* или *morgen*. Т.е. более чем в трети реализаций *nacht* не употребляется самостоятельно.

Для уточнения времени действия и, конкретнее, времени суток, существительное *nacht* может употребляться с предлогами *in* и *an*, в форме аккузатива с определённым артиклем *die nacht* «этой ночью», а также в генитивной конструкции *eines nahtes*:

(17) *wer kan dâ von die wârheit sagen, // ob ein vrûnt den anderen stach? // der strît in der nacht geschach.* (6936-38) – Кто может сказать правду о том, не зарезал ли один друг другого? Битва произошла ночью.

Существительное *morgen* «утро» представлено 6 примерами, а также 19 реализациями в составе генитивной конструкции *des/eines morgens* «этим/одним утром». В одном примере *morgen* употребляется в качестве предикатива с глаголом-сказуемым *sehen* «видеть» (18) и дважды – как подлежащее с глаголом *ane brechen* «наступать» (19).

(18) *der brûdere her zû hant ûf brach, // dô ez den liechten morgen sach.* (5403-04) – Войско братьев тут же отправилось в путь, когда оно увидело светлое утро.

(19) *Dô der morgen ane brach, // der Sameiten her man sach // stoltz ûf deme velde wesen.* (4489-91) – Когда утро наступило, войско жемайтов увидели гордо стоящим на поле.

Лексема *âbent* «вечер» в четырёх из 6 своих реализаций употреблена в сочетании с глаголом *quemen* «приходить», и ещё один раз – с глаголом *gân* «идти»:

(20) *dô ez ûf den âbent quam, // der viende her man nicht vernam.* (10227-28) – Когда дело пошло к вечеру, войска врагов не было видно.

Всё вышесказанное справедливо и для лексемы *tac* «день». Для уточнения времени суток она используется в качестве подлежащего в сочетании с глаголом *ûf brechen* «наступать» либо как предикатив в сочетании с глаголами восприятия *sehen* «видеть» и *showen* «смотреть». Также возможно употребление в сочетании с предлогом *ûf(fe)* и прилагательным *mitten* (один раз – с глаголом *quemen* «приходить, наступать») (21), а также с наречием *verre* «далеко». Генитивная конструкция *des tages* может быть употреблена с наречием *vrû* «рано» (3 примера), которое, собственно, и уточняет в данном случае время суток:

(21) *ê dan ez quam ûf mitten tac, // als ich die mêre hân vernomen, // der marschalch was sô nâhen komen // daz er der viende wart gewar.* (9312-15) – Прежде чем наступил полдень, как я слышал рассказ, маршал подошёл так близко, что увидел врагов.

(22) *des dritten tages reit man vrû // zû Winden hovelîche*. (1072-73) – На третий день рано утром все куртуазно поехали к Вендену.

4. Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

СРХ – это хроника, а в средневековых хрониках упоминались лишь значимые события. Поэтому, вероятно, автор СРХ также останавливался свой выбор лишь на существенных событиях. Из этого следует, что для повествования нужны были лишь те сезоны/месяцы, когда происходило какое-то значимое событие. Следуя этой логике, получается, что, например, весной и осенью не происходило никаких событий, настолько существенных, чтобы упоминать о них.

Кроме того, во многих случаях выбор того или иного темпорального показателя диктуется стихотворным размером, рифмой и ритмом, следовательно, в рифмованной хронике могут появиться только те точные временные показатели, которые вписываются в стихотворный размер.

Привязать какое-либо событие к временной шкале (т.е. говорить о нём в терминах хронологии) позволяют не собственно темпоральные существительные, а определения (в широком смысле слова) при них: прилагательные *neheste* «следующий», *ander* «другой», наречия *verre* «далеко», *vrû* «рано», *spâte* «поздно»; существительное *mitte* «середина»; но также и числительные при существительном *jâr* «год», имя святой при существительном *tac* «день». Лишь темпоральные существительные с семантикой литургических праздников и часов, такие, как *ôstern*, *vaste*, *ôwest*, *nône*, могут употребляться для соотнесения с временной шкалой относительно самостоятельно.

СРХ – это панегирик Немецкому ордену, написанный в подражание книжному эпосу. Поскольку создатель СРХ ориентировался на книжный эпос, то и темпоральная организация текста также устроена по его образу и подобию. Таким образом, и анализировать структуру текста СРХ надо с точки зрения поэтики книжного эпоса, а не собственно хроники или куртуазного романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002.
2. Назарова Е. Л. Дата основания Риги в контексте истории крестовых походов // Балто-славянские исследования. XV. Москва, 2002. – с. 29–41.
3. Lexer M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Mit einer Einl. von Kurt Gärtner // *Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund* – Электрон. база дан. – Stuttgart, 1992. 3 Bde. – URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=gras> (дата обращения: 11.03.2019).
4. Smith J. C., Urban W. L. *The Livonian Rhymed Chronicle* / ed. by J. R. Krueger. – Bloomington: Indiana University, 1977.

E. S. Tikhonova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ON CORRELATION BETWEEN ACTIONS AND EXACT DATES BY MEANS OF TEMPORAL NOUNS IN THE “LIVONIAN RHYMED CHRONICLE”

*The article considers correlations between the actions and the actual chronology in the “Livonian Rhymed Chronicle”. Temporal adverbials including such nouns as *jâr* «year», *sumer* «summer», *ôwest* «August», *vaste* «Lent» are analyzed. A conclusion is drawn that such adverbials belong to the periphery of the lexical-grammatical means that build the temporal organization of the text in question.*

Middle High German, “Livonian Rhymed Chronicle”, Teutonic Order, temporal nouns, chronology

УДК 81.38/42

М. М. Тонкова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
marinatonkova@yahoo.com*

АЛЛЮЗИЯ КАК МАРКЕР ВОЗРАСТА ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается роль литературной аллюзии в передаче возраста персонажа в художественном тексте. Выявляются особенности функционирования аллюзивных отсылок в романах, описывающих взросление героя произведения. Проанализированный материал подтверждает, что литературные аллюзии в романах Сью Таунсенд об Адриане Моуле являются одним из маркеров возраста персонажа.

Аллюзия, стилистический прием, подтекст, фоновые знания, сравнение

Романы, рассказывающие об истории взросления главного героя, становления его как личности, широко представлены в мировой литературе. Английская художественная проза подарила нам прекрасные образцы подобных романов, среди которых произведения Чарльза Диккенса, Сомерсета Моэма, Арчибальда Кронина, Роальда Даля и многих других. В этот же ряд

можно поставить и произведения известной английской писательницы Сью Таунсенд, создавшей целую сагу в форме дневниковых записей Адриана Моула, которая охватывает его жизнь с 13 до 40 лет. Романы об Адриане Моуле чрезвычайно многослойны – за простотой изложения и, на первый взгляд, за традиционным сюжетом о становлении личности подростка в сложном мире взрослых и о последующем взрослении главного героя скрывается глубокий подтекст и скрытые смыслы.

Выбранный автором жанр дневника предполагает определенную специфику композиции произведения (четкую хронологическую последовательность событий) и высокую степень субъективности [3]. Дневниковая проза создает у читателя представление о рассказчике, и поскольку в первых романах об Адриане Моуле этим рассказчиком является подросток [5,6], автору необходимо ввести определенные маркеры возраста персонажа. Именно поэтому дневниковые записи Адриана – это не только рассказы о событиях прошедшего дня, структурирующие сюжетные линии романа, но и формирование образа персонажа через его речевую характеристику. Речь подростков имеет ряд особенностей, что находит свое отражение в художественном тексте при создании автором образа персонажа.

Для речевого поведения подростков характерно большое количество разговорной и жаргонной лексики, междометий, неоформленных синтаксических конструкций, использование слов широкой семантики [2, 4]. Но Адриан Моул – не типичный английский подросток. У него богатый словарный запас, который стремительно расширяется, и использование им прецедентных имен не ограничивается фильмами, популярными сериалами и музыкальными группами. В его речи практически отсутствуют жаргонизмы и общенная лексика, зато присутствуют такие элементы «взрослой речи», как иностранные слова, термины, многочисленные аллюзии. В романе об Адриане Моуле наиболее часто встречающаяся аллюзия, характеризующая языковую личность данного персонажа, – это аллюзия литературная. Тринадцатилетний подросток знаком с классическими произведениями английской и мировой литературы и упоминает в своем дневнике такие романы, как «Гордость и предубеждение» Д. Остин [5, с. 18], «Мадам Бовари» Г. Флобера [5, с. 65], «Тяжелые времена» Ч. Диккенса [5, с. 78]. По мере взросления (и, возможно, в соответствии со школьной программой) в дневниковых записях Адриана появляются упоминания об Эвелин Во [6, с. 14], Кингсли Эмисе [6, с. 61], Джеке Керуаке [6, с. 148]. Чаще всего отсылка к художественным произведениям занимает сильную позицию в тексте: в качестве формально выделенной части дневника выступает описание одного дня, завершает которое литературная аллюзия.

Например, рассказ о неспособности и нежелании отца решить финансовые проблемы семьи завершается следующим выводом: «My father should take lessons from Great Literature. Madame Bovary ran away from that idiot Doctor Bovary because he couldn't supply her needs» [5, с. 65]. В данном случае сочетание безапелляционности суждений, свойственной подросткам, с

поверхностным пониманием сложных жизненных коллизий, отраженных в романе, создает комический эффект, который сознательно усиливается автором при помощи использования аллюзии в сильной позиции в тексте. Эта категоричность свойственна Адриану и при рассуждении об исторических событиях: «I disagree with Sakharov's analysis of the causes of the revivalism of Stalinism. We are doing Russia at school so I speak from knowledge» [5, с. 129]. Сочетание информированности и неумения адекватно оценить получаемую информацию является важным штрихом к образу Адриана Моула, иногда, по словам самой Сью Таунсенд, «путающего словарный запас с жизненным опытом» [1]. Адриан вообще склонен к осуждению – окружающие часто становятся для него объектом критики за неправильное, с его точки зрения, поведение, за неграмотную речь, недостаток воспитания и образования. Через использование Адрианом различных аллюзивных отсылок Сью Таунсенд имплицитно показывает читателю эту составляющую личности персонажа: «I wish I had an intellectual friend whom I could discuss great literature with. My father thinks *A Town Like Alice* was written by Lewis Carroll» [5, с. 144]. Отец, не отличающий «Город как Элис» Невилы Шюта от «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, не годится в «интеллектуальные собеседники» начитанному (или считающему себя таким) подростку.

Адриан склонен преувеличивать свои несчастья, проводя параллель между своей жизнью и жизнью литературных героев. Например, дневниковая запись, описывающая проблемы семьи, связанные с отключением электричества: «Miss Sproxton told me off because my English essay was covered in drops of candle-wax. I explained that I had caught my overcoat sleeve on the candle whilst doing my homework» завершается обращением к роману Диккенса: «I am reading *Hard Times*, by Charles Dickens» [5, с. 78].

Роман «Адриан Моул. Дикае годы» (7) рассказывает о герое, которому уже исполнилось 23 года. Меняется он сам, меняется его окружение и, конечно, его фоновые знания. Его речь уже отличается от речи умного, но все же подростка в первых двух книгах, но аллюзивные отсылки показывают, что какие-то вещи остаются неизменными. К ним относятся – критическое отношение к миру: «Lenin was right: all landlords *are* bastards» [7, с. 14] и некоторый снобизм: «She laughed and admitted that she had (a holiday romance) with a fisherman who had never heard of Chekhov» [7, с. 147]. Суждения Адриана становятся уже менее поверхностными, аллюзии на литературные произведения более уместными: «Rosie was dancing with Ivan Braithwaite in a manner totally unsuited to an eight-year-old. They looked like Lolita and Humbert Humbert» [7, с. 9]. Читатель, уже хорошо знакомый с главным героем и его близкими, понимает, что у Адриана нет оснований беспокоиться за свою сестру, но у него есть склонность преувеличивать существующие опасности и проблемы. Этой характерной особенностью персонажа пользуется автор для создания комического эффекта, используя различные аллюзивные отсылки. Например, комический эффект создается при помощи сопоставления урологических проблем девушки Адриана и тяжелой жизни Бланш Дюбуа,

причем неприятности со здоровьем гиперболизируются присутствием в тексте аллюзии на трагическую судьбу героини Теннесси Уильямса: «The cystitis is back. I am reading a play, *A Streetcar Named Desire* by Tennessee Williams. Poor Blanche Dubois!» [7, с. 207].

Аллюзии в романе «Адриан Моул. Дикие годы» фиксируют расширение читательского кругозора молодого человека. Адриан проецирует судьбы героев многочисленных книг на свою собственную жизнь: «Soho never sleeps. It exists for people like me: the lonely, the lovesick, the outsiders. When I got home I read Dostoevsky's *The Humiliated and Insulted*» [7, с. 228]. Для создания образа Адриана Моула автор намеренно обращает наше внимание на несоответствие его представлений о событиях самим событиям. Его девушка рвется в Лестер, где она уже нашла новую любовь, а Адриан продолжает терзаться сомнениями и теряться в догадках: «She claims that she is tired of London. How could anyone be tired of London? A feeble excuse. I am with Dr Johnson on this» [7, с. 225]. Всем окружающим ситуация была уже предельно ясна - и читателю, и даже бабушке героя, которая говорит: «It doesn't take an Einstein to work that one out», только Адриан пытается резонерствовать, апеллируя к Сэмюэлю Джонсону. Когда обман раскрывается и Адриану приходится принять сложившуюся ситуацию, комментарии близких вызывают у него лишь горькую иронию: «Thanks, Grandma, Leicester's answer to Miss sodding Marple» [7, с. 229]. Аллюзивное имя «Miss Marple» претерпевает некоторую трансформацию, в результате которой у высказывания появляется новый смысл - прозорливость бабушки вызывает не восхищение, а раздражение.

В последнем романе (8) Адриану исполняется сорок лет. Жизнь его не щадит – крах не слишком счастливого брака, финансовые трудности, серьезная болезнь. И удивительно, что сейчас, в отличие от прошлых лет, когда он преувеличивал свои несчастья и сравнивал себя со страдающими героями мировой литературы, Адриан склонен принимать жизнь такой, какая она есть. Он с иронией говорит о своей наивности в прошлом, когда он еще верил, что Тони Блэр изменит Англию: «would transform England into a country where people at bus stops spoke to each other of Tolstoy and post-structuralism» [8, с. 23]. Он больше не ощущает себя отвергнутым обществом интеллигентом, которому не с кем поговорить. Он работает в книжном магазине, круг общения у него расширился, и теперь аллюзии на литературные произведения и писателей становятся своего рода социальными маркерами, обозначающими «своих»: «We talked about George Eliot and she seemed pleased to find a fellow enthusiast» [8, с. 40]. Одним из самых близких Адриану людей становится директор магазина, где он работает, Карлтон-Хейес. Мистер Карлтон-Хейес умен, деликатен, доброжелателен, хорошо образован. Он далек от пошлости этого мира, восхищается искусством и умеет видеть хорошее в людях: «In Mr Carlton-Hayes's world, Wagner's Ring cycle is popular culture» [8, с. 78]. Аллюзивная отсылка к циклу эпических опер «Кольцо нибелунга» Фридриха Вагнера позволяет автору романа дать чрезвычайно емкую характеристику персонажу в одной строке. В разговорах Адриана и мистера Карлтон-Хейеса

часто встречается подтекст, формирующийся при помощи аллюзий: «Your sister's paternity has the makings of a Greek tragedy», говорит Карлтон-Хейес, а Адриан с горечью отвечает: «Personally, I think it is more of a French farce» [8, с. 117].

Аллюзии в романе «Адриан Моул. Годы прострации» часто служат основой для сравнения: «The bar soon resembled the last scene of Casablanca with fog on the runway» [9, с. 30] или «I spent rest of the day trying, Canute-like, to prevent water from breaching our doorstep» [8, с. 41]. Используя подобные сравнения, Адриан не стремится демонстрировать свой широкий кругозор, как в юные годы, когда знание исторических и литературных фактов являлось для него предметом гордости. Сейчас это просто суждения взрослого человека, в которых присутствует некоторая доля иронии, и поэтому подобные сравнения просто «проскальзывают» в тексте дневника, а не занимают сильные позиции в начале или конце дневниковой записи.

В романах об Адриане Моуле использование различных видов аллюзий претерпевает изменения по мере взросления главного героя. Для формирования образа умного, несколько эгоистичного, обиженного на мир подростка Сью Таунсенд так использует литературные аллюзии, что они демонстрирует безапелляционность суждений Адриана, его снобизм, стремление отличаться от окружающих своими знаниями. В последующих романах, описывающих взрослого Адриана, аллюзии продолжают использоваться автором для фиксации отличий от Адриана-подростка и для создания дополнительных штрихов к его образу. Использование аллюзивной отсылки в сильной позиции – в конце дневниковой записи – подчеркивает значимость данного стилистического приема для автора. Аллюзивные отсылки на произведения художественной литературы являются однородными стилистическими приемами, служащими для обеспечения связности текста и создания образа персонажа. На это указывает частотность использования подобных отсылок, их структурное и семантическое подобие, а также то, что они занимают сильные позиции в тексте и несут схожую функциональную нагрузку.

Использование литературных аллюзий в романе «Адриан Моул. Годы прострации» отличается от их использования в предшествующих романах. Несмотря на естественное расширение кругозора уже сорокалетнего героя, аллюзии становятся менее частотными и перестают занимать сильные позиции в тексте произведения. Аллюзивные отсылки продолжают присутствовать в речи Адриана, но их использование лишено нарочитости и демонстрации его знаний: к сорока годам человек, все-таки, перестает самоутверждаться, постоянно напоминая о своей исключительности, по крайней мере, в дневниковых записях. Изменение формата аллюзивных отсылок, их позиции в тексте, частотности употребления является не случайным, а функционально значимым, несущим читателю информацию о взрослении главного героя. В романах об Адриане Моуле специфика использования литературных аллюзий автором такова, что они представляют собой своеобразные маркеры возраста, необходимые для адекватного восприятия героя читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков Д. Англичанка – это честная игра и прямая спина // Город женщин. 2005. № 7. URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/27787.html> (дата обращения: 22.03.2019).
2. Захарова Ж. А. Речевая характеристика подростка в романе Н. Хорнби «Мой мальчик» // Молодой ученый. 2016, №28. С. 1002-1006. URL: <https://moluch.ru/archive/132/36353/> (дата обращения: 17.03.2019).
3. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: Дис. канд.филол.наук. Ставрополь, 2005. 225 с.
4. Щитова Н. Г. Лексико-семантические особенности речи английских подростков (на материале романа Джулии Дарлинг «The Taxi Driver's Daughter» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронежский государственный университет, 2012. №2. – С. 120-124.
5. Townsend S. The Secret Diary of Adrian Mole aged 13 ¾. London, 1982. 187 с.
6. Townsend S. The Growing Pains of Adrian Mole. London, 1984. 182с.
7. Townsend S. Adrian Mole: The Wilderness Years. London, 1993. 277с.
8. Townsend S. Adrian Mole: The Prostrate Years. Penguin Books, 2010. 405 с.

Tonkova, M. M.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ALLUSION AS AN AGE MARKER IN LITERARY TEXTS

This is a study of the ways allusion can be used in fiction to reflect the age of a character, and of particular functions of allusion in coming-of-age novels. The analysis of the data shows that literary allusions in Sue Townsend's Adrian Mole novels serve as one of the character's age markers.

Allusion, stylistic device, subtext, background knowledge, simile

УДК 811.161.1

T. Triberio

Foreign Languages and Literatures Department – University of Verona, Italy,
tania.triberio@univr.it

GRAMMATICAL LABELS ASSOCIATED WITH RUSSIAN FORMS ENDING IN “-O” WITHIN THE НКРЯ

This short essay deals with the analysis of the grammatical categorization of Russian forms ending in –o within the National Corpus of Russian Language (НКРЯ), through a meta-linguistic approach.

Keywords: forms ending in –o, meta-linguistic analysis, grammatical tags, НКРЯ

Dictionaries, descriptive grammars, *corpora* fulfil, indeed, among others, the meta-linguistic function of language, that is they give a detailed account of the use of language-code in order to describe the same language [7].

With reference to a special category of Russian words ending in –o, they can be ascribed to different grammatical categories, fulfilling different semantic and syntactic functions within the sentence with respect to the different arguments they can select [5, 4, 11].

Considering for example the word *холодно*, different syntactic realisations can be foreseen:

(1)

a) predicative:

i. *холодно* (it's cold) → PRED.

ii. *мне холодно* (I'm cold) → PRED.+ dative subject (DPS - Dative Subject Phrase)

iii. *холодно ходить* (It's cold walking) → PRED. + infinitive

iv. *мне холодно ходить* (I feel cold to walk) → PRED. + dative subject (Dative Subject Phrase)

b) short forms adjective:

v. *утро холодно* (The morning is cold) → short form ADJ. + canonical nominative subject

c) adverbs:

vi. *он холодно отреагировал* (he reacted coldly / in a cold way) → ADV.

If we now consider the form in –o *интересно*, trying to reproduce the above syntactic structures, we'll obtain:

(2)

a) predicative:

i. *интересно* (It's interesting) → PRED.

ii. *мне интересно* (To me it's interesting) → PRED. + adj. dative

iii. *интересно ходить* (It's interesting to walk) → PRED. + infinitive

iv. *мне интересно ходить* (To me it's interesting to work) → PRED. + adj. dative + infinitive

b) short forms adjective:

v. *море интересно* (the sea is interesting) → short form ADJ. + canonical neuter subject

c) adverbs:

vi. *он интересно рассказывал* (he was telling in an interesting way) → ADV.

In general, speaking about sentences in 1a/2ai., 1b/2bv. and 1c/2cvi., grammatical labels and syntactic functions coincide. Things change, in particular, making reference to examples in a): while in (1a-ii,iv) the dative *мне* represents a logical dative subject selected from the predicative *холодно*, in (2a-ii,iv) the dative *мне* doesn't represent a logical subject selected by *интересно*, being just an adjunct. In the sentence *мне холодно* the sensation of cold (*холодно*) is felt by the same subject (logical subject *мне*, it's 'me' feeling cold), in the sentence *мне интересно ходить* what is *интересно* doesn't refer to *мне* (it's not 'me' being interesting), but to the action of 'going' (*ходить*). As a consequence, in (2a-ii,iv) *мне* could be replaced by *для* (*для меня интересно ходить*), while the same thing is not allowed for (1a-ii,iv) (**для меня холодно ходить*).

It's then evident that the grammatical functions of these expressions within the sentence do not always coincide, even though their morphology does; there could be shifts from one grammatical category to another, with respect to the arguments these words select. Moreover, there is a transition from one-element constructions (односоставное) to two-element constructions (двусоставное), in cases where these forms in -о coincide, morphologically, with the short form neutral adjective (*утро холодно, море интересно*), or with the adverb (*он холодно отреагировал, он интересно рассказывал*) [2].

It'll be interesting to investigate what the НКРЯ tells us about the grammatical status of these forms, which are the grammatical labels used within *The National Corpus of Russian Language* in order to identify them, with respect to their different grammatical functions. The research will be done selecting few filters, reproducing the syntactic structures in both (1) and (2). Examples in (3) reproduce grammatical structures in (1), examples in (4) reproduce grammatical structures in (2):

(3)

i. Было не тяжело, а холодно. Здесь прохладная вода. [Андрей Митьков. Юрий Кудинов, чемпион Европы-2002 в плавании на открытой воде: «Меня просто трясло» (2002) // «Известия», 2002.07.26] [омонимия снята - предик disamb]

ii. А мне холодно. Особенно рукам". [И. Грекова. Фазан (1984)] [омонимия снята - предик disamb]

iii. Садовые мальвы, серые и шершавые, шуршали, тёрлись друг о друга, и на них было холодно глядеть. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)] [омонимия снята - предик disamb]

iv. Тебе вон смешно, а у меня трагедия: мне холодно жить! [Эдвард Радзинский. «Я стою у ресторана...» (Монолог женщины) (1990-2000)] [омонимия не снята]

v. Было раннее утро, холодно, темновато, хотелось спать. [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)] [омонимия не снята]

vi. Я довольно холодно отреагировала — ну прислал и прислал. [Сати Спивакова. Не всё (2002)] [омонимия снята - н.]

But:

vi. И там у него в доме, может, было холодно, не протоплено, может быть, печка дымила. [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)] [омонимия снята - н.]

As far as sentences in (3-i,ii,iii) are concerned the grammatical labels are coherent with the function of the word *холодно*, used and disambiguated as predicative forms. With reference to example (3iv), the *corpus* doesn't offer any disambiguation, as well as for example (3v). What is worth saying is that example (3v) is offered when selecting filters 'neuter subject + adjectives'. Even though short forms adjectives have predicate functions, they are to be found in two-element constructions (двусоставное), foreseeing a neuter subject. The example in question doesn't show any neuter subject and the word 'утро' doesn't refer to *холодно*. This is, indeed, an example of predicative use of *холодно*, misinterpreted because of the lack of a deeper syntactic analysis, offering the *corpus* just a 'proximity' analysis and not taking care about other elements, as for example punctuation.

Analysing sentences in (3vi), while in the first example the label (н. = adverb) is coherent with the word function, in the second one *холодно* is disambiguated as 'adverb' but its function is, clearly, predicative. The risk is here to consider the same way sentences, fulfilling completely different grammatical functions.

Here below some examples looked for in the *corpus* ref. *интересно*:

(4)

i. Natalie, а не могли вы подробнее рассказать о поездке. Очень интересно.

Правда. [коллективный. Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011)] [омонимия снята]

ii. Но Гиппиус твёрдо держалась своего мнения: "Пусть приходят те, кому интересно, а кому не очень – сами прекратят посещения. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003] [омонимия снята]

iii. Могу его смотреть просто бесконечно и всегда будет интересно наблюдать за героями и всей историей. [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Службный роман» (2006-2010)] [омонимия снята]

iv. Ну что ты, не за что, мне самой интересно узнавать новых людей. [Ответ девушки юноше, содержащий фрагменты письма юноши (2003)] [омонимия снята предик disamb]

v. Киевского университета. Ей в Одессе море интересно было. И крепкие мужчины из качалки, что с торца здания главного корпуса. [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)] [омонимия не снята]

vi. В универе очень интересно течет жизнь, постоянно новые знакомства... [коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011)] [омонимия снята - н.]

But:

vi. Интересно откуда у вас это ощущение? Потому как лично я сам по себе лет с 14... [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)] [омонимия снята - н.]

As far as sentences in (4-i,ii,iii) are concerned the grammatical labels are coherent with the function of the word *интересно*, used and disambiguated as predicative forms.

The example in (4iv) is disambiguated as predicative (предик disamb), treated as *холодно*. Considering, as explained above, that the arguments selected by each form in –o differ, wouldn't it be more accurate to distinguish the two uses? *Интересно* in (4iv) refers to the same action of 'knowing' (узнавать), so why not distinguishing structures type *мне интересно узнавать*, where the dative form is just an adjunct, from DSP structures type *мне холодно жить*, where the dative is a logical subject? The linguist A. Zimmerling [13] believes it crucial to distinguish the DSP dative. Not even the most recent Russian academic grammars, including Švedova *et alii* [1982], distinguish DPS from other dative forms. Although some authors, including Grišina [6] and Bonč-Osmolovskaya [3] dealt with the dative subjects in Russian in a rather deeper manner, these forms are not considered distinct structures but included in a rather heterogeneous category called 'Dative constructions' (Дативные конструкции).

In the sentence *Ей в Одессе море интересно было* (4v) the use of *интересно* is not disambiguated; even though in the example there is a dative pronoun *Ей*, the

neuter subject *мне* refers, with non doubt, to the short form adjective *интересно*, *Ей* being just an adjunct.

With reference to the adverbial use of *интересно*, while the first example in (4vi) is correctly disambiguated, the second one is not; in the sentence ‘Интересно откуда у вас это ощущение?’, *интересно* has, evidently, predicative functions.

Although up to now this field has been poorly investigated, there are experimental works as far as on-line dictionaries are concerned. A. Zimmerling assumes that:

«Доступного справочного ресурса, с помощью которого можно проверить состав класса предикативов ДПС, нет. Лакуна частично восполняется синтаксическим словарём системы «Этап 3»» (There is not one accessible source through which the composition of DPS predicates can be verified. The gap is partially filled by the syntactic dictionary using «Этап 3» system) [13, p. 467].

Этап 3 is an on-line processor, where basic research activities are oriented towards the development of a fully operational formal model of language of the ‘Meaning \Leftrightarrow Text’, created by the Russian researcher I. A. Mel’čuk [Мельчук 1974], in cooperation with his colleague and friend A. K. Tolkovskij. Hereafter two example of language functions analysis:

As we may see, the grammatical functions of the pronoun *мне* in the two sentences differ. The task of a dictionary it is not just to reflect one of the meanings of a word, but to show its syntactic and lexical combinatory properties [9]. Why then do not extend this task to *corpora*? There is, indeed, the aim to introduce a deeper and more systematic syntactic analysis into the НКРЯ:

В ближайшее время планируется внедрение словообразовательной разметки, а также упрощённой синтаксической разметки в основном корпусе (отличной от той, которая представлена в синтаксическом глубоко аннотированном корпусе). Система разметки постоянно совершенствуется (In the near future it is planned to introduce the marking of words, as well as a simplified syntactic marking in the main *corpus* – different from the existing one in the *syntactic corpus*). The marking system is constantly improving [16].

We should also mention the project of the new description of Russian grammar conceived as a “corpus-driven grammar”, edited by V. Plungjan, the scientific director of НКРЯ and whose purpose is to conjugate sample material with grammatical description, obtaining the data from different source-typologies (texts, articles, monographs and academic grammars) taken from the same *corpus*. Inside this grammar section there will be a section dedicated to “predicatives”, described from the morphological, semantic and syntactic point of view: «Предикатив (или безличный предикатив, также называется категорией состояния) – разряд слов или часть речи» («Predicative [or impersonal predicative, also defined as “category of condition”] – as a category of words or a part of speech») [8, 14].

Grammatical abbreviations:

ADJ. = ADJECTIVE

adj. = ADJUNCT

ADV. = ADVERB

disamb = DISAMBIGUATED

DAT. = DATIVE (CASE)

Н. = НАРЕЧИЕ = ADVERB

ОМОНИМИЯ СНЯТА = HOMONYMS DISAMBIGUATED

ОМОНИМИЯ НЕ СНЯТА = HOMONYMS NOT DISAMBIGUATED

PRED. = PREDICATIVE (FORM)

предик = PREDIC. (predicative form in the НКРЯ, verb in ‘Этап3’)

REFERENCES

1. Apresjan *et alii* 2003. Ju. Apresjan, I. Boguslavsky, L. Iomdin et al., *ETAP-3 Linguistic Processor: a Full-Fledged NLP Implementation of the MTT in First International Conference on Meaning-Text Theory (MTT'2003), June 16–18, Paris, 2003*, pp. 279–288.
2. В. В. Бабайцева, *Классификация частей речи с учётом переходных явлений. Явления переходности в грамматике русского языка*, Москва, Дрофа, 2000.
3. А. А. Бонч-Осмоловская, *Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные Технологии*, in *Труды международной конференции «Диалог-2015»*, Вып. 14 (21), Москва, МГУ, pp. 80–94
4. D. R. Dowty, *Thematic Proto-roles and Argument Selection*, – *Language* 67, 1991, pp. 547-619.
5. J. Grimshaw, *Argument Structure*, Cambridge (MA), The MIT Press, 1990
6. Н. И. Гришина, *Дативные предложения в парадигматическом аспекте*, Москва, Альфа, 2002.
7. R. Jakobson, *Linguistics and poetics*, trad. it. in Heilmann, Luigi (a cura di), *Saggi di Linguistica Generale*, Milano, Feltrinelli, 1960.
8. А. Б. Летучий, *Предикатив, Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*, Москва, 2017 (URL: <http://rusgram.ru>).

9. И. А. Мельчук, *Опыт теории лингвистических моделей «смысл<=>текст»*. Семантика, синтаксис, Москва, Наука, 1974.

10. И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян, *Толковокомбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики*, Wien, Wiener Slavistischer Almanach, 1984.

11. G. Salvi, L. Vanelli, *Nuova grammatica italiana*, Bologna, Il Mulino, 2004.

12. Н. Ю. Шведова *et alii*, *Грамматика русского литературного языка, Том 2 Синтаксис*, Москва, АН СССР, 1982.

13. А. В. Циммерлинг, М. В. Трубицина, *Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям*, –Rhema. Рема, No. 4, Москва, 2015, pp. 71–104.

14. URL: <http://rusgram.ru>

15. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

16. Что такое Корпус? URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>)

17. URL: <http://proling.iitp.ru/ru/etap3>

УДК 81-13

Д. В. Чертова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
dvchertova@gmail.com

РУССКИЕ ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ ОТЫМЕННЫХ КОНВЕРСИОННЫХ ГЛАГОЛОВ

Рассматриваются русские переводные аналоги английских глаголов-конверсивов, не имеющих однословной передачи на русский язык. Особое внимание в исследовании уделяется английским отыменным глаголам с инструментальным значением. Приводятся различные способы их передачи на русский язык.

Конверсия, глагол-конверсив, конверсионный глагол, переводной аналог, глагольно-именное сочетание

Интересным объектом исследования являются русские соответствия английским конверсионным парам, такие как:

ache (n) → ache (v)

knee (n) → knee (v)

В этих случаях мы имеем однословное название действия, связанного с предметом, названным исходным существительным. Во многих случаях в русском языке мы имеем аналогичные пары (барабан → барабанить). Однако нередко оказывается, что действие, обозначаемое английским конверсионным глаголом, не имеет однословного аналога в русском языке. Изучение разных типов соотношения английских конверсионных пар и их русских переводных аналогов дало много интересных вариантов такого соответствия.

Среди английских конверсионных пар выделяются те, в которых существительное обозначает *инструмент/ орудие выполнения действия*, а глагол-конверсив – его использование. Как и в других семантических сферах, здесь возможны 3 основные вида соответствий русского переводного материала исходному английскому, а именно:

1) полное совпадение:

salt (n) → salt (v) : : соль → солить;

2) перевод однословным глаголом, который соответствует лишь одному из нескольких значений, свойственных английскому конверсионному глаголу, в то время, как прочие значения переводятся описательно глагольно-именным сочетанием:

dope (n) → dope (v) : : дурман → а) дурманить, б) стимулировать наркотиками, давать наркотики или допинг, принимать наркотики;

3) однословного глагола среди переводных аналогов вообще не обнаруживается:

cork (n) → cork (v) : : пробка → затыкать, закупоривать пробкой.

Последний материал является объектом данного исследования. В статье мы рассматриваем такие конверсионные пары английского языка, глаголы которых передаются на русский язык лишь в форме глагольно-именных сочетаний, в составе которых присутствует существительное, являющееся переводным аналогом английской производящей основы, например:

crate (n) → crate (v) : : ящик → паковать в ящики

Очевидно, что английской конверсионной паре соответствует пара русского языка, структурно не тождественная ей. «Соответствие слова словосочетанию при условии, что остальные семантические параметры этих единиц совпадают, не будет являться фактором, препятствующим признанию таких единиц эквивалентными» [4, с. 64]. Русское сознание выделяет в действительности такое действие, как *паковать что-либо в ящики*, однако номинация через однословное выражение этого действия в русском языке отсутствует.

Английский глагол *to crate* имеет описательный переводной эквивалент в русском языке, что является основанием полагать, что здесь имеет место *частеречная лакунарность*, т.е. наличие в языке, например, глагола, но отсутствие однокоренного существительного (или, как в данном случае, наоборот). И. А. Стернин приводит пример английского глагола-конверсива *acclaim*, которому в русском языке соответствует выражение «бурно аплодировать, одобряя что-либо». При этом существительное *acclaim*

переводится на русский язык однословно (овация). «Вывод об отсутствии у народа соответствующего концепта в случае с частеречной лакуной, строго говоря, делать нельзя – концепт может иметь другую частеречную вербализацию, что может быть связано с собственно языковыми, коммуникативными, но не ментальными причинами» [4, с. 38].

Основанием для отнесения той или иной пары к группе с инструментальным значением является соответствие этой пары следующей схеме: «инструмент → использование инструмента».

Материалом для исследования послужили английские конверсивные пары и их русские переводные соответствия, извлеченные автором методом сплошной выборки из авторитетных англо-русских словарей, таких как: Большой англо-русский словарь (под общ. рук. И. Р. Гальперина), Новый большой англо-русский словарь (под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой) и The Oxford Russian Dictionary.

Орудийное отношение использования существительного в качестве орудия к значению образованного от него глагола-конверсива считается достаточно продуктивным [1, с. 142]. Однако для того, чтобы выделить в той или иной лексеме сему «инструмент», необходимо для начала уточнить, что мы подразумеваем под «инструментом»/ «орудием». Часто эти два слова приводят в качестве синонимов. Толковый словарь под редакцией А.П. Евгеньевой дает следующую дефиницию слову «инструмент»:

Инструмент – 1. *Орудие*, преимущественно ручное, для производства каких-либо работ. 2. (собирает.) Совокупность ручных *орудий*, используемых в какой-либо специальности или для какой-либо операции. 3. *Орудие*, средство, применяемое для чего-либо. 4. То же, что музыкальный инструмент [2, с. 670].

Орудие – 1. Приспособление, *инструмент*, которым пользуются при какой-либо работе, каком-либо занятии. 2. (перен.) Средство, способ для достижения, осуществления чего-либо. 3. Общее название артиллерийского оружия [3, с. 641].

Удивительным представляется то, что английские глаголы с инструментальным значением редко передаются на русский с помощью однословного глагола, который при этом представлял бы собой результат отыменного словообразования. Чаще всего таким глаголам соответствует описательный перевод (или глагол и глагольно-именное сочетание). Из 729 английских конверсионных пар с инструментальным значением:

1. 32 английским конверсионным глаголам соответствует в русском языке однословный переводной эквивалент, например:

- cement (n) → cement (v) : : цемент → цементировать
- harrow (n) → harrow (v) : : борона → боронить

Несмотря на то, что для русского языка, в силу его флективного характера, образование новой лексемы всегда связано с деривационными операциями, некоторые лингвисты (например Е. С. Кубрякова) считают возможным признавать наличие конверсии в русском языке, «в случае совпадения основ

исходного и результативного слов (типа рус. «соль» - «сол-ить»)) [5, с. 235]. В своем исследовании мы также придерживаемся этой точки зрения, называя результативные лексемы данного типа словопроизводства «глаголами-конверсивами».

Однословный перевод английского конверсионного глагола – это не единственный способ его передачи на русский язык. В разных контекстах тот или иной английский глагол-конверсив может иметь и «описательную» вербализацию: не «цементировать», а «скреплять цементом», не «красить», а «наносить краску». Однако мы причисляем такие пары к группе с однословным переводом английских глаголов-конверсивов на русский язык, поскольку многословный вариант перевода данных пар не зафиксирован ни в одном из трех используемых нами англо-русских словарей.

2. 55 английским конверсионным глаголам соответствует в русском языке как однословный переводной аналог, так и глагольно-именное сочетание, например:

- bolt (n) → bolt (v) : : болт → а) сболчивать б) скреплять болтами
- knee (n) → knee (v) : : колени → а) умолять, просить б) становиться на колени

На меньшую долю примеров (22 из 55) приходятся такие английские пары, которые передаются на русский язык также с помощью конверсионной пары, в нашем понимании. Другими словами, такой русский глагол представляет собой пример корневого словообразования, т.е. он мотивирован русским существительным как аналогом английского существительного (болт → сболчивать). Глагольно-именное сочетание представляет собой словосочетание, синонимичное однословному русскому глаголу (сболчивать = скреплять болтами, бронзировать = покрывать загаром, делегировать = посылать делегатом, и т. п.). Т.е. такие семантически тождественные единицы, как глагол и глагольно-именное сочетание, могут заменять друг друга и выступать в роли переводного аналога английского глагола-конверсива, исходя из нужд контекста.

Однако не всегда однословный русский глагол как аналог английского отыменного глагола является результатом корневого словообразования. Иными словами русское существительное и русский однословный глагол как переводные соответствия английской конверсионной пары могут быть неоднокоренными. Таких случаев большинство (33 из 55): колени – умолять, просить; душ – промывать, спринцевать, ополаскивать; садовые ножницы – подстригать, и др. При этом русское существительное и глагол как переводные соответствия английских конверсионных пар семантически тесно связаны, семантика исходного существительного отражена в глагольном значении. Более того: русское существительное как аналог английской производящей основы может входить в состав глагольно-именного словосочетания как одного из вариантов перевода английского конверсионного глагола на русский язык.

3. 96 английским глаголам-конверсивам соответствует в русском языке только описательный (многословный) перевод. Такие случаи рассмотрим ниже.

В состав таких глагольно-именных сочетаний с орудийным значением входит существительное («инструмент»), однокоренное с тем существительным, которое является переводным аналогом английской мотивирующей основы:

- buoy (n) → buoy (v): : буй, бакен → обставлять буями, ставить бакены
- ditch (n) → ditch (v) : : ров, канава → окапывать рвом/канавой, отрывать канаву/ров/траншею, чистить/укреплять ров/канаву, сбрасывать в ров, осушать почву с помощью дренажных рвов.

Русские переводные аналоги английских глаголов данной группы структурно (по своему составу) и семантически отражают дефиницию английского глагола:

Англ.сущ-ое	→ Глагол	Русское сущ-ое	→Глагольно-именное сочетание
Carpet – heavy woven material for covering floors or stairs, or a piece of this material	Carpet – <u>to cover a floor with carpet</u>	Ковер	<u>Покрывать/устилать ковром</u>
Hose – a long rubber or plastic tube which can be moved and bent to put water onto fires, gardens etc.	Hose – <u>to wash or pour water over something or someone, using a hose</u>	Шланг	<u>Мыть/ поливать из шланга</u>

Английские «орудийные» глаголы, передаваемые на русский язык лишь описательно, относятся к разнообразным сферам действительности, в зависимости от того, к какой сфере относится сам «инструмент», выраженный существительным, а именно:

- орудие труда (инструмент)
- «орудие» для нанесения удара
- транспортное средство
- материал, вещество
- украшение
- животное
- денежные средства

Все эти, а также некоторые другие предметы и явления могут выступать в качестве «инструмента»/ «орудия» в прямом или переносном смысле. В первую очередь «инструментом» является *инструмент* в прямом смысле, т.е. то «орудие», которым пользуются при работе, каком-либо занятии. Например:

- cord (n) → cord (v) : : веревка → связывать веревкой
- curette (n) → curette (v) : : кюретка → выскабливать кюреткой
- hose (n) → hose (v) : : шланг → мыть, поливать из шланга

Очень часто в качестве «орудия» выполнения действия выступает *транспортное средство*, поскольку мы используем его в определенных целях (чаще всего для перемещения), например:

- boat (n) → boat (v) : : лодка, судно, корабль, шлюпка → кататься на лодке, перевозить по воде, втягивать пойманную рыбу в лодку
- cart (n) → cart (v) : : двуколка, тележка → возить/ехать в тележке, возить на тачке (в наказание)

- jet (n) → jet (v) : : реактивный самолет → летать на реактивном самолете

Такие действия, как «ехать в тележке», «летать на реактивном самолете» и т.п., не имеют более лаконичного аналога в русском языке, чем эти описательные переводные соответствия. Отличительная особенность английского глагола, являющегося семантически многозначным, – его способность к однословному отражению комплексных значений. По причине того, что, как это было показано ранее, русскому глаголу такая многозначность, выражаемая однословно, свойственна достаточно редко, мы столкнулись с лексической разницей в выражении одних и тех же значений в английском и русском языке. Всевозможные *материалы* или *вещества* также могут использоваться в качестве «орудия труда» при выполнении неких работ. Например:

- cork (n) → cork (v) : : пробка → мазать/ подводить (брови) жженой пробкой
- flag (n) → flag (v) : : каменная плита, плитняк → выстилась плитами, мостить плитами
- henna (n) → henna (v) : : хна → красить хной

Помимо этого, использовать также можно различные *украшения* в инструментальных целях:

- diaper (n) → diaper (v) : : узорчатое волокно → украшать ромбовидным узором, наносить ромбовидный рисунок
- garland (n) → garland (v) : : гирлянда → украшать гирляндами; венок → плести венок

Животное выступает в роли «инструмента» либо для охоты:

- ferret (n) → ferret (v) : : хорек → охотиться с хорьком
- hawk (n) → hawk (v) : : ястреб, сокол, хищная птица → охотиться с ястребом/соколом, хватать добычу на лету (о хищных птицах), ловить насекомых (о птицах), налетать коршуном, стремительно нападать, налетать на кого-то,

либо в целях иного использования животного:

- fish (n) → fish (v) : : рыба, рыбная ловля → ловить/ удить рыбу, использовать для рыбной ловли, быть пригодным для рыбной ловли, искать в воде

-hack (n) → hack (v) : : наемная лошадь, экипаж → кататься на лошади, ехать верхом не спеша, сдавать внаем, давать напрокат

Также интересным представляется использование *различных предметов для нанесения ими ударов*. Такие предметы выполняют роль «инструмента»:

-club (n) → club (v) : : дубинка, приклад ружья → бить дубинкой, прикладом, вынуждать, заставлять делать что-то под нажимом

-heel (n) → heel (v) : : пятка, пята → следовать по пятам, ударить пяткой (в футболе), выбить мяч из «свалки» (в регби), передавать мяч пяткой клюшки (хоккей, гольф)

Кроме того, *слово или элемент письма* могут выступать в качестве своеобразного «орудия». Ведь словами и письменными знаками, обозначениями мы пользуемся для обратной связи с реципиентом, для достижения успешной коммуникации:

-assault (n) → assault (v) : : обида, оскорбление, словесное оскорбление и угроза действием → оскорблять действием

-comment (n) → comment (v) : : отзыв, отклик → давать отрицательную оценку/характеристику, высказывать, сообщать свое мнение

-compliment (n) → compliment (v) : : комплимент → произносить комплимент

-check (n) → check (v) : : галочка → отмечать галочкой

-hyphen (n) → hyphen (v) : : дефис, черточка → писать через дефис/черточку.

Английских конверсионных глаголы с инструментальным значением подавляющее большинство среди всех исследуемых нами английских конверсионных пар (по схеме n → v). Результаты данного исследования будут полезны при проведении дальнейшего компаративистского сопоставления отобранных единиц с различной семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-ое изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.

2. Словарь русского языка: В 4-ч т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. 1. А – И. 1986. – 759 с.

3. Словарь русского языка: В 4-ч т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. 2. К – О. 1986. – 736 с.

4. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М.: «Восток-Запад», 2006 г. – 206 с.

5. Ярцева В. Н., Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Издательство "Советская энциклопедия", 1990 – 5965 с.

Chertova D. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

RUSSIAN DESCRIPTIVE TRANSLATION ANALOGUES OF ENGLISH CONVERSION DENOMINAL VERBS

Russian translative analogues of English conversion verbs are considered, that do not have one-word translation into Russian. Special attention is paid to English denominal verbs with instrumental semantics. Different ways of their rendering into Russian are given.

Conversion, conversion verbs, translation analogue, verb-noun pairs

УДК 811.133.1

Е. Ю. Шиянова

*Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
eugenia.shyanova@gmail.com*

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И НАИБОЛЕЕ ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются наиболее продуктивные способы создания неологизмов в современном французском языке на материале слов, вошедших в словари Petit Robert и Petit Larousse за последние 6 лет. Анализируется связь между созданием новых слов и изменениями в различных сферах жизни.

Неологизмы, словообразование, французский язык, новые реалии, словари

Язык – это сложная система, которая находится в постоянном развитии. Одни слова исчезают, другие появляются. Разве можно сравнить французский язык XVII – XIX веков с современным?

Словарный состав языка непосредственно отражает все сферы человеческой жизни, в том числе культуру, достижения в различных областях знаний, вместе с которыми меняется и сам язык.

Во французском, как и в других языках, процесс изменения словарного состава происходил во все времена, но именно в XX веке, по мнению некоторых

исследователей, французский язык стал переживать настоящий «неологический бум» [3].

На изменения в языке влияет множество факторов как внутреннего, так и внешнего порядка. К последним относятся экстралингвистические изменения в жизни общества, развитие средств массовой информации, политические процессы, расширение межкультурных контактов, достижения в области культуры, науки и прогресс в области компьютерных технологий. Появляется необходимость в наименовании новых предметов и понятий, так как именно язык отражает все перемены, происходящие в жизни людей. Но многое также устаревает, выходит из обихода и просто исчезает. Таким образом, лексический состав языка не только пополняется, но и лишается некоторых слов в связи с их устареванием по тем или иным объективным причинам. В связи с этим интересно замечание В. Г. Гака о том, что «обычно в качестве примера развития и совершенствования языка приводят увеличение и усложнение словарного состава в связи с развитием цивилизации и усложнением жизни общества, пользующегося данным языком. Но это не может считаться безусловным показателем прогресса в языке, так как наряду с появлением огромного числа новых слов (многими из которых пользуются только специалисты) в языке постоянно происходит утрата больших пластов лексики в связи с исчезновением многих элементов цивилизации (отмирание старинных форм организации общества, обрядов, ремесел и т.п.)» [2, с.639-640].

Однако стоит отметить, что количество новых слов, появляющихся в языке, значительно превосходит количество устаревших. Основным процессом изменения словарного состава языка лингвисты считают процесс неологизации, то есть создания новых слов (неологизмов), который говорит о том, что язык живет и развивается.

В.С. Виноградов дает следующее определение неологизмов: «Неологизмы – это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы и мысли» [1].

Интерес французских исследователей к всестороннему изучению неологизмов не только не ослабевает, но продолжает расти. Новые слова возникают спонтанно в разговоре, а иногда создаются искусственно. «On distingue d'ailleurs deux types d'apparition de mots nouveaux. Il y a ceux qui sont issus d'une production orale spontanée et ceux qui sont issus de la production artificielle par les commissions de spécialistes»[5].

Неологизмы, появляющиеся в языке, имеют разную продолжительность использования, частоту употребления и перспективу быть зафиксированными в словарях. Если они еще по той или иной причине отсутствуют в двуязычных словарях, а тем более в толковых, это очень затрудняет их понимание как людьми, владеющими французским языком как иностранным, так и самими носителями языка.

Эта проблема становится особенно актуальной в условиях межкультурной коммуникации, так как межкультурная компетенция имеет языковую,

коммуникативную и культурную составляющие, а языковая составляющая, в частности, подразумевает понимание и правильный выбор языковых средств согласно ситуации общения, так как адекватное понимание неологизмов способствует большей эффективности процесса коммуникации.

Сложность состоит и в том, что не все новые слова, которые появляются в языке, фиксируются в толковых словарях, а тем более в словаре французского языка, издаваемом Французской Академией. На попадание слов в словари в большей мере влияет частотность их употребления в речи. Включение же неологизмов в толковые словари уже является свидетельством их закрепления в языке. Тем не менее, многие неологизмы остаются окказиональными и исчезают по прошествии какого-то времени.

Французскими лингвистами ведется очень большая работа по выявлению, регистрации и толкованию неологизмов, появляющихся каждый год и относящихся к различным областям жизни. Они могут быть терминами, словами из средств массовой коммуникации или фамильяризмами, то есть плодами «народного словотворчества», как например, следующие единицы:

Equilibrariste (m) – *Parisien qui tente de rester en equilibre en evitant de toucher la barre poisseuse a l'interieur du wagon de metro.* (Парижанин, старающийся держать равновесие в вагоне метро, не держась за поручни).

Metronche (m) – *Attitude neutre que l'on adopte dans le metro pour ne pas se faire remarquer.* (Состояние человека, желающего оставаться незаметным при поездке в метро).

Chatelepouvante (f) – *Panique qui gagne le parisien lorsqu'il s'aperçoit qu'il doit changer le metro a Chatelet.* (Паника, которая охватывает парижанина, которому необходимо сделать пересадку на станции Chatelet).

Подобные слова возникают в повседневной жизни из желания более экспрессивно объяснить те или явления или факты (иногда комичные), с которыми человек сталкивается ежедневно в тех или иных ситуациях. И, скорее всего, они не будут зафиксированы в словарях, так как носят ситуативный характер, но в них чувствуется желание людей, живущих в таких больших городах, как Париж, относиться ко всему с юмором.

Разговорные неологизмы характерны, прежде всего, для языка молодежи и подростков. В их лексиконе встречаются коннотативно окрашенные слова: **sexoche (f)** (**sexy+moche**) – *Fille sexuellement repoussante.* (Некрасивая, отталкивающая от себя девушка в сексуальном плане), **halluciner-** *ne pas en croire ses yeux.* (Офонареть, офигевать), **glande (f)** – безделье, **nini (m, f)** – *Jeune homme/femme ne souhaitant ni etudier, ni travailler* (Молодой человек или девушка, не желающие ни учиться, ни работать).

Неологизмами также могут считаться слова уже знакомые, которые в результате семантической деривации приобрели новые значения, то есть были переосмыслены.

Каждый год во французском языке появляется около 4000 новых слов и выражений, относящихся к различным сферам человеческой жизни, и каждый год появляются новые издания словарей *Petit Robert* и *Petit Larousse*, которые

публикуют до 200 новых слов. Эти слова могут быть давно известными, но прошедшими определенные стадии отбора.

Более строго подходит к включению неологизмов в свой словарь Французская Академия, стоящая на страже «чистоты» французского языка.

Основная работа академиков – это составление словаря французского языка, так как одни слова «умирают» и больше не используются, а другие появляются в связи с развитием современного мира.

С 1674 года по настоящее время Академия составила уже 8 словарей, а с 1986 года работает над 9-м изданием, но еще не закончила свою работу. Академики включают неологизмы в *Dictionnaire de l'Academie française* после тщательного отбора и горячих обсуждений.

Вероятность попасть в академический словарь у новых слов крайне мала. Многие слова появляются в языке совсем ненадолго. В словарь включаются только неологизмы, отвечающие основным требованиям. Слова должны активно употребляться в устной и письменной речи, быть образованы по правилам. У них должны отсутствовать лексические эквиваленты, то есть их образование должно быть обусловлено лингвистической необходимостью.

По разработанным Академией нормам французский язык преподается в системе образования.

В зависимости от условий создания следует различать неологизмы общезыковые, появившиеся вместе с новыми понятиями или реалиями, и индивидуально-авторские, имеющие конкретного автора. Также следует отметить, что неологизмы возникают, как правило, по существующим языковым правилам с помощью имеющихся языковых словообразовательных средств (фонетических, семантических, морфологических), причем словообразование является одним из важнейших источников пополнения словарного состава французского языка.

Анализ неологизмов, вошедших в словари *Petit Robert* и *Petit Larousse* с 2013 г. по 2018 г. показал, что пополнение словарного состава современного французского языка происходит традиционным путем.

Наиболее продуктивными средствами образования новых слов остаются морфологическое и семантическое словообразование. Слов, образованных путем фонетического словообразования, при котором большую роль играет звукоподражание, появляется гораздо меньше.

Примером фонетического образования неологизма может служить прилагательное **bling-bling (fam.)**, которое на русский язык можно перевести как «выпендрёжный» или «показушный» (разг.) (*Reproduisant le bruit des bijoux clinquants souvent appliqué a un comportement ostantatoire a base du desir d'etaler sa richesse, sa puissance*).

При семантическом словообразовании форма имеющегося уже слова не изменяется, а у него просто появляется новое вторичное значение на основе сходства уже известного предмета или явления с предметом или явлением вновь обозначаемым. Так, слово **tablette (f)** имело достаточно много значений: «полка, доска, плита, плитка», но с развитием компьютерных технологий это

слово получило еще одно значение – *электронный планшет (ordinateur portable et ultraplat, qui se presente comme un ecran tactile et qui permet notamment d'accéder a des contenus multimedias)*, или слово **icone (f)**, имеющее значение «икона, образ» или «знак, символ» стало употребляться в значении «икона стиля» (о человеке), (*personage adulte au meme titre qu'un saint represente dans une icone traditionnelle*).

Морфологическое же словообразование наиболее активно. Новые слова образуются путем изменения формы уже существующих слов по определенным словообразовательным моделям. Способы образования новых слов во французском языке очень разнообразны, но мы остановимся на наиболее продуктивных. Это аффиксация (суффиксация и префиксация) и словосложение, а именно «телескопия».

Субстантивное словообразование в современном французском языке осуществляется в основном с помощью суффиксов: **-isme, -iste, -eur(euse), -ation, -ance, -ette, -ien, -ard** и т.д.

Суффикс **-isme** образует, как правило, слова в сфере политики, общественных движений и разнообразных течений.

Animalisme (m) – *Mouvement de defense des droits des animaux* (Движение в защиту прав животных).

Masculinisme (m) – *Mouvement qui se preoccupe de la condition masculine et qui cherche à promouvoir les droits des hommes et leurs intérêts dans la société civile* (Движение за возвращение мужчине тех прав, которые они потеряли после того, как появились феминистки).

Eurocentrisme (m) – *Attribution d'une place centrale aux cultures et valeurs europeennes aux depens des autres cultures* (Евроцентризм – идеология, провозглашающая верховенство европейской цивилизации над другими.)

Суффикс – **eur (euse)** образует слова, обозначающие род деятельности, профессию человека.

Ambianceur (m) – 1. *Personne dont le métier consiste a mettre de l'ambiance, a animer une soiree.* 2. *Personne qui aime s'amuser, adepte de la vie nocturne* (1. Ди-джей, аниматор. 2. Тусовщик).

Fouineur (m) – *Personne passionnee d'informatique qui par jeu, curiosite, defi personnel sonde les possibilites materielles et logiciels des systemes informatiques afin de pouvoir eventuellement s'y immiscer* (Хакер).

Суффикс – **ard** – это суффикс, имеющий оценочный характер часто с негативной стилистической окраской. Например, слово **phonard (m)** – неодобрительный термин для человека, не выпускающего из рук свой телефон.

В последние десятилетия отмечается увеличение частотности использования английского суффикса – **ing**, который пришел во французский язык вместе с английскими заимствованиями. Так слово **stalking (m)** – *filature, fait de chercher toutes les traces laisseees par une personne sur la toile* (Сталкинг или сталкерство обозначает выслеживание кого-либо в сети).

Zapping – *Le mot s'emploie pour qualifier une attitude consistant à changer de sujet ou a disperser ses interets* (Переключаивание с одного на другое).

При образовании новых прилагательных больше всего активны суффиксы **-able** и **-esque**. **Banquable** – *qui rapporte de l'argent ou qui permet de financer un film sur le nom de X* (Способный принести прибыль (о человеке, проекте и т.д.)), **chabadabadesque** – *situation, relation homme/femme digne de ce qu'elles sont dans le film de C. Lelouche « Un homme et une femme »* (Романтичный).

Новые глаголы, появляющиеся в языке, как правило, 1-ой группы и образуются по большей части с помощью суффиксов **-iser**, **-ouiller**, **-oner**, **-oter** и других.

Poubeliser (fam) – *supprimer (p.ex. un fichier)* (Стереть файл /поместить в корзину).

Pendouiller – *pendre lamentablement, de façon ridicule. Hormis ce sens-là, le mot est très souvent employé à propos des vêtements féminins* (Свисать, болтаться (об одежде)).

Photophoner – *photographier avec un smartphone de dernière génération* (Фотографировать на мобильный телефон).

Ragoter – *se dit d'une action qui consiste à raconter les détails croustillants importants qui se passent parallèlement à la vie de tous les jours* (Сплетничать).

Рассмотрев несколько наиболее продуктивных суффиксов, переходим к префиксам. Наибольшую активность в словообразовании современного французского языка имеют префиксы: **hiper-**, **ultra-**, **auto-**, **anti-**, **super-**, **extra-**, **de-** и множество других.

Autopartage (m) – *mise à disposition d'un ou de plusieurs véhicules à des usagers ayant souscrit à un abonnement ou un contrat prévoyant (y compris entre particuliers)* (Краткосрочная аренда автомобиля или совместное использование автомобиля несколькими лицами).

Hypertexte (m) – *système de renvois permettant de passer directement d'une partie d'un document à une autre, ou d'un document à d'autres documents choisis comme pertinents par l'auteur* (Гипертекст (инф.)).

Ultrabook (m) – *ordinateur ultraportable* (Ультрабук).

Deradicaliser – *rendre moins radical, faire abandonner à (qqn) une doctrine radical* (Отказаться от радикальной доктрины, сделать менее радикальным).

Особую популярность приобретает префикс **cyber-** в связи с развитием цифровых технологий.

Cyberdelinquance (f) – *ensemble des activités illicites qui s'appuient sur internet* (Киберпреступность).

Другим способом морфологического словообразования является словосложение. Это способ пополнения словарного состава языка, с помощью которого объединяют несколько лексических единиц. Они пишутся обычно или слитно, или через дефис.

Наиболее интересным, на наш взгляд, и наиболее распространенным в последнее время способом словосложения является телескопия или контаминация. Неологизмы, полученные методом телескопии, называются «mots-valises». Большинство подобных слов имеют коннотативное значение и

обогащают словарный состав современного французского языка аффективно-экспрессивной лексикой. При образовании нового слова методом телескопии происходит следующее: у первого слова из двух усекается последний слог (или несколько), а у второго – первый (или несколько), и оба слова как бы «входят» друг в друга.

Примерами могут послужить следующие слова:

ordiphone (**ordinateur + telephone**) – телефон-компьютер;
mobinaute (**mobile + internaute**) – пользователь мобильного интернета;
copinaute (**copine + internaute**) – подруга, найденная в интернете;
phablette (**phone + tablette**) – телефон с большим экраном;
ordinasore (**ordinateur + dinosaur**) – старый компьютер;
courriel (**courrier + electronique**) – электронная почта;
clavarder (**clavier + bavarder**) – чатиться;
globish (англ.) (**global + english**) –упрощенный английский;
velib (**velo + liberte**) – система проката велосипедов;
fadette (**facture + detaillee**) – детализация звонков;
agriculteur (**aigre + agriculteur**) – фермер, уставший от трудностей;
democrature (**democratie + dictature**) – диктатура, скрытая под демократией;
trampapocalypse (**Trump + apocalypse**) – апокалипсис после выборов Д. Трампа;
bistronomie (**bistro + gastronomie**) – совокупность высокой кухни и способа подачи блюд, меню и цен в бистро;
burkini (**burgo + bikini**) – одежда для купания женщин-мусульманок, закрывающая все тело, за исключением лица, рук и ног.

Рассмотрев неологизмы, образованные методом «телескопии», можно сказать, что эти слова относятся к различным сферам жизни, но, безусловно, чаще всего встречаются в области компьютерных и цифровых технологий. Они также часто используются писателями, журналистами, специалистами в области рекламы. Также неологизмы встречаются в разговорном языке, делая его более экспрессивным.

В заключение стоит отметить, что пополнение словарного состава современного французского языка происходит очень активно, как за счет словообразовательных моделей, так и за счет заимствований из других языков, в частности, английского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. С. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. – М., 1969.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования/ В.Г.Гак.-М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.- 768 с.
3. Гак В. Г. О современной французской неологии. URL: www.neolexiling.narod.ru (дата обращения: 11.02.2019).

4. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. – М.: Просвещение, 1980.

5. Rigoni C. La neologie, ou la creation de mots nouveaux. Veille CFTTR – Universite Rennes 2, 2014. URL: <http://www.dglflf.culture.gouv.fr/terminologie/fabrique.htm> (дата обращения: 08.02.2019).

6. Les nouveaux mots du dico, version 2018. URL : <http://www.fortissimots.com> (дата обращения: 10.02.2019).

7. Mots nouveaux des dictionnaires! Club d'orthographe de Grenoble. URL : <http://orthogrenoble.net> (01.02.2019).

8. Petit dictionnaire français-russe des mots à la mode. Бадикян В. С. Французско-русский словарик модных слов - СПб.: Люмьер, 2016. – 120 с.

E. Y. Shiyanova

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

NEOLOGISMS IN CONTEMPORARY FRENCH LANGUAGE AND MAJOR WAYS OF UPDATING FRENCH VOCABULARY

The paper considers major ways of neologisms development in the contemporary French Language based on words included in Petit Robert and Petit Larousse dictionaries over the last 6 years. The connection between new words formation and different spheres of life changes is studied.

Neologisms, word formation, French language, new realia, dictionaries

УДК 81'42

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет,
alpha-12@yandex.ru

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И НАРРАТОЛОГИЯ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Цель настоящего доклада – анализ результатов, полученных при изучении вектора развития исследований в области лингвистики, литературоведения и философии языка, изучения сходных моделей и их трансформаций в разных исторические периоды, поиск точек соприкосновения.

Когнитивная лингвистика, социальные теории языка, герменевтика, нарратология, философия языка

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на данный момент, на наш взгляд, все более очевидна общая тенденция междисциплинарных исследований, их взаимопроникновение, взаимовлияние, взаимообогащение. Поиск прямых и изоморфных связей между дисциплинами необходим для получения более полной картины научных результатов. Соотнесение и сравнение культурных традиций, межкультурных, междисциплинарных, языковых и прочих особенностей позволяет получить более четкое представление об этапах развития лингвокультурологии, лингвистики, философии и гуманитарного знания в целом.

Во второй половине XX столетия произошла существенная перемена во взглядах и интерпретации различных феноменов, произошли новые открытия, были созданы новые теории в разных областях знаний. В литературоведении это взаимная конкуренция, сосуществование структурализма и постструктурализма. В области лингвистики, это, во многом, отход от структурализма, популярность более поздних лингвистических школ, таких как генеративная грамматика, коммуникативная лингвистика. Определение когнитивной лингвистики и прагмалингвистики как основных направлений научной мысли породило большое количество исследования в области когнитивной семантики, компьютерной лингвистики, и так далее. Данная смена парадигмы особенно заметна по сравнению с позитивистскими взглядами (например, раннего Витгенштейна или Рассела), или дискриптивными установками исследователей структуралистов. Критика теории референции находит отражение в современных исследованиях. Анализ дискурса, социальные теории языка становятся все более актуальными и приобрели большую значимость за последние годы, что отражается в данном курсе лекций

при описании школы Критического Анализа Дискурса Нормана Феаклафа и Тео ван Дейка, а также работ Кресса, Ходжа и других исследователей. Нами также рассматриваются основные исследования и тенденции развития в области философия языка. Задачей исследования, таким образом, стало описание и анализ тех научных работ, которые представляются актуальными и важными на данном этапе развития научной мысли, прослеживаются условия и причины смены научной парадигмы, характерные для разных гуманитарных дисциплин.

Развитие герменевтики также претерпело определенную динамику изменения. В широком смысле «герменевтика» означает искусство истолкования текстов. Она имеет дело с различными отношениями между говорящими и слушающими, между языком и миром. Высказывания воспринимаются как выражение, во-первых, намерений говорящего, во-вторых, межличностного отношения. Свободные мужчины древнегреческого полиса обучались умению держать речь. Знание, однако, состояло не просто в словах об истине, а в диалоге, который предполагал безграничную готовность к обоснованию всего сказанного. В диалогах Платона познание имеет гипотетический характер, что означает, что оно должно доказываться в работе постижения множественности вещей на основе единого. Поэтому истолкование оказывается двойным: во-первых, соответствием вещи, во-вторых, взаимопониманием. Аристотель в своей работе «Об истолковании», в отличие от Платона опирался не на умозрительное знание – «эпистему», а на «фронезис» – практическое мышление. В противоположность теоретическому, практическое знание затрагивает также этические вопросы индивидуальной и коллективной жизни. Знание в практической сфере приравнивается к пониманию. В Средние века герменевтика развивается как экзегетика – комментирование Библии. Согласно религиозной герменевтике, Священное Писание имеет значение, во-первых, чувственно-буквальное, во-вторых, отвлеченно-нравоучительное и, в-третьих, идеально-мистическое, или таинственное. Отсюда усвоение читаемого происходит на трех уровнях – как звук, как понятие, и как идея. Ортодоксальный русский религиозный мыслитель Павел Флоренский настаивал на мистическом характере общения – слово – это медиум не просто между людьми, но между двумя мирами, видимым и невидимым.

Вильгельм Дильтей считал задачей гуманитариев не объяснение действий на основе общих законов, а их понимание на основе «вживания» во внутренний мир людей. Свой подход к описанию структур душевной жизни человека Дильтей называет «реальной психологией», которую он определял, как учение о жизни, человеческом бытии. Дильтей исходит из целостности душевной жизни и выделения в ней структур, данных первично и заранее, а не конструируемых искусственно. Основопологающим определением жизни выступает взаимосвязь Я и Бытия, которая постоянна и непрерывна. Она переживается самой жизнью как опыт самой себя и насколько он есть у

человека, настолько он определен миром. Жизнь протекает как взаимосвязь Я с миром и с Другими.

Феноменология – новый вектор развития, это одно из наиболее влиятельных философских течений 20 века. Основатель феноменологии — немецкий философ-идеалист, математик Эдмунд Гуссерль, стремившийся превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода. Инструментом феноменологии являются феноменологические редукции. Феноменолого-психологическая и эйдетическая редукции позволяют осуществить «выключение» реального мира, данного в естественной установке, и перейти к сосредоточению на самих переживаниях сознания. Феноменологическая рефлексия обнаруживает, что фундаментальным свойством сознания является интенциональность, то есть свойство его актов быть «сознанием о», сознанием чего-то — интенционального предмета (который может быть не только реальным — вещью или психическим актом в реальном пространственно-временном мире, но и идеальным — сущностью, значением). Чтобы постичь трансцендентальные структуры, проникнуть в авторское сознание, феноменологическая критика пытается добиться полной объективности и беспристрастности. Она должна очиститься от собственной предвзятости, чутко погрузить себя в «мир» произведения и воспроизвести найденное там настолько точно и непредубежденно, насколько это возможно. Для Гуссерля смысл — это нечто предшествующее языку,

Мартин Хайдеггер заложил в основу своей фундаментальной онтологии понятие «герменевтического круга», согласно которому условием понятийного истолкования мира является знакомство с ним дотеоретическим или практическим способом. Если человеческое существование определяется временем, то оно в равной степени определяется и языком. Язык для Хайдеггера не просто инструмент коммуникации, дополнительный способ выражения «идей» — это те самые рамки, в которых проходит человеческая жизнь, то, что выдвигает мир на передний план. «Мир», в его отчетливо человеческом смысле, есть только там, где есть язык. Для Хайдеггера язык - это в первую очередь не то, что вы или я можете сказать: язык обладает собственным существованием, в котором человек может участвовать, и только участвуя в нём, мы можем стать людьми в полной мере. Язык всегда предсуществует индивидуальному субъекту как та область, в которой он разворачивается. Язык содержит в себе «истину» не столько как инструмент для обмена точной информацией, сколько как место «непотаянности» реальности, где она делает себя доступной нашему созерцанию.

По Гадамеру, герменевтика имеет дело с преданием, она есть то, что должно прийти к опыту. Традиция, однако, не просто событие, которое познают через опыт и учатся овладевать, она есть язык, то есть она говорит о себе как «ты», к которому нельзя относиться как к предмету». Традиция или предание для Гадамера является, прежде всего, коммуникативным партнером, с которым всегда вступают в диалог, когда пытаются интерпретировать что-либо. Можно понять конкретное нечто только в горизонте традиции.

Следующим важным этапом в развитии герменевтики (как и философии языка и лингвистики), становится развитие идей структурализма и постструктурализма. Первое направление складывается в 50-е – 60-е годы на почве Парижской семиотической школы, в которую входили Ролан Барт, Греймас, Ж. Женнет, Цветан Тодоров и ставит задачей разграничить язык и речь, трактовать знак как единство между означающим и означаемым. Перенос лингвистических методов на материал художественной литературы и знаменует формирование литературоведческого структурализма – направления, которое связывает свою цель с обнаружением глубинной универсальной структуры, лежащей в основе литературных явлений. Постструктурализм, однако вводит в обращение определенное количество понятий, таких как ризома, различие и повторение, которые позволяют трактовать философские и литературоведческие проблемы кардинально по-новому, разрушая общепринятые нормы или, к примеру, устоявшиеся взгляды на проблему классификаций или бинарных оппозиций. Данное течение получает развитие сначала во Франции, а затем в США и обычно связывают с именами Деррида, Делеза и Гваттари, Бодрийера, Кристевой, Лиотара, “позднего” Барта, Фуко, а также ряда других исследователей, пересекается с семиотической теорией, постмодернизмом.

В работе литературоведа Терри Иглтона «Теория литературы. Введение» рассматривается, каким образом формализм являлся, по существу, приложением лингвистических методов к исследованию литературы. Проводятся параллели между творческим наследием Мартина Хайдеггера, Э. Гуссерля, Изера, Хирша, рассматриваются идея Ж.-П. Сартра, Ролана Барта, Лакана, Дж. Кристевой, Дерриды, Ч. Пирса. Совмещение различных авторов и имен позволяет проследить, каким образом, философия языка, лингвистические теории (прагмалингвистика, теория речевых актов, социальные теории языка, критический анализ дискурса, теория знака, семиотика) связаны с литературоведением.

Важным этапом исследования становится применение данных теоретических предпосылок (философского, лингвистического, литературоведческого плана) для сравнительного анализа традиционного нарратива с нарративом пост-авангарда, на примере творчества Дж. Сэлинджера, В. Набокова, Дж. Джойса, В. Вульф, женской прозы, пост-колониальной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. М.: Азбука, 2000.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: «Территория будущего», 2005.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. Дильтей В. Описательная психология. СПб, 1996.
5. Дильтей В. Введение в науки о духе. Сила поэтического воображения. Зарубежная эстетика и теория литературы. Трактаты. Статьи, эссе. М., 1987.

6. Флоренский П. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: «Мысль», 2000.
7. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., 2003.
8. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
9. Щербак Н. Ф. «Немного тени на желтом песке». Курс лекций «Современные лингвистические, психолингвистические, литературоведческие учения: точки соприкосновения и тенденции развития». Чехов, 2017.

Shcherbak, N. F.

Saint Petersburg State University

**PHILOSOPHY OF LANGUAGE, DISCOURSE ANALYSIS AND
NARRATOLOGY: VECTOR OF DEVELOPMENT AND CHANGE OF
SCIENTIFIC PARADIGM**

The aim of this article is to analyze the results of the study of the main tendencies in the development of literary and linguistic studies, philosophy of language theories, compare common paradigms and their transformation in different historical periods.

Hermeneutics, narratology, change of paradigm

СЕКЦИЯ 2. КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ; ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 78 (47+57)+80 (47+57)

О. В. Андреева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
Osa3f@mail.ru

МУЗЫКА А. ШНИТКЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается творчество А. Шнитке как уникальный феномен авангардной культуры XX века. Новизна исследования состоит в том, что музыка композитора раскрывается в контексте органично присущей ей функции межкультурной коммуникации. Являясь выдающимся представителем отечественной музыкальной культуры, А. Шнитке воплотил в музыкальном полотне своих произведений дух времени, дух эпохи. В его творчестве нашли отражение и болевые точки современного глобального мира.

Музыкальный авангард, межкультурная коммуникация, искусство постмодернизма, полистилизм, билингвальная (бикультурная) личность.

Творчество Альфреда Гарриевича Шнитке (1934 – 1998) органично связано с современным поликультурным миром. Эти связи вытекают из социальной среды, в которой шло формирование его личности. Альфред Шнитке родился в семье, родовые корни которой уходили в немецкую культуру. Отец, Гарри Викторович, из прибалтийских евреев, говоривших на немецком языке, родился во Франкфурте-на-Майне (1914 г.). В 1926 г. его семья переехала в СССР. Мать, Мария Иосифовна Фогель – этническая немка, из волжских немцев-крестьян, которые, наряду с другими колонистами, прибыли в Россию еще в XVIII в. по приглашению Екатерины II. Рождение их старшего сына, Альфреда, произошло в г. Покровске, столице автономной республики поволжских немцев (с 1931 – г. Энгельс, Саратовской области).

Поликультурная картина мира в ментальности Альфреда изначально складывалась под воздействием двуязычия. Общение в семье шло преимущественно на немецком языке. Хотя Альфред впоследствии называл своим родным языком русский, он начал прежде говорить по-немецки и

признавался, что порой даже думает на немецком языке. Бабушка по линии матери, Палина Шехтель, разговаривала только на немецком языке и русского не знала. С отцом разговор шел на русском, а с матерью – на немецком языке.

Хотя отец, Гарри Викторович, был евреем, еврейские традиции и язык в семье не культивировались, не знал их и Альфред. Однако в момент получения паспорта в 16 лет, под воздействием эмоционального импульса, он заявил о своей национальной принадлежности – «еврей». Так в паспорте в графе «национальность» появилась эта запись. Возможно, на его решение, которое не одобряла мать, повлияла память детства. С началом Великой Отечественной войны началась депортация поволжских немцев за Урал, в Сибирь и Казахстан. В августе 1941 г. их национальная автономия в составе Российской Федерации прекратила существование. Печальная участь ожидала и семью Шнитке. Как ни парадоксально, помогло еврейское происхождение отца, которое ему удалось доказать в противовес немецким корням. Так семья, по счастливому стечению обстоятельств, избежала неизбежной трагедии. Однако эта раздвоенность, непохожесть на других детей в окружающем его мире, не оставляла Шнитке всю жизнь и являлась основой душевной травмы.

Семья Шнитке принадлежала к культурному слою общества. Родители Альфреда получили высшее образование в Покровске. Отец, окончив Немецкий коммунистический университет, был журналистом и русско-немецким переводчиком, а мать после окончания Немецкого государственного педагогического института преподавала немецкий язык в школе. Бабушка по линии отца, Теа Абрамовна, работала в Москве в издательстве иностранной литературы (ныне «Прогресс»), редактируя учебники по немецкому языку. Неудивительно, что Альфред с детства был окружен поликультурным пространством. Его личность складывалась под воздействием классической немецкой и русской литературы. В детстве он зачитывался сказками В. Гауфа и русскими народными сказками из сборника А. Н. Афанасьева, а в зрелом возрасте его ожидали произведения Т. Манна и Г. Бюхнера, малоизвестные в те времена его сверстникам. Альфред формировался как билингвальная личность, свободно владея немецким и русским языком. Двуязычие соединялось в его сознании с глубоким проникновением в культуру этих народов.

Билингвизм (двуязычие) А. Шнитке многое объясняет в его творческой судьбе, поэтому на нем стоит остановиться. Хотя проблема билингвизма не нова и уходит корнями в предшествующие эпохи, в условиях глобального мира она приобретает особую актуальность как часть межкультурной коммуникации. Науча рассматривает эту проблему в лингвистическом, педагогическом, социологическом, социолингвистическом, лингвокультурологическом, психологическом и других аспектах [8, с. 27]. Предлагая различные подходы к исследованию билингвизма, ученые сходятся в том, что социализированная личность, по мере своего становления и развития, наряду с усвоением языковой системы осваивает и языковую национальную картину мира.

Это вытекает из многофункциональности языка как универсального феномена. К. З. Закирьянов подчеркивает, что, являясь средством общения между людьми, язык выполняет коммуникативную функцию. В познании действительности проявляется его когнитивная функция. Как орудие мышления язык воплощает в себе мыслеоформляющую функцию. Кумулятивная функция связана с накоплением знаний и передачей их последующим поколениям. Язык – средство выражения национального духа народа, его национальной самобытности [7, с.498]. Поэтому вместе с языковыми средствами личность усваивает материальную и духовную культуру народов-носителей этих языков. И если монолингв, как языковая личность, усваивает язык и культуру одного народа, то билингвальная личность владеет двумя системами языков и двумя национальными языковыми картинами мира, двумя национальными культурами. Билингвальная личность овладевает вербально-семантическим кодом первого(родного) и второго (неродного) языков, языковой и концептуальной картиной мира носителей родного и неродного языков [7, с. 501].

Выявляя различные аспекты билингвизма, Е. Ю. Протасова уделяет внимание возрастной категории детей до трех лет, полагая, что в этом возрасте возможно двойное усвоение языков. И. Л. Медведева и А. А. Залевская в структуре понятия выделяют естественный и искусственный билингвизм. Если первый для них означает способ мышления и целостность дуальной картины мира, то второй – возможность общения и расширения знаний о культуре иного народа [8, с. 29]. С. Ю. Светюк подчеркивает коммуникативные качества билингва, поскольку он проходит социализацию во втором социуме и знает его социально-культурные нормы и отношения [8, с. 30]. Таким образом, концентрируя в себе языковую, лингвистическую, коммуникативную, лингвокультурологическую составляющую, билингв приобретает новые качества личности и формируется как бикультурная личность.

Именно такая личность, по мнению исследователей, является основой межкультурной коммуникации, поскольку билингв владеет двумя языками, существует одновременно в двух культурных пространствах, умеет воспринимать мир с двух различных точек зрения и имеет своеобразный механизм «перекодирования», позволяющий преодолеть межкультурный разрыв в диалоге культур. В этой связи «субъект межкультурной коммуникации» исследователи определяют как бикультурную личность, которая обладает билингвальным сознанием и межкультурно-коммуникативным поведением, адекватным условиям диалога культур [9, с. 23].

Отмеченные факторы коррелируют с личностью А. Шнитке. Современники подчеркивали высокую духовность композитора, что проявлялось и в культуре его речи. Немецкий дирижер Курт Мазур говорил, что немецкий язык Альфреда Шнитке был чрезвычайно изысканным, что само по себе являлось редкостью среди представителей его поколения [6, с. 111]. М. В. Ожигова, ученица начинающего педагога А. Шнитке в Московской

государственной консерватории им. П. И. Чайковского, вспоминала о своем наставнике. «Ещё на первом курсе... я через несколько уроков поняла, что это – из ряда вон выходящее явление... Совершенно невероятная эрудиция... европеец чистейшей воды... Что поражало в нем больше всего, это – тактичность, цивилизованность... и гениальность... энциклопедическое знание литературы, вообще всего и вся» [10, с. 96].

При том знании языка, которое позволяет бикультурной личности преодолеть национальные барьеры и занять правильные позиции в межкультурной коммуникации, ее положение в культурном пространстве совершенно уникально. Бикультурная личность не может однозначно причислить себя к той или иной культуре. На это, в частности, указывают и исследования, проведенные в Северо-Кавказском регионе РФ. Среди опрошенных билингвов 25 лет и старше 75% респондентов отметили у себя эту особенность. Билингвы, подчеркивают ученые, имея бикультурное естество и бикультурную идентичность, находятся как между языками, так и между культурами, образуя отдельную группу, обладающую специфически гибкими, открытыми, комбинаторными особенностями [3, с. 10, 11].

Возможно, они определили и духовные искания композитора. Пройдя сложный путь в лоне восточных практик, он в 48 лет, в Вене, принял обряд крещения по католическому образцу. Оказавшись здесь в 1946-1948 гг. (отец работал военным переводчиком в газете «Oesterreichische Zeitung» в зоне советской оккупации), 12-летний Шнитке навсегда запомнил Вену как мечту своего детства. Что же касается католицизма, то, как известно, хотя Мария Иосифовна и была крещена в католичество, истинно верующей была только ее мать, Паулина Шехтель, разговоры с которой у Альфреда запечатлелись на всю жизнь. Как подчеркивают ученые, билингвы, как правило, молятся на том языке, на котором их научили это делать [4, с. 13]. С этой точки зрения выбор католичества был оправдан родовой памятью.

Однако и здесь не обошлось без парадоксов. В России Шнитке вернулся в лоно православия. Благодаря композитору Н. Каретникову, он познакомился с отцом Николаем (Н. А. Ведерников, клирик храма, Иоанна Воина), который вскоре стал его духовником. Возможность обращения к православию появилась в связи с тем, что после крещения не был пройден обряд конфирмации, и духовник через обряд миропомазания вернул Шнитке с именем Алфей в православную веру. Отец Николай понимал тонкую, ранимую душу своего подопечного, поскольку сам был музыкантом, окончив два факультета московской консерватории. Он направлял духовную жизнь композитора и отпевал его после смерти. Прах А. Шнитке, по решению родных, был перевезен из Германии и упокоен в русской земле, на Новодевичьем кладбище.

Феномен А. Шнитке трудно понять без учета его национальных корней и билингвальной идентичности, благодаря которой он смог прочувствовать и отразить в универсуме трагический духовный путь немецкого и русского народа в XX веке, а через них – духовный кризис европейской цивилизации. В его музыке проявилась яркая авторская индивидуальность. Она была подобна

устремлениям духа в эпоху Ренессанса с ее неистовым антропоцентризмом и могла зародиться только в западноевропейской культуре [1, с.15]. Прорастая из уникальности его бикультурной личности, музыка композитора напоминала о том, что русская цивилизация сложилась под воздействием европейской и византийской традиции. И если воплощением первой из них было творчество А. Шнитке, то второй – Г. В. Свиридова. Музыка этих выдающихся современников была диаметрально противоположной. Г. В. Свиридов развивал традиции русской классической школы, в то время как А. Шнитке, А. Волконский, Э. Денисов, С. Губайдулина, Н. Каретников, Р. Щедрин обратились к западноевропейскому авангарду.

Заслуженный деятель искусств России, президент Национального Свиридовского фонда, видный музыковед А. С. Белоненко, подвергая критическому анализу монографию американских исследователей по истории музыки, с горечью отмечал, что они преждевременно справили поминки по советской музыке и констатировали ее «конец». При этом из всех советских композиторов внимания были удостоены только четыре композитора — А. Волконский, Э. Денисов, А. Шнитке и С. Губайдулина. Как четыре всадника апокалипсиса, иронично замечает автор, они стали предвестниками судного дня советской империи, и ее музыки [2, с. 207].

Тем не менее, А. С. Белоненко соглашается с тем, что эти композиторы технологически догнали современную западную музыку. Они освоили ее технику, приемы оркестровки и игры на инструментах, новые виды фактуры, технику композиции в двенадцати тонах, алеаторику. Авангард повлиял на советскую музыку, поднял уровень ее профессионализма и технической оснащенности. Изменилось оркестровое письмо, став богаче в тембровом отношении. Начались поиски в области лада и гармонии. По признанию А. С. Белоненко, авангардисты косвенно повлияли на композиторов разных направлений. И Шостакович, и Свиридов писали бы иначе, не будь Волконского и молодых его соратников-бунтарей [2, с. 208].

Поначалу авангардное искусство воспринималось как манифестация свободы творчества, «раскрепощения духа» художника, возможности в музыкальном полотне отразить духовные устремления, настроения и чувства современников. Позже пришло обретение своего собственного музыкального языка, национальной специфики и индивидуальной художественной образности. Справедливости ради, необходимо сказать, что советский авангард быстро преодолел планку «подражательности». Это видно и на примере А. Шнитке, который в 1960-е – начале 1970-х гг. глубоко изучал опыт западноевропейского авангарда. Его интересовали Ч. Айвз, Э. Варез, Б. Барток, А. Шенберг, А. Берг, А. Веберн, О. Мессиян, П. Булез, К. Штокхаузен, А. Пуссер, Д. Кейдж, Л. Ноно, Л. Берио. Знакомясь с партитурой произведений, которые с большим трудом ему удавалось достать, Шнитке покрывал их своими многочисленными пометками и комментариями. Им были воплощены в жизнь додекафония, серийные техники,

ультрахроматика, пуантилизм, алеаторика, сонорика, микрополифония, кластеры и другие средства [5, с. 55].

В 1970-е гг. композитор обретает неповторимый авторский стиль. Его характеризует масштабность, глубина, философичность, напряженная экспрессия, контрастная драматургия, наряду с парадоксальностью мышления, тонкой иронией и гротеском. А. Шнитке обосновывает принцип «полистилистики», «полифонии» (Международный музыкальный конгресс, 1971, Москва). Исследователи склонны считать этот принцип синонимом понятия «интертекстуальность», который отражает дух новой эпохи и его искусства – постмодернизма [12, с. 39].

Полистилизм нашел воплощение в симфонических произведениях (1-я, 1972; 2-я, 1979; и 3-я, 1981, симфонии). Музыкальная ткань произведений строится по принципу коллажа, мозаики, инкрустации, калейдоскопа, напоминая гипертекст. В нем причудливо соединяются аллюзии и «квазицитаты» из музыкальных произведений различных эпох. В эклектическом пространстве, подобно стереофоническому звучанию, смешиваются художественные стили, направления, формы, жанры музыкальных произведений. Игровое начало соединяет высокое и низкое, банальное и изысканное. За всем этим нагромождением звучащего хаоса прослеживается мысль: разрушение гармонии мира, искажение духовной сущности человека, поглощение хаосом организованной материи мироздания опасно для судеб человечества.

В 1970-е – 1980-е гг. композитор написал музыку к балетам «Лабиринты» (1971), «Эскизы» (1985), а «Пер Гюнт» (1987) появился по заказу Д. Ноймайера. Музыка Шнитке обогатила художественный замысел многих фильмов («Агония», «Стеклянная гармоника», «Восхождение», «Мертвые души»). Мастер обратился к вокальным и хоровым сочинениям: «Реквием» (1975), «История доктора Иоганна Фауста» (1983). Усилилось внимание к древнерусскому музыкальному искусству. Появились духовные произведения: концерт для хора на ст. Нарекаци (1985), «Стихи покаянные» (1988, к 1000-летию крещения Руси).

Культура XX века характеризуется, по мнению ученых, сменой культурной парадигмы. Она протекает как драматичная встреча - столкновение разных культурно-исторических миров внутри столетия, порождая контрастность, противоречивость, внутреннюю подвижность различных сторон культурного процесса. «Многими исследователями этот процесс оценивается как глубокий катаклизм, глобальный исторический поворот, сопоставимый с эпохой крушения древнего мира» [11, с. 288]. В этом контексте сформулированный А. Шнитке принцип «полифонии», «полистилистики» – есть отражение объективных законов бытия. И если уходящий век еще не осмыслил значений творчества авангардистов и постмодернистов, то для современников очевидно: один из них, гений из Энгельса, уже принадлежит своей эпохе и мировому искусству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О. В. Советская культура второй пол. 1960-х – первой половине 1980-х гг.: «застой» или духовная зрелость общества?// National culture sin social space and time: materials of the VI international scientific conference on March 1–2, 2019. – Prague :Vědeckovydavatel'skécentrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 42 p. С. 8 – 17.
2. Белоненко А. С. Прошлое и будущее классической музыки европейской традиции. Заметки по поводу монографии The Oxford History Of Western Music. Часть 1. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. № 3. С.160-218. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24717293>
3. Вигель Н. Л. Феномен билингвизма эпоху постмодерна//. В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. №37. С. 6— 11. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33965456>
4. Вигель Н. Л. К вопросу о психолингвистике и нейролингвистике билингвизма и особенностях билингвальной психологии// В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 37. С. 11-15.URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21632926>
5. Демченко А. И. Альфред Шнитке и авангард // Искусство и культура. 2012. № 3 (7). С. 52 – 57.URL // <https://elibrary.ru/item.asp?id=22016456>
6. Демченко А. И. «Немецкий композитор из России...» // Проблемы музыкальной науки. 2010. № 1 (6). С. 109–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15101305>
7. Закирьянов К. З. Два феномена: билингвизм и билингвальная личность // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1 (1). С. 498 – 502. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18016757>
8. Светюк С. Ю. Общие представления о билингвизме в психологии // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9. № 2. С. 26 – 32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34978928>
9. Смаглий Т. И., Полевая О Н. Сущность понятия «субъект межкультурной коммуникации» // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. № 1. С. 20 – 23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17741171>
10. Франтова Т. В. Встречи с недавним далёким прошлым (рефлексии по поводу двух фрагментов из писем А. Г. Шнитке к М. В. Ожиговой). //Южно-Российский музыкальный альманах. 2016. № 3 (24), С. 96 – 102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27391022>
11. Франтова Т. В. «Полифонизация сознания» в свете некоторых представлений о высшей нервной деятельности. // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 281 – 292. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19317823>
12. Чинаев В. П. В сторону «новой целостности»: интертекстуальность – поставангард — постмодернизм в музыкальном искусстве второй половины XX – начала XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. № 1. С. 30 – 54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21396835>

O. V. Andreeva

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

THE MUSIC OF ALFRED SHNITKE IN INTERCULTURAL SPACE

In this article Alfred Shnitke's work is interpreted as a unique phenomenon of avant-gard culture of the 20th century. The innovative idea of this research is that Shnitke's music is seen as an organic function of intercultural communication. As a distinguished representative of local culture, Shnitke translated a spirit of the time in his musical canvas. Some breaking points of modern global society have been reflected as well in his creative works.

Avant – gard music, intercultural communication, postmodern art, polystylism, bilingual person

УДК 008:316.776

Я. А. Бабич

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
letovts@yandex.ru*

ЗНАЮТ ЛИ ЛЮДИ О СВОЁМ УНИКАЛЬНОМ СТИЛЕ ОБЩЕНИЯ?

Рассматривается вопрос о трудностях межкультурного общения. Исследуется явление об уникальности стиля общения каждого человека. Высказывается предположение о способах совершенствования межкультурного общения на неродном языке.

Межкультурный бизнес, уникальный стиль общения, эффективное общение, межкультурное общение.

Когда люди встречаются, они начинают общение. Когда люди ведут дела, их общение становится очень интенсивным. Используя английский в качестве второго языка в контексте межкультурного бизнеса, мы сталкиваемся с большим количеством сложностей. Чтобы их преодолеть, необходимо сначала разобраться и понять их. Для того, чтобы разобраться, что помогает нам в ведении переговоров и просто в общении на неродном языке, а что активно мешает нашим партнерам понимать нас и нам их, следует задать себе ряд вопросов.

Если мы не будем рассматривать уровень владения вторым языком, будь то английский, французский или китайский, то что нам мешает или помогает в общении? Для начала следует задать вопрос: «А каков мой уникальный стиль общения?» Хотя большинство людей не могут сразу ответить на этот вопрос, они заинтригованы им, поскольку это открывает возможность взглянуть на то, что большинство из нас не замечает.

Общение похоже на воздух, которым мы дышим; это прозрачно. Когда мы говорим на своем родном языке, мы все предполагаем, что наше общение достаточно хорошее и понятно для окружающих. Мало кто из нас считает, что то, как мы пишем, говорим и слушаем, развивалось в течение нашей жизни. Есть пять ключевых влияний, которые сформировали наш стиль: генетика, семья, культура, образование и профессия. Вот ряд вопросов, которые необходимо рассмотреть при желании совершенствовать свой стиль общения. Отвечая на них, мы обнаружим, что же повлияло на наш уникальный стиль общения.

- Вы бы сказали, что ваш стиль общения более интровертен или экстравертен?

- Подумайте о своей семье. Какие стили общения в ней поощряли? Что не одобрялось? В какой степени вы это приняли или отринули? Заметили ли вы какие-либо модели говорения и слушания, которые вы разделяете с другими членами семьи?

- Подумайте о своем родном языке и культуре. Знаете ли вы, как культура, в которой вы выросли, повлияла на вас? Если вы жили в других культурах, можете ли вы сравнить, на сколько эти культуры отличаются от вашей родной?

- Подумай о своей школе. Вы учили конкретные структуры для выражения ваших идей в письменном виде или в разговорной речи?

- Подумай о своей профессии. Знаете ли вы о том, как общаться, работая с другими людьми той же профессии? Как это менялось, когда вы работали в разных корпоративных культурах?

Когда вы подведете итоги, вы обнаружите, что на развитие вашего уникального стиля общения было оказано большое влияние. Когда вы общаетесь с людьми, которые разделяют многие из тех же влияний, что и вы, тогда речь, письмо и слушание легки и понятны для вас. Под этим подразумевается, что вы даже не замечаете их собственного стиля, и общение при этом кажется легким. Неудивительно, что в межкультурном контексте мы все привносим наш уникальный стиль общения в использование английского в качестве второго языка.

Например, на международной конференции презентации о глобальных проектах и связанных с ними проблемах проходят на английском языке между участвующими французскими менеджерами, немецкими учеными, американскими политиками и южноамериканскими инженерами. Если вспомнить пять влияний на стиль общения, на которые указано выше, вы

увидите, что не будет общих точек соприкосновения между этими профессионалами с таким разнообразным происхождением, даже если они все говорят по-английски. Никто из них даже не осознает, что у каждого свой уникальный стиль общения. Никому из них не приходит в голову, что не их навыки английского языка создают путаницу и подрывают их авторитет. Вместо этого проблема заключается в уникальном стиле общения, которым каждый из них обладает, и, который, никто из них никогда не исследовал на предмет его соответствия межкультурному контексту.

Нет смысла критиковать этих ораторов или их уникальные стили общения, их стили хорошо работали бы в других контекстах. Вероятно, в близкой для каждого культурной среде. Но у них не было возможности увидеть, что это не подходит для этой межкультурной коммуникации. Как правило, все мы делаем такие же ошибки.

Проблемы межкультурной коммуникации в такой ситуации значительны. Прослушивание сообщений – непростой процесс, даже при использовании нашего родного языка. И он становится ещё более сложным, когда мы говорим по-английски, который является иностранным, как для слушателей, так и для нас, при этом все имеют различные уровни владения английским языком. В обоих случаях решающее значение имеют простота и ясность того, что вы хотите сказать, и то, как вы это говорите. Кроме того, простота изложения материала является единственным очевидным вариантом, особенно, когда вы хотите передать много технической информации за короткий промежуток времени. Что не редкость на международных конференциях, где всегда очень жесткий регламент.

В таких ситуациях существуют и другие менее очевидные проблемы, которые многие не учитывают. Например, как выступающие смогут добиться доверия для себя и компании, которую они представляют? Как они представляют свою личность как оратора? И самое главное, как они строят связь со своей аудиторией, удовлетворяя потребности слушателей? Крайне важно, чтобы оратор продумал эти вещи и заранее принял решение о том, как эффективно их выполнить. В противном случае, если вы не сформулируете их четко и кратко, вы рискуете не передать убедительное или запоминающееся сообщение.

Люди практически никогда не спрашивают себя, достаточно ли ясно то, что они говорят или пишут? Вместо этого большинство людей задают себе такие вопросы, как «Правильно ли это слово?». Или «Достаточно ли я предоставил подробностей?». Может быть, даже: «Достаточно ли я все объяснил?». Такие вопросы на самом деле ведут в противоположном направлении от ясности. Ясность не выражается выбором конкретного слова или фразы. Слишком много деталей на самом деле сбивают с толку слушателей и читателей, что приводит к снижению четкости. И объяснение не является эффективным подходом к общению, если только вы не учите кого-то выполнять определенную задачу. Если в какой-то момент вы не выбрали определенный метод общения и не следовали определенной системе, вы

общаетесь на автопилоте. Под этим подразумевается, что вы говорите и пишете спонтанно, и предполагаете, что это все, что вам нужно для эффективного общения.

Мы, к сожалению, часто подходим к общению между разными культурами одинаковым образом. Это особенно верно, когда нам нужно использовать не родной для нас иностранный язык, обычно английский. Мы говорим спонтанно и предполагаем, что это все, что нам нужно сделать. И действительно, этот подход часто работает достаточно хорошо. Письма пишутся. Телефонные звонки осуществляются. Дела делаются. Так что нет необходимости улучшать то, как вы общаетесь, верно? Неправильно.

На первый взгляд может показаться, что происходит эффективное общение. Однако, часто можно услышать от участников семинаров и конференций другую историю. Они часто рассказывают о недостатке уверенности в том, насколько эффективно они пишут электронные письма, проводят личные или групповые встречи и проводят презентации. Помимо этих личных проблем, есть проблемы отсутствия доверия и несоблюдения сроков из-за неэффективной координации действий или невыполненных обещаний.

Они также сообщают о стрессе, конфликтах, растерянности, гневе, недостатке мотивации, неудовлетворенности и даже отсутствии сотрудничества с коллегами и клиентами. Какое отношение это имеет к общению? На самом деле, это все связано с общением. Никто не представляет себе, что изучение новых способов общения может не только привести к более эффективной координации действий, но также повысить личную удовлетворенность и улучшить взаимное доверие.

Мы просто не осознаем, что многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной работе, как в нашей собственной культуре, так и на международном уровне, могут быть решены путем концентрации внимания на говорении и слушании. Когда вы думаете, очевидно, что все в бизнесе использует язык, будь то устный или письменный. Поэтому, если вы не возьмете на себя ответственность за четкое общение между культурами, то вы являетесь частью проблемы и не сможете добиться её положительного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Donald W. Hendon; Rebecca Angeles Hendon; Paul Herbig; Cross-Cultural Business Negotiations, Praeger, 1996.
2. Ingrid Piller; Intercultural Communication: A Critical Introduction. Edinburgh University Press, 2011.
3. Fred L. Casmir; Ethics in Intercultural and International Communication Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
4. Sherwood Fleming; Dance of Opinions. Sherwood Fleming Communication, 2012.

Babich I. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

DO PEOPLE KNOW ABOUT THEIR UNIQUE COMMUNICATION STYLE?

It is considered that the intercultural communication challenges are significant. Written and spoken communication is not an easy process, when using the second language. It is supposed your unique communication style even when faced with complex communication challenges, when you know what to do, can create and share intercultural presentations that stand out, thanks to their clarity, authority and humanity. It's a winning formula that communicates effectively across professions and cultures.

Unique communication style, intercultural communication, presenting across cultures, intercultural business.

УДК 008:316.776

Я. А. Бабич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
"ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина),
letovts@yandex.ru

Е. А. Строй

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
"ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина),
jeanne62@mail.ru

КОНЦЕПТ ДЕТСТВА: ВЗГЛЯД НА ТЕОРИИ ВОСПИТАНИЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЛА-МАНША

Рассматривается концепт детства с точки зрения некоторых систем воспитания во Франции и Великобритании. Исследуется концепция FreePlay. Выявлена возможность решения "проблем общения разных национальных сознаний" при одинаковых принципах подхода к формированию личности в разных странах.

Концептосфера, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, коммуникантов, индивидуалистские и коллективистские культуры, концепт детства.

Мысль о том, что люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир, является общепризнанной и уже не требует доказательств. Это один из основных теоретических постулатов, на которые опираются лингвокультурология и этнопсихолингвистика. Вопросы, связанные с соотношением культуры и языка, стали особенно актуальными в последнее время, когда невозможность успешной коммуникации без знания культуры стали очевидным фактом. Культура отражается в сознании человека и определяет особенности его коммуникативного поведения. Многочисленные исследования по проблемам межкультурной коммуникации, проводимые как в нашей стране, так и за рубежом, убедительно показывают, что в общении с иностранцами представители любой культуры легко прощают грамматические и лексические ошибки, объясняя это недостатком лингвистических знаний, однако очень чувствительны к нарушению социокультурных норм общения, так как полагают, что они были нарушены преднамеренно с целью нанесения обиды или оскорбления.

Общепризнанной стала мысль о том, что главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов, а проблему межкультурного общения следует понимать, как "проблему общения разных национальных сознаний". В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено. Опосредованный языком образ мира той или иной культуры составляет языковое сознание - "совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира".

Рассматривая проблемы, связанные с коммуникацией, целесообразно говорить о коммуникативном сознании, под которым понимается "совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность". В особенностях коммуникативного сознания кроется проблема различий в коммуникативном поведении. Для изучения коммуникативного сознания народом большое значение имеет изучение коммуникативных категорий, а также знаний концептов, связанных с его коммуникативной деятельностью. Концептосфера каждого народа имеет свои особенности. Понятие "концепт" имеет в научной литературе разные толкования, и под ним часто понимается разное содержание. Для лингвокультурологических исследований наиболее предпочтительным представляется лингвокультурный концепт, под которым понимается "условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры". Каждое слово имеет фоновое знание. При рассмотрении

концепта "детство" в межкультурном аспекте следует исходить из того, что понимание его в разных культурах различно. В каждой культуре существует свой концепт "детства". Разное содержание данного концепта находит свое отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических особенностях. Примерами этого могут служить исследования зарубежных и отечественных литераторов по теме "детство" в историческом понимании.

Детство, как правило, считается либо естественной биологической стадией развития, либо современной идеей или изобретением. Теории детства касаются того, что такое ребенок, природа детства, цель или функция детства, и как понятие ребенка или детства используется в обществе. Концепция детства, как и любое изобретение, была создана на основе сильной связи между идеями и технологиями в рамках социальных, политических и экономических потребностей. Теории детства как концепции часто бывают яркими или эмоциональными, то есть имеют дело с резкими контрастами, выявляющими развитие во времени психологической или эмоциональной значимости детства с точки зрения состояния взрослой жизни. Вплоть до 1990-х годов теории детства, как правило, определялись "сверху вниз". подход, который некоторые называют "империалистическим". Это верно и в отношении теорий о средневековом ребенке, и о современном ребенке. Сами дети, хотя и находятся в центре внимания теории, как правило, не считаются имеющими законный голос для оказания влияния на их производство. Однако Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.) создала атмосферу для пересмотра этой тенденции и последующего акцентирования внимания на взглядах на ребенка и на права ребенка на самовыражение в целом. Это привело к тому, что некоторые ученые начали исследовать, позволяя детям самим задуматься о собственном опыте детства, что привело к использованию инклюзивных методологий исследований и более демократических рамок для распространения.

Изучение семьи и брака у французов имеет большую научную значимость в силу ряда причин. Это крупнейший народ Европы, вклад которого в сокровищницу мировой культуры не подлежит сомнению. Во многих сферах духовной культуры Франция XVIII - начала XX вв. "задавала тон" в Европе. Во Франции, социальной "мастерской мира", где в рассматриваемый период процессы социального переустройства проходили очень ярко, проявились различные модели брачно-семейной жизни и воспитания детей. Они оказали влияние не только на поведение людей в этой стране, но и за рубежом, отождествляясь порой с новшествами в социальной сфере в целом. Юридические нормы, касающиеся брака и семьи, заданные Кодексом Наполеона, послужили прообразом соответствующего законодательства в большинстве европейских стран.

Проблемам семьи и детства во Франции посвящено немалое количество работ. 70-80-е годы XX века стали своеобразным пиком внимания к этой теме, так как долгое время, вплоть до последних десятилетий XIX века проблемы социальной истории вообще, не говоря о семье, находилось "в тени"

политической истории, которой принадлежала ведущая роль во французской исторической науке XIX столетия.

С тех пор как Иоганн Амос Коменский (1592 - 1670) опубликовал свой труд "Дидактика Магна" (1649), а Джон Локк (1632 - 1704) выпустил свой трактат "Некоторые мысли об образовании" (1693), "наблюдатели" за детьми занимались попытками понять, задокументировать и прокомментировать, что это такое и что значит быть ребенком. Значение состояния бытия после окончания младенчества, которое испытывают все люди во всех обществах, порождает иногда противоречивые теории из философских, религиозных и научных школ мысли, а также из более поздних дисциплин психологии, антропологии, социологии и культурологии. На протяжении всей истории теоретики были очарованы отличительным характером человеческого развития, уникальным по сравнению с другими млекопитающими тем, что они развили длительный период зависимости, известный как детство.

С середины XX века актуальной стала тема диалога и взаимопонимания культур, где все большее значение приобретали вопросы специфики, самобытности и различий культур разных народов. Это и привело к рождению новой науки - межкультурной коммуникации. Данное научное направление возникло в США благодаря практическим интересам американских политиков, бизнесменов, дипломатов, у которых появилась острая необходимость в выяснении причин и решении проблем, возникающих у них при взаимодействии с представителями различных культур. В связи с этим правительство США в 1946 году приняло акт о службе за границей и создало Институт службы за границей, который возглавил лингвист Эдвард Холл.

Эдвард Холл привлек ученых самых разных специальностей - антропологов, социологов, психологов, лингвистов, которые разрабатывали новые программы тренингов специалистов для работы за рубежом. На первых порах Холл ставил перед собой чисто практические задачи: подготовить дипломатов, политиков, военных к более эффективной деятельности за границей, помочь иностранным студентам и стажерам успешно адаптироваться в других странах, способствовать разрешению межрасовых и межэтнических конфликтов. В результате своих исследований ученый пришел к выводу, что каждая культура формирует свою уникальную систему ценностей, приоритетов, моделей поведения, и поэтому ее описание, интерпретация и оценка должны осуществляться с позиций культурного релятивизма.

Впервые термин "межкультурная коммуникация" был использован в книге Э. Холла и Д. Трагера "Культура как коммуникация". В 1959 году Э. Холл выпустил книгу "The Silent Language" ("Безмолвный язык"), ставшей программной для всего последующего изучения межкультурной коммуникации. В своей работе Холл не только убедительно доказал теснейшую связь культуры и коммуникации, но и акцентировал внимание ученых на необходимости исследований не столько целых культур, сколько их отдельных поведенческих структур. Предложенное Холлом понимание культуры и коммуникации стало темой оживленной дискуссии в научных кругах. Именно

Холл стал впервые рассматривать общение как вид деятельности, поддающийся изучению, анализу, что позволило ему в дальнейшем развивать свою теорию "культурных моделей взаимодействия". Он анализировал национальные культуры согласно таким параметрам, как время, пространство, контекст и информационные потоки, и описывал типичные черты, которые присущи процессу коммуникации представителей разных культур.

Разделение культур на индивидуалистские и коллективистские является одним из важнейших показателей в межкультурной коммуникации, поскольку с его помощью объясняются различия в поведении представителей разных культур. Существует множество теорий, объясняющих разделение стран на индивидуалистские и коллективистские. Они основаны на географических, религиозных, климатических различиях и особенностях исторического развития. Измерение культур по признаку "коллективизм - индивидуализм" призвано показать степень, до которой та или иная культура поощряет социальную связь в противоположность индивидуальной независимости и опоре на собственные силы и тем самым объяснить отличия в поведении представителей разных культур. Из разделения культур по этому критерию вытекают и принципы воспитания детей в том или ином обществе, отношение к детям и выделение детей в семье как отдельных личностей со своими желаниями, целями и потребностями. Соответственно и сосуществование между миром взрослого и ребенка в разных культурах было разным.

Филипп Арьес, французский историк и социолог, исследовавший детство, датирует появление самого этого понятия концом 17 века. До этого общество плохо представляло себе и никак не выделяло этот концепт и еще менее понятие "подросток". Длительность самого детства сводилось к самому младенческому периоду, когда маленький человек не мог еще сам за собой ухаживать. Но после наступления этого момента он тут же смешивался с миром взрослых, делил их заботы, работу и развлечения. Из маленького ребенка он сразу становился молодым человеком, не проходя этапы детства как такового. Передача знаний и жизненных ценностей и в более широком смысле слова социализация ребенка таким образом не обеспечивалась семьей и не контролировалась ею. Ребенок быстро отдалялся от родителей, и в течение нескольких веков воспитание сводилось к обучению труду и основным навыкам благодаря сосуществованию ребенка со взрослыми.

Начиная с 18 века произошли существенные изменения. Средством и местом воспитания стала школа, которая пришла на место обучения навыкам. Таким образом, ребенок перестал смешиваться с миром взрослых и учиться жизни непосредственно в контакте с ними. С этого момента начинается долгий процесс некоего "выделения" ребенка из семьи на долгие годы для школьного образования. Семья же остается местом, где ребенок отныне получает признанный шанс на воспитание.

Согласно проведенному в 90-х годах 20 века опросу, "Les valeurs des Français" ("Ценности Французов"), качества, которые родители стараются поощрять в своих детях, следующие:

- Терпимость и уважение к другим
- Чувство ответственности
- Хорошие манеры
- Старание в работе
- Честность
- Щедрость
- Настойчивость, упорство
- Экономность, невозможность сорить деньгами
- Независимость
- Воображение

Таким образом, мечта родителей в отношении своих детей сводится к тому, чтобы привести малышей к модели поведения "маленьких взрослых". Зачастую для иллюстрации роли родителей используется образ садовника, выращивающего хрупкое растение.

В современном британском обществе уделяется большое внимание теоретическим и практическим исследованиям в области воспитания. Этому служит получающая все большее признание как в Англии, так и во Франции, концепция CHILDHOOD (Детство), составной частью которой является FREE PLAY ("Свободная игра").

Фреерплей описывает ценности свободной игры в раннем детстве:

"...дети выбирают, что они хотят делать, как они хотят делать и когда надо остановиться и попробовать что-то другое. Такая установка не имеет внешней цели, поставленной взрослыми и не навязанных взрослыми учебных планов. Хотя взрослые обычно обеспечивают пространство и ресурсы для свободной игры и могут быть задействованы, ребенок берет на себя роль ведущего, а взрослые реагируют на сигналы ребенка."

Концепция выбора имеет решающее значение для понимания игры и её обеспечение. Это не означает отсутствия границ. Это подразумевает, что эти границы организуются в пределах основных потребностей ребенка в выборе собственной игры.

20 ноября 1989 года Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка была принята Генеральной Ассамблеей ООН. Она была ратифицирована под редакцией правительства Великобритании в 1991 году. Конвенция возлагает на Правительства ответственность за работу на благо "своих" детей и детей всего мира (Newell 1993). В ней содержится ряд статей, провозглашающих принципы признанные международным сообществом. В соответствии со статьей 31 Конвенции: "государства-участники признают право ребенка на отдых и досуг, на участие в играх и рекреационных мероприятиях, соответствующих возрасту ребенка, и на свободное участие в культурной жизни и искусстве".

Поэтому страны, входящие в Организацию Объединенных Наций, признали игру правом всех детей. Значение этого права нигде не является более важным, чем в жизни очень маленьких детей. Начиная с ранних философов,

люди периодически писали о детских играх. Со временем акцент сместился с попыток описать их на усилия по пониманию того, что дети делают, когда они играют, и, по сути, связей между этим и их развитием и обучением.

В последнее время в законодательстве и руководящих указаниях в Соединенном королевстве уделяется определенное внимание этой проблеме, поскольку результаты исследований свидетельствуют о ее высокой значимости. Степень оценки значения игры в первые годы обучения со временем изменилась. Недавние исследования показали, что существует несоответствие между теорией и практикой, применяемой в ранние годы обучения ребенка, в отношении игры. Это объясняется чрезмерным упором на достижение целевых показателей и тестирование.

Дети очень мотивированы к игре, хотя взрослые воспринимают игру как вызов и понимают ее как вызов. Все аспекты развития и обучения связаны в игре, особенно аффективная и когнитивная области. Когда у детей есть время играть, их игра усложняется и становится более познавательной и социально значимой.

Через свободную игру (игру без руководства взрослыми) дети:

- исследуют материалы и открывают их свойства;
- используют свои знания материалов, чтобы играть творчески;
- выражают свои эмоции и раскрывают свои внутренние чувства;
- смирятся с травматическими переживаниями;
- учатся сохранению эмоционального равновесия, физического и психического здоровья, и благополучия
- борются с такими проблемами, как рождение и смерть, добро и зло, власть и бессилие;
- развивают чувство того, кто они, их ценность и ценность других;
- изучают социальные навыки обмена, принятия решений и переговоров;
- разбираются с конфликтами и учатся вести переговоры;
- решают проблемы, двигаясь от поддержки к независимости;
- развивают коммуникативные и языковые навыки;
- повторяют модели, отражающие их преобладающие интересы и озабоченности;
- используют символы как формы представления (использование символов имеет решающее значение в развитии от обучения через чувства к развитию абстрактного мышления);
- практикуют, развивают и осваивают навыки во всех аспектах развития и обучения.

Концепция игры в Великобритании и других странах, таких как Франция, Италия и скандинавские страны, как правило, основана на представлениях о детях как сильных личностях, которые активно участвуют в своем собственном обучении и которые также имеют право на то, чтобы их голос был услышан по всем вопросам, касающимся их самих. Возможность воспитываться при одинаковых принципах подхода к формированию личности в разных странах

позволяет говорить о решении "проблем общения разных национальных сознаний" с раннего возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д. Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Проект, 2000. – С. 97– 113.
3. Bogin, Barry. 1999. Patterns of Human Growth, 2nd ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
4. Cahan, E.; Jay Mechling; B. Sutton-Smith; and S. H. White. 1993. "The Elusive Historical Child: Ways of Knowing the Child of History and Psychology." In Children in Time and Place: Developmental and Historical Insights, ed. Glen H. Elder, Jr., John Modell, and Ross D. Parke. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
5. Giroux, Henry A. 2001. Stealing Innocence: Youth, Corporate Power, and the Politics of Culture. New York: Palgrave.
6. Nelly Mauchamp. Les Francaismentales et comportement. CLE International, P., 1997.

Babich I. A., Stroi E. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

THE CONCEPT OF CHILDHOOD: PERSPECTIVES OF THE THEORIES OF CHILDHOOD ON BOTH SIDES OF THE ENGLISH CHANNEL

The concept of childhood is considered from the point of view of some systems of education in France and Great Britain. The concept of Free Play is investigated. The possibility of solving the "problems of communication of different national mentalities" with the help of the same principles of approach to the formation of personality in different countries is supposed.

Concept sphere, cultural linguistics, ethnopsycholinguistics, communicants, individualistic and collectivist culture, the concept of childhood.

УДК 811.111+81'322.4

A. Besedina

University of Bath,
alexandra.s.besedina@gmail.com

MACHINE TRANSLATION OF ATTRIBUTIVE NOUN CHAINS

The article highlights one of the typical errors occurring in texts, translated from English into Russian by machine translation systems – incorrect attribution in the translation of attributive noun chains. As this type of error occurs frequently in target texts generated by systems of different types, attribute nouns are considered as a grammatical phenomenon, the correct ‘decoding’ of which requires human experience and knowledge currently unavailable to machine translation systems.

Machine translation, MT, translation theory, translation of attributive nouns, syntax in machine translation

This article is part of a broader research, the aim of which was to establish the role of translation theory in machine translation (MT), provide an evaluation of MT systems, identify and comment on the typical errors machines tend to make in the analysed text and consider the applicability of automated translation to United Nations documentation. The original paper was a comparative analysis carried out using a document from the United Nations database (document A/AC.105/1179), its official (human) translation into Russian and three machine translations by Google, Yandex and PROMT [1]. The official human translation was taken as a model, against which the machine translations were compared. Quantitative data was gathered by comparing translations of names and terms and classifying them as ‘correct’ or ‘incorrect’ based on the model text and the judgement of the author of this article. The comparative analysis also revealed the most common types of error in English to Russian MT. This article will highlight an error type common in all three systems.

Machine translation (MT) is a field that originated almost simultaneously with the invention of the electronic computer and has advanced to become the accessible, useful, yet often unreliable instrument we know today. The general approach throughout the second half of the 20th century was rule-based machine translation (RBMT), where linguistic and computational rules were supplied to the machine [4, 6]. In the 21st century such systems were gradually outperformed by statistical machine translation (SMT). In SMT, words are not assigned tags or categories – each word, even if it is a verb form, or a noun in case form or plural, is processed as a separate unit. The machine has no way of ‘knowing’ that girl and girls are the same word. It simply calculates the probability of these units forming part of a word sequence. Statistical accuracy is meant to ensure that a noun in plural will always be

followed by a plural verb, however, statistical anomalies happen and if the corpus text is in any way ‘biased’, grammatical and lexical mistakes will occur [2].

Today, Google and Yandex’s corpora comprise trillions of texts collected automatically from the Internet and a vast collection of professionally translated documents from the European Parliament, United Nations and other organisations. The quality of translation depends on the size and quality of the corpus [2], and for those language pairs where bilingual texts are relatively scarce, SBMTs use other languages as intermediaries (e.g. in Google, Belarusian to English translation is done through Russian, etc.). In 2016, Google announced the introduction of neural-based machine translation (NBMT), and Yandex. Translate began using NBMT in 2017. Now, rather than relying entirely on statistics, Google and Yandex’s machines compare bilingual texts to create a model to translate between a pair of languages. This has resulted in improved grammatical performance, in the case of Russian language, in significantly better declensions.

Rule-based machine translation, however, has not been entirely wiped out by statistical and neural machines. Modern RBMT systems include SYSTRAN, one of the oldest machine translation companies which originated with the Georgetown project [7]. Another rule-based MT system was developed by the Russian company PROMT in 1992. PROMT has a variety of commercial products and free online translation platform and dictionary.

In Google, Yandex and PROMT’s versions of UN document A/AC.105/1179 mistakes occurred consistently in the translation of terms consisting of several attributive nouns which demonstrates a consistent inability of NBMT systems to identify and distinguish between modifiers and modified nouns, for instance in Yandex: *‘deployable and miniature laboratory technology’* - *‘развертываемых и миниатюрных лабораторных технологий’*, attributive nouns ‘deployable’ and ‘miniature’ were identified as attributes to ‘technology’ instead of ‘laboratory’ resulting in incorrect agreement in Russian (cf. *технология передвижных и малогабаритных лабораторий*). The same tendency was observed in the target translation compiled with Google: *‘digital elevation model data’* - *‘данных модели цифровых высот’* (cf. *данных цифровой модели рельефа*), *‘regional geospatial committee architecture’* - *‘региональных архитектур геопространственных комитетов’* (cf. *архитектура региональных комитетов по геопространственной информации*), *‘long-term drought monitoring and assessment’* - *‘долгосрочной засухе мониторинга и оценки’* (cf. *долгосрочный мониторинг и оценка*), *‘science, technology, engineering, and mathematics education’* - *‘в науке, технике, технике и математике образования’*, *‘ocean wave monitoring’* - *‘океаническая волна мониторинга’*, etc., and PROMT: *‘The Committee on the Peaceful Uses of Outer Space’* - *‘The International Group on Satellite-based Emergency Mapping’* - *‘Международная Рабочая группа на Основанном на спутнике Чрезвычайном Отображении’*, *‘The Agricultural Metrology Programme’* - *‘Сельскохозяйственная Программа Метрологии’*, *‘The Hydrology and Water Resources Programme’* - *‘Гидрология и Программа*

Водных ресурсов, ‘*The Climate Risk and Early Warning Systems Initiative*’ - ‘*Пуск Климата и инициатива Систем раннего оповещения*’, etc.

In the last series of examples, the shortcoming is clearly due to the machine’s rule-based design, which enables it to identify different word-forms as the same lexeme, e.g. климат, климата, климату. Grammatically, these noun chains have an internal structure with attributive nouns which can be rendered into Russian as adjectives or nouns in the genitive case. An incorrect ‘interpretation’ of noun chains (where the modified noun is processed as the modifier or the wrong attribute is chosen for a modified noun) has resulted, despite the correct choice of some lexemes, in grave errors in meaning.

Translation of attributive nouns seems to be one of the weaknesses of both NBMT and RBMT systems as there are no clear indications of the interrelation between such nouns (which noun is modified by an attributive noun). Statistical machines may come up with a ‘skewed’ probability for word-order and syntactic relations and the PROMT RBMT system, though ‘informed’ of this phenomenon, still tends to misidentify the attribute and the attributed word. Human speakers of English identify attributive nouns and modified nouns based on ‘common sense’, e.g. ‘Thai beef soup’ is more likely to be a Thai soup made with beef than a soup made with Thai beef, an understanding based on ‘the everyday experience of being human’, and as no MT system currently shares this ability, the most persistent error types seem to stem from this fundamental disadvantage.

As has been mentioned at the beginning of this article, the original research that has provided this insight into the typology of errors in English to Russian MT was aimed mainly at assessing the overall quality of MT systems and comparing their performance, based on quantitative data on correct (identical to the model text or deemed appropriate by the author) and incorrect (different from the model text and deemed incorrect by the author) translations of names and terms. Although the subsequent analysis of this data revealed common types of errors, no quantitative data on error type frequency was collected. It seems logical therefore to look more closely at error types in the future to determine whether they can provide any valuable quantitative data or bring anything new to the table of MT-related research.

REFERENCES

1. Besedina, A. They Took Our Jobs? A Comparative Analysis of Machine Translations of United Nations Document A/AC.105/1179 (MA Dissertation). University of Bath. Unpublished. – 2018.
2. Lopez, A. 2008. Statistical machine translation. ACM Comput. Surv. 2008, 40, 3, Article 8, pp. 2–49.
3. Madsen, M. W. The Limits of Machine Translation (Master Thesis). Copenhagen University, Copenhagen, Denmark. – 2009. Retrieved from <http://www.math.ku.dk>
4. Nirenbug, S. Machine Translation: Theoretical and Methodological Issues (Studies in Natural Language Processing). Cambridge University Press, 1987. – 336 p.

5. Papineni, K., Roukos, S., Ward, T., and Zhu, W.-J. Bleu: a method for automatic evaluation of machine translation. In ACL '02: Proceedings of the 40th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics, Morristown, NJ, USA. Association for Computational Linguistics. 2002. – pp. 311–318.

6. Revzin, I. I, Rozenzweig, V. Yu. Osnovi Obschego i Mashinnogo Perevoda (Основы машинного перевода – in Russian). Moscow: Vysshaya Skola. 1964. – 244 p.

7. SYSTRAN, 2018. A pioneer and global leader in translation solutions [Online] Available from <http://www.systransoft.com/systran/>. Accessed 13 September 2018.

Беседина А. С.

Университет Бата

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД АТРИБУТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В статье рассматривается одна из типичных ошибок, допускаемых при машинном переводе с английского языка на русский – неправильная атрибуция при переводе цепочек атрибутивных существительных. В связи с тем, что подобный тип ошибок встречается очень часто и практически не зависит от типа используемой системы, атрибутивные существительные рассматриваются как грамматическое явление, правильная «расшифровка» которого требует наличия человеческого опыта и знаний, пока недоступных для систем машинного перевода.

Машинный перевод, переводоведение, перевод атрибутивных существительных, синтаксис в машинном переводе

УДК 81243

Н. А. Гаврик

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
"ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина),
nestor2001@mail.ru

Ю. Б. Генина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
"ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина),
genina_julia@mail.ru

ОБ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В настоящей статье обосновывается выбор коммуникативного подхода к преподаванию грамматики в техническом вузе, анализируется влияние индуктивного метода обучения на развитие инженерного образования, предлагается возможный алгоритм аудиторной работы с имплицитной грамматикой.

Коммуникативная грамматика, индуктивный метод обучения, развитие языковой компетенции, развитие инженерного мышления, мотивация к изучению иностранного языка.

В современном мире, развивающемся под знаком экономической глобализации, знание иностранного языка совершенно необходимо высококвалифицированному и конкурентоспособному специалисту. Для выхода на мировой рынок российских инженеров и освоения достижений, сделанных в других странах, необходим очень высокий уровень знания английского языка.

Согласно Федеральному государственному стандарту: «Бакалавр должен обладать способностью к коммуникации в устной и письменной формах для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия. Магистр должен быть способен к коммуникации в устной и письменной формах для решения задач профессиональной деятельности, способной использовать язык в профессиональной сфере».

В связи с этим иностранный язык должен рассматриваться «не как второстепенная дисциплина, а как необходимый инструмент профессиональной деятельности» [1, с. 40], без которых невозможно существование единых мировых образовательных стандартов, реализация академической и профессиональной мобильности, интеграция международной научно-исследовательской деятельности.

Если уровень мотивации студентов к изучению лексического материала в большинстве случаев достаточно высок для осуществления успешности и

эффективности обучения, то интерес студентов к изучению грамматики, как правило, отсутствует, что может быть связано, во-первых, с неосознанием возможных сфер применения грамматических навыков, во-вторых, с негативным опытом изучения грамматики английского языка в средней школе, а также с восприятием грамматики как науки, не имеющей особой важности для понимания технического или научного текста.

В связи с этим, особенности преподавания грамматики студентам технического вуза, на наш взгляд, заслуживают особого внимания.

Лингвисты, придавая огромное значение изучению грамматического строя языка, называют грамматику “душой”, “костяком” языка.

Но как показывает многолетний опыт преподавания иностранного языка в техническом вузе, студенты неязыковых специальностей часто не осознают смысловую нагрузку грамматических структур, вследствие чего грамматическая структура высказывания представляется им лишь формой, изменение которой не влечет за собой сколь-нибудь значимого искажения смысла. Однако грамматика, являясь одним из аспектов языка, наследует присущие языку в целом характеристики семиотической системы: грамматические единицы, равно как и лексические, обладают планом выражения и планом содержания.

Проблема изучения грамматики в техническом вузе может решаться на основании трех подходов: 1) эксплицитного, 2) имплицитного, 3) дифференцированного.

Для студентов уровня “Elementary” и “Pre-Intermediate” приемлем эксплицитный дедуктивный метод, основанный на подробном объяснении материала от общего к частному. Формирование навыков и умений происходит в процессе знакомства сначала с правилом и примерами, затем отработки этих навыков, завершающей является речевая практика на базе упражнений. Используется вопросно-ответная работа, составление диалогов, письменный пересказ текста.

На уровне бакалавриата к таким навыкам можно отнести употребление времен глаголов, активного и пассивного залогов, модальных глаголов. Необходимо включать тексты обще-научного и обще-технического характера. На следующем уровне обучения грамматики можно использовать дифференцированный подход, включающий эксплицитный и имплицитный подход.

Для наглядной иллюстрации этого феномена можно предложить обучающимся поэкспериментировать с составлением различных предложений с одним и тем же набором лексем. В частности, удачными примерами могут служить предложения с различными временными формами глагола (набор лексем – I, make, research):

I make research ...

I'm making research ...

I've made research...

I've been making research ...;

Или вариации с порядком слов (набор грамматических форм – revolution, follow, war):

Revolutions follow wars.

Wars follow revolutions.

С помощью примеров аналогичных приведенным выше можно показать студентам, что грамматические формы и структуры сами по себе являются содержательными, а их изменение неизбежно приводит к трансформации смысла.

Согласно мнению современных исследователей [3, с. 72], основу инженерного мышления, помимо владения методологией технического творчества, составляют высокоразвитое творческое воображение и фантазия. Системное творческое техническое мышление нацелено на идентификацию проблемы и поиск возможных путей ее решения. Таким образом, использование методов проблемно-ориентированного обучения, фокусирующего внимание студентов на конкретной проблемной ситуации на дальнейших этапах изучения грамматики, оказывается предпочтительнее традиционного дедуктивного подхода, основанного на выкладке преподавателем заранее подготовленного алгоритма руководств и правил.

Комбинированный же метод, т. е. дифференцированный метод, сочетает элементы обоих подходов и максимально нивелирует присущие им недостатки.

Как уже упоминалось выше, иностранный язык необходим современному инженеру как инструмент общения в профессиональной среде. Этим объясняется ориентированность на обучение коммуникативной грамматике: у студентов должно быть сформировано представление о том, какая из многочисленных существующих грамматических форм (или структур) будет наиболее адекватно выражать содержание высказывания, иными словами, будет наиболее полно достигать цель коммуникации. Выбор грамматических структур определяется не только принципами сочетаемости слов и последовательности их употребления, но также формой коммуникации (письменной или устной), ситуацией коммуникативного акта, намерением говорящего, характеристиками адресата. Таким образом, то, «что» сказано, будет в значительной степени определяться тем, «как» сказано.

Обучение коммуникативной грамматике предполагает использование только аутентичных материалов, исключая «искусственные» примеры и абстрактные речевые ситуации. Лексический материал, на котором осваивается грамматика, должен быть уже знаком обучающимся, что нивелирует возможные дополнительные трудности в освоении грамматических правил, и актуален: обучающиеся должны быть заинтересованы в коммуникативном акте. Кроме того, любое грамматическое явление должно быть рассмотрено с точки зрения формы, содержания и функции, иными словами, в аспекте взаимосвязи внешней структуры с сообщаемой ею идеей и возможными способами ее реализации в конкретной речевой ситуации. И последнее, не менее важное условие реализации коммуникативного подхода к преподаванию грамматики – отработка приобретаемого навыка реализуется во

всех видах речевой деятельности: студент должен научиться «слышать» грамматическую структуру, «узнавать» ее в тексте, воспроизводить в устной и письменной речи.

Исключение одного или нескольких из перечисленных выше аспектов лишает навык универсальности и значительно понижает эффективность последующего применения. Приведем один из возможных алгоритмов обучения коммуникативной грамматике, условно подразделяющийся на четыре этапа:

- постановка проблемы и поиски вариантов решения: выявление грамматических структур и определение возможных содержательных составляющих;
- обсуждение содержательных составляющих и определение алгоритма выбора адекватных грамматических структур;
- формирование навыка путем выполнения общеизвестных и широко используемых учебных упражнений;
- применение навыка при продуцировании устной или письменной речи.

1 этап. Введение нового материала можно осуществлять путем прочтения небольшого фрагмента текста. Студенты определяют основную идею текста, смысловые детали (ответы на специальные вопросы по содержанию фрагмента); выявляют новые грамматические структуры (например, подчеркивая структуры в тексте или заполняя пропуски в отдельных предложениях, заранее выбранных преподавателем); строят предположения относительно значения грамматических структур (преподаватель может задавать поиск, определяя задачу: например, какая из представленных форм обозначает вероятное условие (при изучении предложений условия) или какой из модальных глаголов выражает физическую способность (при изучении модальных глаголов, выражающих возможность или вероятность действия).

2 этап. Освоение существующего алгоритма использования грамматических форм и структур, с опорой на примеры из текста, прочитанного на этапе 1, что будет способствовать осознанию общего контекста речевой ситуации и облегчать восприятие информации.

3 этап. Формирование навыка: выполнение упражнений на сопоставление, подстановку, выбор из предложенных вариантов, перефразирование и т. п.

4 этап. На данном этапе формы задания могут быть разнообразны: чтение и написание краткой аннотации к тексту, содержащему изучаемые грамматические феномены; ответы на вопросы, также содержащие грамматическую конструкцию и предполагающие использование конструкции для завершения предложения

Достаточно продуктивным заданием 4 этапа является написание парных диктантов, сочетающих в себе одновременно три вида речевой деятельности (чтение, аудирование и письмо): студенты, работающие в паре, получают две копии одного и того же текста, с пропущенными предложениями (у одного из студентов отсутствуют четные предложения, у другого – нечетные); студенты по очереди зачитывают друг другу отсутствующие фрагменты текста и записывают их на слух. Проверка может осуществляться преподавателями или

самими студентами, поскольку оригинал восстановленного отрывка текста есть у напарника. Использование коммуникативного метода в обучении английской грамматике, основывающегося на личностно-ориентированных методах преподавания, в сочетании с индуктивной методикой позволяет значительно повысить мотивацию будущих инженеров к изучению иностранного языка, стимулирует их творческую активность, аналитические способности, способствуя тем самым развитию инженерного мышления. Совершенствование грамматических навыков в различных видах речевой деятельности значительно повышает уровень владения иностранным языком, способствует развитию языковой компетенции и, как следствие, увеличивает эффективность коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донцова Т. В., Арнаутов А. Д. Формирование инженерного мышления в процессе проектной деятельности // Инженерное образование. 2014. Вып. 16. с. 70–75.
2. Стрельникова А. Б. Коммуникативная грамматика английского языка: методы преподавания в техническом вузе // Молодой ученый. – 2015. – №8. – с. 1039-1042. – URL <https://moluch.ru/archive/88/17496/> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Шеншина А. П. Элементы коммуникативной методики обучения английскому языку в обучении студентов неязыковых вузов // Молодой ученый. – 2014. – №3. – с. 1060-1062. – URL <https://moluch.ru/archive/62/9487/> (дата обращения: 15.03.2019).

Gavrik N. A.; Genina Yu.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ON COMMUNICATIVE GRAMMAR TEACHING FOR STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES

The importance of teaching English grammar is underlined. Three approaches of grammar teaching are considered. Methods of communicative grammar teaching are provided.

Communicative grammar, inductive method of teaching, development of language competence, motivation for learning of a foreign language.

УДК 811.111-26; 81.25

Н. В. Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет,
n.denisova@spbu.ru

Е. А. Кованова

Санкт-Петербургский государственный университет,
e.kovanova@spbu.ru

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИГРА В СКАЗКАХ Р. ДАЛЯ: ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Настоящая статья посвящена анализу говорящих антропонимов в сказках Роальда Даля с точки зрения их прагмастилистического и функционального потенциала. Игровые антропонимы как феномен лингвокультуры текста-источника представляют собой определенную переводческую проблему, поскольку неадекватная их передача нарушает авторский замысел и, как следствие, влияет на восприятие героя – носителя имени читателем перевода. Анализ существующих переводов сказок Р. Даля показал, что говорящие имена героев не всегда адекватно передаются, «обесцвечивая» персонажа, что негативно сказывается на сюжетно-композиционном и идиостилевом уровнях художественного произведения.

Говорящие антропонимы, Роальд Даль, ономастическая игра, детская литературная сказка, лингвокреативность, перевод

Настоящая статья посвящена феномену ономастической игры, или игры со значимыми (говорящими, игровыми) антропонимами, в детской художественной литературе. Под значимыми антропонимами (charactonyms, label names, semantically loaded names) традиционно понимаются имена вымышленных персонажей, не только называющие объект, но и присваивающие ему определенное значение, содержащееся в имени, например, указывая на отличительные внешние данные, свойства характера, возраст, социальный статус или роль в произведении [5, с. 4]. Антропоним приобретает в тексте определенную смысловую нагрузку, цель которой – представить персонажа как можно более наглядно. В тексте художественного произведения имя собственное сближается с именем нарицательным по функциональным характеристикам. Именно этот нарицательный компонент и придает антропониму «значимость» [3, с. 8]. Однако значимость имени определяется не только наличием нарицательного компонента, но прежде всего наличием мотиватора в тексте произведения. Это может быть «лексическая единица из контекста, выражающая на основе синонимии, омонимии, паронимии, иронии тематическое сходство со значениями отдельных морфем или морфемы имени

собственного и обеспечивающая ониму свойство характеристичности» [5, с. 17].

Художественная ономастика связана с субъективным изображением объективного и представляет из себя «игру» писателя с ономастическими нормами [6], авторское отображение мира с помощью имен. При этом под ономастической игрой понимается явление лингвопрагматического характера, таким образом, ономастическое поле текста представляет собой важный элемент сюжетно-композиционного и идиостилевого уровней художественного произведения [8].

Появление ономастической игры в текстах художественных произведений для детей вполне закономерно, поскольку игра в широком смысле слова присуща детям дошкольного и младшего школьного возраста во всех видах деятельности. Одна из особенностей детского восприятия литературы заключается в том, что уже «на пятом году появляется реакция на слово, интерес к нему, стремление неоднократно воспроизводить его, обыгрывать, осмысливать» [1, с. 353]. Эта возможность осмысливания, обыгрывания связана не только с восприятием сюжета в целом, но прежде всего персонажей, которые «начинаются» с имени.

Материал нашего исследования представляют имена собственные, собранные методом сплошной выборки из 13 сказок британского писателя Роальда Даля (*The Enormous Crocodile, James and the Giant Peach, Charlie and the Chocolate Factory, The Giraffe and the Pelly and Me, Danny, the Champion of the World, The Witches, Matilda, The BFG, George's Marvellous Medicine, Fantastic Mr. Fox, Esio Trot, Charlie and the Great Glass Elevator, The Twits*) и 18 переводов на русский язык (М. Фрейдкина, Е. Суриц, Д. Крупской, И. Шишковой и др.): всего 126 оригинальных имен (из которых подавляющее большинство – 101 – говорящие) и 171 переводное.

Обилие говорящих имен в исследуемых сказках не случайно. Во-первых, Роальд Даль – автор, который любит поиграть со своим маленьким читателем. Во-вторых, в говорящих именах отображается авторская модальность, отношение к персонажу, которое писатель желает сообщить и рецептору своего текста. Кроме того, случаи ономастической игры ориентированы на эмоционально-экспрессивно-оценочную доминанту детского языкового сознания [7, с. 114] и выполняют, помимо характерологической, эмотивную, экспрессивную и оценочную функции.

В сказках Р. Даля говорящими именами наделены не только главные персонажи. Иногда носителем такого имени становится персонаж, упоминающийся вскользь (*Professor Foulbody, Mr. Prodnose, Miss Spring, Mrs. Clonkers, Yougetoff, Warren Peace, Chu-On-Dat, How-Yu-Bin, Prudence* и др.). Имена некоторых центральных персонажей могут на первый взгляд показаться не говорящими. Так, например, заглавный персонаж сказки *Matilda* – девочка по имени *Matilda* (mighty in battle). Этот выбор, конечно, не случаен, поскольку девочке приходится противостоять тупости и мерзости собственных родителей

(*the Wormwoods*) и школьной директрисы (*Miss Trunchbull*). То же относится и к умной не по годам героине сказки *The BFG* по имени *Sophie* (wise).

Анализ механизмов образования игровых антропонимов в сказках Р. Даля показывает, что автор использует самые разнообразные способы и приемы для создания новых, окказиональных слов и смыслов. Большинство имен образованы с помощью словосложения: *Prodnose*, *Gilligrass*, *Birdseye*, *Foulbody*, *Manhugger*, *Fleshlumpeater*, *Yougetoff*, *the Notsobig One* и др. Присутствуют случаи рифмованного повтора (*Humpy-Rumpy*, *Roly-Poly*); аффиксации (*Trunky*, *Hoppy*, *Clonkers*); композиционного сложения (*the Enormous Crocodile*), иногда состоящего из имени собственного и апеллятива (*Charlie Bucket*, *Mike Teavee*); аббревиации (*the BFG*); использования апеллятива в качестве имени собственного (*Sponge*, *Spiker*, *Mr. Kinch*, *Miss Honey*). Иногда имя представляет из себя сращение орфографически и фонетически измененного словосочетания, имитирующего произношение (*Samways*, *Chu-On-Dat*, *How-Yu-Bin*). Графическое искажение для создания говорящего онима – один из любимых приемов писателя (*Kranky* ← *cranky*, *Teavee* ← *TV*, *Rabbetts* ← *rabbits*). Ономастическая игра у Р. Даля задействует и такой прием, как аллюзия: мышек мальчика из сказки *The Witches* зовут *William and Mary*, что представляет собой отсылку к одноименному названию рассказа писателя (ориентированную, очевидно, на читателя взрослого). *Warren Peace* (by *Leo Tolstoy*) – еще одна аллюзивная отсылка, являющаяся частью фрагмента повествования, построенного на языковой игре, которая характеризует американского президента по имени *Lancelot R. Gilligrass* (gilly – цирк-шапито) как человека ироничного и вспыльчивого – так он в шутку представляется “премьеру Советского Союза” по имени *Yougetoff*. В имени президента присутствует и такой прием образования говорящих имен, как антономазия (*Lancelot*). Некоторые персонажи названы апеллятивами, отображающими их функцию в рамках повествования или по отношению к главному герою (*the Head of the Air Force*, *Grandmother*).

Автор наиболее известной зарубежной работы об антропонимах в детской литературе Ивон Бертиллс отмечает, что семантически нагруженное имя ограничивает возможности читателя интерпретировать характер его носителя, ведь сам говорящий оним задает протагонисту конкретные характеристики [9, с. 172]. Это тем более верно при наличии в тексте мотиватора. Так, например, *Mr Snoddy* описывается как “a small round man with a huge scarlet nose”, “refilling his famous glass of water from a bottle labelled Gordon’s Gin”, *Charlie Kinch* оказывается браконьером (*poacher*), *Aunt Sponge* – “enormously fat and very short ... like a great white soggy overboiled cabbage”, *Aunt Spiker* – “lean and tall and bony”. Один из самых знаменитых персонажей Р. Даля – *Willy Wonka* – тоже оказывается носителем говорящего имени, поскольку слово *wonk* означает человека педантичного и даже занудливого, который до мелочей знает любимое дело.

Помимо номинативной функции, которая проявляется в обозначении и индивидуализации персонажа, значимые антропонимы выполняют

эмоционально- и информационно-стилистическую функции. Первая призвана вызвать у читателя определенные чувства, сформировать его отношение к изображаемому через, например, фонетический состав или словообразовательные особенности имени. Информационно-стилистическая функция направлена на передачу информации в логическом и понятийном виде через внутреннюю форму имени собственного [3, с. 20–21]. Эмоционально-стилистическая функция в случае с анализируемыми говорящими онимами часто бывает выражена с помощью аллитерации (*Willy Wonka, the Maidmasher, the Butcher Boy, the Childchewer, the Gizzardgulper*), уже упомянутых рифмованного повтора, графического сращения, фонетического искажения, антономазии, метонимии (*Trunky* – имя слона). Информационно-стилистическая функция обуславливается значимостью имен и может указывать на внешние характеристики (*Sponge* – толстушка, *Spiker* – высокая и худая, похожа на спицу, *Trunky* – есть хобот, *Mr. Trilby* – носит фетровую шляпу, *Mrs Plimsoll* – носит легкие туфли), характер деятельности (*the Grand High Witch, Mr. Kinch* (браконьер от *kinch* – аркан, лассо), *Mrs. Spring* (уборщица от *spring-cleaning*)), черты характера (*Miss Honey, the BFG – Big and Friendly Giant, Miss Trunchbull, Willy Wonka, Professor Foulbody*), дурные привычки (*Mike Teavee, Mr. Snoddy, Mr. Prodnose*), принадлежность персонажа к определенному виду животных (*Miss Spider, Ladybug, Silkworm, Giraffe*) и даже гастрономические пристрастия (*the Childchewer – chews children, the Gizzardgulper – gulps gizzards, the Fleshlumpeater – eats flesh like sugar lumps*).

Поскольку все рассматриваемые говорящие антропонимы имеют подчеркнутую опору в тексте в виде мотиватора, то, как и всякое значимое имя, они подлежат переводу [4]. Как было отмечено выше, говорящий антропоним задает протагонисту конкретные характеристики, а значит, такие имена подлежат семантическому переводу, чтобы заложенные в них характеристики персонажа «работали» на образ. Ведь если семантика такого имени понятна рецептору оригинала, то значение онима должно быть прозрачным и для рецептора перевода, особенно если читатель – ребенок. Однако в исследованных переводах нарицательный элемент части говорящих имен не передан (одна пятая часть, или 21 из 101). Отметим, что есть единичный случай передачи не говорящего имени говорящим, что оправдано наличием мотивировки в тексте (*Miss Bigelow* → *Мадам Жеваго*, сказка *Charlie and the Chocolate Factory*, пер. М. Фрейдкина).

Семантический перевод значимых онимов в детской литературе, конечно, не сводится к подбору словарного соответствия. Хотя в ряде случаев такой перевод вполне может считаться адекватным. Важно, однако, сохранить гендерный признак персонажа. Так, например, *Glow-worm* в переводе М. Фрейдкина остается персонажем фемининным – *Светлячиха*; в переводе Е. Суриц происходит смена гендера – *Жук-Светляк*. Попытки сохранить гендерную маркированность можно наблюдать и в случае с переводом имен других персонажей-насекомых или животных: *Centipede* (в оригинале мужского рода) – *Многоног* (пер. Е. Суриц), *Miss Spider* – *Мисс Паучиха* (пер.

М. Фрейдкина), *the Monkey* – *Мартыши* (пер. Е. Суриц), *the Giraffe* – *Жирафа* (пер. Е. Суриц).

Сравнение двух разных переводов показывает, что их авторы по-разному передают не только информационно-стилистическую функцию, но и эмоционально-стилистическую. Так, например, М. Фрейдкин при переводе имен *Aunt Sponge* и *Aunt Spiker* использует несколько стилистически сниженную форму слова «тетя»: *тетка Квашня* и *тетка Шпилька*; Е. Суриц воспроизводит прием аллитерации, который задеиствует сам Р. Даль: *тетя Плюха* и *тетя Пика*. Удачными случаями перевода групп говорящих антропонимов с аллитерацией следует признать также перевод Е. Суриц имен фермеров из сказки *Fantastic Mr. Fox* (*Boggis, Bunce and Bean* – *Шар, Шок, Шун*) и перевод М. Фрейдкиным имен астронавтов из *Charlie and the Great Glass Elevator* (*Shuckworth, Shanks and Showler* – *Шусмер, Шасмер, Шулер*). Одни переводчики не передают нарицательной основы говорящего имени (*Hazell* – *Хейзел*, *Rabbetts* – *Рэббитс*, *Oompa-loompa* – *Умна-лумна*, *Trotter* – *Тромтер*, *Foulbody* – *Фаулбоди*), другие воспроизводят не только значение имени, но и его форму: *Фундукк*, *Кроллег*, *Симпа-тимпас*, *Круизо* (аффиксальное образование с элементом иностранзации), *Неумытоу* (метонимический перевод с элементом иностранзации). Иногда используется семантическая калька: *the Enormous Crocodile and the Notsobig One* – *Огромный Крокодил и Неоченьбольшой*. Сопоставляя говорящие имена из двух переводов сказки *Matilda*, можно сделать выводы о более удачных переводческих приемах (Е. Суриц) и менее удачных (А. Бирюкова): *Miss Trunchbull* – *мисс Таррамбах* (*Таррамбахиха*), *мисс Транчбул*; *Miss Honey* – *мисс Ласкин*, *мисс Хани*; *Mister Wormwood* – *мистер Мухомор*, *мистер Вормвуд*; *Bruce Bogtrotter* – *Брюс Ирландер*, *Брюс Богтромтер* и др.

Интересным представляется перевод ономастической игры, в основе которой лежит способность имен говорящих к актуализации ассоциативного потенциала имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия, когда имя собственное предстает как элемент игрового ассоциативного поля с заданными интерпретатором параметрами [2, с. 55]. Так, например, в эпизоде из сказки *Charlie and the Great Glass Elevator*, описывающем разговор американского президента с главами Советского Союза и Китая, появляются такие имена: *Warren Peace, Yougetoff, Ginger, Chu-On-Dat*. Приведем лишь небольшой отрывок и его перевод М. Фрейдкина:

“Who’s there?” said the Soviet Premier?

“Warren.”

“Warren who?”

“Warren Peace by Leo Tolstoy,” said the President. “Now you see, Yougetoff! You get those astronauts of yours off that Space Hotel of ours this instant! Otherwise, I’m afraid we’re going to have to show you just where to get off, Yougetoff!”

– Кто там?

– Дон.

– Какой Дон?

– Тихий. Роман Михаила Шолохова, – сказал президент. – Послушайте, вы, *Выгоняйло!* Сейчас же *выгоните* ваших космонавтов с нашего «Междупланетного Отеля», а то как бы нам не пришлось *загнать* вас самих куда *Макар телят не выгонял!*

Переводчик искусно подбирает аналог прецедентного текста, тоже принадлежащего русской лингвокультуре, в котором часть названия в ином контексте может быть интерпретирована как имя собственное иностранного происхождения (*Warren – Дон*), сопровождая его указанием автора (что делает и Даль, хорошо понимая, что его юные читатели могут не распознать этой игры). Далее, игра, в том числе и ономастическая, построенная на актуализации нескольких значений фразового глагола *get off* (*Yougetoff, get them off, show you where to get off*), блестяще передается в переводе (*Выгоняйло, выгоните, загоним, куда Макар телят не выгонял*). В данном случае «руссифицированная» по форме нарицательная основа *Yougetoff* актуализирует ассоциативный потенциал имени, который подкрепляется тоном президента США, ведь сказка написана в 1972 году, в период напряженности в отношениях между Советским Союзом и США, получивший название «Холодная война». Таким образом, реализуется и познавательная функция, заложенная в говорящем имени и игровой ситуации.

В целом, следует отметить, что ономастическая игра в сказках Р. Даля затрагивает не только имена ключевых персонажей, но и часто используется для создания игровых ситуаций, загадок-шутки, когда ludic функция выходит на первый план. Наделяя своих героев такими именами, автор активно задействует разнообразные приемы создания говорящего онима: использует различные способы словообразования, игру на уровне графики и фонологии, стилистические средства, в ряде случаев актуализируя ассоциативный потенциал имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия. Адекватный (семантический) перевод игровых говорящих онимов, даже в том случае, когда их носители – второстепенные персонажи, чрезвычайно важен в литературе для детей, поскольку позволяет воспринять переводной текст во всей полноте, задуманной автором оригинала. Прагматический потенциал семантически значимых имен чрезвычайно широк. Необычная форма таких онимов выполняет аттрактивную функцию, их семантическая значимость вызывает эмоциональный отклик маленького читателя, способствуя развитию познавательных и лингвокреативных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М. М., Яшина Б. И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: Учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 400 с.
2. Алиева Д. Т. Ономастическая игра в художественных текстах // Вестник Военного университета. 2011. №1 (25). С. 53-56.

3. Васильева С. П., Ворошилова Е. В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск, 2009. 138 с.
4. Галь Н. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков». М.: Международные отношения, 2001. 368 с.
5. Калашников А. В. Перевод значимых имен собственных: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 24 с.
6. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1986. № 4. С. 34-40.
7. Никаноров С. А. Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2000. 200 с.
8. Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте: на материале ранних рассказов А. П. Чехова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2004. 24 с.
9. Bertills Y. Beyond Identification. Proper Names in Children's Literature. 2003. 289 p.

Denisova, N. V.; Kovanova, E. A.

Saint Petersburg State University

ONOMASTIC PLAY IN ROALD DAHL'S FAIRY-TALES: PRAGMATICS AND TRANSLATION

The paper deals with charactonyms in fairy-tales by Roald Dahl. The focus is on the pragmatic and stylistic properties of semantically loaded names and on their functions. It is argued that charactonyms trigger an emotional response in young readers and facilitate their language creativity. That is why the semantic content of such names, together with their form, should be rendered into the target language, which allows the little reader to fully conceive the essence of the bearer of such name.

Meaningful proper names, Roald Dahl, onomastic play, children's literary fairy-tale, language creativity, translation

УДК 316.73

О. М. Журавлева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
zhuralena@gmail.com

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В РЕТРОСПЕКТИВЕ

В статье рассматриваются вопросы метафизики пространства и предпосылок для особого типа межкультурного взаимодействия, которые сложились на территории Приневья до основания Санкт-Петербурга. Анализируются особенности формирования пространства, благоприятного для межкультурного общения. Возникновение и развитие городской среды рассматривается с точки зрения языковых и культурных контактов, особое внимание уделяется пересечению знаковых систем, типичных для различных народностей, населявших исследуемую территорию в разные эпохи.

Межкультурная коммуникация, Санкт-Петербург, метафизика пространства.

Санкт-Петербург был основан на стыке различных культур, и место для строительства города было выбрано не случайно. Именно здесь пересекались торговые пути, экономические и государственные интересы, территории Приневья из века в век переходили из рук в руки. Настолько значимым и важным признавался данный регион, что только сильное и могущественное государственное образование могло осуществлять контроль над ним.

Территория к северу и югу от русла реки Невы изначально принадлежала финно-угорским племенам. В самый ранний исторический период земли заселили саамы, которых затем вытеснили к северу прибалтийско-финские племена. Постепенно с юга в результате естественных миграционных процессов пришли и расселились славянские племена новгородских словен. В более поздний период вследствие экономических интересов на этой же территории оказались и викинги. Таким образом Санкт-Петербург возник не только на стыке западного и восточного мира, но и на территории, для которой исторически были характерны межэтнические контакты [1].

Уникальные условия исторически сформировавшегося пространства, в котором был основан Санкт-Петербург, позволяют рассматривать город, как культовое место слияния и взаимодействия культур. Кроме того, как и другие города мира, Санкт-Петербург обладает своей метафизикой. При этом под метафизикой понимается не мистическое, а реальное, хотя и не очевидное, в духе теории постмодернизма, целостное восприятие. Метафизику города

пытались и пытаются постичь уже не одно поколение жителей города, ученых, писателей и поэтов.

Обратимся к представлениям о метафизике пространства в целом. По определению Л.Г. Пановой, пространство – это «первофеномен, предшествующий материи и вещам» [5]. Также важно разграничить восприятие частей света. Восток и для христиан, и для язычников связан с божественным началом, что подтверждается наличием многочисленной символики. Запад, скорее, связывается с представлениями о царстве мертвых, закате, крахе. Таким образом, возникает противопоставление Запад-Восток, которое дополняется противопоставлением Север-Юг, где Север – воплощение мира богов и духовности, а Юг – пространство рукотворного искусственного рая, неги и роскоши [3]. Уникальность Санкт-Петербурга в том, что в разные эпохи он находится на стыке всех четырех противопоставленных друг другу пространств, отделяя и в то же время объединяя европейский запад и отечественный восток, финно-угорский север и славянский юг.

Представление о метафизике пространства, понятие семиосферы можно встретить также в трудах Ю.М. Лотмана и других представителей Тартусской школы. В соответствии с этой теорией феномен Петербурга рассматривается как феномен замкнутой семиосферы, все элементы которой взаимосвязаны [4]. В случае с анализируемым пространством (городом) элементами будут являться языки и продукты их жизнедеятельности – тексты. Обмен текстами и их восприятием происходит при переводе.

Так в контексте метафизического восприятия Санкт-Петербурга, как некоторого пространства, становится Петербургский текст.

Легенды и мифы переплетаются, вплетаются в современные представления на осознанном или интуитивном уровне. Сначала ритуал мог стать мифом, а со временем вновь реализоваться в ритуале, что в большей или меньшей степени фиксируется источниками – текстами, начиная с самых ранних устных мифов, записанных в более поздние эпохи, и до современной художественной литературы.

Культурное пространство Санкт-Петербурга естественным и исторически объективным образом закрепило в менталитете его жителей особое восприятие пространства и времени, которое воздействует на включенных в семиосферу города субъектов, создавая объективную реальность, силу, образец, осознаваемый носителями и воспринимаемый из вне. В текстах мифологического содержания и в художественной литературе, посвященной Санкт-Петербургу или местности им занимаемой, зафиксировано понимание того, что городу присуща особая атмосфера, свидетельствующая о том, что данное пространство – это «место силы».

Известными скоплениями энергии признавались крупнейшие средневековые европейские центры, такие как Прага, Рим, Лондон, Париж. Возникновение именно в этих местах столиц крупнейших держав, возможно, и было предопределено пересечением в них энергетических полей и путей. Возможно, это и одна из причин того, что основанный на окраине большой

державы город, которому на двести лет предназначено было стать столицей, выстоял и вырос, несмотря на опасения недоброжелателей, тяжелый климат и всеобщее сопротивление.

На финской почве, благодаря мифотворчеству сохранившихся на территории Санкт-Петербурга финно-угорских племен, зародилась идея о духе-покровителе города. Древнейшие племена, населявшие приневье, – чудь и весь (предки эстонцев, ижоры, води, вепсов) заложили основы метафизического мировоззрения, отраженные в эпосе «Калевала» [2]. Волшебная мельница Сампо, приносящая счастье, оказалась спрятана именно на берегах Невы, чем и объясняется тот факт, что эта местность стала объектом интереса со стороны сильных соседей. Кроме того, еще один исторический сюжет находит свое объяснение в древнем эпосе: в Ладожском озере происходит обретение огня – поедание искры рыбами. Благодаря тому, что новгородские словены жили в согласии с финно-угорскими племенами, возник славяно-финский культурно-этнический симбиоз. Его наличие позволило не только переносить символические элементы из мифологической системы представлений о мире одних в произведения народного творчества других этнических групп, но и взаимодействовать на тончайшем культурном уровне, вне зависимости от того, осознанно это происходило или нет.

Магическая культура финно-славянского симбиоза сакрализовала местность вокруг будущего города за счет холма Олега в Ладоге. В этом сказании совмещаются мифы о местном колдовстве, культе коня и жертвоприношении. Миф, основанный на преданиях финно-угорских племен, оказал столь сильное воздействие на местное население, что идея была использована еще раз, через много веков, в «Медном всаднике» [6]. Таким образом, наблюдается сакрализация местности, которая демонстрируется в особом отношении к данной территории, как источнику силы и поклонения.

Впрочем, Санкт-Петербург унаследовал не только мифологическую картину мира, присущую финно-угорским племенам, но и основные элементы мировоззрения, характерные для славянского мира. Так, на Балтийское море были перенесены все опасения и страх, связанные с морем, отраженные в сказаниях о Садко. Не только мифы, но и религиозный компонент постепенно был заимствован из Новгорода Великого в Санкт-Петербург, что связано с более поздним перенесением икон, а также постепенным смещением значения города, как основного религиозного центра северо-западного региона страны.

Со временем симбиоз коренного финно-угорского населения и славян был разбавлен викингами, которым сначала пытались противостоять, а затем приняли в свое содружество. Так продолжился обмен культурными ценностями, мифами и преданиями. Однако длительного сотрудничества не удалось добиться, увеличившиеся набеги заставили провести границы между государственными образованиями, которые в разные периоды переносились от одних населенных пунктов в другие. Таким образом, даже не достигнув взаимопонимания на политическом уровне, жители пограничных территорий

на протяжении нескольких веков испытывали культурное влияние нескольких государств.

На фоне смещения границ вся территория приневья в сознании местных жителей, будь то представители финно-угорского населения, или славянского, была сакрализована. Причем, не только на уровне эпоса и народных преданий, но и в христианских источниках, и в более поздних художественных произведениях.

Принципиальное воздействие на всю территорию приневья оказало принятие христианства и позднее – православия. Религиозная парадигма противопоставила приграничные земли западному миру, в результате чего местность оказалась идейно втянутой в глубокий мировоззренческий конфликт между западом и востоком. Кроме этнических отличий возникли и обострились религиозные. Однако историческое сосуществование и взаимодействие на уровне мировоззренческих элементов проживающего на данной территории населения обусловили постепенный переход от «крестовых походов» к сотрудничеству и подготовили благоприятную почву для создания и поддержания веротерпимости.

Освоение пространства для строительства Санкт-Петербурга шло на фоне совмещения или переноса мифологического значения укоренившихся в народном сознании элементов. Сочетание древних мифов одних народов, их интерпретация и переосмысление новыми жителями – это яркий пример межкультурной коммуникации на уровне мифологического текста, восприятия, картины мира. Совмещение элементов различных культур создали условия для дальнейшего поликультурного развития города, основу для взаимодействия, направленного на усвоение и передачу культурных ценностей, поддерживавших и поддерживающих до сих пор особенный образ и дух Санкт-Петербурга.

Сама идеология возникновения столицы на границе с, казалось бы, чуждым западным миром основана на исторической культурной «пестроте» местности. Проживавшим здесь финским племенам, охранявшим крепости шведским войскам и славянскому населению, несмотря на различия в культуре, религии и языке, удавалось не только уживаться, но и взаимодействовать в метафизическом плане. Веками был накоплен опыт межкультурных контактов, которые обогащали взаимодействующие культуры, создавали целые комплексы общих для всех верований, мировоззренческих элементов и мифов, позволяя, при этом, на протяжении долгого времени сохранять и свои этнические особенности.

Возникновение города, ставшего столицей и крупным политическим и экономическим центром, нарушило культурный баланс, что оказалось объективной неизбежностью. Однако отсутствие долгое время доминирующей культуры позволило сформировать поликультурную общность, которая до сих пор отличает Санкт-Петербург от других российских городов. Созданные Петром Великим условия проживания и веротерпимости, многочисленные льготы и свободы для иностранцев способствовали быстрому развитию города,

а также добавили новые черты в его образ, который, впрочем, гармонично сочетается с исторической традицией. Сегодня, как и три века назад, для западного мира Санкт-Петербург – это окно в Россию. Переходная, «буферная» зона позволяет адаптироваться к российской действительности, но в то же время, несомненно, ощущается как «русский» город. С другой стороны, город многими россиянами как раньше, так и сейчас воспринимается европейским, «нерусским», чуждым исконной русской культуре.

С момента возникновения города была заложена основа петербургского текста, который, в свою очередь, является совмещением древних представлений и мифов коренного населения данной местности. Образы, созданные художественными произведениями, сохранившими на века мироощущение и метафизику пространства, до сих пор играют существенную роль в формировании восприятия и языковой картины мира. Один из таких символов – Медный всадник, которому покорились финские болота, он возвышается на фоне призрачного города, тающего в туманной дымке; город этот то проявляется, то исчезает, многоликий и великий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева О. М., Преображенская О. А., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Русский Север в финно-угорском окружении. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. С. 94–97.
2. Калевала. Л.: Лениздат, 1984.
3. Курочко М. М. Метафизика пространств и проективность истории // Власть. 2010. № 9. С. 22–25.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
5. Панова Л. Г. Наивноязыковая физика и метафизика: слова «пространство» и «время» // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы // URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/panova/> (дата обращения: 03.03.2019).
6. Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга: Начала и основания. СПб.: Алетейя, 2003. С. 71–75.

O. M. Zhuravleva

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MOTIVATION FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION ON THE TERRITORY OF SAINT PETERSBURG IN RETROSPECT

The article deals with the issues of metaphysics of space on the territory of Saint Petersburg in the period before its foundation. It focuses on the motivating factors for intercultural communication on this area regarding language and cultural contacts as well as semiotic systems overlapping.

Intercultural communication, Saint Petersburg, metaphysics of space

УДК 800.811.112.2

Ю. В. Журавлева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
juzhuk@rambler.ru*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается культурологический потенциал паремиологических единиц, обладающих национальной спецификой, а также некоторые языковые и семантические особенности немецких пословиц и поговорок.

Паремии, пословицы, поговорки, языковая картина мира, культурная значимость, языковое сознание, межкультурная коммуникация

Паремии как антропо-культурные единицы, возникшие в ранние исторические периоды, отражают мировосприятие, особенности национального сознания носителей языка. Паремиологический фонд языка всегда был источником сведений о культуре и менталитете этноса, поскольку несмотря на универсальность большинства человеческих ценностных ориентиров, в разных языках в процессе переосмысления действительности реализуются отличные друг от друга образно-ассоциативные связи, основанные на специфике образных представлений и их эмоционально-экспрессивной окраски, которые в свою очередь связаны с историей, традициями, укладом жизни и быта каждого народа [4]. Паремиологические образования реализуют кумулятивную функцию языка, сохраняя и передавая последующим поколениям жизненный опыт предков и их представления о мире.

Паремии отражают исторические и актуальные стереотипы национального обыденного сознания и, тем самым, участвуют в создании ценностного компонента языковой картины мира [1].

Значительная и самая древняя часть немецких поговорок имеет библейское происхождение: «Wer (anderem) eine Grube gräbt, fällt selbst hinein; und wer einen Stein (auf andere) wälzt, auf den wird er zurückkommen» (Spr 26, 27), «Hochmut kommt vor dem Fall» (Spr 16, 18), «Auge um Auge, Zahn um Zahn» (2 Mose, 21, 24) [7]. В немецкий обиход эти единицы попали благодаря переводу Мартином Лютером библии на немецкий язык в первой половине 16 века.

На пике своей популярности и употребительности пословицы и поговорки в немецком языке находились 15 и 16 веках. Об этом свидетельствуют многочисленные собрания пословиц и поговорок, которые использовались в дидактических и воспитательных целях, с целью передачи векового жизненного опыта и народной мудрости следующим поколениям в доступной форме, например, в монастырях их использовали с целью внушения морально-нравственных ориентиров.

Затем в эпоху просвещения и расцвета классической немецкой литературы культурная значимость пословиц и поговорок существенно снизилась. Среди образованных слоев населения использование паремиологических единиц воспринималось как признак «необразованности» и «мещанского образа мысли» [11]. Однако многие выдающиеся личности той эпохи, такие как Лессинг, Шиллер и Гете проявляли интерес к «народной мудрости», используя пословицы и поговорки в тексте своих произведений: Мефистофель в «Фаусте» (сцена «Garten») цитирует популярную поговорку «Ein Sprichwort sagt: Ein eigner Herd, ein braves Weib sind Gold und Perlen wert» [9]. Наиболее популярные цитаты из литературных произведений и сами нередко включались паремиологический фонд языка, например цитаты из пьесы Шиллера «Вильгельм Телль»: «Die Axt im Haus erspart den Zimmermann» [12] и из произведений Гете: «Da ist der Hund begraben» («Faust») и «Sag mir, mit wem du umgehst, so sage ich dir, wer du bist» («Wilhelm Maisters Wanderjahre») [10].

Языковой облик немецких паремий отличается разнообразием. Наиболее часто паремиологические единицы сформулированы в виде утверждения, констатации факта или жизненного наблюдения, при этом, структура повествовательного предложения может придавать поговоркам внешне нейтральный, «безоценочный» характер, скрывая имплицитный оценочный компонент: «Neue Besen kehren gut», «Rom ist nicht an einem Tag erbaut worden», «Den Freund erkennt man in der Not», «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute».

Значительное количество паремий открыто выражают оценочные суждения в компаративной форме: «Lieber ein Ende mit Schrecken, als ein Schrecken ohne Ende», «Vertrauen ist gut, Kontrolle ist besser», «Wie du mir, so ich dir», «Besser spät als nie», «Besser etwas als gar nichts», «Besser Vorsicht als

Nachsicht», «Allein ist besser als mit Schlechten im Verein». Распространена формулировка в виде предостережения, предупреждения о нежелательных последствиях действия или его отсутствия: «Wer nicht hören will, muss fühlen», «Hochmut kommt vor dem Fall», «Je mehr der Mensch nach Glück jagt, umso mehr verjagt er es auch schon», «Übermut tut selten gut» [8].

В большинство паремий предикаты имеют форму настоящего времени и изъявительного наклонения, при этом презентные формы в сочетании с неопределенно личным местоимением в роли подлежащего подчеркивают актуальный характер и универсальную релевантность содержания пословиц и поговорок, а наклонение передает назидательный смысл в завуалированной форме: «Man lernt, solange man lebt», «Aus Fehler lernt man», «Was man gern macht, macht man gut», «Man lernt nie aus», «Man soll nicht den Tag vor dem Abend loben». Рекомендательно-поучительное содержание в большинстве случаев выражено имплицитно, хотя возможно и эксплицитное выражение в форме повелительного наклонения: «Vereliebe dich oft, verlobe dich selten, heirate nie», «Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen», «Erst denken, dann handeln», «Zuerst besinnen, dann beginnen», в подобных примерах содержится прямое указание, предписание или призыв к действию.

Языковые особенности паремий обеспечивают их понятийную доступность для всех представителей этноса и запоминаемость, подчеркивают их универсальность. В паремиях могут использоваться следующие стилистические средства создания образности и выразительности [8]:

- метафоры: «Der frühe Vogel fängt den Wurm», «Das Papier ist geduldig», «Lügen haben kurze Beine», «Hunger ist der beste Koch», «Morgenstunde hat Gold im Munde», «Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer», «Viele Köche verderben den Brei» «Reden ist Silber, Schweigen ist Gold»;

- рифмы: «Jammern füllt keine Klammern», «Begangene Tat leidet keinen Rat», «Muss ist eine harte Nuss, die man knacken muss», «Versuch macht klug», «Anderer Fehler sind gute Lehrer»;

- аллитерация: «Aller Anfang ist schwer», «Wer rastet, der rostet», «Müßiggang ist aller Laster Anfang»;

- структурный параллелизм: «Wer nicht wagt, der nicht gewinnt», «Was man behauptet, muss man auch beweisen», «Aus dem Augen, aus dem Sinn», «Wer zeitig feiern will, muss fleißig arbeiten», «Gesagt – getan», «Pech im Spiel, Glück in der Liebe»;

- повторы: «Aus nichts wird nichts», «Auge um Auge, Zahn um Zahn», «Lehrjahre sind keine Herrenjahre», «Keine Antwort ist auch eine Antwort»;

- хиазмы: «Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr»;

- персонификация абстрактных понятий: «Die Zeit heilt alle Wunden», «Gut Ding will Weile haben».

Нередко встречается также одновременное сочетание сразу нескольких стилистических приемов: «Buchen sollst du suchen, Eilchen sollst du weichen» (сочетание рифмы, синтаксического параллелизма и метафоры), «Geteilte

Freude ist doppelte Freude», «Pack schlägt sich, Pack verträgt sich» (используются лексический повтор, рифма и структурный параллелизм).

Еще одним свойством паремиологических образований является тенденция к семантической поляризации, в соответствии с которой вербализация актуальных концептуальных оппозиций производится на основе синонимических, либо чаще антонимических отношений: *geteiltes – halbes, Vorsicht – Nachsicht, Vertrauen – Kontrolle, Arbeit – Vergnügen, Pech – Glück, feiern – arbeiten, wollen – können, sagen – tun, Reden – Schweigen, Silber – Gold, etwas – nichts, morgen – heute* [3]. Для немецких пословиц характерен метонимический перенос, в структуре пословиц действительность репрезентируется с использованием метонимической модели на основе двух связанных между собой категорий.

Паремии охватывают все важные сферы жизни человека, все ценностно-значимые представления этноса о компонентах картины мира и в значительной степени характеризует самобытность культурного опыта [2]. Пословицы и поговорки выполняют важную функцию в рамках коммуникации, в доступной форме они отражают социально одобряемые и желательные для общества нормы поведения применительно к различным жизненным ситуациям.

Интересен факт, что значительная часть паремиологических единиц представлена в виде оппозиций: «*Gegensätze ziehen sich an*» и «*Gleich und gleich gesellt sich gern*», «*Jeder ist seines Glückes Schmied*» и «*Es kommt, wie es kommt*», «*Geld regiert die Welt*» и «*Geld allein macht nicht glücklich*», «*Zeit ist Geld*» и «*Eile mit Weile*». Наличие противоположных по смыслу пословиц и поговорок отражает противоречивость и сложность окружающей действительности, и позволяет использовать паремиологические единицы ситуативно, в зависимости от коммуникативных условий, обеспечивая их коммуникативную вариативность и универсальность. Например, поговорку «*Jede Kette ist nur so stark, wie ihr schwächstes Glied*» уместно использовать в контексте неудачного совместного действия, и, напротив, в случае удачи контекстуально релевантной будет антонимичная поговорка «*Verbunden werden auch die Schwachen mächtig*» [6].

Согласно психологическим исследованиям, пословицы и поговорки могут реализовывать в процессе коммуникации как положительную, так и отрицательную психологические функции [8]. В первом случае они содержат совет, утешают, внушают оптимизм, дают повод к размышлению: «*Nur unter Druck entstehen Diamante*», «*Wenn du gut hinhörst, wird immer irgendwo ein Vogel singen*», «*Die Hoffnung ist die Säule, welche die Welt trägt*», «*Dem Mutigen gehört die Welt*», «*Geduld bringt Rosen*», «*Geteiltes Leid ist halbes Leid*», «*Zwei hören die gleiche Sinfonie, doch das gleiche nie*». Тем самым, они удовлетворяют базовую потребность личности в объяснении, структурировании и познании действительности. В противном случае они ограничивают личность в ее мыслительной деятельности и поведении, стимулируя пассивное мировосприятие: «*Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*», «*Wollen heißt noch nicht können*», «*Schuster, bleib bei deinen Leisten*». Также важно осознавать

интенциональные различия при перспективном и ретроспективном использовании одной и той же паремиологической единицы: «Jeder ist seines Glückes Schmied» в перспективном употреблении может подразумевать призыв к действию, самостоятельности, ответственности и активности, а в ретроспективе может означать оправдание, подтверждение заслуженности успеха в глазах социума.

В современном лингвокультурном континиуме пословицы и поговорки продолжают историческую дидактико-воспитательную традицию, они служат связующим звеном между поколениями, передают культурные ценности и морально-нравственные установки, играя роль культурных метафор. Любая лингвокультурная общность воспринимает и оценивает окружающую действительность, опираясь на национальные исторические традиции и ценности, мировоззренческий и эмпирический коллективный опыт этноса [5].

Большинство немецких пословиц и поговорок отражают ценностно-значимые установки и стереотипы мышления, содержат интерпретацию одобряемых и порицаемых социумом человеческих качеств, особенности мировосприятия:

- например, стремление немцев к экономии отражено в поговорке «Wer Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert»;

- одобрительное отношение к скромности выражает поговорка «Lieber den Spatz in der Hand, als die Taube auf dem Dach»;

- особую любовь к порядку, склонность к тотальному контролю и регулированию во всех областях иллюстрируют поговорки «Ordnung ist das halbe Leben», «Vertrauen ist gut, Kontrolle ist besser», «Was nicht past weird passend gemacht»;

- характерное для немцев серьезное отношение к своим обязанностям, к труду, приоритетное значение долга выражают «Ohne Fleiß kein Preis», «Erst die Arbeit, dann das Vergnügen», «Arbeite nur, die Freude kommt von selbst»;

- «Übung macht den Meister», «Früh übt sich, wer ein Meister werden will» подчеркивают высокую оценку таких качеств как, трудолюбие и прилежание;

- признание определяющей роли финансов в современном мире, уважительное отношение к деньгам, как символу «власти, могущества, благополучия» выражают паремии «Geld regiert die Welt», «Gesundheit kann man nicht kaufen, Medikamente aber schon», «Geld ist nicht alles, aber ohne Geld ist alles nichts», «Geld ist nicht alles, aber viel Geld ist schon etwas». Смысловые оппозиции «Geld allein macht nicht glücklich», «Geld verdirbt den Charakter», «Geld macht einsam» имеют утешительный характер и выполняют компенсаторную функцию;

- репрезентация концепта «Liebe» имеет в немецкой картине мира следующие особенности: с одной стороны, любовь представляется преимущественно как нечто «временное, преходящее и ненадежное» – «Liebe macht blind», «Wo die Liebe hinfällt, wächst kein Gras mehr (da bleibt

sie liegen)», «Liebe ist vergänglich», и, как романтическая идеализация, с другой – «Alte Liebe rostet nicht»;

-отрицательное отношение ко лжи реализовано в поговорках «Lügen haben kurze Beine», «Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht, und wenn er auch die Wahrheit spricht», «Die Menschen glauben viel leichter eine Lüge, die sie schon hundertmale gehört haben, als seine Wahrheit, die ihnen völlig neu ist», которым противопоставлено предположение о возможной ситуативной целесообразности лжи - «Ehrlich währt am längsten»;

- важное место в немецкой картине мира занимает концепт «Zeit». Немцы славятся своей пунктуальностью и серьезным отношением к расходованию времени, что отразилось в пословицах и поговорках: «Zeit ist Geld», «Zieh schneller als dein Gegner», «Lieber tot als zweiter». Оппозиционные утверждения не нивелируют значение предыдущих, а скорее стимулируют к более осознанному восприятию времени: «Gutes braucht seine Zeit», «Eile mit Weile», «Wenn du es eilig hast, gehe langsam», «Wer sichere Schritte tun will, muss sie langsam tun».

Пословицы отражают коллективную ментальность этноса, особенности национального сознания, проявляющиеся в стереотипности суждений и ассоциаций, в реализации специфических экспрессивно-оценочных коннотаций, и обладают значительным потенциалом для понимания чужой культуры в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. М.: Каро, 2005.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
3. Кузьмина Е. А. Пословицы как лингвокультурная репрезентация языковой личности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбов, 2002.
4. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки. М.: Икар, 1997.
5. Черданцева Т.З. Язык и его образы. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
6. Essig R.- B. Essigs Essenzen: das Sprichwortartikel für alle Lebenslagen. Freiburg: Kreuz, 2010.
7. Elberfelder Bibel. Einheitsübersetzung. Witten: Brockhaus, 2008.
8. Frey D. Psychologie der Sprichwörter. Berlin: Springer-Verlag, 2017.
9. Goethe, von J. W. Faust: Eine Tragödie. Stuttgart: Reclam, 1971.
10. Goethe, von J. W. Wilhelm Meisters Wanderjahre. Frankfurt am Main: Insel, 1982.
11. Umurova G. Was der Volksmund in einem Sprichwort verpackt ... Bern: Peter Lang, 2005.
12. Schiller W. Wilhelm Tell (2.Aufl.). Stuttgart: Reclam, 2006.

Y. V. Zhuravleva

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

THE CULTURAL POTENTIAL OF PAREMIAS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The cultural potential of paremias with national contexts and some linguistic and conceptual features of german proverbs are considered within the framework of cross-cultural communication.

Paremias, proverbs, language picture of the world, cultural significance, language mentality, cross-cultural communication

УДК 81-114

Е. С. Зубкова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
eszubkova@etu.ru*

О ШАНСАХ РУССКОГО ПУРИЗМА В ЭПОХУ КАРШЕРИНГА И АНОНИМАЙЗЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ)

В статье рассматриваются заимствования из английского языка последнего десятилетия. На основе анализа современной российской прессы предпринята попытка сделать вывод о возможности и необходимости существования пуризма в русском языке на данном этапе его развития.

Пуризм, заимствования, газетный дискурс

*«Если бы употребление в русском
языке иностранных слов было
злом, – оно зло необходимое»
В. Г. Белинский*

Термин «пуризм» является по сути своей парадоксом: заимствованное слово используется для обозначения «борьбы против введения в употребление заимствованных и международных слов» [1]. Будучи явлением далеко не новым, а напротив, с историей, насчитывающей несколько веков, пуризм занял прочные позиции и как лингвистический термин, и как социальный феномен.

Пуристские настроения представляются практическими неизбежными на определённых этапах развития фактически каждого общества. Чаще всего особую популярность эта тенденция приобретает в период политических и социальных изменений, так или иначе влияющих на язык и/или восприятие его обществом. Поскольку то, как мы говорим, рано или поздно, в той или иной мере демонстрирует собеседнику то, кем мы являемся, язык неизбежно подвергается влиянию событий, происходящих в обществе, и одним из вариантов влияния на язык, «сонастройки» его с новыми настроениями в социуме, может быть стремление очистить его от всех иноязычных слов, сделать его максимально «чистым».

Г. О. Винокур «связывал пуризм с эстетическими предпочтениями носителей, бытовыми и общекультурными традициями и («к сожалению, чаще всего») политическими тенденциями» [8], и выделяемые в настоящее время разновидности пуризма, в общем и целом, основываются на этой же логике. Принято говорить о пуризме идеологическом, эстетико-вкусовом и логическом. Идеологический пуризм черпает вдохновение в стремлении общества к «языковой независимости» (нежелании находиться под влиянием культуры, из языка которой активно заимствуются единицы, и стремлении к сохранению культурной, в частности, языковой самобытности) или же в борьбе за сохранение языка в неизменном виде как демонстрации неприятия происходящих изменений в обществе (так, например, «поэт А. А. Вознесенский заявлял, что «репрессированные «твёрдые знаки» и «ять» были двойниками убитых в подвалах» [8]).

Эстетико-вкусовой, или эмоциональный пуризм можно считать явлением, близким к языковому творчеству отдельных членов языкового сообщества. По сути, это личное неприятие тех или иных единиц или конструкций тем или иным носителем, не имеющее научного обоснования. Это явление можно назвать разновидностью того, что советский литературовед А. М. Лейтес в шутку называл лексической идиосинкразией, «то есть ярко выраженной антипатией к отдельным словам» [6]. Это чисто интуитивное восприятие тех или иных единиц как подходящих или неподходящих, подходящих или неподходящих, уместных или неуместных, что, среди прочего, может быть связано с неприятием заимствованных слов.

Логический пуризм, напротив, имеет строго лингвистическое обоснование, поскольку является результатом деятельности учёных, работающих с языком. Филологи и лингвисты могут пропагандировать закреплённые в «классических» словарях нормы, выступая против включения в них новых слов, в частности, заимствований. Чаще всего они руководствуются высоким престижем кодифицированных единиц, указывая при этом на то, что заимствованные из других языков слова нередко являются стилистически сниженными, так как зачастую они приходят в литературный язык из сленга или профессиональных жаргонов.

Отметив ироничность самого термина «пуризм» и разобравшись в его сущности, можно перейти к более актуальному вопросу: существует ли

современный пуризм, или это словосочетание представляет собой оксюморон в чистом виде? Как уже говорилось выше, пуризм – явление далеко не новое. Можно сказать, что пик популярности пуризма в русском языке приходится на XIX век (борьба с французскими заимствованиями во время Отечественной войны 1812 года, возникновение славянофильства и народничества – всё это так или иначе способствовало формированию и распространению идей о необходимости поиска собственного пути, возвращения к корням, развитию самобытности, в том числе и в языке). Важно отметить, что несмотря на популярность в определённых кругах мысли о чистоте языка и наименовании предметов и явлений силами родного языка, в общем и целом, говорить о победе сторонников борьбы с заимствованиями в русском языке, не приходится. Атмосфера так и осталась атмосферой (а не колоземицей, как предлагал В. И. Даль), а фортепьяно никто никогда не назовёт тихогромом.

Однако очевидно, что никогда ещё не оказывался ни один язык под таким сильным воздействием извне, как это происходит со многими языками мира в современном обществе. Процесс глобализации, открытость и доступность огромных объёмов информации, возможность общаться с людьми, живущими в практически любой точке планеты, – всё это не может не влиять на язык, и каждый из нас имеет возможность, не всегда даже подозревая об этом, распространить свой индивидуальный опыт взаимодействия с окружающим миром, привнеся что-то новое в родной язык, оказав влияние на собственную речь, а в последствии, возможно, на речь определённого языкового сообщества (в микро- и макромасштабе). Одним из таких результатов взаимодействия с другими культурами (самым очевидным и ожидаемым) является заимствование новых единиц, в связи с чем и возникает вопрос: каковы шансы у русского пуриста сохранить чистоту языка и доказать её необходимость в мире, активно и, что немаловажно, охотно эксплуатирующего лексические ресурсы иностранных языков, в частности и преимущественно английского языка?

Сразу отметим, что речь не будет идти о таких занимающих крепкие позиции и получивших своё прочное место в словаре русского языка единицах, как, например, «тренд», «сервис» и так далее. В первую очередь нас будут интересовать слова, которые носители русского языка начали использовать сравнительно недавно. Для того чтобы проверить, могут ли представители современного нам русского языкового сообщества обходиться словами исключительно русскими или давно заимствованными, избегая использования слов нарочито иностранных, обратимся к прессе, поскольку газеты традиционно воспринимаются в обществе как источник достоверной информации (если не с точки зрения содержания, то, как минимум, с точки зрения формы), как некий образец и пример того, как следует использовать язык, как говорить правильно. Методом сплошной выборки на порталах крупных российских газет («Ведомости», «Известия», «Взгляд», «Коммерсант», «Российская газета») было отобрано 500 заметок и статей. Выбор этих периодических изданий был обусловлен их тематикой и статусом. В процессе анализа были использованы статьи из различных рубрик и разделов:

«Политика», «Общество», «Культура», «Экономика», «Бизнес», «Технологии», чтобы избежать нарочитого ограничения освещаемых тем и связанной с этим ограниченностью лексики. Более того, в результатах не учитывались экономические и научные термины, активно используемые представителями данных областей. Тем не менее важно отметить, что, хотя подобная лексика и является узкоспециализированной и ограниченной определённой сферой употребления, когда эта область начинает играть важную роль в обществе в целом, заимствованные единицы проникают в речь обывателей, а затем могут закрепиться и в литературном языке. Так, уже давно вышли за пределы статей об экономике такие слова, как «майнинг» и «биткойны». Будучи у всех на слуху и не имея аналогов в русском языке, эти лексические единицы завоёвывают свои позиции в словарном составе, и хоть и подвергаются определённым изменениям, связанным с особенностями строя «принимающей стороны», всё равно выглядят чужеродными, хотя и не воспринимаются уже значительной частью носителей как нечто совершенно неуместное и непонятное.

Однако нас будет интересовать не лексика, сфера употребления которой ограничивается незначительным числом сценариев, а те слова, которые активно входят в речь носителей русского языка, журналистов, в частности. Анализ последних статей в российских газетах позволяет выделить три основные категории лексики, которая может вызывать опасение у приверженцев пуризма.

Первая группа, представляющая, пожалуй, наименьшую угрозу, с точки зрения пуристов, и при этом наиболее широкое поле для языкового творчества, включает в себя безэквивалентную лексику. Это такие слова, как «каршеринг», «кластер», «анонимайзер», «стартап», «лоукостер». Все они не имеют однословных соответствий в русском языке и могут быть лишь описательно переведены. Использование заимствований в данном случае не обусловлено ни более высоким престижем иностранных слов, ни стремлением звучать изысканнее. Английские слова просто являются более ёмкими и краткими, а поскольку явления ими обозначаемые уже стали привычной частью российской действительности, мы не чувствуем необходимости раскрывать сущность понятия, которая для носителей русского языка (в отличие от носителей языка английского, в большинстве случаев считающих внутреннюю форму слова,) не является самоочевидной, и потому всё равно свободно оперируем этими понятиями. Более того, называя каршеринг сервисом краткосрочной аренды автомобилей, нельзя не заметить количество иностранных слов в таком переводе. В качестве отдельной подгруппы в данной категории можно выделить слова, которые потенциально могли бы быть заменены на русские эквиваленты, но в силу различных причин (в первую очередь в связи с более широким их употреблением в отличие от исконных единиц) полностью вытеснили русские слова. Так, говоря об информации, представленной на сайте, никто уже не употребит слово «содержание», ибо оно не несёт нужной смысловой нагрузки, такое значение в русском языке имеет

слово «контент». То же самое касается, например, слов «тренинг», «стриминг», «гаджет». В эту подгруппу можно включить и слово «реализация» в таких сочетаниях, как «реализация проекта», «реализация программ», то есть в таких контекстах, в которых вполне можно было бы использовать синонимичные «выполнение» или «осуществление». Однако, судя по текстам статей, в таких контекстах слово «реализация» воспринимается как гораздо более предпочтительное и подходящее.

Вторая категория включает в себя слова, на борьбу с которыми в первую очередь и нацелены пуристы: заимствования, не просто имеющие русские эквиваленты, но эквиваленты, активно функционирующие в языке, развивающиеся и получающие новые значения, имеющие нужные оттенки смыслов. «Розничная торговля» звучит ничуть не хуже, чем «ритейлинг». Торговые компании совершенно не обязательно именовать дистрибуторами, тем более что написание этого слова очевидно вызывает определённые сомнения и трудности: в текстах статей встречались два варианта («дистрибутор» и «дистрибьютор»). Инжиниринг и реинжиниринг, эквайринг, девелоперы и редевелопмент – все эти грубо изъятые из английского языка единицы, без всякой нужды вставляемые в поток русской речи, выглядят чуждыми и просто неуместными. Они не являются ни более ёмкими, ни более благозвучными (хотя, конечно, последнее является оценкой чисто субъективной), они не описывают явлений, не имевших ранее места в русской культуре. Создаётся ощущение, что использование подобных лексических единиц обусловлено простым нежеланием обратиться к словарному запасу родного языка, проще говоря, ленью носителя, много работающего с текстами на иностранных языках. И если данные примеры касаются всё же профессиональной сферы деятельности, то употребление заимствованных единиц для наименования бытовых явлений, которые могут быть описаны простейшими русскими словами, просто непозволительно (особенно если речь идёт о газетном дискурсе). В качестве примеров такого халатного отношения к родному языку можно привести использование следующих слов и словосочетаний: «сырьевой бум», «релакс», «уикенд», «фейковая информация», «драйвер роста продаж», «конференц-колл».

Наконец, третья категория, хотя и не включающая в себя прямых заимствований лексических единиц, должна, между тем, служить тревожным сигналом не только для приверженцев пуризма, но и для всех, кому небезразлична судьба русского языка. Сюда мы относим калькирование структуры фраз иностранного языка, возникающее не при переводе, а в процессе самостоятельного построения предложений, а также привнесение смыслов и значений, которые не были восприняты русским языком при первоначальном заимствовании. К сожалению, всё чаще речь заходит о построении дорожной карты и магистральных планах развития учреждений, всё привычнее звучат предложения приобрести пакет услуг. Наверное, не каждому будут резать слух словосочетания «локальное производство» и «глобальная репутация», но, если присмотреться внимательнее, можно

заметить, что это довольно небрежная калька из английского, хотя тот факт, что все эти единицы по отдельности вошли в язык довольно давно, мешает это заметить сразу же. В эту же категорию можно отнести «аккумуляирование мандатов», «пользовательский опыт» и «прозрачность политики». Есть примеры ещё более грубого нарушения правил родного языка под влиянием английского: «Россия стала более *устойчива к внешним шокам*» [2], а «Трамп, *яростный и разъяренный*, рвал и метал, когда в столь ненавидимых ему «фейковых СМИ» появлялись всё новые и бездоказательные статьи о мифическом «российском следе» в его кампании» [7]. И, говоря о чистоте языка, в первую очередь хотелось бы предостеречь носителей от подобного небрежного подхода к грамматическим правилам, поскольку в силу специфики получения и восприятия в современном мире информации, такого рода конструкции далеко не всегда и не сразу бросаются в глаза, но при этом могут незаметно входить в речевой обиход и переставать восприниматься как нечто некорректное и чуждое родному языку.

Подводя итог вышесказанному и увиденному в современных российских газетах, следует признать, что борьба с заимствованиями на данном этапе развития языка представляется не только заведомой проигранной, но и излишней. Язык лишь стремится не отставать от перемен, происходящих в обществе, чтобы дать нам возможность наиболее точно и полно отображать всё то, что происходит на наших глазах, и, коль скоро заимствования будут обогащать нашу речь, не уничтожая то, чему ещё есть место в нашей культуре, а носители будут осознанно и бережно относиться к тому, что и как они говорят, необходимости в глобальном «очищении» языка не возникнет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. Ведомости [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 22 марта 2019).
3. Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс] // URL: <https://vz.ru/> (дата обращения: 22 марта 2019).
4. Известия [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 22 марта 2019).
5. Коммерсантъ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 22 марта 2019).
6. Лейтес А. М. О чисто субъективных оценках некоторыми писателями нелюбимых ими слов, которым они необоснованно отказывают в праве употребления [Электронный ресурс] // Editorium. ru. URL: <http://editorium.ru/906/> (дата обращения: 23 марта 2019).
7. Российская газета [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 22 марта 2019).
8. Традиции и новаторство. Языковой пуризм [Электронный ресурс] // Центр дистанционной поддержки обучения. Российский государственный

педагогический университет имени А. И. Герцена. URL: <https://moodle.herzen.spb.ru/mod/book/view.php?id=70896&chapterid=1212> (дата обращения: 23 марта 2019).

E. S. Zubkova

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

CHANCES OF PURISM IN THE ERA OF ANGLICISMS (A CASE STUDY OF LOANWORDS IN RUSSIAN NEWSPAPERS)

The article deals with loanwords that have come into the Russian language during the last decade. The author attempts to answer the question, whether it is possible to follow traditions of purism in modern times.

Purism, loanwords, newspaper discourse.

УДК 811.111.8

Г. Р. Козеличкина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
uda4nayauda4a@mail.ru*

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье исследовано такое лингвокультурное явление, как заимствование слов в китайском языке. Рассматривается история развития заимствования и основные черты, а также причины появления данного явления в китайском языке. Представлена некоторая информация по изучению роли заимствования англоязычных слов в предмете исследования. Сравниваются этнокультурные особенности китайской нации с иностранными нациями, в том числе англоговорящих стран, в рамках культурного аспекта данного явления. Сделан вывод об актуальности изучения и использования иностранных заимствований в содержательном китайском языке, а также о всестороннем влиянии современного быстроменяющегося мира на Китай, китайский народ и язык.

Заимствование, китайский язык, английский язык, лингво-культурология, межкультурная коммуникация.

На сегодняшний день мир находится в процессе постоянного развития – из года в год совершаются новые открытия в области техники, медицины, искусства и т. д. Отношения между государствами и обстановка в мире в целом также не стоят на месте и постоянно меняются.

Насколько мы можем видеть, открытость внешнему миру, развитие новых технологий, а также протекающие изменения в современной жизни резко приводят к необходимости трансформирования практически в каждом языке. Возникает необходимость обозначения в речи тех или иных событий или явлений, появившихся в результате этих процессов. Таким образом, появляются заимствования лексики и отражения факторов этнических контактов.

Китайский язык не является исключением – в нем также происходят изменения, связанные с влиянием на него иностранных языков [7]: некоторые слова и выражения устаревают и выходят из употребления, а некоторые являются новыми, так называемыми неологизмами, которые в свою очередь образуются с помощью различных способов словообразования, одним из которых является заимствование.

В данной статье рассмотрим роль заимствований в китайском языке. Это позволит расширить знания в области словообразования и этимологии слов, что в дальнейшем может в определенной степени облегчить работу с переводом, а также углубить общие знания о языке.

В китайский язык в течение всей длительной истории его существования проникало большое количество иноязычных элементов. Этот процесс заимствования не является отрицательным фактом, наоборот, он обогащает язык, делая его более емким и выразительным. При этом китайский язык выступает в качестве языка-реципиента по отношению к языку-донору, которым является любой иностранный язык, и прежде всего, английский язык в его американском варианте. Входя в китайский язык, иностранные лексические единицы подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами его развития, они изменяли звуковой состав в соответствии с его фонетической системой, если они имели в своем составе звуки, не характерные для китайской фонетической системы. Они приобретали новые значения и т. п. Только в результате такого переоформления они могли прочно войти в китайский язык.

При анализе иностранных заимствований в китайском языке оказывается, что все больше и больше заимствованных единиц приходит из английского языка.

Рассматривая английский язык более детально, Кач-ру и Нельсон разделили все варианты употребления английского языка на три концентрических круга [11].

Внутренний круг – это так называемый «английский мир». Он включает в себя такие страны, как Великобритания, Ирландия, бывшие британские колонии, которые стали впоследствии первыми штатами США, Австралию,

Новую Зеландию, Южную Африку, Канаду, а также различные острова Карибского моря, Индийского и Тихого океанов.

Внешний круг состоит из тех стран, в которых английский язык имеет официальное или историческое значение («особое значение»). Он состоит из стран-участниц Содружества Наций (в значительной степени формировавших Британскую империю), включая такие густонаселенные страны, как Индия, Пакистан; а также другие, такие как Филиппины, находящиеся под влиянием англоговорящих стран. Здесь высшее образование, законодательная и судебная власть, внутренняя торговля и т. д. могут осуществляться преимущественно на английском языке.

Расширяющийся круг – это те страны, в которых английский язык не играет никакой официальной роли, но тем не менее выполняет важные функции, в частности, в осуществлении международного бизнеса. К XXI в. число англоговорящих людей, не являющихся носителями языка, значительно превысило количество последних.

В данный момент английский трансформируется в язык глобальной сети Интернет, глобальной экономики, бизнеса, политики, системы образования и т. д. Общество все больше подвержено процессу глобализации, и, как результат, мы сталкиваемся с возрастающей ролью английского языка как единственного средства международного общения.

Сегодня английский преподают в каждой школе и университете каждой из стран; все больше и больше людей начинают говорить на английском, потому что их работа тем или иным образом связана с делами за границей или с иностранцами в пределах страны. Даже английский сленг, например «кокни», довольно известен по всему миру благодаря его популяризации в СМИ [5]. Китай и его жители не являются исключением. Однако проблема заключается в том, что по некоторым причинам им очень тяжело дается изучение английского языка на высоком уровне. Мы можем даже обнаружить особый вид «своеобразного» английского языка, «чинглиш», который не встречается нигде, кроме Китая [8, 13]. Ли [12] приводит в пример слова Хуана Юи, председателя Международной федерации переводчиков, который отметил, что просачивание в повседневный китайский таких слов, как «окей», «пока», «мило», «современный» и «гитара», может оказать пагубное влияние на самобытность китайского языка, нарушить его «языковую гармонию». Юи отметил: «Если мы уделим недостаточно внимания данной проблеме и не примем мер для того, чтобы остановить смешение китайского и английского языков, китайский через пару лет перестанет быть чистым языком. Китайский язык изобилует такими терминами, как DVD, MP3 и SEO, они являются широко распространенными словами обихода. Однако подобные термины могут явиться причиной замешательства». Хуан, являющийся главой Китайской международной издательской группы, одного из наиболее крупных издательств в Китае, посетивший университет в США, опасается, что увеличение потока английских слов и фраз, входящих в китайский разговорный язык, может представлять угрозу для его будущего.

Как только Китай приступил к осуществлению политики реформ и открытости, он начал изо всех сил вбирать в себя европейскую культуру и язык. Согласно проводимым статистическим исследованиям, совсем недавно в Китае к ежегодному показу в кинотеатрах были разрешены только 19 зарубежных фильмов, в то время как большое число вебсайтов, включая Youtube, Facebook и Twitter запрещены для посещений. Несмотря на это, число популярных западных брендов увеличивалось и увеличивается до сих пор, широко распространено англоязычное телевидение, и огромное число студентов желает изучать английский язык.

В ответ на призыв «очистить» китайский язык от английских слов Хэ Дэюань, ученый из Лингвистического института при Китайской академии социальных наук, предупреждает: «Если мы уберем все заимствованные слова, останется меньше половины современного китайского языка... Заимствование слов из других языков – это повсеместное явление. Это явление, сопутствующее культурному обмену и ассимиляции. Китаю нельзя закрывать перед ним дверь. Французы много раз пытались очистить французский язык от английских слов, но их попытки окончились провалом» [10].

Однако для китайской молодежи хорошее знание английского и русского языка становится важным условием на пути к успешной карьере и вхождению в глобальное сообщество, в то время как сам Китай расширяет свою деятельность и влияние во всех сферах по всему миру.

Согласно исследованиям, проведенным среди читателей китайской газеты, 90 % всех опрошиваемых отметили, что Китай действительно охвачен «лихорадкой» изучения английского языка. Половина из них полагает, что умение говорить по-английски является одной из ключевых способностей в современном китайском обществе, одна из причин – это то, что Китай открывается внешнему миру в течение последних десятилетий. И особенно в Европе и Америке люди желали знать о том, что происходит за пределами Китая. Вторая, даже более важная причина, затрагивает личные интересы и состоит в том, что сейчас многие компании в Китае требуют знания английского языка. Фактически, основываясь на данных этого исследования, 70 % людей пользуются английским языком на работе, 80 % уверены, что знание английского языка может обеспечить их лучшей работой или дать толчок карьерному росту [10].

В мире не существует ни одного языка, в котором вовсе бы не было заимствований из других языков. Более того, в некоторых языках доля заимствованной лексики может составлять большую часть от общего количества слов. Так, например, в английском языке около 60 % слов являются либо заимствованными, либо образованными от французского языка.

Заимствование – это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего слово или полнозначная морфема). Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами [9].

Заимствование является процессом, присущим также и китайскому языку, и поэтому заслуживает отдельного исследования. Китайский язык относится к языкам изолирующего типа, его структура построена таким образом, что проникновение иноязычной лексики в определенной степени затруднено. Это также вызвано особенностями китайского иероглифического письма. Стоит также учитывать тот факт, что в прошлом Китай долгое время являлся закрытым государством и находился в изоляции от внешнего мира. Но тем не менее и несмотря на то, что китайский и английский языки абсолютно противоположны [5], в современном китайском языке все же наблюдается определенный пласт заимствованной лексики с английского языка.

Интересующими нас видами заимствования являются заимствования из английского языка, которые появляются в китайском языке различными способами, – это фонетические, семантические, фонетико-семантические заимствования и буквенные вкрапления.

Фонетические заимствования воспроизводят внешнюю звуковую оболочку иностранных слов, т. е., проще говоря, передают их звучание. Причем степень фонетической адаптации может быть различной: полной, неполной или частичной. Примеры фонетических заимствований с англоязычных слов [4]:

leida - радар;
asipilin - аспирин;
hailuoyin - героин;
tanke - танк;
qiaokeli - шоколад;
sailifen - целлофан;
suda- сода;
pisa - пицца;
weitaming - витамин.

Следует также отметить и тот тип фонетических заимствований, когда иероглифы являются не только, так сказать, фонетической транскрипцией иностранного слова, но также вместе с тем сохраняют и его смысловое значение. То есть семантическая составляющая как бы накладывается на звуковую форму слова. Однако в китайском языке существует сравнительно небольшое количество слов данного типа. Например: bengdai - от англ. Bandage – бинт, beng «затягивать», + dai «лента», «полоска».

Семантические заимствования, или так называемые «кальки», являются обозначением значений иностранных слов китайскими иероглифами или, попросту говоря, являются переводом на китайский язык. То есть они словно копируют значение и передают его посредством иероглифов, отсюда и название – «кальки». Что отличает семантические заимствования от фонетических заимствований, так это то, что по своей звуковой и графической форме они не отличаются от китайской традиционной лексики в силу того, что строятся из китайских лексических единиц и по китайским правилам словосложения. Они свободно входят в обиход и легко функционируют в речи. Примеры семантических заимствований [4]:

Màli (ma «лошадь» + lì «сила») – лошадиная сила;
 zhongshuǐ (zhong «тяжелый» + shuǐ «вода») – тяжелая вода;
 hòuwèi (hòu «сзади» + wèi «охрана») – арьергард;
 dòngchàn (dòng «двигаться» + chàn «имущество») – движимое имущество;
 shèngchánlì (shèngchán «производить» + lì «сила») – производительные силы;
 wàngyuànjīng (wàng «смотреть» + yuàn «даль» + jīng «линза») – бинокль;
 tuólājī (tuōlā «тянуть» + jī «машина», «агрегат») – трактор;
 dàzǐjī (dà «выбивать» + zǐ «знаки» + jī «машина», «агрегат») – пишущая машинка.

Далее рассмотрим, что собой представляют фонетико-семантические заимствования. Этот способ заимствования объединяет в себе два предыдущих. При фонетико-семантическом заимствовании слово состоит из двух частей: одна передает звуковую форму заимствованного иноязычного слова, а вторая представляет собой семантически значимый лексический элемент.

Примеры фонетико-семантического заимствования [4]:

motuoche (motuo - фонозапись + che «повозка») – мотоцикл;
 lamajiao (lama - фонозапись + jiao «религия») – ламаизм;
 shawenzhuyi (shawen - фонозапись + zhuyi «доктрина») – шовинизм;
 baleiwu (balei - фонозапись + wu «танец») – балет;
 baolingqiu (baoling - фонозапись + qiu «играть») – боулинг;
 beileimao (beilei - фонозапись + mao «шапка», «головной убор») – берет;
 miniqun (mini - фонозапись + qun «юбка») – мини-юбка;
 weishijiu (weishi - фонозапись + jiu «вино») – виски;
 shadingyu (shading - фонозапись + yu «рыба») – сардина.

Следующий способ, который требует рассмотрения, – это буквенные вкрапления. Этот способ заимствования в основном использует буквы латинского алфавита. Как правило, это слова или названия из английского языка или же из китайского фонетического письма – пиньинь. Зачастую это аббревиатуры, сокращения.

В Китае среди современного молодого поколения довольно часто в речи можно встретить сокращения, а иногда и отдельные слова на иностранном языке (в основном на английском). Сегодня это даже можно считать «модным»: употреблять в речи английские слова просто для разнообразия лексикона или ради демонстрации своей эрудированности. Причиной этого, скорее всего, является «европеизация» современной китайской молодежи, вызванная проникновением европейской и американской культур через Интернет и средства массовой информации. В качестве примера этого явления можно привести сокращения обиходных повседневных фраз, используемых для быстрого и удобного набора СМС-сообщений, а также сообщений в интернет-чатах и социальных сетях. Например, сегодня очень часто можно встретить следующие сокращенные варианты англоязычных выражений:

BB (Bye-Bye) – «пока-пока», «до встречи»;
 CU (See You) – «увидимся»;

IC (I see) – «понятно», «ясно»;

URQ (You are cool) – «ты крут»;

RUThere (Are You there?) – «Ты здесь?» (вопрос, задаваемый с целью узнать, находится ли собеседник в чате).

Среди таких сокращенных выражений также встречаются графические аббревиатуры, имеющие в своем составе цифры, которые заменяют определенное слово, но при этом выполняют ту же звуковую функцию:

- F2F (Face to Face) – «лицом к лицу», «тет-а-тет». В английском языке число 2 (two) созвучно с частицей «к» (to), и поэтому цифра заменяет слово (для удобства и быстроты набора текста);

- B2B (business to business) – также может употребляться в деловом контексте, подразумевая отношения «бизнес для бизнеса» – еще один пример замены частицы «к» (to) цифрой 2 (two);

Однако помимо иностранных сокращений, встречаются также и сокращения китайских слов:

GG (gege) – «старший брат»;

JJ (jiejie) – «старшая сестра»;

MM (meimei) – «младшая сестра».

В современном китайском языке также существует разновидность заимствованных слов, состоящих из букв латинского алфавита и китайских иероглифов:

T хй – «футболка»;

IT shídái – «эпоха информационных технологий»;

IP diànhuà – «интернет-телефония».

Причем такие слова, как и (T хй – «футболка»), сочетают в себе два способа заимствования – буквенные вкрапления и фонетическое заимствование. На данном примере легко просматривается схожесть звучания с английскими «T-shirt», то есть иероглиф (ху) является фонозаписью слов «shirt».

Завершив рассмотрение и анализ положения английского языка в современном мире, его положения в Китае, и достаточно широкого спектра заимствований английских слов в китайском языке, можно сказать, что все это имеет место как в повседневном разговорном языке, так и в более специализированных отраслях и сферах.

Данная статья содержит краткий обзор заимствованных англоязычных слов и выражений, а также способов их правильного перевода, без знания которых переводчик может столкнуться с определенными проблемами при работе с переводом. Учитывая тот факт, что носители китайского языка, особенно в специфических социальных и профессиональных группах, нередко отдают предпочтение использованию слов английского происхождения в силу того, что они более точны и экономичны, необходимость знания заимствований из других языков только усиливается. Что касается современной китайской молодежи, то можно еще рассматривать данное явление и как «своеобразную моду».

В ходе исследования было отмечено значительное влияние английского языка на современный китайский язык. При нынешней политике и мировой экономике можно ожидать, что влияние английского языка на китайский язык будет только увеличиваться. В условиях современного быстроменяющегося мира все чаще появляется необходимость во внедрении слов и выражений иностранного происхождения, как для выражения новых значений, так и для обновления лексической системы в целом. На фоне активных культурных, экономических и политических связей Китая с другими государствами в последние десятилетия отмечается массированное проникновение иностранных заимствований в современный китайский язык. Более того, эти иноязычные элементы проходят в различной степени фонетические, семантические и грамматические адаптации. В отдельную группу следует отнести заимствования особого типа, которые полностью состоят из букв латинского алфавита (аббревиатуры, сокращенные слова, полные слова), что представляет собой достаточно необычное явление для языка с иероглифической письменностью. Соответственно при обучении китайскому языку необходимо уделять внимание аутентичному дискурсу [2] и влиянию английского языка в современных условиях [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н. Б. Смешанные языки // Социолингвистика и социология языка. М.: Гуманитарная академия, 2013.
2. Гураль С. К., Митчелл П. Дж. Формирование профессионального дискурса на основе принципов интерактивного обучения языку, разработанных профессором Гарвардского университета Вилгой М. Риверс, для неязыковых специальностей (опыт Томского государственного университета) // Научный периодический журнал «Язык и культура». 2008. № 4. Россия, Томск: ТГУ, 2008. С. 5–10.
3. Жукаускене Т. С. Сравнительный анализ фонемы и слогоморфемы в английском и китайском языках // Язык и культура. Приложение. 2012. № 1. С. 5–12.
4. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М.: Наука, 1973. 340 с.
5. Игнатов А. А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга «Кокни» в современном английском обществе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 374. С. 68–70.
6. Митчелл П. Дж. English for Innovators: The Importance of ELT Provision in an Innovation Economy // Инноватика – 2011: сб. матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с элементами научной школы, 2628.04.2011. Россия, Томск, 2011. С. 36–40.
7. Митчелл П. Дж., Зарубин А. Н. The English language internationally: An introduction to the case of China // Язык и культура: сб. матер. XXII Междунар. науч. конф. / под ред. С. К. Гураль. Томск, 2015. С. 14–20.

8. Митчелл П. Дж., Зарубин А. Н. Чинглиш - культурный феномен // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1. С. 69–80.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

10. He D., Li D. C. S. Language attitudes and linguistic features in the «China English» debate // World Englishes. 2009. № 28 (1).

11. Kachru Y., Nelson C. L. World Englishes in Asian Contexts. Hong Kong University Press, 2016.

12. Li W. China English and Chinglish // Foreign Language Teaching and Research Journal. 1993. № 4.

13. Zarubin A. N., Mitchell P. J. English in China: English vs. Chinglish, Culture vs. Language. Saarbruecken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 64 p.

Kozelichkina, G. R.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»
uda4nayauda4a@mail.ru

BORROWINGS IN THE CHINESE LANGUAGE

This article explores a linguacultural phenomenon such as borrowing words in Chinese. The history of the development of borrowed and the main features, as well as the reasons for the appearance of this phenomenon in Chinese, are considered. Some information on the study of the role of borrowing English words in the subject of study is presented here. In addition, the ethno cultural peculiarities of the Chinese nation are compared with foreign nations, including English-speaking countries within the cultural aspect of this phenomenon. The conclusion is made about the relevance of the study and use of foreign borrowing in the meaningful Chinese language, as well as the comprehensive impact of the modern rapidly changing world on China, the Chinese people and the language.

Borrowing words, Chinese, English, linguistic-cultural studies, intercultural communication.

УДК 811.134.2

Л. В. Литвинова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
felar17@hotmail.com

АНГЛИЦИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена английским заимствованиям в испанском языке. Обозначаются этапы массового проникновения англицизмов в испанский язык. Рассматриваются некоторые особенности заимствований в печатных СМИ, сфере Интернета и компьютерных технологий. Исследуются причины и условия появления лексических заимствований из английского языка.

Испанский язык, англицизмы, межкультурная коммуникация, компьютерная терминология, средства массовой информации

В августе 1713 г. в Испании под девизом «Limpia, fija y da splendor» («Очищает, фиксирует и придает блеск») начинает свою деятельность Испанская королевская академия (Real Academia Española, RAE), главной задачей которой является составление и публикация Словаря кастильского языка. С 1726 по 1739 гг. выходит шесть томов первого академического словаря. Одним из основных условий введения новых лексем в последующие издания словаря Королевской академии (DRAE) становится не только повсеместное и постоянное употребление того или иного слова носителями испанского языка, но и соответствие формы нового слова так называемому характеру языка, то есть его адаптация. В начале XXI века взгляд на включение заимствований в академический словарь немного меняется. Повсеместное употребление заимствованного слова в речи носителей испанского языка по-прежнему остается главным критерием, однако проблема адаптации англицизмов уже не является камнем преткновения в вопросе их занесения в 22-е издание DRAE (2001), а затем и в опубликованное в 2014 г. последнее, 23-е издание.

Словари узуса, как правило, не руководствуются такими жесткими правилами в вопросе включения того или иного заимствования, как академические издания. В словарь современного испанского языка (Diccionario de uso del español actual Clave) вошли, в том числе, и неадаптированные иностранные слова, широко употребляющиеся в испанском языке. При этом в словарных статьях к подобным заимствованиям приводится их испанский эквивалент (при его наличии) или даются некоторые рекомендации его употребления.

Среди самых ранних работ, посвященных англицизмам в испанском языке, выделяется Словарь англицизмов (*Diccionario de Anglicismos*) Р.Х. Альфаро, изданный в 1950 г. в Панаме. Также следует отметить работу А. Фернандес Гарсия «Англицизмы в испанском языке» (*Anglicismos en español*), опубликованную в виде исторического словаря, где прослеживается происхождение и эволюция большого числа заимствований. Решительный шаг в направлении современной концепции англицизмов в испанском языке был сделан в 1980 году, когда К. Пратт опубликовал свою инновационную и всеобъемлющую работу «*El anglicismo en el español peninsular contemporáneo*». Заслуживают внимания и работы выдающегося испанского лингвиста Эмилио Лоренцо, в частности его фундаментальный труд под названием «Испанские англицизмы» (*Anglicismos hispánicos*) (1996). Кроме того, английские заимствования также рассматривались и в словарях иностранных слов. Например, в работе Х.Х. Альсугарай Агирре «Словарь иностранных слов» (*Diccionario de extranjerismos*) приводится обширный список заимствований, половину которого составляют англицизмы.

В 1997 году был опубликован Новый словарь англицизмов (*Nuevo diccionario de anglicismos*), составленный Ф. Родригес Гонсалес и А. Лийо Буадес, который был переиздан в 2009 г. Основной костяк словаря составили очевидные по своей форме англицизмы. Также в этот словарь были включены некоторые заимствования, которые носителями испанского языка уже не осознаются таковыми, некоторые примеры псевдоанглицизмов и экзотизмы. Каждая словарная статья помимо толкования слова содержит данные о его произношении, происхождении, некоторые грамматические показатели (род, число), стилистические комментарии об употреблении слова. Кроме того, приводится информация о частотности использования того или иного англицизма, сфера его употребления, а также даются цитаты из различных источников, в которых фигурирует то или иное заимствование.

К.Пратт указывает на два основных способа проникновения англицизмов в испанский язык: заимствование через устную речь и письменные источники. Последние, как правило, сохраняют графическую форму первоисточника и потому заметнее выделяются среди других слов как экзотизмы. Лексемы, заимствованные через устную речь, нередко претерпевают фонетические и орфографические изменения, подчиняясь законам испанского языка и становясь менее похожими на английские паронимы [5].

Для вхождения и закрепления иноязычного слова через речь в системе заимствующего языка необходимы следующие условия:

1. передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка;
2. соотношение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка, т.е. его грамматическое освоение;
3. фонетическое освоение иноязычного слова;
4. словообразовательная активность слова;

5. семантическое освоение иноязычного слова – появление новых значений и оттенков, их дифференциация между ранее существовавшими в языке словами и появившимся иноязычным словом;

6. регулярное употребление в речи для слова, не прикрепленного к какой-либо социальной стилистической сфере, в различных жанрах литературной речи; для термина – устойчивое употребление в той терминологической области, которая его заимствовала, наличие определенных парадигматических и «значимых» (значимость понимается как ценность знака/термина, определяемая его соотношениями с другими знаками/терминами данной системы) отношений с терминами конкретного терминологического поля.

В процессе вхождения и закрепления в лексическом составе языка заимствованное слово может претерпевать довольно существенные изменения. Меняется его написание, в частности может наблюдаться элиминация, прибавление звуков, упрощение групп согласных. К заимствованному слову могут прибавляться типичные для того или иного языка форманты (в испанском языке это, в частности, родовые форманты). Освоенное заимствование в испанском языке сопровождается артиклем и способностью образовывать производные [1].

Англицизмы (*anglicismos*) стали появляться в испанском языке начиная с XVIII в. Их ассимиляция иногда шла медленно. К XVIII веку, например, относят появление таких слов, как *dandy*, *club*, *vagón*, *yate*, *túnel*, *tranvía*, *mitin*, *líder*, *reportero*, *turista*, *tenis*, *festival*, etc. [1]. Однако в тот период заимствования не носили массовый характер.

Первый этап массового проникновения англицизмов в испанский язык относится к периоду между серединой XIX века и сороковыми годами XX века. Это было обусловлено развитием науки и техники, возросшим интересом общества к спорту и туризму, особенно в Англии и Америке, результатом чего и явилось рождение в английском языке многочисленных слов-терминов, призванных обозначить новые понятия и предметы. В этот период практически все европейские языки заметно пополняются за счет подобных англицизмов. Испанский язык не стал исключением.

Следующий этап можно отнести к периоду после II Мировой войны, когда стали постепенно открываться границы. Больше всего новшеств в этот период было введено в сферы экономики и банковской системы, технологий, домашнего быта, досуга, моды, массовой культуры и молодежной субкультуры. Именно в этих сферах наблюдается самое большое число англицизмов в испанском языке. Для этого есть несколько причин. В 1950 году в образовательных учреждениях Испании начинают факультативно преподавать английский язык. Начало 1960-х ознаменовалось известным туристическим бумом «*Turismo de sol y playa*».

В это же время отмечается повышенный интерес к новым музыкальным течениям и группам, молодежной субкультуре. Различные музыкальные направления и стили, преимущественно популяризовавшиеся в англоязычных странах (США, Великобритания), способствовали появлению

большого пласта лексики английского происхождения: pop, jazz, rap, rock, rock urbano, rock fuerte, rock and roll, punk и т. п.

Во второй половине XX века приток англицизмов в национальные языки возрастает в связи с «электронной революцией» в США, появлением новых устройств и систем. В начале 60-х годов в военных целях началась разработка новейшей системы надежной связи, которая бы обеспечила бесперебойное общение в условиях военных действий. В 1969 программистам удалось объединить в одну сеть 4 компьютера, что уже вполне может считаться первым прототипом виртуальной сети.

В Испании попытки создания виртуальной сети, которая бы обеспечила связь между несколькими компьютерами и доступ к информационной базе, начинается в 80х годах. В 1984 году создается сеть FAENET (Física de Altas Energías Network). К концу 1985 года к этой сети подключаются университеты Кантабрии, Сарагосы, Барселоны, Мадрида, Институт Физики в Валенсии (IFIC), Центр Энергетических Исследований Мадрида. Примерно тогда же испанская сеть была соединена с аналогичной европейской сетью. В 1991 году появился первый провайдер, предоставлявший доступ в Интернет, «Гойа», и в 1992-1994 году Интернет понемногу начинает распространяться, к сети начинают подключаться крупные университеты, появляются новые провайдеры [3].

По числу пользователей испанский язык оказывается на 3 месте (после английского и китайского), на нем говорят более 153 млн. пользователей Интернета. По данным организации Internet World Users за 2012 год, Интернетом в Испании пользовались 62,7% населения, то есть 31 миллион человек [6].

Современный испанский язык в Интернете, в том, что касается компьютерной терминологии и лексики, описывающей виртуальное пространство, часто черпает аналогии из английского языка. Исследователи отмечают, что около 30 % компьютерных терминов в испанском языке заимствованы из английского. Основными причинами лексических заимствований из английского языка являются однозначность и краткость английских терминов, заменяющих собой испанские словосочетания. Кроме того многие компьютерные термины не имеют аналогов в испанском языке, или они различаются по значению. Интернациональность терминов облегчает межкультурную коммуникацию, а также работу в аутентичных программах с непереуведенным интерфейсом.

Можно говорить о существовании нескольких волн развития компьютерной терминологической базы испанского языка. Изначально количество англицизмов резко возрастает, тогда как впоследствии постепенно ряд терминов заменяется испанскими словами. Противники англицизмов (в том числе ученые Королевской Академии испанского языка, отстаивающие чистоту речи), рекомендуют пользователям Интернета испанские варианты английских слов: например, equipos вместо hardware, programas вместо software, octeto вместо byte, bitio вместо bit. Однако, зачастую, выбор

пользователя оказывается на стороне англицизма (возможно, в силу его большей компактности и интернациональности). E-book вместо libro electrónico, email вместо correo electrónico, laptop вместо portátil и др.[3].

Сейчас можно говорить о том, что в испанском языке компьютерная терминологическая система еще находится в стадии становления, в связи с чем в большом количестве случаев одновременно сосуществуют обширные синонимические ряды, включающие и заимствования, и испанские слова.

80-е и 90-е гг. были связаны с существенным обновлением средств массовой информации. Одним из результатов изменений стало расширение коммуникативного пространства СМИ: появились новые печатные издания, разнообразные по своей направленности и языку.

В настоящее время СМИ продолжают оставаться одним из основных проводников английской заимствованной лексики. Особо отличаются в этом плане женские гламурные, глянцевые журналы, обложки которых в настоящее время почти не обходятся без «модного» иностранного слова или выражения.

Статьи гляцевых изданий, призванные пропагандировать новые модные тенденции в одежде, пестрят огромным количеством «модных» английских слов и выражений, например, таких как look, celebrity, fan, relax, shopping, fitness, lifting, peeling, trendy, mix, fashion, jeans, blazer, shorts, leggings, trench, top, print, oversize, и т.п.

В гламурных, гляцевых журналах употребляются как «оправданные» заимствования, то есть те, которые не имеют эквивалента в испанском языке, или же в его роли выступает описательное выражение (top), так и «неоправданные» англицизмы, то есть те, которые имеют абсолютный испанский эквивалент, обладающий всеми коннотациями, что и данное заимствование (dress). Кроме того, в текстах статей рассматриваемых журналов можно встретить так называемые «кальки» — заимствование не слова, а его значения [2]. Следует также заметить, что это явление уже распространилось и на самые обычные, далекие от гламура женские журналы. Причем употребление англицизмов в таких журналах за последние десять-пятнадцать лет выросло в разы.

Интересно, что количество употребляемых на страницах испанских женских изданий «иностраннных» слов и выражений (то есть неассимилированных заимствований) значительно превышает количество адаптированных слов. Как правило, в тексте статей данного типа неассимилированные заимствования естественно сохраняют английскую графику и выделяются курсивом, то есть редакторы дают читательницам понять, что то или иное слово или выражение является элементом другого языка.

По некоторым подсчетам сейчас наибольшее количество англицизмов используется в информационных и компьютерных технологий (15– 20 %), искусства и СМИ (13–14 %), что вполне объяснимо в связи с повсеместным распространением и использованием Интернета, и развитием средств массовой информации.

Лексический состав пополняется непрерывно, и следует отметить, что каждое новое явление, открытое в науке, изобретение разнообразных машин, транспортных средств, лекарств, предметов домашнего обихода – все это получает свои наименования, при этом либо создаются новые слова и словосочетания, либо используются прежние слова с новым значением. На данный момент одним из главных источников заимствования является английский язык, который признан универсальным международным языком, оказывающим огромное влияние на различные сферы жизни. Он является основным инструментом для работы в большинстве областей (образование, интернет, бизнес, банковское дело, путешествия, спорт и т. д.).

Однако, несмотря на то, что, по мнению некоторых лингвистов, английские заимствования способны оказать положительное влияние на лексический состав испанского языка, внося в него новые понятия и добавляя новые оттенки в уже существующие, отношение к использованию англицизмов в испанской речи, их оценка и поиски новых путей к уменьшению влияния английского языка на испанский остаются актуальной лингвистической проблемой.

На первом заседании Академий испанского языка, посвященном языку и средствам массовой коммуникации (1985), а затем и на X заседании Академий (1994) была подчеркнута необходимость сформировать лексическую и грамматическую нормы, способствующие ограничению распространения ненужных неологизмов. При Королевской Академии испанского языка (Real Academia de la Lengua Española, RAE) работает специальная комиссия «Comisión de Vocabularios Técnicos», которая занимается сбором, изучением терминов, созданием дефиниций, принимает или отклоняет технические неологизмы [4].

Заимствование англицизмов является достаточно сложным и многогранным процессом, который влечет за собой изменения на всех уровнях языковой системы современного испанского языка. Обогащая свой словарный фонд, испанский язык способствует развитию межкультурной коммуникации и интеграции, свободному общению в деловой, научной, информационной и других сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка – М: Высшая школа, 2003.
2. Кулешова Н.А. Англицизмы в испанских женских журналах. Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2010, № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/Grnti>...anglitsizmy-v-ispanskih...> (дата обращения: 03.03.2019).
3. Юрьева М.Д. Англицизмы в компьютерной терминологической системе современного испанского языка в интернете. Гуманитарные, социально-экономические и гуманитарные науки, 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article...v...sovremennogo-ispanskogo...> (дата обращения: 11.03.2019).

4. Яковлева С.А. Англицизмы в спортивной терминологии испанского языка. Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2009, №2. URL: <http://cyberleninka.ru>article/n/anglitsizmy-v...yazyka> (дата обращения: 04.03.2019).

5. Pratt C. El anglicismo en el español peninsular contemporáneo. – Madrid: Gredos, 1980.

6. Internet World Users by Language, 2012. URL: <http://www.internetworldstats.com> (дата обращения: 07.03.2019).

Litvinova, L. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ANGLICISMS IN SPANISH LANGUAGE

The article is dedicated to the analysis of borrowings from English language in Spanish. The stages of mass penetration of anglicisms into Spanish language are revealed. Some peculiarities of English borrowings in mass media, Internet and computer technologies are considered. The causes and conditions of appearing words borrowed from English are investigated.

Spanish language, anglicisms, cross-cultural communication, computer terminology, mass media

УДК 81'367.32

Ю. В. Перлова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
perlova5@mail.ru*

РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА НЕОДОБРЕНИЯ КАК КОСВЕННЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ

Настоящая статья освещает особенности речевой тактики неодобрения при реализации побудительной интенции с точки зрения прагмалингвистики. Оценивается взаимосвязь невербального и вербального компонентов в процессе коммуникации. Рассматривается роль социального статуса коммуникантов при выборе языковых средств. Также в статье анализируются прагматические аспекты продуцирования и восприятия косвенных директивов.

Речевая тактика неодобрения, прагмалингвистика, косвенный речевой акт, побудительная интенция, социальный статус.

Одной и той же цели можно добиться различными способами, применяя различные коммуникативные тактики, но их эффективность в каждой конкретной ситуации будет различной. Говорящий, прежде чем сделать тот или иной коммуникативный ход, вынужден каждый раз оценивать ситуацию общения, учитывая место, время, наличие или отсутствие посторонних, различные аспекты личности собеседника, например его возраст, образование, эмоциональное состояние, взгляды на жизнь и т. д. Основания для выделения тактик разнообразны, что связано с многообразием самих побудительных ситуаций. Модель структуры содержания побудительного высказывания, разработанная Л. А. Бирюлиным и В. С. Храковским, опирается на принятое в теории речевых актов трёхуровневое представление высказываний: 1) план прескрипции (иллокутивный акт) включает в себя прескриптора, получателя прескрипции и исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (локутивный акт), который включает говорящего (прескриптора), слушающего / слушающих (получателя / получателей прескрипции) и лицо / лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е лицо ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его агенса (исполнителя прескрипции) [1]. Таким образом основным условием, при котором высказывание может быть классифицировано как побудительное, является наличие императивной ситуации, то есть наличествуют прескриптор, агенс и каузируемое действие. Если в узуальных косвенных директивах чётко определены основные компоненты структуры содержания императивной ситуации, то в окказиональных косвенных директивах эти компоненты, как правило, отсутствуют.

При актуализации побудительной интенции продуцент косвенного директива выбирает либо стратегию сотрудничества, либо конфликтную стратегию. В рамках стратегии сотрудничества выделяются различные тактики, например аргументативно-персуазивная тактика (продуцент пытается логически или эмоционально убедить реципиента), ламентативная тактика (продуцент жалуется на дискомфортное состояние, которое должен устранить реципиент), седуктивная тактика (продуцент обольщает реципиента), инклюзивная (включение продуцента и реципиента в разряд агенса каузируемого действия). Конфликтная стратегия реализуется с помощью тактики негативной оценки (продуцент своим неодобрением побуждает реципиента к действию) и менасивной тактики (продуцент угрожает реципиенту неприятными последствиями).

В рамках конфликтной стратегии выделяется тактика негативной оценки, которая представляет собой намеренное использование вербальных и

невербальных средств, актуализирующих идею неодобрения, с целью побудить адресата изменить то, что получило отрицательную оценку. Синкретические речевые акты одобрения / неодобрения, в которых реализуются два иллокутивных намерения – прямое и не прямое, функционируют в диалогическом общении как в качестве иницирующих,¹ так и ответных реплик, и представляют собой многогранный, языковой феномен, семантико-синтаксические и коммуникативно-прагматические аспекты которого находятся в динамическом взаимодействии [2]. Речевые акты неодобрения обладают побудительным потенциалом, если выражают с помощью языковых средств негативное, критическое отношение автора речи к действительности с целью её преобразования с помощью собеседника. В процессе реализации тактики негативной оценки обнаруживается взаимодействие лексических, морфологических, синтаксических, а также паралингвистических и невербальных средств.

Речевые акты неодобрения приобретает побудительный потенциал в том случае, если основной интенцией высказывания служит: Я выражаю Тебе своё неодобрение, чтобы Ты изменил то, чему Я даю отрицательную оценку.

При выражении неодобрения наибольшим потенциалом обладают лексические средства с отрицательной коннотацией:

‘I’m sorry, Janey, but I’ve got to go....’

‘Goddamn it, and you too,’ Janey said without raising her voice.

‘This always happens. Whenever we plan to go out, this happens. You and your stinking police force!’ [3, с. 5-6]

MARGARET: Did anyone ever tell you that you’re an ass-aching Puritan, Brick? [6, с. 12].

Следующий пример взят из романа Дж. Гришама «Дело о пеликанах». Студентка и любовница профессора Каллахана, решила провести собственное расследование убийства сенатора Розенберга. Три дня она провела в библиотеке, но, в итоге, решила, бросить свою затею. Профессор пытается убедить её продолжить расследование с помощью тактики отрицательной оценки:

Callahan stared at her.

“You’re telling me you skipped classes for three days, ignored me, worked around the clock playing Sherlock Holmes, and now you’re throwing it away” [4, с. 77].

В этом фрагменте дискурса вывод об отрицательной оценке делается на основе семантики и особой структуры предложения.

Отрицательная оценка действий адресата может сопровождаться аргументами, дающими основание для неодобрения.

‘As you haven’t met the girl,’ he said, ‘why are you being so spiteful?’

‘What sort of question is that?’ said Nan. ‘Do you expect me to answer it?’ [5, с. 8].

Следует обратить внимания на реакцию адресата в данном примере. Вопрос мужа, содержащий неодобрение действий жены, является таковым

лишь формально и вызывает у последней протест именно потому, что она чувствует скрытую в нём более глубокую интенцию, а именно побудить её не быть столь язвительной, не имея на то оснований.

Побудительный потенциал речевых актов неодобрения зависит во многом от социального статуса собеседников. Так неодобрение, высказанное вышестоящим нижестоящему, скорее всего будет воспринято как приказ. Но возможно и обратное. Отметим в этой связи интересный случай из произведения П.Г. Вудхауза «Так держать, Дживс!». Дживсу, слуге Берти Вустера, не нравится костюм, который тот собирается надеть и он хочет побудить своего хозяина не делать этого с помощью тактики негативной оценки, но положение слуги не позволяют Дживсу выразить свою просьбу эксплицитно:

“Which suit will you wear for the journey?”

“This one.”

“Very good, sir.”

Again there was that kind of rummy something in his manner. It was the way he said it, don't you know. He didn't like the suit.

I pulled myself together to assert myself.

I remembered poor old Aubrey Fothergill telling me – with absolute tears in his eyes, old chap! –

one night at the club, that he had been compelled to give up a favourite pair of brown shoes simply because Meekyn, his man, disapproved of them [7, с. 9].

Хочется отметить, что на протяжении всего дальнейшего повествования Дживс ведёт себя так, что всем видом даёт понять, как ему не нравится костюм Берти, но просьбу свою не эксплицирует. Наконец Берти, после того как Дживс в очередной раз помогает ему выпутаться из щекотливой ситуации, сам заводит разговор о костюме:

“Oh, Jeeves,” I said, “about that check suit,”

“Yes, sir?”

“Is it really a frost?”

“A trifle too bizarre, sir, in my opinion.”

I hesitated a bit.

“All right, Jeeves,” I said.

“You know! Give the bally thing away to somebody!” [7, с. 30].

Примечательно, что во многих рассказах о приключениях Берти Вустера и Дживса присутствует похожий сценарий, то есть вначале Дживс косвенно выражает негативную оценку какой-то детали одежды Берти, его манерам или увлечениям, Берти не желает ничего менять и упорно сопротивляется этому скрытому давлению, но, в конце концов, победу всегда празднует Дживс.

Заметим, что, как правило, тактика неодобрения используется в случае, если негативная оценка касается положения вещей в настоящем или, реже, в будущем. Осуждение прошлых действий в определённых ситуациях также может обладать побудительным потенциалом, имплицитно выражая нежелательность

этих действий в будущем или каузируя некое действие для изменения существующего положения.

‘You’ve changed your room back again,’ said Nan with disapproval [5, с. 91].

Тактика негативной оценки чаще всего встречается в коммуникативной ситуации «вышестоящий – нижестоящему». В этом случае высказывания приобретают черты прескриптива. В коммуникативной ситуации «равный – равному» и редких «нижестоящий – вышестоящему» побуждение носит характер рекомендатива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюлин, Л. А., Храковский, В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. – СПб.: Наука, 1992. – С. 5–50.
2. Кабанкова Т. В. Функционирование синкретичных речевых актов одобрения/неодобрения в современном немецком диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2011. 203 с.
3. Chase, J. H. This Way for a Shroud. – London: A Panther Book, 1965. – 192 pp.
4. Grisham, J. The Pelican Brief. – London: Arrow Books, 1993. – 371 pp.
5. Murdoch, I. The Sandcastle. – London: Chatto & Windus, 1957. – 318 pp.
6. Williams, T. Cat on a Hot Tin Roof. – London: Chelsea House Publishers, 2002. – 155 pp.
7. Wodehouse, P. G. Carry on, Jeeves. – Moscow: Jupiter-Inter, 2009. – 252 pp.

Perlova, J. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

SPEECH TACTICS OF DISAPPROVAL AS A MEANS OF INDIRECT ACTUALIZATION OF IMPERATIVE INTENTION

This paper provides an overview of speech tactics of disapproval by expressing imperative intention from the standpoint of pragmalinguistics. The role of social status of interlocutors is estimated. The author considers the interrelationship between nonverbal and verbal components. The pragmatic aspects in the process of production and perception of imperative indirect speech acts are also analysed.

Speech tactics of disapproval, pragmalinguistics, indirect speech acts, imperative intention, social status.

УДК 81-119

О. А. Преображенская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
mminsh@yandex.ru

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ

Рассматривается репрезентация анималистического компонента на примере концепта «лошадь», исторически занимавшего исключительное место в русской языковой картине. Утратив в диахронии свою значимость, концепт оставил множество следов в русской лексике, фразеологии, топонимике.

Языковая картина мира, зооморфный код, диахрония

Знания и представления человека о мире, отраженные в языке, формируют языковую картину мира (ЯКМ). Каждая языковая картина мира эксплицирует способ концептуализации мира определенной культурой. «Совокупность ... знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира»» [5, с. 68]. Формулируя дефиницию ЯКМ, А.Вежбицкая подчеркивает ее диахронический аспект: «Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире» [1, с. 33].

Современный подход к описанию любой культуры предполагает возможность ее репрезентации с помощью шести кодов: соматического, пространственного, временного, предметного, биоморфного, духовного [4]. Биоморфный код связан с живыми существами и отражает представления человека о животных и растениях. Человека окружает природа – флора и фауна, следовательно, анималистический компонент играет важную роль в объективации внешнего мира.

Зооморфный код, как и все культурные коды, по своей сути является универсальным, однако он обладает национально-специфическими чертами. Животные играют символическую роль в мифопоэтической картине мира, отражая также черты характера человека, национальный опыт. Зоонимы закреплены в лексическом и фразеологическом пластах языка.

Представители разных культур интерпретируют зооморфизмы в соответствии с собственной культурой, наделяя образы животных специфическими характеристиками. При восприятии образов животных

(например, в фольклоре), возможно лишь частичное совпадение дифференциальных признаков и их иерархии. Несовпадающие черты служат преградой для адекватной коммуникации. Например, заяц в русской культуре воспринимается носителями языка прежде всего как трусливый, во французской – как ловкий.

К зоонимам – лексемам, обозначающим представителей животного мира, – относятся анимализмы и зооморфизмы. Анимализмы представляют собой номинации, образованные от названий животных; зооморфизмы – названия животных в метафорическом значении, используемые для передачи характеристик человека.

Лошадь – одно из самых мифологизированных животных. Лошадь в фольклоре может быть не только спутником главного героя, но и его помощником. Лошадь может быть противником змеи как воплощения зла. Конь в фольклоре амбивалентен, являясь как символом жизни и плодородия, так и знаком смерти, быть и спасителем героя, и нести смерть хозяину.

В современной русской языковой картине зооморфизм «лошадь» используется для следующих характеристик: 1) девушки или молодой женщины крупного телосложения, крепкой и сильной; 2) человека, чьи черты схожи с внешними чертами лошади; 3) человека, чье поведение схоже с поведением лошади, испытывая радость от движения, свободы [4].

Этимологически лексема *лошадь* восходит к древнерусскому *лоша*, произошедшего от тюркского *алаща* (лошадь, мерин). *Конь* предположительно происходит от древнерусского *комонь* [3].

Иерархическое положение рассматриваемого концепта в русской языковой картине подчеркивается высокой номинативной плотностью лексических единиц, разносторонне репрезентирующих денотат. Детализация номинации отличается исключительно широкой семантикой, что самым исчерпывающим образом репрезентируется в словаре В. И. Даля. Следующие далее примеры иллюстрируют данное положение.

Конь – лошадь, которая используется для верховой работы. Конь – жеребец или мерин.

«Трудовое» предназначение лошади: упряжная, верховая, вьючная, пристяжная, коренная, дышельная, подседельная.

Дикая лошадь: кулан, джигетая, тарпан.

Характеристика возраста животного: лоша (лошонок) – жеребенок, лошняк – годовалый жеребенок, стригун – трехлетка (лексема мотивирована первой стрижкой гривы в возрасте трех лет).

Показатель выносливости и резвости: скакун, рысак.

Высока номинативная плотность тематической группы номинации мастей. Исторически принято выделять четыре основные масти: черную, вороную, рыжую и гнедую. Внутри каждой подгруппы дифференцируются оттенки окраски.

Если многие лексемы, относящиеся к концепту «лошадь», являются «классическими» историзмами вследствие очевидной утраты значимости

концепта в современном мире, то пословицная картина сохранила множество фразеологизмов с компонентом «лошадь», «конь». Так, словарь В.И.Даля фиксирует по меньшей мере два десятка словосочетаний, фразеологизмов, пословиц и поговорок, которые характеризуются как прецедентные феномены. К современным тематическим локально-прецедентным высказываниям пространства Петербурга относится высокочастотное клише «встретимся у коней». Чаще всего местом встречи коммуникантов является станция метро «Пионерская» с конным памятником у входа или памятник конке к станции метро «Василеостровская».

Семиотические исследования дают возможность утверждать, что лошадь – один из излюбленных символов человечества, истоки этого представления лежат в античности. В первобытном мире лошадь приносили в жертву умершим, поэтому она рассматривалась как символ царства мертвых. Тем не менее это амбивалентный символ – солнечная колесница Аполлона, братья Диоскуры – божественные наездники. В скандинавской и русской мифологии символ удачи – белый конь. В восточной мифологии лошадь связана с ветром, дождем, облаком. В Индии белый конь является последней реинкарнацией Вишну, когда он появляется в десятый раз, неся спасение миру. Мифологические кони бывают крылатыми (белоснежный Пегас); единорог – лошадь с рогом – символ чистоты, невинности, чуда. В Средние века в Европе лошадь – символ плодородия, в христианстве – олицетворяет солнце, благородство, смелость [7, 8, 9]. До настоящего времени предметом, приносящим успех, является атрибут лошади – подкова.

С древних времен лошадь была рабочей силой, основным средством передвижения в России. Наличие лошади в хозяйстве было признаком хорошего хозяина и социального положения. Безлошадные крестьяне относились к самым низким слоям социума. «Безлошадный крестьянин. В России до 1917 г. – крестьянин, не имевший в хозяйстве лошади, экономически зависимый от кулаков» [6]. Лошадь была показателем социального и экономического статуса: крестьяне делились на безлошадных, однолошадных и многолошадных.

Лошадь выполняла не только функции главного помощника в крестьянском хозяйстве и средства передвижения, но выступала как маркер принадлежности к элите. Породистые лошади были предметом гордости – не даром на портретах великих русских художников (В.Серова, И.Репина и др.) аристократы часто изображались верхом на безупречной красоты скакунах. История донесла клички некоторых из них, например, любимой лошади Петра Великого – Лизетта, Александра Первого – L'Ami . «Парадом престижности и богатства» можно назвать традиционные для столицы скачки (элитный спорт), тренировки в Конногвардейском манеже, где были установлены трибуны для императора и придворных, а также выезды в центр города, предназначенные исключительно для демонстрации «звезд» собственных конюшен.

В художественных произведениях великих русских писателей XIX в. – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, лошадь выступает как

метафора. В романе «Анна Каренина» гибель любимой лошади Вронского – очевидная параллель самоубийства главной героини. Сон Раскольникова о бессмысленном убийстве беззащитного животного – предсказание его собственного жестокого злодеяния. В поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя возникает яркий образ птицы-тройки, несущейся с немыслимой скоростью бог знает куда – гениальный символ Руси и национального характера русского народа. Глубоко трагична повесть Л. Н. Толстого «Холстомер» – развернутая метафора «не такой, как все», личности.

Утратив в наше время практическую функцию и став лишь маркером принадлежности к узкому социальному слою, имеющему возможность обладать собственным породистым животным, лошадь стала объектом возникновения вербальных и невербальных локально-прецедентных феноменов Санкт-Петербурга. Последние представлены многочисленными конными памятниками, имеющими всемирное значение (кони на Аничковом мосту, «Медный всадник», конные статуи Петра I у Михайловского замка, Николая I, Александра III и др.). Конными группами украшены Триумфальные арки: арка Главного штаба, Московские и Нарвские ворота. Прецедентными стали имена великих скульпторов, создавших данные шедевры – барон П. Клодт, П. Трубецкой, Растрелли-отец.

С темой «лошадь» связаны иппотопонимы (включая манежи, конюшни, конные статуи и др.) Северной столицы, большинство из которых связано с имперским периодом и традиционно для Санкт-Петербурга принадлежит определенному топонимическому кусту. Многие из них утрачены, в советский период были объектом переименования, а в настоящее время возвращены как знак исторической памяти [8]. Ряд топонимов непосредственно включала лексику «конь»: Конная площадка (Сенная площадь), Конная площадь (Летняя Конная площадь), Конная улица (переулок), Конногвардейская площадь (улица, бульвар, переулок).

«Конная» тема присутствует и в таких топонимах, как Каретная улица, Манежная площадь, Манежный переулок, Конюшенная площадь, Большая и Малая Конюшенная улицы, Большой и Малоконюшенный мосты), Кузнечный переулок, Стремянная улица.

Кроме топонимики, некоторые названия зданий и учреждений Северной столицы также имеют подобные ассоциации: Конногвардейский Манеж, Конногвардейский полк – элитный полк, в который служили юноши исключительно знатного происхождения, причем предъявлялись требования и к внешности офицеров – высокий рост и темный цвет волос. В обязанности членов полка вменялось их обязательное присутствие на великосветских балах.

Некоторые объекты пригородов Санкт-Петербурга также имеют номинации, связанные с «конной» тематикой – форт Серая лошадь, поселок Конная Лахта.

Уникальным памятником, расположенным в Царском Селе – одной из летних императорских резиденций, является Конное кладбище для лошадей «пенсионеров», возивших членов царской семьи (122 захоронения до 1917 г.),

причем на надгробных плитах указывались даты жизни, пол, кличка, масть, участие в сражениях; эпитафии заказывались известным поэтам.

Исследование концепта «лошадь» в русской языковой картине в диахроническом аспекте свидетельствует, с одной стороны, о некоторой утрате по объективным причинам исключительно высокой позиции в системе национальных ценностей, а с другой – в рамках идей Ю. М. Лотмана о свойствах культурологического текста – о сохранении культурной памяти русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. – 2000. – № 6.
2. Владимирович А. П., Ерофеев А. А. Петербург в названиях. – СПб.: АСТ, 2009. – 752 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Олма Медиа Групп, 2009. – 576 с.
4. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. – М.: Гнозис, 2002. – 285 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
6. Пронищев В. П. Словарь русских историзмов. – М.: Терра, 2005. – 440 с.
7. Холл Дж. Сюжеты и символы в искусстве. – М.: Папиус, 1999. – 388 с.
8. Хоул К. Энциклопедия примет и суеверий. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 414 с.
9. Шейнина Е. Энциклопедия символов. – М.: Торсинг, 2001. – 385 с.

Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ANIMAL COMPONENT IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE

The representation of the animalistic component is considered on the example of the concept "horse", which historically occupied an exceptional place in the Russian language picture. Lost in the diachrony of its importance, the concept has left many traces in the Russian vocabulary, idioms, place names.

Language picture of the world, zoomorphic code, diachrony

УДК81'272

Н. С. ТимофеевТюменский государственный университет,
nik_3463@mail.ru**К ВОПРОСУ ОБ АНДРОЦЕНТРИЧНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА И
НЕОБХОДИМОСТИ ЕГО ФЕМИНИЗАЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С
АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ**

Рассматривается проблема внедрения в русский язык феминитивов, изучаются способы их образования в русском и английском языках. Проводится компаративный анализ слов данной группы с английским языком, где данная проблема появилась раньше. Предлагается научное объяснение данного вопроса и делается прогноз дальнейшего развития данного феномена в изучаемых языках с точки зрения лингвистического знания.

Русский язык, феминитив, гендерная асимметрия, женский род, андроцентричность, гендерная нейтрализация.

Начиная с 2017 года в мире началась совершенно новая эпоха феминизма, не похожая на все те, что были до неё. Ведущим американским словарем Merriam-Webster «феминизм» был признан словом 2017 года из-за всплеска его популярности в поисковых системах [2]. Словом 2018 года по версии Оксфордского словаря стало прилагательное «токсичный», которое чаще всего применялось в переносном смысле, например, *toxic masculinity* [1]. Всё это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Эти события запустили большие общественные изменения, которые, в свою очередь, затронули назревшие гендерно-лингвистические вопросы.

Россия не осталась в стороне обсуждаемых мировым сообществом проблем, при этом, стоит отметить, именно языковые изменения вызывают в нашей стране большего всего ожесточенных споров. Речь идет о феминитивах – словах для обозначения женского рода, альтернативных или парных соответствующим денотатам мужского рода. Сегодня феминистская лингвистика уделяет большое внимание русскому языку. Феминистская критика языка, опираясь на гипотезу Сепира-Уорфа, утверждает необходимость реформ для преодоления заключенной в ней гендерной асимметрии, полагая, что язык из-за своей андроцентричности навязывает говорящим картину мира, в которой женщине отводится второстепенное положение.

В сети Интернет и на улицах городов всё чаще можно встретить такие неологизмы как «авторка», «блогерка», «фотография» и т. д. Именно здесь

российское общество раскалывается на сторонников и противников столь активного внедрения феминитивов в русский язык. Многочисленные споры лингвистов, филологов и людей неязыковых профессий не дают однозначных ответов, а вопрос гендерной нейтральности в речи по-прежнему остается открытым. В подобной ситуации вполне разумно обратиться к опыту других языков, причем как к дальним соседям России (английский язык), так и относительно ближним (славянская группа).

Согласно словарю гендерных терминов А. А. Денисовой, в рамках феминистской лингвистики выделяют следующие признаки андроцентризма:

1. Отождествление понятий человек и мужчина. Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком.
2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку.
3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола. Действует механизм "включенности" в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учителя и учительницы, достаточно сказать "учителя". Таким образом, согласно феминистской критике языка, в массе случаев женщины вообще игнорируются языком.
4. Согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта.
5. Фемининность и маскулинность разграничены резко и противопоставлены друг другу, в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий [7].

В русском языке присутствуют вышеописанные характеристики. Так, например, для женщины более уважительно назвать её «грамотным специалистом», чем «специалисткой», однако такие слова как «студентка» или «аспирантка» не несут пренебрежительной коннотации, что подчеркивает наличие оценочных категорий при использовании феминитивов и избирательность их употребления в речи.

Данные обстоятельства ставят перед российскими лингвистами вопрос о необходимости использования феминитивов как языковой нормы. Также предстоит определить степень андроцентричности русского языка и найти и выбрать пути и способы решения данной проблемы: нейтрализацию или

феминизацию. Для начала стоит обратить внимание на возможность образование подобных слов, что достаточно просто для русского языка благодаря его правилам словообразования и флективности. Вот несколько способов образования феминитивов (сопоставление пар РЯ – АЯ):

1. Флективный: курящий – курящая, нищий – нищая, вожатый – вожатая. Для английского языка не свойственен, так как группы флексий -ed / -ied / -d / -t; -s / -es / -ies; -ing не служат для образования слов женского рода.
2. Суффиксальный: добавление суффикса -к- «активистка»; -ниц(а) – учительница, кормилица, помощница; -иня графиня, культорологиня; -щиц(а) – проектировщица; -иц(а) – летчица, встречается докторица. В АЯ -ess – actress, stewardess, duchess, ogress; -ine – heroine; -ette – usherette. Женский род в английском языке иногда может образовываться и путём открепления суффикса, а не наоборот: widower (вдовец) – widow (вдова). Инфиксы и префиксы, как правило, не используются для образования женского рода ни в русском, ни в английском языке.
3. Супплетивный: муж – жена, брат – сестра, баран – овца; cock-hen, monk – nun, stallion – mare, ram – ewe.
4. Добавление гендерных маркеров: женщина-полицейский, женщина-судья, женщина-электрик, женщина-генерал (но не «генеральша», т. к. в РЯ суффикс -ша- означал бы «жена генерала»), девушка-бармен; woman-doctor, businesswoman, postmistress, chairwoman, policewoman.

Живой язык постоянно изменяется, и если резонанс в обществе и научных кругах относительно этого вопроса не уменьшается в течение нескольких лет, то это значит, что определенные реформы нам всё же нужны.

При всём этом «приживутся» ли феминитивы в русском языке зависит, в основном от того, будут ли носители использовать данную группу неологизмов как равноправные единицы всех стилей языка и речи. Иными словами, если феминитивы выйдут за круги общения феминистических сообществ и будут использоваться как при повседневной речи, так и в СМИ и в деловом языке, то это будет означать, что они встроились в языковую парадигму и, соответственно, стали такой же частью русской лексики, как и все остальные общепринятые слова.

Поскольку идея использования слов данной группы исходит, как правило, от женской части населения, корректней будет оценить именно их отношения к данной теме. Издание «Афиша Daily» в октябре 2017 года опубликовало опрос среди женщин разных возрастов и профессий, чтобы выяснить этот вопрос. Исходя из ответов, данных респондентками, можно сделать вывод, что такие аргументы как «режет слух» и «уродует речь» – дело времени, так как куда более правильно и логично сказать «авторка написала», чем «известный автор написала». Люди безболезненно привыкнут использовать эти пока ещё неологизмы, если не вводить феминитивы насильственно, а предоставить выбор [5].

Также было высказано мнение, которое не часто фигурирует в феминистических обществах, а именно: «Феминитивы загоняют нас в бинарность». Действительно, при феминизации языка образуется равенство между мужским и женским, но возникает проблема для людей, не определивших или не желающих определить свой гендер [5]. В этом случае такой человек опять будет подвергнут языковой асимметрии и дискриминации.

Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что вопрос об устранении гендерной асимметрии русского языка будет решен скорее в сторону феминизации, чем нейтрализации. По моим наблюдениям, первый феномен наиболее характерен для флективных языков, где ввиду гибкости морфемики легко образуется женская пара мужского рода. Это подтверждает и вышеописанный русский язык, и, например, чешский, где официально каждому мужскому денотату соответствует женский аналог. Например: *chirurg–chirurgka* или *chirurgyně* (мужчина-хирург и женщина-хирург); *soudce–soudkyně* (мужчина-судья и женщина-судья); *doktor–doktorka* (мужчина-врач и женщина-врач) [6, с.86 – 88]. То же самое присутствует и в польском языке: *scenarzysta – scenarzystka*, *historyk – historyczka* [3]; и в украинском: *шеф – шефиня*, *ворог – ворогиня*, *філолог – філологиня*, *фотограф – фотографиня* [8]. Таким образом, в русском языке существует множество суффиксов и флексий, которые легко помогут образовать нужный феминитив, при этом всё будет полностью соответствовать законам русского словообразования.

Гендерная нейтрализация, в свою очередь, характерна для аналитической группы, куда входит и рассматриваемый нами английский язык. Подобный способ, где используются гендерные маркеры, не совсем удобен для русского языка, на что существует несколько причин. Во-первых, это нарушает закон речевой экономии, то есть легче сказать «полицейская», чем «женщина-полицейский». Во-вторых, такой способ вызывает затруднения при использовании составных заимствований: например, при отказе от кальки «бизнесвумен» сказать «женщина-бизнесмен», будет сочтено логической ошибкой с точки зрения языка.

Кратко ознакомившись с феминизацией славянской группы языков, рассмотрим данное явление в английском языке. В англоговорящих странах, в частности в США, решение вопроса языковой асимметрии пошло в русле нейтрализации, причем данный процесс был запущен ещё в 1970-е годы. Так, например, маркер *-man* в профессиях (*postman*, *fireman*) заменилось на *-person* (нейтрализация) и *-woman* (феминизация).

Подчеркнем, что вышеописанные процессы в развитых странах не остановились лишь на профессиях, а побудили к пересмотру всего языка, затрагивая даже официальные гимны. В 1983 году первая строка гимна Австралии была заменена с «*Australian sons let us rejoice*» на «*Australians all let us rejoice*». В те же годы Департаментом труда США было пересмотрено более 3000 названий профессий с целью выявить гендерно-эксклюзивные названия и дать им нейтральные эквиваленты. Таким образом одно из подразделений этого же департамента было переименовано в *Employment and Training Administration*

вместо Labor Manpower Administration. Название конкурса «Man of the Year» было заменено на «Person of the Year» [9, с. 91, 93].

Вышесказанное подтверждает мысль, что несмотря на бедность запаса суффиксов английский язык, служащих для образования женского рода, а также отсутствие флексий, помогающих образовать феминитив, аналитический склад данного языка позволяет сделать его менее дискриминирующим и андроцентричным благодаря гендерной нейтрализации.

Подводя итоги, можно спрогнозировать, что феминизация русского языка будет происходить прямо пропорционально активности российских фем-движений, которые и являются источниками, пополняющих язык новыми, то есть непривычными для носителей феминитивами. Учитывая мировые тренды и тенденции к глобальной гендер-корректности и «языковой эмансипации», женских пар к существительным мужского рода станет больше, чем имеется сейчас.

При этом всё ещё невозможно однозначно сказать, станут ли слова «депутатка» или «игрокесса» лексической нормой, здесь лингвистические исследования могут лишь оперировать категориями определенности/неопределенности, однако важно отметить, что все предпосылки для феминизации русского языка существуют: феминитивы всегда присутствовали в лексике (княгиня, тюменка, баронесса, крестьянка, поэтесса), а образование «непривычных» слов вовсе не противоречит современной словообразовательной модели.

Подводя итоги, важно отметить, что всплеск использования феминитивов в русском языке сегодня – это не столько лексический феномен, сколько своеобразная проверка языка на гибкость и умение быстро адаптироваться в постоянно изменяющемся мире. Возможно, пока это кажется несколько болезненным, так как подобное явление затрагивает не только лингвистический, но и социокультурный, и идеологический аспекты жизни человека. Постулаты феминисткой лингвистики действительно указывают на большую долю андроцентричности в русском языке, однако и рассматриваемый в статье английский язык до середины XX века также являлся таковым, но сегодня о нём, несомненно, можно говорить как о языке, в котором была проведена наиболее полно и правильно политика гендерной нейтрализации. Подчеркнем, что это произошло не сиюминутно, а также постоянно направлялось и подкреплялось лингвистическими исследованиями.

Опираясь на интервью М. А. Кронгауза «Не феминитивы вызывают бурную реакцию, а продавливание их в русский язык», стоит сказать, что при всём многообразии и многочисленности любых исследований подобного рода, базовым критерием употребимости «новых» феминитивов является привычка: носители языка говорят так, как им привычно [4]. В условиях России, где со стороны власти или соответствующих институтов РАН не предпринимается никаких активных действий по изменению текущей ситуации, именно категории привычности или непривычности относительно феминизации языка остаются основными. Если говорящие сочтут новую гендерно равную модель

удобной, то это будет означать победу феминизации, если же нет – значит язык объективно не будет нуждаться на тот момент времени в таких преобразованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. BBC News Russian. "Токсичный" – слово года по версии Оксфордского словаря / Русская служба BBC. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46224277> (дата обращения: 07.03.2019).

2. BBC News Russian. Словарь Merriam-Webster выбрал "феминизм" словом 2017 года / Русская служба BBC. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42337155> (дата обращения: 07.03.2019).

3. Дарья Гаврилова. Как «авторки» и «экспертки» меняют языки и реальность: лингвистические инициативы во французском, испанском, польском и других языках / Wonderzine. – Электрон. журн. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/222195-autorka> (дата обращения: 08.08.2019).

4. Настоящее время. Максим Кронгауз: "Не феминитивы вызывают бурную реакцию, а продавливание их в русский язык" / Настоящее время. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/29809428.html> (дата обращения: 12.08.2019). – Видеоинтервью.

5. Наталья Бесхлебная. Философия, капитанка, ученая: женщины разных профессий рассуждают о феминитивах / Афиша Daily. – Электрон. журн. – Москва [б. и.] – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/7185-filosofinya-kapitanka-uchenaya-zhenschiny-raznyh-professiy-rassuzhdayut-o-feminitivah/> (дата обращения 08.08.2019)

6. Романов Р. В. Сквозь призму языкового сексизма[Текст]/ Р. В. Романов. – Ridero, 2018. – 172 с.

7. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты". М.: Информация XXI век, 2002. 256 с. – URL: <http://www.owl.ru/gender/index.htm> (дата обращения: 08.08.2019). – Электронная версия печатного словаря.

8. Тамара Злобина. Язык власти, наш язык / ArtAktivist. – Электрон. журн. – URL: <http://artaktivist.org/yazyk-vlasti-nash-yazyk/> (дата обращения: 08.08.2019).

9. Толстокорова А. В. (2010). Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения. *The Journal of Social Policy Studies*, 3(1), 87-110.

Timofeev, N. S.

University of Tyumen

ANDROCENTRICITY AND FEMINIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE ENGLISH LANGUAGE

The issue of femininatives implementation in the Russian language is considered. The derivation of femininatives in Russian and English languages is investigated. The comparative analysis of feminine words in English and Russian is provided. The scholarly interpretation of this issue is offered and the development prognosis from the perspective of linguistics is given.

Russian language, femininative, gender asymmetry, feminine, androcentricity, gender neutralization.

УДК 81'255.281'373.2

А. Н. Ткачева

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Tkatcheva-Ann@yandex.ru*

ФУНКЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКИХ КИНОЗАГОЛОВКАХ

Описаны функции английских слов в французских киноназваниях. Английские слова используются для выражения иронии, комизма, критического авторского отношения к изображаемым персонажам и сюжету. Заголовки с английскими словами вовлекают зрительскую аудиторию в декодирование заложенного смысла. Использование английских слов является средством повышения привлекательности названий.

Иноязычные вкрапления, французские киноназвания, авторская оценка, ирония, комизм, расширение смысла, экспрессивность

Современная киноиндустрия функционирует в условиях высокой конкуренции, прибегая к разнообразным рекламным трюками маркетинговым стратегиям для распространения своей продукции. В частности, «приманкой» для публики становятся эмоционально притягательные названия кинолент. Авторы фильмов (сценаристы, режиссеры, операторы) совместно с кинодистрибьюторами стремятся создавать чрезвычайно аттрактивные

заголовки. По мнению специалистов, «название призвано будить воображение и вызывать интерес к тому неизвестному, что будет в фильме, лишь намекая потенциальному зрителю на то, о чем там может идти речь» [4, с. 35]. Авторы кинематографических произведений непрерывно находятся в активном поиске новых способов создания завлекательных, нешаблонных, экстравагантных названий, удерживающих зрительское внимание. Одним из весьма эффективных приемов создания выразительных названий является введение в заголовочный текст иноязычных лексических единиц, которые «относятся к неассимилированной лексике», «не принадлежат к системе использующего их языка», «не закреплены в толковых словарях, а также в словарях иноязычных слов» [1, с. 95].

Французские режиссеры и продюсеры осознанно и преднамеренно включают в состав заголовков французских кинокартин слова из английского языка:

- «Subway» ('Подземка') (реж. Л. Бессон, 1995);
- «Twice» ('Дважды') (Ж.-Ф. Рише, 2016);
- «Climax» ('Кульминация') (реж. Г. Ноэ, 2018);
- «Made in France» ('Сделано во Франции') (реж. Н. Бухриф, 2015) и др.

Названия с «чужими» словами выделяются своей оригинальной буквенной записью, чем вызывают любопытство реципиентов. Вводимые в названия английские слова понятны вследствие высокой частотности их употребления во франкофонном пространстве. При этом они, будучи иноязычными словами, вносят дополнительные смыслы и оттенки в основной смысл. Характерными чертами названий с заимствованными лексическими единицами являются:

1. сохранение словами, описывающими реалии чужой культуры, признаков языка-этимона (оригинальная фонетика, изначально присущие словам морфологические, синтаксические, семантические характеристики и лексическое значение);
2. доступность семантикексем пониманию зрителей принимающей культуры (отсутствие затруднений при восприятии иностранных слов);
3. краткость (названия состоят примерно из двух-трех слов) и запоминаемость;
4. приметность (иноязычный элемент обнаруживает себя посредством оригинальной буквенной записи).

Привлечение внимания потенциальных зрителей успешно осуществляется через введение в заголовки как английских неадаптированных слов (иноязычных вкраплений), так и полностью ассимилированных лексических единиц (лексических заимствований).

Расширившиеся международные связи и интенсивный культурный обмен сделали английский язык популярным и модным. На протяжении всего XX в. слова из английского языка и слова, специфичные для ареала американского варианта английского языка, были важнейшим источником обогащения французской лексики [2, с. 128]. Некоторые англо-американизмы полностью вписались в систему и были признаны частью французского языка, стали

фиксироваться в толковых словарях. Англо-американизмы проникли в заголовки французских фильмов. При выборе между заимствованным словом и его тождественным французским эквивалентом авторы предпочитают англо-американизм, потому что он позволяет создавать выразительно-эмоциональные, эффектные, выделяющиеся заголовки:

- «Steak» ('Смени лицо') (реж.К. Дюпё 2007);
- «Gangsters» ('Гангстеры') (реж.О. Маршаль, 2002);
- «Happy End» ('Хэппи-энд') (реж.М. Ханеке, 2017);
- «Sex-shop» ('Секс-шоп') (реж.К. Берри, 1972).

Иногда названия полностью состоят из английских слов:

- «TroubleEveryDay» ('Что ни день, то неприятности') (реж.К. Дени, 2001);
- «Happyfew» ('Несколько счастливых') (реж.А. Кордые, 2008).

А иногда английские слова и англо-американизмы фрагментарно входят в состав всего заголовочного текста:

- «Purweek-end» ('Настоящие выходные') (реж.О. Доран, 2007);
- «Seulstwo» ('Мы – легенды') (реж.Р. Бедиа, Э. Жюдор, 2008).

Заимствования во французских киноназваниях выполняют целый комплекс различных функций.

1. Функция фасцинации и привлечения внимания

Названия сильно воздействуют на воображение и ум людей, если они состоят из иностранных слов с нестандартной для принимающей лингвистической среды формой написания букв и непривычным для слуха звучанием. Заголовки с контрастами околдовывают, завораживают публику, выполняя тем самым функцию фасцинации (от латинского «fascination» 'завораживание'). Составителям заголовочного текста важно не просто выразить основную идею кинофильма, но и подать ее в наиболее необычном и оригинальном виде. Иностранные слова являются экспрессивным средством реализации аттрактивной функции названия:

- «Love» ('Любовь') (реж.Г. Ноэ, 2015);
- «Sex-Power» ('Сила секса') (реж.Г. Шапье, 1970).

Привлечение молодежной зрительской аудитории часто осуществляется благодаря популярным молодежным английским терминам.

Лиза Азуэлос назвала мелодраму известным акронимом, интернет-мемом «LOL (LaughingOutLoud)» ('ЛОЛ [ржунимагу]') (реж.Л. Азуэлос, 2008). Это применяемое в сетевом общении слово значит «громко смеяться».

Гаэль Морель назвал драму музыкальным термином «NewWave» ('Новая волна') (реж. Г. Морель, 2008). Режиссер описал жизнью поклонников музыкального течения «Новая волна», которое представляет собой смесь жанров рок-музыки и популярно преимущественно в молодежной среде.

Заголовки английскими словами становятся образными и эмоциональными.

2. Функция кодирования смысла

При обращении к иному семиотическому коду восприятие зрителей обостряется. Кинозаголовки с английскими словами провоцируют зрителей на интеллектуальную активность, поиск ассоциаций и смыслов. Считается, что семантика иноязычного слова стимулирует зрителя на «попытку декодирования, которая, в свою очередь, неизменно стимулируют интерес со стороны познающего субъекта» [3, с. 71].

Перевод названий напоминает занимательную игру, как, например: «Cindy: The Doll Is Mine» ('Синди: Моя кукла') (реж. Б. Бонелло, 2005). Зрителям предстоит перевести данный заголовочный текст, а также выяснить причины, по которым английские слова начинаются с заглавной буквы. Просмотр фильма позволит публике самостоятельно расшифровать этот заголовок.

3. Функция комического эффекта

«Чужие» слова часто применяются с целью создания комизма. Главный герой комедии «Holiday» ('Выходной') (реж. Г. Никлу, 2010) проводил с женой романтические выходные за городом. Внезапно супруга исчезает, а главного героя подозревают в ее убийстве. Для героя выходные становятся настоящим кошмаром. Заголовок картины ироничен, потому что слово «holiday» используется в отрицательном смысле.

Иногда названия приобретают шутливую окраску из-за негативной оценочной семантики употребляемых слов, к примеру: «Hellphone» ('Чёртов мобильник') (реж. Д. Ют, 2007).

4. Функция выражения авторского отношения

Иноязычные текстовые вкрапления могут передавать критическое отношение автора к изображаемым персонажам и сюжетам картин.

Фильм «Modern love» ('Реальная любовь 2: Парижские истории') (реж. С. Казаджян, 2008) посвящен запутанному и сложному любовному треугольнику духовно распущенных героев.

Кинолента «Fair Play» ('Честная игра') (реж. Л. Байю, 2006) изображает конкурентное общение топ-менеджеров большой коммерческой компании. В ход «честной игры» идут обман, шантаж, провокации, интриги.

Названия демонстрируют сомнение, иронию, критику, сарказм авторов картин в оценке главных действующих героев и сюжетных историй. Авторская позиция проявляется в смысловом противопоставлении названий, состоящих из английских слов, содержанию фильмов.

5. Функция указания и подсказки

Заимствованная лексика может указывать на страны, в которых живут главные действующие герои кинокартины.

Франсуа Озон назвал психологическую драму английским словосочетанием «Swimming Pool» ('Бассейн') (реж. Ф. Озон, 2003). Триллер повествует об истории, которая произошла с английской писательницей, пишущей детективы. Для поиска вдохновения и новых идей она решила погостить в загородном доме своего издателя во Франции. Иноязычие кинозаголовка подчеркивает, что героиня англичанка по происхождению.

Главная героиня детектива «Sex doll» («Секс-кукла») (реж. С. Веред, 2016) – французженка. Действие картины происходит в Лондоне, где героиня работает элитной проституткой. Иноязычие в названии подсказывает место действия истории.

Следует отметить, что при адаптации французских киноназваний с заимствованиями применяется, в основном, буквальный перевод с английского языка на русский, например: «Byebye, Barbara» («Прощай, Барбара») (реж. М. Девиль, 1969). К сожалению, эмоциональность и аттрактивность оригиналов при этом утрачивается.

Между тем, переводные заголовочные тексты, в которых английские слова передаются русской графикой, наоборот, выглядят эмоционально, шутливо-иронично, к примеру: «Bye Bye Blondie!» («Бай, бай, блонди!») (реж. В. Депант, 2012).

Существуют локализованные названия на русском языке, в которых иноязычные вкрапления заменяются игрой слов, к примеру: «LowCost» («Улетный рейс») (реж. М. Бартелеми, 2011). Дословно «lowcost» значит «бюджетный». Вследствие сниженной стоимости перелета французы часто пользуются услугами бюджетных авиакомпаний, называемых «LowCost». Морис Бартелеми снял комедию о приключениях пассажиров в самолете, где полностью отсутствует обслуживание. Переводчики решили полностью заменить название. Остроумный юмористический заголовок «Улетный рейс» позволяет распознать жанр комедийного фильма.

Таким образом, во французские кинозаголовки сознательно внедряются общеизвестные английские лексические единицы. Функции заимствований многообразны: формирование игрового стиля, выражение комизма и иронии, передача авторского критического отношения. Заголовки с англоязычными вкраплениями интригуют и вовлекают зрительскую аудиторию в расшифровку заложенного смысла. Использование английских слов следует признать важным стилистическим приемом, повышающим привлекательность и выразительность кинозаголовков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 95–98.
2. Ткачева А. Н. Роль англо-американизмов в названиях французских кинофильмов // Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России. Материалы I Национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2018. С. 127–130.
3. Трунова Е. Г. Функции иноязычных вкраплений в рекламном дискурсе: психолингвистический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 3–4 (155–156). С. 69–73.

4. Фролова Ю. Б. Реализация переводческих трансформаций при переводе на русский язык названий французских кинофильмов // Известия Саратовского государственного университета. 2009. Т. 9. С. 34–38.

Tkacheva, A. N.

Saint-Petersbourg State Institute of Film and Television

THE FUNCTIONS OF THE ENGLISH BORROWINGS IN THE FRENCH MOVIE TITLES

The functions of English words in French movies titles were studied. The English words are used to express irony, comic, the author's attitude to the film's characters and plot. The French film movies titles with English words involve the audience in the decoding of the incorporated meaning. English borrowings are linguistic tool of increasing the French movies titles attraction.

English inclusions, French movies titles, author's attitude, irony, comic effect, the decoding of the meaning, expressivity.

УДК 811.373

М. А. Чалая

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
marina.chalaya@gmail.com*

И. А. Шпаковская

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
shpakovskaya_ira@mail.ru*

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Предпринята попытка проанализировать, как слова, вошедшие в состав русского языка более или менее давно, приобрели новые значения и какая особенность человеческого мышления способствует этому процессу.

Заимствование слов, изменение значений слов, аллолингвофилия, объем и содержание значения

Филологи исследуют слова, изменившие значение в ходе исторического развития. Так, слово «врач» первоначально обозначало того, кто «ворчит», то есть ворожит, «пароход» - наземное рельсовое транспортное средство. Можно привести много таких примеров, нередко забавных («прелестная» девица и «прелестные» письма). Задача авторов в данном случае состоит в том, чтобы рассмотреть самый современный этап данного процесса. Также, используя понятие «метафоры» в широком значении, авторы попытались теоретически осознать процессы переноса, расширения, сужения значений «старых» слов.

В бессмертном романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» персонаж Федор Никитич Хворобьев, старый монархист, служивший заведующим методологическо-педагогического сектора, «возненавидел слово «сектор». О, этот сектор! Никогда Федор Никитич, ценивший все изящное, в том числе и геометрию, не предполагал, что это прекрасное математическое понятие, обозначающее часть площади криволинейной фигуры, будет так опошлено» [4, с. 354]. Яркий пример сопротивления сознания изменению значения, отсутствие языковой лояльности, аллолингвофобии.

В современном российском обществе наблюдается прямо противоположная картина. Английские слова, термины и даже междометия заимствуются русским языком повсюду.

Почему же в конце 1920-х – начале 1930-х годов пришлось ввести в канцелярский оборот, то есть придать новое значение, слову «сектор»? В XIX в. было популярно слово «департамент» в значении «отдел» или даже «министерство». По понятным причинам от номинаций «Старого режима» отказались. Отметим, что в современном языке данное слово служит в сочетании с существительным «экономики» или прилагательным «государственный» для обозначения части народного хозяйства, имеющей определенные экономические и социальные признаки. Осталось и значение, ненавидимое Ф. Н. Хворобьевым.

40 – 50 лет назад в газетной лексике заимствованные слова применялись по отношению к «буржуазным» реалиям. Американский госсекретарь, например, совершал «вояж», а госструктура называлась «истеблишмент». В «брифингах» также участвовали зарубежные журналисты. Сейчас же именно лексика СМИ дает наибольшее количество заимствованных слов, соревнуясь с компьютерным жаргоном.

Вышеперечисленные слова пришли в «советский» русский язык, так сказать, сверху. Противоположность процесса сейчас состоит в том, что почти все слои населения занимаются словотворчеством, и это приводит к интересным результатам. Языковая лояльность (аллолингвофилия) стала гипертрофированной. Но мы не имеем в виду профессиональный или молодежный сленг, а слова, приобретшие новые значения.

Слово «футбол» очень давно заменило не прижившееся у нас «гарпастум». Глагол «отфутболить», принадлежащий к разговорному уровню лексики, произошел от названия вышеуказанной игры в мяч, но не является заимствованным, потому что «хотя и заимствовано, но в значении, не свойственном оригинальному, следовательно, не является англицизмом» [3, с. 120]. Соображение верное, но поверхностное. Подобные «лексико-семантические дериваты» (по определению автора) необходимо рассматривать как вид метафоры. Ведь метафора, согласно определению – перенос значения на основании какого-либо присущего обоим предметам признака, по сути является сравнением, здесь возможны гипотетический домысел, превалирует субъективное начало [15].

Метафора, трактуемая максимально широко, понимается как «процесс и результат переноса одного фрагмента словесно-вещной реальности на место другого» [13, с.167]. Когнитивная метафора – это мыслительное отражение реальных или приписываемых общности свойств между сопоставляемыми понятиями, она формирует абстрактное значение слова, в широком смысле – отражает специфику человеческого мышления [9, с. 295].

Работы, рассматривающие изменение значений слов в новых исторических реалиях, от «врача» до «интервью», обращают внимание на то, что лежит на поверхности, просто перечисляя и давая объяснения старым и новым значениям. Нас же интересует, какой глобальный процесс осмысления новых реалий лежит в основе изменения значений. Мы считаем, что это образная и когнитивная функции метафоры, действующие взаимнообразно. Согласно Дж. Лакоффу, метафора – это способ структурирования и объяснения мира, а понятийная система человека упорядочивается метафорически [10, с. 179].

Авторам кажется, что Дж. Лакофф склоняется к идеализму в теории познания, когда доказывает влияние метафоры на многие виды нашей деятельности. Он писал: «Изменения в нашей понятийной системе изменяют то, что для нас реально, и влияют на наши представления о мире и поступки» [10, с. 175]. Тем не менее, его подход к явлению «метафора» позволяет не просто перечислять изменение значения слова во времени, а понять процессы, приводящие к изменениям объема и содержания значения слова.

Рассмотрим несколько примеров. «Коллектор» в недавнем прошлом сочетался в прилагательном «канализационный» и обозначал систему труб, обеспечивавших сток. Профессионализм происходит от английского collect – собирать. В новейшее время помимо сбора стоков появилась необходимость собирать деньги с должников по кредитам и займам – и произошло изменение значения. Похожая история с существительным «тюнинг». Сначала от английского tune (настраивать) это был термин из области радио и музыкального воспроизведения. (Настройка музыкальных инструментов нами не рассматривается, поскольку иностранное слово для этого вида деятельности не употреблялось). С появлением на нашем рынке автомобилей иностранного

производства пришло и другое значение – добавлять модные детали к внешнему виду машины.

В основе изменения значения лексической единицы в данном случае лежит концепт «изменение для улучшения», поэтому мы рассматриваем его как новую метафору, благодаря которой мы осознаем сходство двух явлений – улучшение качества звука и вида автомобиля. Интересно отметить, что громоздкий тюнинг внедорожников называли «обвес».

«Капот» в XIX в. означал «женский халат» или «свободное мужское пальто». Любитель русской классической литературы и сейчас могли бы пользоваться этим словом, но в XX в. оно стало использоваться в значении «кожух» или «крышка» в машиностроении и автомобилестроении. В данном случае нельзя отнести это к чистым омонимам, потому что общая идея «прикрывать» присутствует во всех значениях.

Изменение значения может быть полным или частичным. При полном изменении меняется объем и содержание значения, при частичном – содержание. (Под объемом значения подразумевается совокупность предметов данного класса, к которым данное слово применимо в качестве названия. Под содержанием значения подразумевается совокупность существенных признаков, эмоционально-оценочное отношение, указание на связь с предметами другого класса). Например, в средневековой Англии прежнее значение слова вытеснялось новым, и это получило название «борьбы синонимов». Second вытеснило слово other в значении «второй», autumn - harvest, оставив ему значение «сбор урожая», enemy вытеснило foe, которое осталось в поэтическом языке, die заменило starve, оставив ему значение «сильно голодать, умирать от голода». Нетрудно заметить, что здесь менялся объем значения, и в старых словах узнать новые не трудно.

С распространением Интернета и социальных сетей очень быстро было освоено слово «пост». Родственное английскому «post» - почта, оно заняло свое место среди других слов ЛСГ «письмо». Это именно публикация в блоге, предназначенная для общественного просмотра.

Очень необычно, как наше сознание освоило слово «прайс-лист». Люди, не знакомые с английским языком, выучили первую часть и знают, что это цены. Но вторая часть осталась родной – это лист бумаги с написанными на нем ценами. Такое понимание - подсознательное явление, получив объяснение и перевод слова «list», люди соглашались, что это «список». Можно было бы продолжить путешествие вглубь, вспомнив, что первоначально «список» – рукописная копия какого-то документа, но, поскольку это слово не заимствовано, ограничимся данным упоминанием.

Проанализируем слова, выделенные авторами на основании принципа «слово привычное – значение новое». Правда, слово «консоль» может вызвать недоумение у молодого поколения: играли мы на них, теперь предпочитаем лэптоп или смартфон. Это, что ли, старое значение? Отвечаем: нет, это как раз новое. Старое – архитектурная деталь в виде выступа на стене или небольшой столик, установленный у стены или зафиксированный на вертикальной

поверхности [14]. Значение «игровая приставка» слово получило благодаря названию одного из компонентов Windows 2000 и тому факту, что в компьютерном языке оно имеет значение «совокупность устройств ввода-вывода, обеспечивающих взаимодействие оператора с компьютером».

Что такое «лайнер»? Корабль, игрок, занимающий определенное место на площадке? Да нет, это подводка для глаз! Смешно, хотя общий концепт «проводить линию» объясняет, почему одно слово обозначает столь разные объекты. Теперь это кажется омонимией, но если взглянуть глубже, становится ясна метафоричность переноса значений одного слова. Лайнер для глаз (eyeliner) стал так называться вслед за лайнером – фломастером для тонких линий, в прошлом «рапидограф».

Клубы в России на протяжении ее истории были разные. В том числе заведения, где велась антирелигиозная пропаганда на селе. Потом «клуб» стал сочетаться в прилагательном «ночной». В настоящее время сочетаемость расширилась. Пришли исконные значения: клубный сэндвич (со строгой рецептурой, по традиции 1897 года) и «клубный пиджак», созданный в 1825 г. для участников клуба академической гребли, получивший название «блейзер». К этим приметам «богатой жизни» добавилось новое, российское употребление: «клубный дом», что обозначает элитное, престижное жилье. Таким образом, все слова кроме «сельского клуба» обладают чертами концепта «престиж, избранность, богатство». «Буржуазное» прошлое этого слова не помешало ему стать обозначением места сбора крестьян для политического воспитания и развлечения.

Отобранные далее для анализа слова широко употребляются в современной речи в полупрофессиональной сфере, связанной с рекламой. Это «сатиновый», «деликатный» и «транспарентный» (иногда «транспарантный»). В русском языке «шелковый» и «сатиновый» издавна обозначали виды тканей, причем разных по текстильному составу, но более или менее схожих по гладкости на ощупь. Во французском и английском языках «satin» обозначает гладкий шелк. В наш язык это слово пробралось с помощью концепта «гладкость», и используется в сочетании «сатиновые тени».

«Деликатные ткани» – это те, которые говорят «пожалуйста» и «извините»? «Delicate cloth» в английском языке – нормальное сочетание, потому что «delicate» – нежный, тонкий. Еще более дико звучит «деликатная стирка», вместо привычного «щадящего режима стирки». Здесь мы имеем дело с неоправданной лексической калькой.

У многих людей слово «транспара/ентный» вызывает ассоциацию с демонстрациями на 7 ноября и пр. Причем те транспаранты не были прозрачными, что подразумевает нынешнее значение этого слова. Возможно, «транспарентный» отличается от «прозрачного» наличием слабого оттенка какого-либо цвета, но все равно, по нашему мнению, такое употребление нельзя признать удачным заимствованием.

Если два первых примера иллюстрируют метафоричность мышления, то третий, пожалуй, можно признать случайным в языке. Если это значение слова останется, то только в сфере профессионального употребления.

В особую группу авторы выделили слова, которые были заимствованы русским языком на протяжении XIX–XX веков, но за последние 10 – 20 лет получили новые значения, обусловленные новыми реалиями, не утратив, однако, при этом традиционных смыслов. «Концепт», «продукт», «пакет», «режим», «проект», «формат», «среда», «платформа», «ресурс», и примкнувшие к ним «экспертиза» и «компетенция».

Когда появляются новые реалии, язык ищет номинации, заимствуя их из других языков и приспособлявая к удобству своего употребления. В данном случае «старое» слово по принципу метафорической схожести получило дополнительное значение.

Так, под продуктом всегда подразумевалось нечто материальное, производимое на продажу и возможно съедобное. «Банковский продукт» – предложение ссуды или вклада, оформленное определенным образом. «Два продукта о цене одного» – это акция в магазинах косметики. «Товар» здесь не употребить, поскольку понятие абстрактное и групповое. Возможно, в будущем преподаватели будут поставлять «учебные продукты – 2 по цене одного»?

«Пакет услуг» и «соцпакет» быстро вошли в разговорную речь. Это калька с английского *package* «упаковка» или «товары или услуги, продаваемые или предлагаемые вместе» [16, р. 1017]. Первоначально «пакет» было заимствовано из французского через немецкий язык при Петре 1, и означало «кулек», «связка», «мешок». На железной дороге существуют «пакетные перевозки», т.е. упакованные большие партии одного вида грузов. Таким образом, можно сказать, что поле возможных значений слова не было заполнено, и по аналогии «связные вместе вещи» слово обогатилось новым содержанием, увеличив объем значения.

«Я работала в этом проекте с Никитой Михалковым...». В таком контексте имеется в виду не работа над сценарием, а сами съемки фильма. Более того, иногда «проект» даже выходит на экраны. Или: «участники поездки проекта «Ураловед» стали свидетелями...» Между тем, проект – это то, что необходимо создать до начала созидательных работ: «план, сценарий, программа, начинание» [6]. Словари пока не отразили новый нюанс значения слова.

«Среда» – старое слово, присутствовавшее еще в древнерусском языке в тех же двух значениях, что и теперь: третий день недели и «промежуточная область, совокупность людей, природное или социальное окружение». Со временем оно преобразовалось в предлог «посреди». С развитием информационных технологий объем второго значения расширился – появились различные «среды программирования» – «программы, в которых программисты реализовывают свои коды с целью создания какого-либо отдельного модуля или приложения (endic.ru/whistory/Sreda-682.html)

Изначально узкое значение «серединный день недели» не могло способствовать созданию новых смыслов или расширения прежнего, в то время как ширина семантического поля второго значения позволила ему вбирать новые смыслы.

То же произошло с денотатом «формат». Поскольку самое общее определение этого слова – «спецификация структуры», его значение по принципу метафоричности может вместить в себя много понятий. Вышеупомянутый «проект» может быть «неформатом», то есть не подходить для употребления в силу своей структуры. Обычно в современном языке это телепередачи о культуре, не интересные зрителям.

Концепт. До недавнего времени этот денотат относился исключительно к сферам философии, лингвистики и социологии, то есть области гуманитарных наук. В современном употреблении появилось новое значение (расширение ли?): «инновационная идея, содержащая в себе созидательный смысл». Результатом претворения этой идеи в жизнь является «концепт-продукт», выполненный в единственном экземпляре, к примеру, концепт-кар [14]. Учитывая, что в живой речи наблюдается все больше заимствованных слов и профессионализмов, можно сделать вывод, что мода на ученые слова заставляет людей использовать слово «концепт» в новом и в прежних значениях все более активно. То же происходит со словом «компетенция», употреблявшееся ранее в узких кругах, а сейчас заменившее «знания, умения, навыки».

Слово «экспертиза» раньше означало «оценка экспертом», то есть специалистом, способным выдать верное суждение. Но возьмем рекламный слоган «ваша красота – наша экспертиза». Нет, они не собираются оценивать вашу красоту в баллах или еще в чем-то. Имеются в виду «умения и навыки в определенной области» [16, р. 480]. Опять это калька с английского языка, потеснившая устоявшееся значение и вносящая непонимание. «Компетенция» в данном контексте подошла бы лучше.

Таким образом, метафоричность нашего мышления способствует расширению и изменению значений слов, когда в жизни появляются новые реалии, не освоенные языком, но осваиваемые сознанием. Также широта семантического поля позволяет придавать новый смысл словам, которые ментально с помощью метафор связываются со старыми значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: социолингвистический аспект. Таганрог, 2008.
2. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. URL: www.easyschool.ru (дата обращения: 10.03.2019).
3. Дьяков А. И. Уровни заимствования англицизмов в русском языке. Сибирский ун-т потребкооперации. 2012
4. Ильф И., Петров Е. 12 стульев. Золотой теленок. Одесса, 1962.
5. Камлевич Г. А. Изменение значений устаревших слов в русском языке. URL: Elib.bsui.by/bitstream (дата обращения: 11.03.2019).

6. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 09.03.2019).
7. Крысин Л. П. Иноязычие в нашей речи - мода или необходимость? 2000. URL: <http://gramota.ru/biblio/magazine/gramota/opinia/28.7> (дата обращения: 11.03.2019).
8. Клементьева Е. В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // «Филология и лингвистика». Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. №5 (27). С. 260-263.
9. Лаврова Н. А. Когнитивная метафора как способ представления знания в языке и как основополагающий принцип человеческого мышления. URL: <https://cyberleninka.ru>. С. 295-306 (дата обращения: 12.03.2019).
10. Лакофф Дж., Джонсон И. Метафоры, которыми мы живем. М., УРСС, 2004.
11. Назарова Е. А. Место и роль заимствований из английского языка в русском языке. а/р...канд. Филол. Наук. М., 2008. URL: www.avtoref.mgou (дата обращения: 12.03.2019).
12. Теория метафоры. Сборник. Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., Прогресс. 1990.
13. Фатенков А. Н. Метафора: философские грани лингвистической категории // Дискурс Пи, 2005.
14. Большой Современный толковый словарь русского языка. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/42201.html.+tolk/42531/html> (дата обращения: 18.03.2019).
15. Хацкевич Ю. Г. Новейший словарь иностранных слов и выражений. URL: <https://studopedia.info/2-91392.html> (дата обращения: 18.03.2019).
16. Dictionary of Contemporary English, 3^d edition, 2000.

Chalaya M. A., Shpakovskaya I. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

CHANGE OF THE MEANING OF WORDS BORROWED BY RUSSIAN LANGUAGE

In this article the authors try to analyze how borrowed words that entered the Russian language relatively long ago have changed their meaning and how particular qualities of human thought facilitate this process.

Borrowed words, definition, word meaning change

УДК 811.111

А. В. Шитова

Санкт-Петербургский государственный университет,
a.shitova@spbu.ru

Ху Хунбинь

Санкт-Петербургский государственный университет,
st051271@student.spbu.ru

ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНСТАГРАМА НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИВРИТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

В статье изложены результаты проведённого лингвистического исследования функционирования хэштегов в социальной сети Инстаграм. Приводятся примеры использования хэштегов; анализируются их семантические особенности; предлагаются варианты классификации. Также в статье рассматриваются потенциальные способы использования хэштегов и других возможностей сети Инстаграм в системе обучения иностранным языкам, в частности ивриту, в рамках поликультурной модели образования.

Инстаграм, хэштег, иврит, поликультурный подход, лингводидактика

Сегодня потенциал онлайн-СМИ порождает множество дискуссий и споров, поскольку у цифровых СМИ есть способность одновременно ограничивать и расширять возможности людей при их виртуальном взаимодействии друг с другом как в общественной жизни, так и в самой Интернет-среде. Современные молодые люди обладают различным уровнем агентивности (активности), на основе которого они могут использовать Интернет-ресурсы в определённых целях: для удовлетворения своих тех или иных потребностей, в частности, познавательной потребности или потребности в общении, формируя своеобразный дискурс с присущей ему спецификой [2, с. 13–14].

Созданная Кевином Систромом и Майком Кригером и выпущенная в свет в 2010 г., социальная сеть Инстаграм является одной из наиболее популярных социальных платформ, позволяющих пользователям делиться своими фото, видео и мыслями. По результатам проведённого в 2018 году в США всемирного статистического исследования Инстаграм занимает третье место по популярности, после Facebook и YouTube. В настоящий момент (2019 г.) сеть насчитывает 1 миллиард активных пользователей из целого ряда стран мира, что является колоссальным количеством людей. Считается, что именно

простота и краткость содержательной составляющей (визуального и текстового контента) Инстаграма помогла сети получить столь широкую популярность [4, с. 45–50].

Популярность Инстаграма, очевидно, связана с двумя факторами. Во-первых, немалую роль в создании её популярности играет краткость контента. Приложение Инстаграм позволяет пользователям загружать фотографии и минутные видео, которые можно редактировать с помощью различных фильтров и организовывать с помощью хэштегов. Лёгкость навигации с помощью хэштегов является вторым фактором популярности Инстаграма, поскольку он как нельзя лучше отвечает потребностям и возможностям темпа жизни современных молодых людей. Именно по хэштэгам все желающие могут просматривать содержимое (контент) страниц других пользователей, сохранять фотографии определённой тематики, а также постоянно следить за публикациями избранных пользователей.

Рассмотрим основные характеристики и возможности хэштега. Поскольку всемирная виртуальная сеть постоянно прогрессирует, то, естественно, с каждым днём в ней появляются всё новые и новые компоненты, делающие навигацию в столь обширном пространстве удобнее. Связаны они, как правило, с оптимизацией и структуризацией информации, поскольку во всемирной сети её такое большое количество, что быстро найти нужный материал может быть сложно. Вследствие этого, в относительно недавнем прошлом в Интернете появились так называемые хэштеги. Впервые этот термин был введен Крисом Мессиной в 2007 году в сообществе микроблоггеров сети Twitter. Поначалу такого рода маркеры (обозначения) не получили должного признания, однако уже несколько лет спустя многие пользователи социальных сетей стали активно применять хэштеги для популяризации и продвижения своих продуктов и аккаунтов. Фактически хэштег стал новой формой навигации, позволяющей пользователю моментально находить все существующие и отмеченные соответствующим хэштегом записи на интересующую тематику.

Термин «хэштег» обозначает ключевое или обобщающее слово сообщения (поста), и является типом пометки или тега, используемым в микроблогах и некоторых социальных сетях, облегчающим поиск сообщений по теме или содержанию. Смысл хэштега состоит в том, что он представляет собой гиперссылку, которая мгновенно отправляет пользователя ко всем тематическим постам, объединённым данным хэштегом. Особенностью обозначения этого ключевого слова является его написание со знаком диез (или «хэш», #) перед остальными буквами. Хэштег может состоять из одного или нескольких слов, написанных слитно, без пробелов. Слова могут состоять как из строчных, так и из заглавных букв.

С точки зрения лингвистики, хэштег является своего рода креолизированным текстом, поскольку креолизированный текст – это текст, который состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой, т.е. слов) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык, т.е. #). Хэштеги, предназначенные для обсуждения

конкретного явления или события, имеют тенденцию использовать более узкоспециальную, ясную формулировку, чтобы отличаться от общих тем, например, информация о фестивале цветов может быть размещена с использованием уточняющего хэштега #flowershow, а не просто #show или #flower.

Хэштеги также могут функционировать в качестве способа выражения контекста размещённой фотографии или поста, замещая собой текстовое сообщение, без намерения классифицировать сообщения для последующего поиска, обмена или в других целях. Благодаря своей языковой/речевой составляющей, хэштеги могут помочь выражать настроение, мысли и эмоции коммуникантов.

В 2018 г. нами было проведено исследование способов номинации природных катаклизмов с помощью средства семантической компрессии (хэштега) в Инстаграме на материале английского языка. Природные катаклизмы это спонтанные стихийные бедствия разной степени силы, которые являются серьёзными неблагоприятными событиями, происходящими как в региональном, так и в планетарном масштабе. Примерами таковых являются наводнения, ураганы, торнадо, извержения вулканов, землетрясения, цунами и другие геологические процессы. Природные бедствия могут привести к гибели людей и значительному экономическому ущербу. Серьёзные стихийные бедствия вызывают у людей бурную эмоциональную реакцию и несомненно способны нанести даже психическую травму, т.к. обычно при мысли о стихийном бедствии люди, проживающие в зонах риска, не чувствуют себя в безопасности, вплоть до развития у них тревожного расстройства. Кроме того, социальные сети играют значительную роль в случае природных катастроф, т.к. они могут быть использованы для информирования и решения многих проблем во время стихийных бедствий. Исследования показали, что, хотя использование мобильных телефонов и электронной почты предсказуемо увеличивалось сразу же после землетрясений, использование сайтов социальных сетей также значительно увеличивалось и даже превосходило использование более традиционных методов связи, таких как стационарные телефоны [7].

В результате проведённого нами лингвистического исследования выяснилось, что помимо использования основного хэштега для непосредственного называния природной катастрофы, большинство сопутствующих хэштегов несут в себе гораздо больше дополнительной информации как о самом событии, так и об отношении к нему, и даже о мировосприятии в целом человека, разместившего в социальной сети данный контент. Как правило, с помощью хэштегов люди выражают свои эмоции, свое мнение и описывают событие, очевидцами которого им довелось стать. Например, очевидцы торнадо и ураганов описывают форму увиденного (#mushroom, #supercell), обозначают испытываемые эмоции (#amazing, #awesome, #damn, #wow), выражают свои мысли и призывают к действиям (#securityfirst, #helpourcommunity, #praytogod, #godhelpus). При этом следует

отметить, что в стрессовой или чрезвычайной ситуации краткий по содержанию и элементарный по форме хэштег позволяет находящемуся в стрессовом состоянии человеку намного проще выразить (назвать, обозначить) свои эмоции, мысли и чувства, в отличие от других видов текстовых и голосовых сообщений, требующих выстраивания слов в предложения, развития мысли, аргументов и пр., что не всегда возможно осуществить в данной ситуации.

Вслед за анализом результатов нашего исследования, мы задумались над вопросом о месте и потенциальных способах использования сети Инстаграм в образовательных и самообразовательных целях, и, в частности, в рамках методики обучения иностранному языку. На эту мысль натолкнули нас следующие интересные статистические данные: по самым скромным подсчётам сегодня молодые люди в среднем проводят около 2,5 часов в день за просмотром социальных сетей, а поскольку сеть Инстаграм занимает среди них третье место, то можно предположить, что на неё в среднем тратится как минимум пол часа времени в день. Можно ли рассчитывать на то, что столько же времени человек готов потратить ежедневно на изучение иностранного языка? Едва ли. Однако учитывая тот факт, что существенная часть содержания (контента) просматриваемых социальных сетей представлена на чужих для пользователя языках, несомненно следует задуматься об использовании «социального времени» в образовательных целях [3, с. 178].

Вспомним гипотезу и теорию экстенсивного изучения языка, разработанную знаменитым американским лингвистом Стивеном Крашеном, автором более 500 научных работ. Основной идеей Крашена, положенной в основу его теории, является гипотеза о том, что восприятие и усвоение языка на подсознательном уровне, в противопоставлении специальному систематическому заучиванию, весьма эффективно при условии нахождения в языковой среде (в т.ч. и виртуальной). Согласно Крашену, при освоении нового иностранного языка учащимся нужно уделять больше времени именно его восприятию, а не изучению, причём наибольшей эффективности добиваются те, кто делает это в расслабленной обстановке. Усвоение иностранного языка происходит посредством восприятия понятного материала; небольшой процент нового (непонятного) материала не снижает мотивации, а развивает языковую догадку. И, напротив, на учебных занятиях эмоциональный фильтр может снижать мотивацию и препятствовать успешному усвоению материала, особенно если учащийся испытывает негативные эмоции: стресс, неуверенность в себе, боязнь ошибки.

В свете сказанного, виртуальная среда социальной сети как нельзя лучше способствует восприятию и последующему усвоению многих составляющих элементов языка [6, с. 112–120]. Прежде всего, просмотр социальных сетей порождает положительные эмоции и приносит удовольствие, т.е. само по себе является мотивирующим. Кроме того, данному процессу присуща общая расслабленность, т.к. молодые люди делают это в минуты отдыха, в транспорте, между другими делами и перед сном.

Помимо пополнения словарного запаса и индуктивного изучения грамматических структур, такое взаимодействие с языком в отсутствии контроля и указания на ошибки помогает учащимся преодолевать языковой барьер. Также посредством данного вида деятельности может реализовываться принцип соизучения языка и культуры, поскольку обучение языку как средству международного общения, как инструменту социокультурного образования, расширяет рамки социокультурного пространства и формирует общепланетарное мышление, т.е. мышление человека мира. Так как язык является носителем культурной информации, его изучение также означает и осознание системы ценностей другой культуры, и овладение знаниями о культурной реальности, правилами и моделями поведения – иными словами, он формирует социокультурную и, вместе с тем, поликультурную компетенцию человека [5, с. 134–137].

Продemonстрируем вышеизложенное на примере изучения иврита на начальном уровне.

На принадлежащем к группе хамито-семитских языков иврите, по данным статистики, сегодня говорит приблизительно 8 млн. человек. Поэтому неудивительно, что в отличие от английского языка, который занимает первое место и используется для создания 54% материалов всемирной сети, иврит занимает лишь 29 место, а доля доступных виртуальных материалов, которые на нём составляет всего 0,2% от общего объёма [8]. Тем важнее, следовательно, при обучении ивриту грамотно и эффективно использовать все имеющиеся в нашем распоряжении языковые ресурсы, включая возможности сети Инстаграм.

Традиционно преподаваемый на основе грамматических словообразовательных моделей, иврит имеет специфическую орфографию, находящуюся под воздействием ряда интерферирующих факторов, что создаёт определённые сложности в её освоении. Для поиска определённых тематических постов в Инстаграме от учащихся потребуется орфографически правильное написание слов на иврите. Предлагаемые системой существующие хэштеги будут демонстрировать правильный вариант написания искомого слова. В целях изучения лексики по заданной теме (например לכוז# (еда), поскольку это одна из наиболее интересных для современной молодёжи тем [2, с. 15–17]), можно дать задание учащимся рассмотреть посты, созданные носителями языка и отмеченные хэштегами, означающими наиболее популярные в Израиле продукты или блюда – например, תפוחי אדמה# (томаты) или просто סלט# (салат) – и поставить целью собрать как можно больше слов по изучаемой теме. Такая практика является достаточно популярным приёмом в обучении и в англоязычной литературе носит название “linguistic scavenger hunt” (т.е. «квест, поиск сокровищ»).

В результате по указанному запросу учащийся видит фотографии, на которых представлены виды овощей, оформление и сочетание ингредиентов блюда, виды заправки, посуда, (пита, лук, острый перец, баклажан, оливковое масло и пр.). На картинках по запросу תפוחי אדמה# (пирожные, выпечка)

прослеживается явная популярность изделий с маком. Учащийся знакомится не только с кулинарными традициями и национальной кухней Израиля, но и пополняет свой словарный запас, поскольку в комментариях среди уже знакомых ему слов появляются новые (например, слово פריך (острый)), а т.к. сеть Инстаграм имеет сервис перевода поста на выбранный язык, то, посмотрев перевод незнакомых слов, можно снова вернуться для сравнения к оригиналу. Также в постах, посвящённых определённым блюдам, можно найти информацию, дающую представление о еврейском национальном характере и культуре питания: «суп как у моей мамы», «тефтели моей любимой мамы», «только полезные продукты», «солнце, море, острые баклажаны...что ещё нужно?» и пр. Такие примеры из аутентичной языковой среды учат людей ориентироваться в социокультурных маркерах.

Отдельно выделим методический потенциал мотивирующих картинок, содержащих популярные слоганы, пословицы, народную мудрость (например, «сильная женщина знает себе цену»). Такого рода картинки в основном содержат короткие высказывания и простую лексику, доступную даже для начинающих. Помимо отработки навыка чтения и аудирования (при просмотре минутных видео), в сети также существуют условия для речевого творчества. В сети есть возможность практиковать оценочные высказывания (טוב (хорошо)) и вопросы к авторам поста, поскольку Инстаграм предполагает наличие обратной связи в форме комментариев к постам. Кроме того, в сети есть специальные аккаунты, целенаправленно размещающие учебные материалы на иврите, хотя, с нашей точки зрения, «живые», аутентичные материалы гораздо более интересны для рассмотрения [1, с. 21–29].

Подводя итоги, ещё раз подчеркнём, что с нашей точки зрения было бы ошибочным недооценивать лингводидактический и межкультурный потенциал Интернет-ресурсов и их мотивационную составляющую, особенно в целях самообразования. Использование хэштегов развивает орфографические умения, лексические навыки, а просмотр постов социальной сети Инстаграм также способствует формированию навыков чтения и аудирования, развитию коммуникативных умений, формирует социокультурную компетенцию изучающих иностранные языки. Усвоение языка с минимальной степенью напряжения, портативно, в удобном режиме, посредством восприятия информации (текста) в формате смыслового свёртывания, что отвечает требованиям современности – такая возможность всегда рядом, буквально под рукой, в телефоне. Осталось научиться её грамотно и рационально использовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко А. П., Шевченко В. М. Инстаграм в обучении иностранным языкам // Вопросы прикладной лингвистики, № 3–4 (31–32), 2018. с. 21–32.
2. Алёхин А. Н., Осташева Е. И. Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образования. // Психологическая наука и образование, 2013, № 6, – с. 13–18.

3. Власкина В. Ю. Образовательный потенциал социальных сетей Твиттер и Инстаграм в обучении иностранным языкам: методика исследования. // Международный студенческий научный вестник, № 5, 2018. с. 178.

4. Лебедева Т. Е., Прохорова М. П. Потенциал социальной сети Инстаграм в продвижении компании. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, № 7 (33), Том 2, 2018. с. 45–51.

5. Сафонова В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования. // Язык и культура, 1(25), 2014. с. 123–141.

6. Astiti D. H., Utami W., Bambang Y. C. The Use of Инстаграм in the Teaching of EFL Writing: Effect on Writing Ability and Students' Perceptions. Studies in English Language Teaching, Vol 6, # 2, 2018. pp. 112–126.

7. The Effect of Social Media on the Disaster Relief Effort Following the March 11 Earthquake in Japan. <http://news.yahoo.com/effect-social-media-disaster-relief-effort-following-march-123218600.html>

8. URL: www.alexa.com

A. V. Shitova, Senior Lecturer, St. Petersburg State University

Hu Hongbin, undergraduate student, St. Petersburg State University

USING INSTAGRAM FOR HEBREW AND OTHER LANGUAGES LEARNING: POLYCULTURAL APPROACH

The article presents the results of a linguistic study of hashtags functioning in the Instagram social network. The article offers examples of using hashtags, analyzes their semantic features, and proposes their classification options. The paper also discusses the potential ways of utilizing hashtags and other features of Instagram network in foreign language teaching and learning – Hebrew in particular – within the multicultural education model.

Instagram, hashtag, Hebrew, polyculturalism, linguodidactics

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.111-26

Е. И. Беседина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
elivbesedina@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ (на материале романа Брайана Джейкса «Воин Редволла»)

В работе исследуется функционирование звукоизобразительных глаголов движения в тексте анализируемого романа, дается характеристика их роли в достижении динамичности художественного повествования и создании образов героев романа.

Брайан Джейкс, глаголы движения, звукоизобразительность, художественный текст, экспрессивность

Глагол во всем богатстве семантики и при многообразии стилистических приемов образного употребления несет в себе безграничный запас экспрессии.

Глаголы движения составляют одну из ключевых лексико-семантических подгрупп в глагольной системе языка любого естественного языка и играют важную роль в концептуальном пространстве художественного текста.

Настоящее исследование посвящено функционированию глаголов движения, в особенности глаголов ЗИ (звукоизобразительного) происхождения в английском прозаическом произведении и выявлению их роли в достижении образности и динамичности повествования как неперемного условия удержания интереса читателя к повествованию.

Материалом для исследования послужили оригинальный текст романа «Воин Рэдволла» («Redwall»), первого романа из серии 22 сказочных романов, объединенных общим сюжетом, известного английского писателя Джеймса Брайана Джейкса (James Brian Jacques) (1939-2011), опубликованного впервые в 1986 году и переведенного на более чем 20 языков мира [4].

Выбор романа обусловлен главным образом тем, что в его основе лежит книга, написанная Брайаном Джейксом для воспитанников Королевской школы для слепых детей в Ливерпуле, где автор какое-то время работал водителем грузовика. Особенность его аудитории обусловила манеру изложения событий, происходящих в романе: повествование яркое, образное и детальное, способствующее развитию художественного воображения детей. Учитывая возраст читательской аудитории, писатель стремится придать

своему повествованию максимальную динамичность, которая, прежде всего, достигается использованием большого количества глаголов движения, многие из которых имеют ЗИ-происхождение.

В качестве методов исследования использовались: метод сплошной выборки, семантический анализ, сравнительно-описательный метод и метод количественной оценки.

Настоящее исследование не претендует на полноту описания, поскольку носит пилотный характер. Цель проведенного анализа состояла в оценке правильности выбора экспериментального материала для более широкого исследования функционирования ЗИ-глаголов движения, а также возможности их адекватного и точного перевода с сохранением ЗИ-компонента.

Прежде, чем приступить к отбору материала для анализа был сформирован список глаголов движения. Основу списка составили глаголы движения, представленные в «Тезаурусе Роже» [6]. В дальнейшем список был дополнен глаголами, зафиксированными синонимическими словарями и содержащимися в отдельных работах, посвященных исследованию глаголов движения, в частности, взяты из классификации глаголов движения, предложенной Б. Левиным [5]. В конечном итоге, в список вошли 469 глаголов, в словарных дефинициях которых прямо или опосредованно указывалось на тот или иной характер движения. Следует отметить, что в списке представлены как исконно английские слова, так и ассимилированные заимствования разных исторических периодов. Далее, в соответствие со списком ЗИ-лексики, представленном в диссертационном исследовании И. В. Кузьмич [2] и насчитывающем 2466 английских слова, ЗИ-происхождение которых научно установлено авторитетными в области звукоизобразительности отечественными и зарубежными учеными, определялся статус каждого глагола, вошедшего в итоговый список глаголов движения. В отдельных случаях для отнесения глагола к звукоизобразительным автор прибегал к фоносемантическому анализу, основные принципы которого были разработаны С. В. Ворониным [1]. В результате проведенной процедуры 310 глагола, то есть 66 % были отнесены к глаголам ЗИ-происхождения. Полученные количественные данные хорошо согласуются с данными исследования, проведенного ранее Л. Ф. Лихомановой [3].

Именно на список из 469 глаголов движения автор статьи и ориентировался при отборе глаголов для формирования корпуса глаголов движения, использованного Брайоном Джейксом в своем романе.

Данный корпус был получен методом сплошной выборки с первых 150 страниц (50325 слов) из 311 страниц (102611 слов) текста романа и составил 170 лексем (2280 употреблений). Далее в полученном корпусе выделялись глаголы движения, имеющие ЗИ-происхождение. Эта процедура проводилась в соответствии со сформированным ранее списком из 310 ЗИ-глаголов движения. Их число составило 120 лексем (1760 употреблений), или 71% от всего корпуса использованных в романе глаголов движения. Соотнесение ЗИ-глаголов, использованных автором в тексте романа, с общим количеством ЗИ-

глаголов движения, существующих в английском языке говорит о том, Брайон Джейкс оперирует 39 % всех глаголов движения, имеющих ЗИ-статус.

Если сопоставить все случаи употребления глаголов движения с количеством употреблений ЗИ-глаголов движения, последние составят 77.2 % всех употреблений. Такая высокая степень ЗИ-сатурированности представляется интересной и неслучайной, особенно, если учесть, что данное исследование проведено лишь на 50 % текста романа. В качестве наиболее, на наш взгляд, ярких примеров употребления ЗИ-глаголов движения можно привести следующие: *amble* - двигаться мелкими шагами, семенить; *blunder* - двигаться ощупью, неуверенно; *bob* – качаться; *cramble* – двигаться скованно или с трудом; *dash* – мчаться, ринуться; *dodge* – увернуться, уклониться; *draggle* – тащить, волочить; *fidget* – ерзать; *flap* - колыхаться, развеиваться; махать, хлопать; *flip-flop* - шлепать, *flutter* - порхать, махать крыльями; *fumble* - шарить, нащупывать, вертеть в руках; *hobble* - ковылять, *hop* - прыгать, *jiggle* - покачиваться, трястись; *quiver* – дрожать; *teeter* – идти неуверенной походкой, покачиваться; *shuffle* – шаркать; *scramble* – карабкаться; *spin* - вращаться, кружиться; *whip* – хлестать; *whizz* – пронестись со свистом, *whop* – бить, колотить; броситься в сторону; *wriggle* – юлить, изгибаться, извиваться; *waddle* – переваливаться, ходить вразвалку; *wobble* – качаться, колебаться; вилять; *zig-zag* – двигаться зигзагом; *zoom* - стремительно двигаться и многие другие.

Следует отметить, что довольно часто в тексте встречаются предложения, в которые включают сразу несколько ЗИ-глаголов движения. Например:

1. Hugo **nodded** knowingly and **waddled** off to do his Abbot's bidding (Ср. Хьюго понимающе **закивал** и **поплелся** выполнять приказ аббата).
2. He **flounced** off, **swishing** his tail, **muttering** about going outside to take the air (Ср. **Размахивая** хвостом, он **рунулся** к выходу, бормоча что-то о необходимости подышать свежим воздухом).
3. He **shivered**, **wiping** the sweat from his fur with a shaky paw (Ср. Он весь **трясся** от напряжения и **вытирал** пот с меха **дрожащей** лапкой).
4. Cluny **leaped** into the air. The mice **scattered** in panic (Ср. Клуни **взвился** в воздухе, и мыши в панике **бросились** наутек).
5. Brother Alf watched the little figure **flip-flopping** off. He gave a sigh and **shook** his head (Ср. Брат Альф взглядом проводил маленькую фигурку Матиаса, быстро **шлепающую** своими огромными сандалиями. Он глубоко вздохнул и **покачал** головой.)
6. Matthias **kicked** the sheets from him as he **leaped up** and **dashed** headlong from the bedroom... (Ср. Матиас **сбросил** с себя простыни, **вскочил** с постели и стремительно **бросился** из спальни...)
7. **Bob** and **weave**, **duck** and **wriggle**.
8. They were **trembling** and **twitching** (Ср. Они **дрожали** и **подергивались**)
9. Matthias **swung** the branch. It **whooshed** through the air (Ср. Матиас **взмахнул** веткой, и она **просвистела** в воздухе).

10. Matthias **dodged**, **wriggled** and ran free, **tripping** a rat who was about to seize Mr. Vole (Ср. Матиас ловко **увернулся**, **высвободился** и **подставил подножку** крысе, которая пыталась **схватить** мистера Полевкинса).

11. The tiny squirrel **hopped** and **shuffled** a short way into the woods. (Ср. Крошечный бельчонок **подпрыгнул** и мгновенно **скрылся** в лесу).

12. The improvised bridge **wobbled** and **sprang** a bit, but it held (Ср. Импровизированный мост слегка **качнулся** и **подпрыгнул**, но выдержал).

С точки зрения семантики, глаголы движения, используемые автором для передачи движения в исследуемом текстовом отрезке, представлены всеми девятью группами глаголов, выделенными в классификации Б. Левина [5]: глаголы «внутреннего движения тела» – 7.5 %; глаголы «направленного движения» – 10.3 %; глаголы «ухода» – 1.2 %; глаголы «вращения» – 7.1 %; глаголы «бега» – 46.8 %; глаголы «движения с использованием транспортного средства» – 15.1 %; глаголы «танца» – 7.9 %; глаголы «следования» – 2.0 %; глаголы «сопровождения» – 2.1 %. Как видно из приведенных данных, глаголы бега составляют практически половину всего корпуса.

Анализ текста исследуемого произведения позволяет сделать предположение о том, что для современной англоязычной прозы, ориентированной на детскую читательскую аудиторию, характерна высокая степень ЗИ-сатурированности корпуса используемых глаголов движения для достижения образности, яркости и экспрессивности повествования. Данная тенденция обусловлена, прежде всего, наличием в самой в детской речи большого количества ЗИ-элементов, особенно на ранних стадиях овладения речью ребенком, когда он повсюду ищет образность, которая необходима ему для установления связи между физической стороной слова и свойствами предмета, которое это слово обозначает. Именно эти связи помогают ребенку «выстроить» в своем воображении описываемые события.

Представляется также, что, несмотря на доказанность универсального характера ЗИ-единиц, передача ЗИ-составляющей по-прежнему остается одной из сложнейших переводческих задач, поскольку в художественном тексте ЗИ-лексемы, как правило, несут на себе значительную стилистическую нагрузку, обуславливающую необходимость подбора максимально точного соответствия на ПЯ с сохранением экспрессивной компоненты, выбранной автором оригинала.

Таким образом, в дальнейшем было бы целесообразно не только сравнить показатель ЗИ-сатурированности исследуемого романа с показателем текстов других произведений данного автора, но также провести сравнительное исследование на текстах других англоязычных художественных произведений с тем, чтобы правильно интерпретировать полученные результаты. Интересно также было бы проанализировать степень точности перевода ЗИ-лексем и максимально возможного сохранения их ЗИ-природы в языке перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – М.: Ленанд. 2009. 248 с
2. Кузьмич И. В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1993. 348 с.
3. Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоизобразительных глаголов движения: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. - Ленинград, 1986. 187 с.
4. Brian Jacques. Redwall. – First Avon Books Printing. 1990. 352 p.
5. Levin, B. English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation. - Chicago, USA: University of Chicago Press, 1993. 348 p.
6. Roget's Thesaurus of English Words & Phrases. London, England: Penguin Books. – 2002. – 1232 p.

Besedina, E. I.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ON THE ISSUE OF ICONIC VERB FUNCTIONING IN JAMES BRIAN JACQUES'S NOVEL "REDWALL"

The study deals with functioning of iconic verbs of motion in literary texts of the analyzed novel as well as with their role in achieving dynamic artistic narration and creating unforgettable images of the heroes.

Brian Jacques, expressiveness, iconicity, literary text, verbs of motion

УДК 81'342.2:811

В. А. Давыдова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
va.davydova@gmail.com

ЖЕСТОВАЯ МОТИВАЦИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ: ЛИЦЕВАЯ МИМИКА В ЗВУКОИЗОБРАЖЕНИЯХ МАЛОГО РАЗМЕРА

В статье рассматривается группа диминутивов, объединенная наличием лабиальных элементов и общим значением мелиоративности. Автор доказывает звукоизобразительный характер данной группы слов и предлагает в качестве мотива номинации мимический губной жест, изображающий малый размер и положительное отношение говорящего. В

речи движение губами преобразуется в артикуляторный жест, обуславливающий появление лабиальных и лабиализованных фонем в словах со значением «маленький» и «милый».

Звукоизобразительность, номинация, диминутив, артикуляторный жест, экстракинесемизм, мотивация

В накопленных к настоящему моменту исследованиях, посвященных звукоизобразительности, связанной с выражением размерности, принято считать, что малый размер чаще всего передается высокими передними гласными [12] и палатализацией [6] в то время как выражение большого размера связано с низкими задними гласными и лабиальными фонемами [2]. Оппозиция высоких и низких гласных в диминутивах включена в список языковых универсалий (Универсалия № 1926 в Архиве языковых универсалий) [16]. В качестве мотивов номинации исследователи указывают артикуляторные или акустические свойства отдельных фонем. Артикуляторная теория объясняет сближение звуковой формы слова с номинируемым объектом на основании уподобления маленького внутреннего объема в полости рта, возникающего при артикуляции определенных звуков, малому размеру объекта [19]. Согласно же акустической теории, в сознании номинирующего субъекта звуки высокой частоты ассоциируются с малым размером источника звука [15].

Вместе с тем, недавние исследования, проведенные на большом массиве языков, не подтверждают универсальный характер данной закономерности [11, 8]. Представляется, что данные выводы не следует рассматривать как аргумент против звукоизобразительной номинации; скорее, нужно признать, что в пределах большой семантической группы слов возможны разные мотивы номинации, порождающие разные звукоизобразительные модели. Именно такой, ранее не описанной, модели номинации малых объектов посвящена настоящая статья.

Если рассмотреть диминутивные суффиксы в разных языках, невозможно не обратить внимание на формы, прямо нарушающие ожидаемую звукоизобразительную оппозицию и содержащие низкие гласные, лабиальные и лабиализованные звуки, ассоциируемые в фоносемантических исследованиях с большим размером: лат. *-ul*, *-cul*, *-ol* (*minor* > *minusculus*), др.-анг. *-ock* (*hill* > *hillock*), валлийск. *-w*, *-ws* (*Bilw* – «*dear little Bill*», *deint* – *dentws*), венг. *-ő* (*Gergely* > *Gergő*), *-u* (*apa* > *apu*), чоктавск. *-ushi* (*bok* > *bokushi*), польск. *-utki* (*cichy* > *cichutki*), итал. *-uccio*, *-otto* (*giovane* > *giovannotto*), *-uzza* (*piana* > *pianuzza*), ирл. *-óg* (*sorn* > *sornóg*), румын. *-șor* (*pui* > *puișor*), наятль *-ton* (*pilli* > *piltontli*), русск. *-юсеньк(ий)*, акан *-ba/-wa*, екуана *-'kö*, хинди *-u* (*Rajiv* > *Raju*), магахи *-wa* (*Vikash* > *Vicashwa*).

Аналогичным образом, неожиданно большое количество примеров с лабиальными можно найти в словах-наименованиях детенышей на разных языках: англ. *cub*, др.-анг. *hwelp* «детеныш», рус. *кутенок*, кит. *yòushòu*, рум.

pui «детеныш, милый», тур. *yavru* «детеныш, малышка», *körpe* «новорожденный ягненок», герм. *junges*, бурят. *зулзага*, татарск. *bala* «детеныш, малыш», тода *piripir* «малыш», лит. *putytis*, баскск. суф. *-kume* (*otsar* - *otsakume* «волк-волчонок»).

Лабиальные для обозначения малого размера появляются в неологизмах авторов художественных произведений: *-roo* [ru] уменьш.суф. (Р.Адамс), *aew* [aiw] «птичка» (Дж.Р.Р.Толкиен), *nger* [ɲer] «пупок» (П.Фроммер), *rip* [rip] «короткий» (П.Фроммер), *-vi* [vi] уменьш.суф. (П.Фроммер), *-ou* [oj] уменьш.-ласкат. суффикс (Klingon), *lilliput* [lɪlɪpʊt] карлик (Дж.Свифт) [7, 13, 14, 17].

В неологизме Дж. Свифта *lilliput* первая часть слова *lili* образована как традиционный звукоимеизм, изображающий малый размер при помощи редуцированного слога с высокой гласной /i/, но второй элемент *-put* не согласуется с привычной с точки зрения звукового символизма ролью лабиальных. В попытке разъяснить его появление комментаторы привлекают различные версии заимствований из европейских языков, но удовлетворительно объяснить его не могут [см. напр. 1]. Два других приведенных примера *-aiwe* и *-vi* – похожи по форме на английские слова *wee*, *reewe* «маленький, крошечный», что позволяет предполагать заимствование. В таком встает вопрос, почему два автора, имея максимальную свободу словотворчества, независимо друг от друга выбрали именно данную форму для заимствования с целью обозначения предметов малого размера. Очевидно, их привлекли ее звуковые свойства. Безусловно, обе формы содержат звукоизобразительно валентный гласный /i/, однако при рассмотрении других слов из приведенной группы можно предположить, что лабиальные не менее значимы и также служат для обозначения малого.

В исследованиях звукоизобразительности значение «малое» лабиального /p/ и лабиодентального /f/ статистически зарегистрировано в исследованиях Н. М. Камбарова и Гурджиевой [5, с. 16; 3, с. 11].

Вопрос о появлении лабиальных в обозначениях малого разрешается, если признать в качестве мотива номинации возможность мимического звукоизобразительного жеста, отраженного в речи соответственной артикуляцией. Произнесение лабиальных и лабиализованных звуков позволяет произвести выраженное сжатие губ. Именно такое мимическое движение часто сопровождает мануальную жестикуляцию, используемую для изображения небольших размеров объекта. Специфический тотальный жест объединяет мимику и пантомимику: губы вытягиваются, глаза сощуриваются до сморщивания всего лица, а рука с близко сдвинутыми большим и указательным пальцами приближается к лицу. В экспрессивной речи размер изображается одновременно и вербально, и мимикой, и мануальными жестами.

Это не единственный пример одновременной работы мимики и пантомимики. Хорошо известно описание данного феномена у Ч. Дарвина: человек, режущий ножницами бумагу, одновременно производит движение челюстями [4, с. 33]; можно также вспомнить, как взрослый, кормящий с ложки ребенка, сам открывает рот; или как человек, который что-то скрепляет,

опять же, плотно смыкает и губы. В основе связи между жестиком и речью находится механизм, названный С. В. Ворониным синкинемой: он обеспечивает синхронность и взаимосвязь движений тела и движений ротового аппарата [20]. При переходе к речи жест, представляющий собой движения ротового аппарата, аппроксимируется соответствующей речевой артикуляцией.

Таким образом, механизм синкинемы обеспечивает возможность жестовой номинации малых объектов. Денотатом является движение смыкания губ для обозначения малого размера. Согласно классификации звуко-символизмов С. В. Воронина [2], это лабиальная кинема – речевой жест, используемый для изображения характеристики внешнего объекта, а слова, образованные на ее основе следует рассматривать как мимеоэкстракинесемизмы. Сближение формы и значения данных языковых знаков происходит на основе уподобления малого размера внешнего объекта малому расстоянию между частями тела, участвующими в пантомиме.

Помимо семантики малого, обращает на себя внимание часто выраженный мелиоративный характер слов с уменьшительными суффиксами и губными элементами: обозначаемые ими объекты не только маленькие, но и хорошенькие. Использование таких слов связано с выражением чувств хорошего отношения, умиления, заботы. Представляется, что в данном случае артикуляция лабиальных и лабиализованных звуков указывает еще и на эмоцию, испытываемую людьми по отношению к маленьким детенышам и вообще маленьким объектам. В онтогенезе диминутивы появляются на самых ранних, доморфологических, стадиях освоения языка, а обилие диминутивов является ярким показателем речи, направленной от взрослого к ребенку [18, р. 36]. Эмоции умиления, заботы выражаются в общении мимикой поцелуя – вытягиванием губ. Именно такое движение губами производится в процессе эмоциональной речи при обсуждении маленьких приятных объектов.

Передача мимикой внутреннего процесса позволяет говорить уже о другом типе номинации – интракинесемии. Кинемой (денотатом) здесь является уже не сжатие губ, а их вытягивание в трубочку. Поскольку описанные группы слов очень близки как со стороны формы (смыкание или сжатие губ), так и со стороны содержания (маленький/милый), – в данном случае имеет место интерференция двух разных мотивов номинации.

Поскольку жестика непосредственно связана с экспрессивностью, подтверждение присутствия жестовой мотивации можно найти в экспрессивной и просторечной лексике, обозначающей малое и милое. Так, в русском языке слова, образованные от нейтрального слова «маленький» увеличивают экспрессивность и количество лабиальных элементов по мере нарастания качества: *маленький* > *малюсенький* > *малипусенький*/милуизерный. Крайним выражением этой тенденции можно признать найденную на просторах интернета фразу *ути-пути-пусиньки-пушистик-малипусенький* [9]. В данном случае невозможно отрицать целенаправленное использование лабиальных элементов в сильной, ударной,

позиции для обозначения очень маленького и очень хорошенького существа. Интересно, что и в мертвой латыни можно найти аналогичное градуальное увеличение качества малости и лабиальности: *mont – monticellus – monticellulus* [10, p. 85].

Аналогичные признаки как со стороны формы (лабиальные), так и со стороны значения («маленький, милый»), демонстрирует целый ряд звукоизобразительных слов из разных языков: русск. *мимими*, англ. *timiny-piminy*, использование англ. *sweet* в значении «милый», исл. *þínulítill*, *þínkulítill* «крошечный, малюсенький».

В экспрессивной речи можно наблюдать, как экспрессивный губной жест прорывается сквозь нейтральную ткань языка, придавая новый смысл словам, изначально имеющему другое значение. Обилие лабиальных особенно наглядно видно на примере приведенных ниже уменьшительно-ласкательных обращений к детям и любимым со значением «детка», «малышка», «крошка» и т.п.: англ. *sweetie, sugar, poppet, bae, pumpkin, poppy, buddy, bunny, toots, pookie, nylabug, muffin*, уменьш.суф. *–pops* (*Rose – Rosie pops, Judith – Jupops*), нем. *Schnucki*, исп. *miñeca, boneca, dulzura*, рус. *пунчик*, фр. *loulou, bibou*, шв. *gullig*, рус.суф. *–ул* (*Димуля*).

Как видно, даже если изначально была некая звукоизобразительная мотивация (напр. *Schnucki* – производное от *schnucken* «сосать»), в разговорном языке слово получает другое звукоизобразительное значение. И если для слов со значением «сладкий» или «кукла» еще можно проследить семантический сдвиг к значению «милый», «хороший», то для следующих слов первоначальное значение полностью утрачивается и заменяется новым звуко-символическим значением типа «милый», «малышка» и т.п.:

- англ. *pud* – сокращ. от *pudding* «пудинг»
- англ. *boo* – фр. *beau* «красивый»
- англ. *goose* – «гусь»
- англ. *possum* – «опоссум»
- англ. *noodle* – «макаронина»
- англ. *–poo(h)* – уменьш. суф.; происх. от презрительного восклицания как реакции на неприятный запах *poo!* «фу!», но использ. для уменьш.-ласкат. прозвищ для детей и любимых: *Mikeypoo, Marthapoo*), [18, p. 113–114]
- фр. *chouchou* – от *chou* «капуста»
- фр. *puce* – «блоха»
- ирл. *mo chuisle* – сокр. от *chuisle mo chroí* «стук моего сердца»
- рус. *бусинка*

Очевидно, что данные слова приобрели новое значение именно потому, что их фонетическая форма позволяет реализовать тот выразительный жест, необходимость которого ощущается носителем языка. При этом сами фонемы, участвующие в артикуляторном жесте относятся к разным типам: высокие и низкие гласные, взрывные, свистящие, и плавные согласные. Объединяющее

их свойство – возможность реализовать сжатие или вытягивание губ, то есть изобразительный жест, возникший на доречевом этапе формирования сообщения. Как показывает приведенный материал, на уровне речевого жеста субъект номинации не тяготеет к определенным фонемам и может использовать любые фонемы, допускающие необходимую артикуляцию. На уровне конкретного языка жест реализуется имеющимися в наличии именно в данном языке фонологическими средствами. Материалом для реализации речевого жеста могут быть как отдельные фонемы (в случае примарной номинации), так и готовые слова, которые заново осмысляются в соответствии со своими фонологическими признаками.

Тот факт, что фонетический материал языка, в том числе уже существующие слова, легко приспосабливается к необходимости выражения речевого жеста свидетельствует о том, что данный механизм словообразования существует и продуктивен на современном этапе развития языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартаньян В. А. Путешествие в слово. М.: Просвещение, 1982.
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
3. Гурджиева Е. А. Элементарный звуковой символизм: (статистическое исследование). Автореф. канд. дис. М., 1973.
4. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных (1872). СПб.: Питер, 2001.
5. Камбаров Н. М. Фоносемантические средства английского языка и их соответствия в узбекском языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1990.
6. Кодзасов С. В. Две заметки о звуковом символизме. / Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
7. Adams R. *Watership Down*. New York: Scribner, 2005.
8. Bauer L. No phonetic iconicity in evaluative morphology // *Studia Linguistica* 50 (2) 1996.
9. Dreamwidth. URL: <https://anastgal.dreamwidth.org/1311699.html?thread=12503763>.
10. Dressler W., Merlini B. *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German, and other languages*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.
11. Gregová R. Evaluative morphology and (mor)phonological changes in diminutives and augmentatives of a sample of Indo-European, Niger-Congo and Austronesian languages // *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, Vol.1, issue 1, 2013.
12. Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel i // Jespersen O. *Linguistica. Selected Papers in English, French and German*. Copenhagen, 1933. – P.283-303.
13. Miller M. Na'vi – English Dictionary v. 13.21. Last updated: March 6th, 2016. URL: <http://eanaeltu.learnnavi.org/dicts/DictionaryNavi.pdf>.
14. Okrand M. *The Klingon Dictionary* (2nd edition). New York: Pocket Books, 1992.

15. Ohala J. The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch. / Hinton L., Nichols J., Ohala J. (Eds.), Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 325–347.
16. Plank F., Filimonova E. The Universals Archive. <https://typo.uni-konstanz.de/archive/intro/index.php?pt=1>. Originally published in Sprachtypologie und Universalienforschung 53, 2000 P. 109-123.
17. Quettaparma Quenyallo / Quenya-English Wordlist/, developed by H. K. Fauskanger. Bergen, last updated 2013. URL: <http://www.folk.uib.no/hnohf/wordlists.htm>.
18. Schneider K. Diminutives in English. Max Niemeyer Verlag, Tübingen 2003.
19. Ultan R. Size-sound symbolism. / Greenberg, J. (Ed.), Universals of Human Language, Volume 2: Phonology. Stanford: Stanford University Press, 1978.
20. Voronin S.V. Challenging an enigma: the basis of sound symbolism / Iconicity. Glottogenesis.Semiosis: (Sundry Papers) = Иконичность. Глоттогенез. Семиозис: (Из работ разных лет). Спб., С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. С. 50–56.

Davydova, V. A.

Saint-Petersburg State University of Economics

THE GESTURAL MOTIVATION FOR SOUND SYMBOLIC WORDS: FACIAL MIMICS IN DENOMINATIONS OF SMALLNESS

The article considers a group of diminutives sharing labial elements and conveying the meaning of meliorativeness. The author proves sound symbolic nature of this group of words and suggests a facial lip gesture showing smallness and the meliorative attitude of the speaker as a motive of its nomination. On the speech level the lip movement transforms into an articulatory gesture, which determines the appearance of labial and labialized phonemes in the words with the meaning of smallness and cuteness.

Sound symbolism, nomination, diminutive, articulatory gesture, extrakinesemism, motivation

УДК 811.58

Е. И. Кривошеева

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск,
enl77@mail.ru

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ИКОНИЗМА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен краткий историко-теоретический обзор концепций китайских философов и этимологов относительно принципа иконичности. Господствующая в китайской лингвистике идея Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака вызывает все больше вопросов относительно целесообразности ее применения к китайскому языку. Наличие связи между звучанием слова, его образом и значением отмечалось еще в древних китайских памятниках. На материале исторических и лексикографических источников разных временных периодов рассматриваются теоретические подходы китайских ученых к объяснению взаимообусловленности означающего и означаемого в рамках родного языка.

Иконизм, китайский язык, произвольность, звучание, значение, образ, графическое изображение

Наравне с Японией, лингвистическая наука в Китае долгое время находилась под влиянием курса Соссюра, соответственно, идея о произвольности языкового знака находилась в приоритете. Однако в настоящее время, с развитием семиотики, фоносемантики и психолингвистики, происходит переосмысление догмы о принципиальной произвольности и пересмотр некоторых аспектов, связанных с взаимообусловленностью между двумя сторонами лингвистического знака (означающим и означаемым). В современной китайской лингвистике со всей серьезностью обсуждается понятие языкового иконизма. Особое внимание данному вопросу уделяют китайские философы и этимологи [4].

Рассмотрим существующие концепции в ретроспективном порядке.

1. Период до династии Цинь

Не секрет, что для китайцев принцип иконизма всегда являлся основным способом образования иероглифических знаков. Так, один из самых древних письменных памятников, повествующий о «Боге солнца», являет собой обломок камня, относящийся к временному промежутку 5800 г. до н. э.- 4700 г. до н. э. На нем изображена фигура (образ человека) с 23 линиями по кругу над головой (олицетворение солнца и солнечного света) и множеством пятен вокруг талии и ног (подобно планетам вокруг солнца).

Термин «Образная аналогия» знака впервые был обнаружен в «Книге перемен» (1066 г. до н. э. – 256 г. до н. э.). В трактате рассматривается значение

символических знаков Bā Guà («Восемь диаграмм»), которые представляют собой одиночные и прерванные линии, образованные в 8 групп по 3 линии в каждой. Книга объясняет значение синонимичных иероглифов, таких как 乾 [qián], что означает 健 [jiàn «здоровый»], 坤 [kūn] означает 顺 [shùn «быть послушным»]. Высказываются мнения, что трактат являет собой сборник домыслов, однако он до сих пор цитируется и высоко оценивается за вклад, внесенный в изучение знаков и способов их трактовки через «аналогию и умозаключение» [6, с. 33].

Далее обратимся к древнекитайскому философу Лун Гунсунь (325 г. до н. э. – 250 г. до н. э.), который известен своим тезисом «белая лошадь – не лошадь». Философ утверждал, что следует делать различие между общими понятиями «лошадь» и конкретным наименованием объекта «белая лошадь», Другими словами, наименование не декодируется произвольно.

В рассматриваемый период фиксируется такое явление как «звучание со смыслом». Когда император поинтересовался у Конфуция значением слова 政 [zhèng «правление»], то получил объяснение, что 政 zhèng означает «прямо». Действительно, два слова 政 и 正 имеют идентичное звучание [zhèng], один и тот же графический элемент в составе 正, что делает их близкими друг к другу и по смыслу.

2. Период правления династии Хань

Концепция «Шести категорий письма» о создании китайских иероглифов от Лю Шу. Первое упоминание о ней встречается в книге «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы») в период до правления династии Цинь. Обратимся к этим категориям:

象形 xiàngxíng «изобразительная (пиктограмма)»: например, 山 shān «гора», 日 rì «солнце», 月 yuè «луна».

会意 huìyì «идеографическая»: например, 信 [xìn «верить»] предполагает речь (言) человека (人), а 林 [lín «лес»] означает многочисленное, 木 [mù «дерево/лес»] и 木, что означает «больше чем одно дерево».

转注 [zhuǎnzhu] «видоизменённая»: например 老 [lǎo «старый»] и 考 [kǎo «доживать до глубокой старости»] имеют схожее значение, о чем свидетельствует подобие в их произношении и написании.

处事 [chǔshì «указательная»]: например 上 [shàng «на»]; 下 [xià «под»]. Их значения выражаются позицией 人 [rén «человек»] по отношению к линии.

假借 [jiǎjiè «заимствованная»]: например 求 [qiú «для»]; 求 [qiú «умолять»]. Второе значение слова «умолять» заимствовано из первого.

谐声/形声 [xiéshēng/xíngshēng «фонетическая (фонограмма)»]: например, 江 [jiāng «река»], 河 [hé «река»], каждый иероглиф имеет один ключ выражающий (общее) значение воды, другой ключ выражает произношение [1].

Позже было установлено, что иероглифы видоизменённой категории проникли в китайский язык благодаря знакам, вырезанным на панцирях черепах. Кроме того, данный тип иероглифов приближает нас к пониманию того, как создавались синонимы. Фонетически заимствованные иероглифы демонстрируют процесс трансформации одного иероглифа из другого. Изначально они составляли незначительную часть (всего 20% от *jíagúwén* – надписи на костях и черепаших панцирях), но стали широко использоваться при образовании новых слов (около 80% китайских иероглифов).

Позднее учение Лю Шу было детально проанализировано в книге Шэнь Сюэ «Происхождение китайских иероглифов», написанной в период правления династии восточной Хань. Шэнь Сюэ использовал термин 亦声 [*yì shēng* «форма разделяет звук и смысл»]. Китайские пиктофонетические иероглифы обычно состоят из двух элементов, один из которых указывает на смысл, а другой на звук. Например, иероглиф 江 [*jiāng* «река»] состоит из двух элементов, левый элемент несет в себе смысл «воды», правый элемент несет звук, заканчивающийся на -āng. При обозначении термина 亦声 Шэнь Сюэ отметил, что иногда звуковой элемент несет в себе и смысл. Именно к таким примерам можно отнести иероглиф 酣 [*hān* «пьянствовать»] его левый элемент означает «вино», а правый элемент, как по звучанию, так и по смысловой нагрузке несет в себе значение «удовольствие». Общее число таких иероглифов в китайском языке примерно 950 знаков, что составляет 10% от общего числа иероглифов, указанных в словаре Сюй Шэнь [3, с. 29]. Согласно книге Дуань Юйцай «Комментарий к «Изъяснению письмён и толкованию иероглифов», теоретическую направленность концепции Сюэ можно резюмировать так: «звук исходит из смысла, смысл реализуется в звуке, а звук приводит к форме. Если учащиеся хотят распознавать иероглифы, они должны соблюдать форму, чтобы узнать ее звук и придерживаться звука, чтобы получить его смысл» [цит. по 5, с. 41]. Это как раз демонстрирует тесную связь между звуком и значением.

Вскоре после работы Шэнь Сюэ в свет вышла книга Лю Си «Шимин» («Толкование имен»), в которой обсуждается значение иероглифов с точки зрения звука. Лю Си правильно истолковал значение иероглифа 浚 [*huì* «оросительный канал»], который состоит из элементов «вода» и звукового элемента 会 [*huì* «место встречи борозд»]. Однако изложенный в книге подход не получил должной поддержки среди ученых-философов того времени.

Критике со стороны научного сообщества также подвергся трактат «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») (465—520) от Лю Си. В книге присутствует мнение о том, что пиктографическое письмо неотделимо от природы, а понятия неба и земли сформированы через познание объективного мира человеком. Согласно Сюй Гочжан (1988), лингвистическая теория Лю Си выглядит следующим образом: объективный мир → человеческое восприятие → язык (речь является отражением ума) → письмо (письмо происходит от речи) [4, с. 3].

В работах Лю Си также предпринимается попытка классифицировать знаки на иконические, звукоподражательные и эмотивные.

3. Период правления династии Сун

Во времена правления династии Сун (960 – 1279) Ван Сунмей из книги Шэнь Ко «Мэн си би тань» («Записи бесед в Мэнси») разработал термин 右文说 [yòuwén shuō «тезис о том, что фонетическая составляющая некоторых знаков несет смысловую нагрузку»]. Ван подверг сомнению правило о том, что знак находящийся слева, всегда придает смысл иероглифу, а тот, что справа – звук. Он утверждал, что значение китайского иероглифа может зависеть и от элемента справа. Например, 戔 [jiān «маленький»], отсюда небольшое количество воды 浅 [qiǎn «мелководье»], небольшое количество золота 钱 [qián «монета»]. Далее, 残 [cán «заходящий»] – закат, а небольшой клочок бумаги – 笺 [jiān «бумага для письма»]. Все эти иероглифы получили свое конкретное значение от элемента стоящего справа 戔», который заканчивается звуком «-an» [Цит по 5, с. 44].

Еще один философ, известный своим принципом декодирования значения из звука, – это Дай Тун. Согласно его теории, «письменный язык происходит от звука», «существование звука приводит к форме письменного языка, таким образом, смысл и звук сосуществуют и не являются производными от письменного языка». «Письменный язык-это изображение звука, а звук-это выражение человеческого духа. С этим духом у нас есть звук ... без языка звук не может быть реализован» [2, с. 63].

4. Период правления династии Цин

Этимологические исследования в период династии Цин (1644-1911 гг. н. э.) представляли такие исследователи как: Гу Яньу, Цзянь Юн, Дуань Юйцай, Ван Няньсунь, Кун Гуаншэнь, Цзян Югао и другие.

Среди всех вышеперечисленных ученых именно Ван Няньсунь утверждал, что значение соединений двух созвучных компонентов основано на их звуках. Дуань Юйцай заметил, что звук иероглифа 犹 [yóu «нерешительный»] имеет много двух тоновых форм, таких как 犹豫 [yóuyù], 犹与 [yóuyǔ], 尤豫 [yóuyǔ], у всех иероглифов один смысл «нерешительность». Что же касается происхождения языка: Чжан Тайянь отметил, что «язык никоим образом не выходит из пустоты». Причина, по которой мы называем лошадь «тǎй», вола «níú», заключается не в свободной воле или предположении.... Почему сороку мы называем «jìè»? Она звучит как «jìèjìè». Почему воробей называется «qíè»? Его звук «qíèqíè». Почему ворону мы называем «yā»? Она издаёт звук «yāyā». Почему дикий гусь зовется «yàn»? Он звучит как «àn àn». Все вышеперечисленное указывает на то, что эти животные названы так в соответствии со звуками, которые они издаёт. В этом смысле Чжан Тайянь не согласен с теорией произвольности знака и поддерживает сторонников иконизма [5, с. 46].

5. В период с 1949 г по настоящее время

Лингвист Ван Ли был первым, кто применил термин 同源词 [tóngyuáncí «паронимия»] для звуков, сходных по звучанию 音近义通 [yīn jìn yì tōng] в китайском языке. Например, значение «молодая собака» передается через иероглиф 狗 [gǒu, букв. «щенок»], а «молодой медведь» или «молодой тигр» как 豹 [gǒu], однако, произношение во всех случаях будет одинаковым.

За последние 20 лет принцип произвольности несколько раз подвергался сомнению со стороны немногочисленной группы китайских ученых. Сторонники произвольности в Китае часто цитируют философа Сюнь Цин (ок. 313—215 до н. э.) времен до правления династии Цинь с его теорией 约定俗成 [yuēdìng sùchéng, букв. «войти в общественную практику»] о том, что «правила устанавливаются после произвольного использования» [Цит по 5, с. 46]. Однако в наши дни эта идея была переосмыслена Сюй Гочжаном (1988) и Ван Инем (2006). Сюй и Ван утверждают, что приведенные слова Сюнь Цин неверно истолкованы. Первые два иероглифа 约定 [yuēdìng «договорная обязанность»] включают в себя также и вопрос «как разрешить». А следующие два 俗成 [sùchéng «общепринятое соглашение»] предполагают то, что мы подразумеваем под широким использованием. Если «принятие в общепринятое» предполагает соглашение между носителями языка и обществом, то оно предполагает и социальную ответственность, ибо только те, кто несут ответственность, способны достичь единодушия. Если каждый будет пытаться говорить по-своему, то есть произвольно, то взаимопонимания достигнуто не будет. Кроме того, говорящему придется приложить немало усилий, чтобы связать понятие с соответствующим образом, в особенности со звуковым изображением [Цит по 5, с. 47].

Ван Инь отмечает, что исследователи произвольности цитировали только 4 символа из первых двух предложений. Если заглянуть дальше в текст и проанализировать содержание, то философские идеи Сюнь Цина укладываются в 3 постулата:

(1) «Не существует закрепленного соответствия для именования, необходимо прибегнуть к соглашению, ибо то, что одобрено повсеместно – правильно, а то, что отличается от общепринятого, является неуместным».

(2) «Наименование никоим образом не является фактическим. Оно становится фактическим только тогда, когда одобрено. То, что всенародно одобрено, является реально существующим».

(3) «Наименование может быть хорошим. Хорошее название просто и легко понять».

Третий постулат, в основе которого лежит принцип мотивированности, долгое время оставался без внимания исследователей. С одной стороны Сюнь Цин отмечает существование феномена присвоения имен по соглашению, с другой, он подчеркивает важность социальной ответственности, чтобы носители языка могли общаться друг с другом через соответствующие наименования.

Наряду с теоретическими исследованиями большинство работ сопровождается реальными примерами из языка соответствующей эпохи. Лингвистический анализ сохранившихся китайских письменных памятников позволит получить больше информации о том, как и когда первобытные люди начали создавать протоязык. Ответы на эти вопросы было бы интересно узнать как сторонникам произвольности, так и сторонникам иконичности в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baidu Encyclopedia (百度百科). 2009. 六书(The Six Scripts).
2. Dang, Huaixing (党怀兴). 1992. 《六书故》“因声以求义”论 (On the theory of meaning from sound in The Origin of The Six Scripts). Journal of Shan'an Xi Normal University, Vol.21, No.1, 61-68.
3. Huang, Yuhong (黄宇鸿).1995. 试论《说文》中的“声兼义”现象(A tentative explanation of 'sound plus meaning' in Shuo Wen).广西师范大学学报(哲学社会科学版) (Journal of Guangxi Normal University, philosophy and social sciences edition). Vol.31, No.1, 26-31.
4. Xu, Guozhang (许国璋). 1988. 语言符号的任意性问题 - 语言哲学探索之一(Problems of Arbitrariness in Linguistic Signs).外语教学与研究 (Foreign Language Teaching and Research). No.3, 2-10.
5. Zhuanglin, Hu. 2010. The Image Iconicity in the Chinese Language. Chinese Semiotic Studies, Volume 3, Issue 1, Pages 40–55.
6. Zhang, Xiaoguang (张晓光). 2003. 《周易》中类比推论思想。(The analogical thoughts in The Book of Changes). 社会科学期刊 (Journal of Social Sciences), No.5, 32-35.

Krivosheeva, E. I.

Pacific National University, Khabarovsk

REVISITED STUDY OF ICONICITY IN CHINESE LANGUAGE

The note gives a brief historical overview on the conceptual ideas and approaches of the Chinese philosophers and etymologists towards iconicity in Chinese language. Despite an official mainstream of arbitrariness by F. Saussure that dominated in Chinese linguistics for many years there were insight works of Chinese scientists starting from ancient times till nowadays pointing out that correlation between sound, image and meaning has been a major pillar for Chinese language, its developing and characters decoding. The article reviews major achievements related to iconicity (only phonological) in the works of Chinese philosophers in a retrospective study.

Iconicity, Chinese language, arbitrariness, sound, meaning, image, graphics

УДК 81'342.6

И. В. Кузьмич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
irinakuzmich@inbox.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ФОНОСЕМАНТИКЕ

В работе анализируются звукоизобразительные глаголы, обозначающие движение в англоязычном произведении научной фантастики, и рассматриваются критерии отнесения глагола к категории звукоизобразительных.

Глаголы движения, звукоизобразительность, научная фантастика, фоносемантика, экспрессивность, этимология

Материалом данного исследования послужил роман «Неестественная история» (*Unnatural History*) Джонатана Блума и Кейт Орман (*Jonathan Blum and Kate Orman*) [8], основанный на британском научно-фантастическом телесериале «Доктор Кто» (*Doctor Who*), транслирующемся с 1963 по настоящее время).

Научная фантастика как интенсивно развивающийся в настоящее время вид художественной литературы является обширным «полигоном» для испытания словообразовательных возможностей языка в конкретных речевых воплощениях [1].

В произведениях научной фантастики мы предположили наличие высокого уровня насыщенности текста звукоизобразительными образованиями, так как звукоизобразительная лексика очень экспрессивна, и это дает автору возможность выразить с её помощью все необходимые эмоции. Кроме того, в таких произведениях можно встретить ЗИ-окказионализмы, а также целые вымышленные языки, создаваемые, как показывают фоносемантические исследования, на принципах звукоизобразительности [3]. Изучение словообразовательных и семантических особенностей окказионализмов, слов вымышленных языков и, конечно, ЗИ-лексики художественных произведений открывает новые перспективы для познания законов языковой системы. В частности, исследователи отмечают, что новообразования терминологического характера создаются под воздействием экстралингвистических причин, определяемой особенностями произведений научной фантастики и выполняют креативную функцию [5].

Особый интерес среди ЗИ-лексики художественного произведения представляют глаголы движения, поскольку они отражают не только динамику повествования, но и являются средствами художественной выразительности,

используются в тексте для косвенной характеристики личности героя и его эмоционального состояния в той или иной ситуации, для усиления эмоционального воздействия. К примеру, в романе для описания поведения героини во время нападения врагов авторы используют глаголы *to knock* (сбивать), *to ram* (таранить), *to yank* (налетать с размаху), *pulling* (волочить), являющиеся звукоизобразительными: «...*knocking* him off balance, she lowered her head and *rammed* him. <...> She *yanked* him back, hard, *pulling* his feet off the ground for a moment» [9, с. 48], что передает читателю эмоциональное состояние героини. Достаточно часто звукоизобразительные глаголы следуют друг за другом, образуя своеобразные ЗИ-кластеры среди других глаголов движения, как, например, в вышеуказанном примере. Такая ЗИ-сатурированность текста часто является признаком идиостиля писателя [2]. Кроме того, ЗИ-слова являются мощным средством создания художественного образа и используются в метафорах, сравнениях, в метонимии: *The flame **curled** around itself like smoke...*» (пламя **извивалось**, как дым) [9, с. 60]. ЗИ-глагол *to curl* «витьяся, крутиться», несомненно, играет не последнюю роль в создании образа извивающегося пламени).

Методом сплошной выборки из указанного произведения было отобрано 360 глаголов движения, из которых 209 (58 %) оказались уже доказано звукоизобразительными. Верификация звукоизобразительного статуса осуществлялась в соответствии со списком ЗИ-слов И. В. Кузьмич [7]. Остальные глаголы (151) были разбиты на десять групп по характеру движения: быстрое движение, медленное движение, движение определенным способом (по направлению вниз, по направлению вверх, движение к чему-либо, движение от чего-либо), движение по способу перемещения, движение рук, движение головы и характер перемещения. Среди этих глаголов выделяется группа глаголов (23 глагола), имеющих в словаре помету «неясная этимология» (*unknown origin*).

Многие лингвисты отмечают, что слова с неясной этимологией, часто звукоизобразительны по природе и экспрессивны, что они чаще всего передают ощущения, а не называют явление, при этом многие из них являются диалектными [11]. При этом ЗИ-статус в словарях получают только те слова, в которых выделяется ЗИ-значение. Если ЗИ-значение в слове отсутствует, то как звукоизобразительное оно не рассматривается, этимология не проводится на достаточную глубину и фиксируется неизвестное происхождение слова. Решение подобной проблемы может быть найдено, как представляется, в рамках этимологической фоносемантики. Впервые вопрос об этимологической фоносемантике был поставлен в диссертационном исследовании С. В. Климовой «Глаголы «неясного происхождения» в «Сокращённом Оксфордском словаре»» [6], где последовательно и системно были рассмотрены слова, имевшие пометы «происхождение неизвестно» или «этимология неясна» и доказана этимологическая надёжность звукоизобразительных (ЗИ) слов. Применение метода фоносемантического анализа для определения этимологии таких слов позволило установить их

несомненный звукоизобразительный статус более чем в 30% случаев. При этом следует упомянуть отмечаемую автором исследования объективную причину недостаточной разработанности ЗИ-этимологии – «маскировка» ЗИ-природы слова в процессе его относительной денатурализации [6]. В связи с этим этимологический анализ следует проводить по фоносемантическим группам – словам, близким по звучанию и значению.

В рамках данного исследования был проведён этимологический и фоносемантический анализ группы глаголов движения неясного происхождения в тексте романа «Неестественная история». Мы предполагаем звукоизобразительность 7 из 23 глаголов этой группы и приведём в качестве примера наиболее интересные с точки зрения анализа глаголы – *nab* и *rummage*.

Рассмотрим сначала глагол *to nab* (*поймать*) и его возможный вариант *to nobble* с тем же значением. Этимология глаголов представлена следующим образом:

1. «to nab – to catch (someone), 1680s, probably a variant of dialectal nap "to seize, catch, lay hold of", which possibly is from Scandinavian (compare Norwegian *nappe*, Swedish *nappa* "to catch, snatch"; Danish *nappe* "to pinch, pull")»;

2. «to nobble – first known use – 1847, perhaps irregular frequentative of nab» [10].

Исследователи звукоизобразительности неоднократно отмечали роль лабиальных фонем в названиях округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов в самых различных языках, так как в чертах их артикуляции присутствуют округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора [4].

В ходе структурно-фонетического анализа лексико-семантической группы английских обозначений округлого автором был отмечен заслуживающий внимания факт: все без исключения слова группы имели в своем фонетическом составе как минимум один лабиальный. Оказалось, что в английских словах, обозначающих округлое, наблюдается превышение вероятного ожидания лабиальных почти в 2,5 раза. С. В. Воронин отмечает, что такое значительное превышение нет оснований считать случайным, его следует, без сомнения, связать с выполнением лабиальными звукосемантической функции указания на округлость денотата [4, с. 100].

В части согласных наибольшее превышение вероятного ожидания – у [b] и [p] соответственно в 5,6 и 2,6 раза. Что касается гласных, то наибольшее превышение вероятного ожидания наблюдается у [ʌ] и [o] – в 6,2 и 4,8 раза. [4, с. 98 – 102]. Всё вышесказанное позволяет предположить, что *nab* (*nobble*) может быть связано с движением захвата чего-либо кистью руки, имеющей округленную форму.

Ещё один глагол *rummage* (*рыться*): «1. Search unsystematically and untidily through something. Origin: late 15th cent.: from Old French *arrumage*, from *arrumer* 'stow (in a hold), from Middle Dutch *ruim* 'room'. In early use the word

referred to the arranging of items such as casks in the hold of a ship, giving rise (early 17th cent.) to the verb sense "*make a search of (a vessel)*".

2. *Rummage* is old or unwanted things that people give away to charities. [American English] ... loads of pitiful rummage. (in British English, use *jumble*)» [10].

В словарной статье указывается, что «*rummage*» не имеет звукоизобразительного статуса и его происхождение является неясным. Однако его значение восходит к глаголу со значением «обыскивать», что, явно, предполагает звук быстрого и резкого переворачивания вещей, аналогичного дрожанию, и, вероятно, это звук [r]. Л. Ф. Лихоманова пишет о том, что анализ фонемного состава глаголов – обозначений дрожания показывает, что три четверти глаголов имеют в составе [r] (первоначально – вибрант), который выполняет звукосимволическую функцию изображения кинетического дрожания. Вибрант выполняет свою основную звукоподражательную функцию отражения диссонансного звучания [8, с. 8].

В значении существительного «хлам» (американский вариант английского языка) дан британский синоним «*jumble*» неясной этимологии и, предположительно, звукосимволический: «*jumble* – mix up in a confused or untidy way a drawer full of letters jumbled together [with]. Origin: early 16th cent.: probably symbolic» [10]. Учитывая возможное влияние фоносемантической группы, в данном случае мы также предполагаем звукоизобразительный статус данного слова.

Звукоизобразительный статус глаголов неясного происхождения в данном исследовании является предполагаемым. Для полноты исследования следует проводить глубокую и детальную этимологическую реконструкцию до праиндоевропейских корней слова с неясной этимологией в синхронном срезе, так и верификацию других слов данной фоносемантической группы, что представляется задачей, выходящей за рамки функционирования ЗИ-слов в тексте, и требующей отдельного фундаментального подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова Е. А. Окказиональное слово как стилиобразующая черта произведений научной фантастики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006, вып. № 2. Майкоп: Изд-во Адыгейского госуниверситета. С. 179 – 181.
2. Беседина Е. И. Фонетические средства стилистики в текстах романов Дж. К. Роулинг // Актуальные проблемы языкознания. Материалы VI межвузовской научно-практической конференции с международным участием 20.04.2017. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
3. Бродович О. И., Давыдова В. А. *Lingua Larina*: фоносемантический анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. вып. № 1. С. 94-100.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л.: Из-во Ленинградского университета: 1982.

5. Елизарова М. Н. Терминологические и художественные новообразования в функциональном аспекте (на материале произведений современной научной фантастики): Дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 1992

6. Климова С. В. Глаголы «неясного происхождения» в «Сокращённом Оксфордском словаре»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1986.

7. Кузьмич И. В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1993.

8. Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоизобразительных глаголов движения: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1986.

9. Jonathan Blum, Kate Orman Unnatural History. London, 1999.

10. Online Etymology Dictionary // URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.03.2019).

11. Thomas Wier // URL: <https://www.quora.com/What-English-word-has-the-most-obscure-origin>

Kuzmich, I. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ON THE ISSUE OF ETYMOLOGICAL PHONOSEMANTICS

Sound symbolic verbs of motion in science fiction have been analysed as well as their features and etymology.

Etymology, expressiveness, science fiction, phonosemantics, sound symbolism, verbs of motion

УДК 159.9.072, 81-139

Ю. Г. Седёлкина

Санкт-Петербургский государственный университет,
y.sedelkina@spbu.ru

Л. О. Ткачева

Санкт-Петербургский государственный университет,
tkachewa.luba@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВИЗУАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Явление звукоизобразительности рассматривается с точки зрения психолингвистики и представляются результаты исследования восприятия русскоговорящими испытуемыми звукоизобразительных слов родного и иностранного (английского) языков. С высокой степенью статистической значимости можно утверждать, что фонетическая мотивированность языкового знака не только не облегчает, а напротив, затрудняет его зрительное восприятие.

Фоносемантика, звукоподражание, звукосимволизм, лексическое решение, визуальное опознание вербальных стимулов.

Рост интереса к фоносемантическим исследованиям в последние годы не только подтверждает значимость этого раздела языкознания, но и вносит свой неоценимый вклад в развитие смежных наук, например, психо- и нейролингвистики. Особенно интересным представляется исследование восприятия человеком звукоизобразительности (ЗИ).

Идея о том, что фоносемантическая звуковая картина мира лежит в основе языковой картины мира, наводит на мысль об иконической природе многих тематических и лексико-семантических групп [10]. Тем не менее, факт стремительной деиконизации языкового знака говорит о снижении процентной доли ЗИ лексем в языке [8]. С другой стороны, возможно, именно поэтому фонетически мотивированные слова очень остро воспринимаются как носителями языка, так и инофонами. Одно из последних экспериментальных исследований восприятия на слух иноязычных ономатопоов показало, что при наличии визуального семантического контекста на родном языке респонденты с высокой долей вероятности выбирают правильное слово из предложенной пары [9].

С развитием аппаратных методов диагностики начался нейролингвистический этап в истории фоносемантических исследований. Можно выделить два основных направления нейролингвистических

исследований ЗИ: 1) исследования кросс-модального взаимодействия при восприятии ЗИ, и 2) исследования точности опознания ЗИ слов.

Проявления синестезии интересовали философов со времен Р. Декарта, а вслед за ними и современных психологов, лингвистов, и культурологов. Основатель российской школы фоносемантики, С. В. Воронин, еще в середине XX в. указывал на то, что синестезия лежит в основе ЗИ [1]. Являясь системным психофизиологическим механизмом, синестезия позволяет семантически обобщать с помощью лингвистических средств свойства денотатов разных модальностей [5]. В начале XXI в. проявление синестезии в процессе декодирования ЗИ было экспериментально доказано на примере звуко-символических прилагательных в африканском языке эве [12], японских артикуляторных ономатопов [11]. Эти и многие другие исследования показывают, что при восприятии ЗИ на слух активизируется не только аудиальная система восприятия, но и зрительная, двигательная, тактильная и др. Наиболее ярко проявление кросс-модального взаимодействия прослеживается в экспериментах с маленькими детьми [15]. Вероятно, это объясняется тем, что естественные синестетические связи между сенсорными областями мозга с возрастом слабеют в связи с переходом на абстрактную систему символов [13].

Второе направление нейролингвистических исследований ЗИ связано с точностью опознания слова. Получено экспериментальное подтверждение того, что значение эмотивных артикуляторных ономатопов определяется инофонами на слух точнее, чем значение абстрактных слов [17]. Более того, озвучивание стимула носителем исследуемого языка с соответствующей экспрессивной интонацией, проговаривание услышанного слова испытуемым, повышают точность его интерпретации [16].

Характерно то, что в подавляющем большинстве экспериментов исследовалось восприятие ЗИ на слух, что не удивительно, принимая во внимание фонетическую мотивированность этих слов. Вопрос же о том, как ЗИ воспринимается мозгом при визуальном предъявлении, остается малоизученным. Тем не менее, ответ на него мог бы внести свой вклад в понимание механизмов сложной когнитивной деятельности мозга, что могло бы значительно расширить зону практического применения ЗИ в таких областях как лингводидактика и лингвопрагматика [6].

Поэтому было решено начать с исследования скорости и точности опознания визуально предъявляемых ЗИ слов в сравнении с не-ЗИ. Было выдвинуто предположение, что наличие у слова не только графической, но и фонетической формы должно влиять на его восприятие при чтении через внутреннее озвучивание с той или иной степенью скрытой артикуляции [14]. Эксперимент проводился с использованием классической компьютерной методики “лексического решения”, разработанной Д. Мейером и Р. Шванвельдтом для определения скорости и точности опознания испытуемым вербальных стимулов (слова или логотома), визуально предъявляемых в случайном порядке в условиях дефицита времени. Фиксировались три

переменные: время корректного опознания стимула, количество ошибочно опознанных стимулов и количество опозданий. Экспериментальной сессии предшествовало тренировочное предъявление 10 слов и 10 логотомов.

Гипотеза эксперимента состояла в том, что при визуальном предъявлении ЗИ слов в ряду не-ЗИ и логотомов они опознаются иначе, чем не-ЗИ. Например, реагируя на стимул «хлоп», испытуемый может действовать как интуитивно, воспринимая символизм его фонемного состава, так и исходя из знания значения этого слова. И, поскольку реакция на слово может быть связана с его пониманием, было решено также проверить, влияет ли уровень владения языком на корректность опознания стимула. Поэтому было проведено два раунда экспериментов: на материале родного (русского) языка и иностранного (английского) – принадлежность к разным языковым группам исключила вероятность опознания иноязычных стимулов на основе родственных корней. В то время как в большинстве подобных исследований ЗИ используется не более 8 пар стимулов [18], в каждом раунде проведенного исследования использовалось 80 стимулов: 20 ЗИ слов, 20 - не-ЗИ слов, и 40 логотомов. Суммарно было предъявлено 5812 целевых стимулов.

Точность результатов подобных экспериментов зависит от правильности подобранных парных стимулов [2], поэтому для их отбора были разработаны следующие критерии. 1) Использовались только односложные слова. 2) Каждому ЗИ слову соответствовало одно не-ЗИ слово, аналогичное по типу звучания. 3) Каждому слову соответствовал один логотом, образованный из этого слова путем замены букв согласно фонотактическим правилам используемого языка. ЗИ стимулы отбирались с опорой на словари, справочники и диссертации и представляли все типы звучаний [4].

В качестве испытуемых было приглашено 148 человек, носителей русского языка, в возрасте от 13 до 78 лет. В исследовании восприятия ЗИ слов родного языка принимало участие 58 человек, 23 мужчины и 35 женщин, распределенных на 3 возрастные группы: 4 человека – до 15 лет, 31 человек – от 15 до 50 лет, 23 человека – старше 50 лет. В исследовании восприятия ЗИ слов иностранного (английского) языка принимало участие 90 русскоязычных искусственных билингвов, 25 юношей и 65 девушек, в возрасте от 17 до 20 лет, с различным уровнем владения английским языком: 9 человек – А1 и ниже; 15 человек - А2–В1; 54 человека - В1–В2 и 12 человек - В2 и выше.

Все результаты были обработаны и интерпретированы с помощью следующих статистических показателей. Для оценки достоверности гипотезы и вероятности сохранения полученного эффекта на генеральной совокупности рассчитывался р-уровень значимости. Для оценки зависимости точности опознания стимула от его типа (ЗИ / не-ЗИ) рассчитывался критерий Хи-квадрат Пирсона. Для оценки зависимости скорости опознания стимула от его типа рассчитывался критерий t-Стьюдента для зависимых выборок. Чтобы оценить взаимодействие при опознании стимула факторов типа слова и уровня владения языком либо возраста испытуемого проводился 2-факторный сравнительный дисперсионный анализ с повторными измерениями ANOVA [3].

Проведенные статистические вычисления показали, что визуально предъявляемые ЗИ слова опознаются русскоязычными испытуемыми медленнее и с большим количеством ошибок, чем не-ЗИ. Наблюдаемый эффект будет сохраняться на генеральной выборке с вероятностью выше 99% ($p < 0,001$). Это значит, что любой носитель русского языка будет реагировать подобным же образом на любой ЗИ-стимул. Причем, дисперсия времени опознания стимулов родного языка (34,3%) значительно превышала этот показатель для иностранного (18,8%). Вероятно, это связано с тем, что ЗИ и не-ЗИ стимулы родного языка не были выровнены по частотности, тогда как стимулы иностранного языка отбирались из одного и того же списка лексического минимума (B1) [4]. Задержка в обработке ЗИ стимулов фиксировалась независимо ни от возраста испытуемых, ни от уровня их языковой компетенции.

По-видимому, наблюдаемый эффект обусловлен когнитивной сложностью задачи, запускающей не только процессы кросс-модального взаимодействия, но и, предположительно, интерференцию двух систем обработки информации различных типов – семантической и образной [7]. Именно этот момент и требует дальнейшего детального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Ленанд, 2009. 248с.
2. Горбунов И. А., Ткачева Л. О. Связь семантических характеристик упорядоченности сознания с изменениями функционального состояния мозга // Вестник СПбГУ, 2011. Сер. 12, №1, С. 324–329.
3. Наследов А. Д. IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Изд-во Питер, 2013. 416с.
4. Павловская И. Ю., Седёлкина Ю. Г., Ткачева Л. О., Наследов А. Д. Психосемантическое исследование визуального восприятия иноязычной звукоизобразительности искусственными билингвами (лингвистический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 147–153.
5. Прокофьева Л. П. Синестезия в современной научной парадигме // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2010. №1. С. 3–10.
6. Смирнова О. В., Седёлкина Ю. Г. Синестемические лексические комплексы при обучении португальскому языку как второму иностранному студентов академии художеств // Традиционное и новое в лингвистике, переводоведении, лингвокультурологии и лингводидактике, сборник статей. Санкт-Петербург, 2017. С. 128–132.
7. Ткачева Л. О., Седёлкина Ю. Г., Наследов А. Д. Возможные когнитивные механизмы опознания носителями языка визуально предъявляемых звукоизобразительных слов (на материале русского языка) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 4. С. 31–41.

8. Флакسمан М. А. Деиконизация знаковых систем // Информация-Коммуникация-Общество. 2016. Т. 1. С. 169–172.
9. Шамина Е. А. Когнитивная валентность звукоподражательной лексики (экспериментальное исследование) // Когнитивные исследования языка / под ред. И.Н. Болдырева: материалы конференции. Москва – Тамбов, 2018. Вып. 34, С. 338–342.
10. Шляхова С. С., Вершинина М. Г. Фоносемантическая звуковая картина мира: монография. Пермь, 2016. 424 с.
11. Akita K. A grammar of sound-symbolic words in Japanese: theoretical approaches to iconic and lexical properties of Japanese mimetics: Ph.D. dissertation. Kobe University. 2009. 346p.
12. Ameika F. K. Ideophones and the nature of the adjective word class in Ewe // Ideophones / ed. F. K. Erhard Voeltz and Christa Kilian-Hatz. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 25–48.
13. Cytowic R. E., Eagleman D. Wednesday is indigo blue: discovering the brain of synesthesia. Cambridge, UK: The MIT Press. 2009. 309 p. P. 121–123
14. Guerrero M. C. M. de Inner Speech – L2: Thinking Words in a Second Language Springer, 2005. 251p.
15. Imai M., Kita S. The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological sciences. 2014. V. 369. Is. 1651. DOI: 10.1098/rstb.2013.0298
16. Oda H. An embodied semantic mechanism for mimetic words in Japanese: Ph D dissertation Indiana University Indiana, 2011. 656 p.
17. Revill K. P., Namy L. L., DeFife L. C., Nygaard L. C. Cross-linguistic sound symbolism and crossmodal correspondence: Evidence from fMRI and DTI // Brain and Language. 2014. №128 (1), P. 18–24.
18. Westbury C. Weighing up the evidence for sound symbolism: Distributional properties predict cue strength // Journal of Memory and Language. 2018. Vol. 99. P. 122–150.

Yu. G. Sedelkina, L. O. Tkacheva, A. D. Nasledov

Saint-Petersburg State University

ON VISUAL RECOGNITION OF SOUND-SYMBOLIC UTTERANCES IN NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES

The phenomenon of sound-symbolism is tackled in this article from the standpoint of psycholinguistics; presented here are the results of the study of the recognition by Russian-speaking subjects of their native and foreign (English)

words. It can be claimed with a high degree of statistical verity that the phonetic motivation of a linguistic sign not only does not facilitate its visual recognition, but in fact complicates it.

Phonosemantics, sound-iconicity, sound symbolism, lexical decision, visual perception of verbal stimuli

УДК 81-139

М. А. Флакман

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
mariaflax@gmail.com

МЕТОД ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности метода фоносемантического анализа, предложенного С. В. Ворониным для установления звукоизобразительного происхождения слова. Метод основывается на 6 последовательных операциях, включающих изучение этимологии слова и типологическое сопоставление. Однако применение метода на практике затрудняется рядом факторов, особенно если речь идёт о «старых» звукоизобразительных словах. Учёт этих факторов повышает точность результатов применения метода.

Фоносемантика, метод фоносемантического анализа, звукоподражания, этимология, ономотопея, звуковой символизм

Проблема этимологии звукоизобразительной лексики является одной из наиболее важных в фоносемантике; её рассмотрению посвящен ряд работ – [1–5]. Метод фоносемантического анализа С. В. Воронина [6] (далее ФСА) был создан с целью создания универсального механизма проверки звукоизобразительного статуса слова; он заключается в анализе слова посредством ряда последовательных и взаимосвязанных операций и направлен на выявление его иконического (звукоизобразительного) происхождения.

Настоящая статья посвящена обсуждению опыта применения данных операций на практике [7].

Метод ФСА

Перечислим операции метода ФСА:

Операция I «Семантика» – определение звукового или незвукового значения слова.

Операция II – Оpozнание звукосимволических слов по критериям идентификации (применение критериев 1–4 возможно лишь при проведении этимологического анализа):

Семантические критерии – 1) эмоциональность и экспрессивность; 2) образность семантики; 3) конкретность семантики; 4) обозначение простейших элементов психофизиологического универсума человека.

Грамматические критерии – 5) морфологическая гипераномальность.

Словообразовательные критерии – 6) редупликация.

Структурно-фонетические критерии – 7) фонетическая гипераномальность; 8) относительное единообразие формы; 9) фонетическая гипервариативность (протетический сонорный, метатеза, чередование гласных, чередование согласных – по способу, по месту артикуляции, по звонкости/глухости).

Функциональные критерии – 10) стилистическая ограниченность.

Интерлингвистические критерии – 11) типологическое сходство (изоморфизм) звукосимволических слов по разным языкам.

Операция III «Этимология» – установление этимологии слова на максимально возможную глубину, привлечение его коррелятов из родственных языков.

Операция IV «Экстралингвистика» – установление мотива номинации путем сопоставления акустических и артикуляторных характеристик звуковой стороны слова с сенсорными характеристиками денотата.

Операция V «Типология» – выявление слов со сходными звучанием и семантикой в неродственных языках.

Операция VI «Summa summarum» – анализ данных, полученных в результате проведения предыдущих пяти этапов и выводы о наличии или отсутствии в слове примарной мотивированности.

Метод ФСА и классификация звукоизобразительной лексики по стадиям деиконизации

Основной сложностью в применении метода ФСА, с нашей точки зрения, является то, что в полной мере перечисленные выше критерии оказываются применимыми лишь к небольшой группе звукоизобразительной лексики, а именно, к лексике, находящейся на первой и второй стадии деиконизации.

Классификация звукоизобразительной лексики по стадиям деиконизации (СД) была выработана на материале английского языка [7], но она является применимой и к материалу других, современных и древних языков.

Согласно этой классификации, вся звукоизобразительная лексика языка делится на четыре большие группы по степени сохранности иконической, изобразительной связи между формой и значением. Эта связь утрачивается, с одной стороны, под влиянием регулярных фонетических изменений языка, и под действием семантических сдвигов, с другой.

Так, новые звукоизобразительные слова, яркие, экспрессивные междометия (напр., рус. *ба-бах!* *жжж!* англ. *zzz!*) имеют наиболее прочную ассоциативную связь между формой и значением.

Слова на второй стадии деиконизации (полнозначные слова) обладают большей лексической сочетаемостью, более широкой сферой употребления, и, следовательно, более размытой семантикой, что делает их несколько менее иконичными (напр., рус. *жужжать*, англ. *buzz*).

Слова третьей стадии деиконизации или претерпели ряд значимых регулярных фонетических изменений (СД-3а), или утратили своё изначальное значение (СД-3б), что значительно ослабило смысло-звуковую корреляцию, необходимую для восприятия слова в качестве звукоизобразительного (напр., исл. *ýla* [i:la] «выть, издавать протяжные звуки»).

Звукоизобразительные слова, на последней, четвёртой, стадии деиконизации полностью утрачивают исходный фонетический облик, и их значение уходит очень далеко от первоначального; это делает такие слова полностью деиконизированными, то есть, утратившими свою «подражательность» (напр., англ. *gargoyle*). Звукоизобразительное происхождение таких слов (с большим трудом) восстанавливается методами этимологии.

Проблемы применения метода ФСА

Рассмотрим подробно все шесть операций, применительно к словам разной стадии деиконизации.

Операция I «Семантика»

Данная операция в полной мере применима только для слов на СД-1, СД-2, СД-3а. Установление значений слов на СД-3б и СД-4 требует этимологического анализа. Проведение последнего представляет определённую сложность для бесписьменных языков и языков, не имеющих родственных (напр., для баскского).

Операция II «Критерии»

Опознавание звукоизобразительных слов по перечисленным выше критериям имеет наибольшие ограничения.

Как мы уже отмечали [7, с. 174] эмоциональность и экспрессивность, и, следовательно, стилистическая ограниченность наблюдаются у слов, находящихся на СД-1 (реже на СД-2), но не у слов на СД-3 и СД-4. Например, экспрессивными и стилистически ограниченными являются *kaboom!* «бабах!» (СД-1), *looby* «дурак, придурок, простофиля» (СД-2), а *bell* «колокол» (СД-3б) и *touch* «трогать» (СД-4) таковыми не являются.

Гипервариативность, фонетическая гипераномальность при относительном единообразии формы, звукоподражательный аблаут и пр. – это, прежде всего, отличительные черты ЗИ лексики на СД-1 (например, англ. межд. *spack*, *speck*, *speck-speck*. *spack-a-speck* «тук-тук (звук дождя)» [7, с. 174]).

Исключение составляет редкая (во многих случаях диалектная) лексика на СД-2 (*squawk*, *scrawk*, *squall* «кричать» [8, с. 76]).

Такие критерии, как Критерии «морфологическая гипераномальность» и «редупликация» также будут обнаруживаться в основном у слов на СД-1 (например, англ. *knock-knock*), реже на СД-2 (например, англ. *turtur*). Обнаружение редупликации у слов СД-3 и СД-4 является сложной этимологической задачей (например, англ. *pigeon* (СД-4) «голубь» и русск. *пижон* (СД-4) восходят (через французский) к латинскому *pipio*, образованному от глагола *pipire* «пищать». Последний является редупликативным звукоподражанием пisku (**pi-pi*).

Экспрессивность и вариативность в целом – это характеристики разговорной речи, и эмоциональные, яркие по причине своей иконичности звукоизображения при переходе на более поздние стадии деиконизации утрачивают эти особенности. Их обнаружение затрудняется ещё и характером первых письменных памятников – разговорная речь стала повсеместно записываться относительно поздно.

Операция III «Этимология»

Установление этимологии слова на максимально возможную глубину оказывается возможным далеко не для всех языков по объективным причинам. Особенно это верно в отношении реконструированных языков.

С другой стороны, слова на СД-1 ещё не имеют «истории», зачастую являясь окказиональными новообразованиями.

Операция IV «Экстралингвистика»

Данная операция представляет собой установление мотива номинации слова, то есть сравнение его фонетического облика с акустическим (акустико-артикуляторным или акустико-артикуляторным) денотатом. Операция «Экстралингвистика» без этимологического анализа оказывается применима только к ЗИ словам на СД-1 и СД-2.

Операция V «Типология»

Операция V «Типология», так же, как и предыдущая ограничена рамками и успехами этимологии. Однако её применение сопряжено ещё с дополнительными сложностями – создание звукоизобразительных слов ограничено изначально как инвентарными, так и фонотактическими ограничениями конкретного языка, на почве которого они создаются. Поэтому типологически далёкие языки не всегда могут давать удобную почву для сравнения. Несмотря на это, данная операция ФСА является самой надёжной и универсальной – наличие объективной иконической связи между фонетическим обликом и денотатом подтверждается только наличием независимо возникших смысло-формальных ассоциаций схожего характера. Удобным инструментом поиска типологически схожих звукоизображений является электронный словарь *Iconicity Atlas* [9].

Выводы

Таким образом, применение метода ФСА оказывается сильно ограниченным временными рамками и успехами этимологии. Мало изученные и бесписьменные языки позволяют обнаружить звукоизобразительное происхождение слов, находящихся лишь на ранних стадиях деиконизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климова С. В. Глаголы неясного происхождения в сокращенном Оксфордском словаре (элементы этимологической фоносемантики): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 221 с.
2. Liberman A. Iconicity and Etymology // Synergy. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 243-258.
3. Malkiel Y. Diachronic Problems in Phonosymbolism. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 1990.
4. Воронин С. В. Фоносемантика и этимология // Диахроническая германистика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1997. С. 131-164.
5. Флаксман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб: НОУ ВПО «Институт Иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016.
6. Воронин С. В. Основы фоносемантика. М.: Ленанд, 2006. 248 с.
7. Флаксман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. н. Санкт-Петербург, 2015.
8. Швецова Н. Н. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах. канд...дис. СПбГУЭФ 2011.
9. Iconicity Atlas Project. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (дата обращения: 23.02. 2019).

Flaksman, M. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

THE METHOD OF PHONOSEMANTIC ANALYSIS AND PROBLEMS OF ITS APPLICATION

This article is devoted to the description of the method of phonosemantic analysis introduced by Stanislav Voronin and discusses the problems of its application. The method is a combination of six consecutive operations which include study of words etymology and typologically verifiable structural characteristics. This method has a number of limitations when it comes to identifying old onomatopoeic and sound symbolic words, but taking into account the factors discussed in present paper helps increase its accuracy.

Phonosemantics, method of phonosemantic analysis, onomatopoeia, phononicity, etymology, sound symbolism

УДК 811.521

С. В. Чиронов*Московский государственный институт международных отношений,*
s.chironov@inno.mgimo.ru

ЗВУКОСИМВОЛИЗМ И ЯПОНСКИЙ ИДЕОФОН: ФЕНОМЕН И КЛАСС

Возможность выделения идеофонов как фиксированного структурно-семантического класса в японском языке рассматривается с точки зрения языковой динамики, включая явления вторичной фоносемантизации и деиконизации, а также распространения звукоизобразительных элементов в пласте общей лексики.

Японский язык, идеофон, оноματοпоэтические слова, фоносемантика, звукоимовелизм, лексический класс, диахрония.

Эта работа представляет собой попытку критически переосмыслить ряд положений, на которых строилась моя кандидатская диссертация [7]. В ней действие фоносемантических механизмов рассматривалось на материале так называемых оноματοпоэтических слов современного японского языка, которые принимались за синхронно заданный класс единиц. В перспективе такого исследования это было оправданным с точки зрения ограничения его области рационально очерченным кругом объектов, которые в японском языке характеризуются и чёткими формальными особенностями (устойчивая структура), и внутренней системностью (многомерные семантические и структурные связи). В диссертации был сделан, думается, в целом верный вывод в том духе, что звукоизобразительные эффекты, ограниченные для всего пространства языка, в рамках обозначенного класса санкционируются структурной упорядоченностью последнего. Однако при этом в тени остался вопрос о том, насколько, собственно, зона действия таких механизмов совпадает с границами указанного класса в японском языке.

Последние годы показали не ослабевающий интерес к этой теме, подогреваемый обширными контактами с вербальными произведениями массовой культуры, насыщенными звукоимовелическими эффектами (комиксы). И в таких работах, и в более мейнстримовых с точки зрения материала устойчиво преобладает ориентация на оноματοпоэтические слова именно как на особый, чаще – фиксированный класс. Но наблюдения за явлениями языковой реальности, пускай и несколько периферийными относительно основной массы идеофонов, расшатывают это комфортное допущение, не поддерживаемое, стоит заметить, не только универсальными фоносемантическими обобщениями [2], но и трудами по японскому языку, где

идеофоны выделены как обладающая морфологическими, семантическими и строевыми признаками лексико-грамматическая, но не непременно как функциональная общность [1].

1. В работах, в том числе словарях, по лексическому «костяку» японских идеофонов присутствуют единицы с заданной двухуровневой структурой в составе «ядра» <CV(CV)> (своего рода корень, передающий фоносемантически общий образ явления) и набора формантов в основном в исходе слога: назализация, вариация длины гласного, удвоение 2-го согласного в двусложных единицах и ряд других, включая логические форманты - редупликацию и варьирование состава корней типа *katakoto* {о перестуке колёс}; эти последние могут передавать аспектуальные характеристики изображаемого события и тяготеют уже к иконизму структуры. Единицы с общим корнем и близким набором формантов считаются родственными или даже вариациями друг друга (и нередко помещаются в словарях в одной статье).

Сама по себе такая высокая степень парадигматичности, видимо, характерна для языков с выраженными ограничениями в структуре слога (то же видим, к примеру, в корейском, китайском). Но порой чёткость структуры как критерия мешает исследователю, запутывая ситуацию. Так происходит в пограничных областях, где выкладки о звукосемантизме распространяются на единицы «просто» не вполне «прозрачной» этимологии, напр. с прилагательным-редупликатом *иуа+иуа+shi+i* = *уважительный* [5, с. 65], производным от арх. **иуа* = *уважение* [10], о чьём «звуковом» значении данных нет. Ещё один расхожий пример – *shime+jime* {о сыром, влажном}, где не выполняется один из отличительных признаков идеофона – отсутствие морфонологических следов на стыке редуплицируемых морфем (ср. «морфонологические» редупликаты *hito* = *человек, люди* → *hito+bito* = (*многие, разные*) *люди*).

Едва ли в таких примерах речь о невнимательности исследователя или стремлении расширить свою картотеку. Во втором случае из процитированных сам автор обставляет включение в число идеофонов всего блока подобных лексем функциональным условием – «способность создавать живое описание реальности, апеллирующее к сенсорным ощущениям» [9, с. 66]. В этой логике, как представляется, выражен существенный посыл для размывания класса идеофонов новыми как внутри-, так и внеязыковыми заимствованиями. Статус идеофонов как ярких, эффектных, необычных элементов речи достаточно привлекателен, чтобы обусловить переток сюда лексики, изначально «не замеченной» в звукоизобразительности, иначе говоря – запустить процессы вторичной иконизации. Сказанное коррелирует с заметными параллелями между идеофонами и прочими единицами повышенной выразительности, выполняющими опорные функции в речевых произведениях, рассчитанных на эмоциональное воздействие; притом параллелями не только в плане переводной эквивалентности, но даже и структурной маркированности, выделенности среди «обычного» текста [6]. Конечно, это предполагает, что черты звукоизобразительных средств приобретает вовсе не любой лексический

материал, поднимаемый функциональными потребностями носителей языка, но только тот, что пройдёт фильтры «вписуемости» в фоносемантическую систему в русле идей В. Скалички о звукоизобразительном потенциале заимствований [3]. По ним же, кстати, серьёзные сомнения вызывает способность пройти такой тест у ещё одной группы редупликатов, являющих собой японизированные чтения китайских ономастов, напр. 錚錚たる *soo+soo+taru* {о звонком ударе металлических предметов; о видном, известном} (категорически нехарактерна для массива японской звукописи здесь ещё и ассоциация с иероглифом). Ещё одним важным ограничителем выступает объективная грань, которую невозможно перейти в насыщении текста максимально выразительными неконвенциональными элементами, как это делает, например, манга, представляя ряд изображённых графически звуковых жестов – и здесь автор не только стремится обойти конвенции языкового знака, но и бросает вызов устоявшимся моделям структуры идеофона, непрестанно ломая и выдумывая новые.

Вопрос о статусе «отфильтрованного» материала встаёт, помимо редупликатов, и с представителями модели *CVCV+ri*, сопоставимой (в силу фонологических ограничений) с фреквентативами с «дребезжащим» *-r(/l)-* в той или иной позиции. Обычно выделяемая как синхронно «зарезервированная» для идеофонов, она оказывается «оккупирована» множеством «побочной» лексики, претендующей на особую выразительность. Притом во многих случаях редупликат и упомянутая модель, как правило, усиливается геминацией второго согласного (своего рода конфикс), существует параллельно, но в отсутствие всех других членов парадигмы: см. *assa+ri* = *с лёгкостью*, *asa+asa+to* = *неглубоко*, *легко* \approx *asa+i* = *неглубокий* или *honno+ri* = *легонько*, *hono+bono* = то же (с озвончением!) \approx *hono+ka* = *едва заметный*. Относить ли эти единицы к идеофонам – пожалуй, правильнее всего решить по наличию связей с единицами со сходным составом ядра. Но даже тогда остаётся неясным соотношение между единицами со значительным различием в уровне сенсорности значения, см. *yukku+ri* = *медленно* и *yutta+ri* = *расслабленно*.

2. Одним из общих мест описания звукоизобразительной системы японского языка стал справедливый тезис о семантической пустоте, с которой граничит полисемизм японского глагола. Результирующее «расслоение» семантики между первичным, категориальным предикатом и вторичным (к каким, вне сомнения, относятся и идеофоны, прежде всего отражающие звучащие и ощущаемые события внеязыковой реальности, а уже потом ассоциируемые с ними признак или предмет), по этой идее, и определяет востребованность идеофонов везде, где нужны точность, богатство и эффект изобразительных средств. Надо отметить, однако, что, прежде всего, далеко не все исконно японские глаголы принимают такую роль семантической «рамки» события. Многие из них, особенно с двусложным корнем, сами и обнаруживают прямую связь с фоносемантической системой, и, соответственно, меньше нуждаются в дополнительном развёртывании формально обособленным идеофоном. Группируются они в тех же областях,

что и последние: звукоподражания, из звукосимволизмов – воздействие и движение, интерпретируемые через природу контакта (*haj+i+k+u* = *отщёлкивать* (пальцем), *haz+e+r+u* = *лопаться, взрываться*, см. также *yoji+r+u* = *продвигаться цепляясь, карабкаться*, *iji+r+u* = *искривлять, вертеть в руках*, (*fumi+*)*niji+r+u* = *топтать*, *neji+r+u* = *выкручивать, кидать*), а также формы и состояния, осознаваемые через свойства поверхностей или внутренней структуры предмета, напр. *fuki+r+er+u* = *распухать*, *fuki+r+am+u* = *раздуваться*, *fuki+m+u* = *содержать, включать*. Фильтр встроенности в систему они проходят не только через связи со сходными единицами (*yur+e+r+u* = *трястись*, *yur+a+g+u* = *шататься* ≈ <yura> {о тряске}, *kara+m+u* = *перепутываться* ≈ <koro> {о круговом движении}), но и образуя собственные группы (как в примерах выше). Предсказуемо, что статичные признаки типа формы чаще фиксируются в именах-названиях предмета-носителя, см. *tsubo* = *кувшин*, *tsubu* = *зерно* ≈ <butsu> {о пузырьках}, *kasa* = *слой облаков, зонт*, *kasa+n+aru* = *наслаиваться*, *kasa+m+u* = *накапливаться* ≈ <kasa> {о слоящемся, чешуйках, плёнках}.

Можно говорить и о композитных моделях с фоносемантическим элементом, как континуанты *u+naru* = *стонать*, *do+naru* = *орать* (*naru* = *звучать*) или *ha+bata+k+u* = *бить крыльями* (*ha* = *крыло*). Для ряда единиц фиксируется древняя модель (частичной) редупликации, как в *se+se+rag+u* = *журчать*, *so+so+g+u* = *лить*, *ta+ta+k+u* = *бить*. Из более редких примеров видим универсальные черты в мимеоинтракинеме *et+u* = *улыбаться*, фоноинтракинесемизмах *pate+r+u* = *лизать* (в артикуляции N участвует язык), *su+su+ru* = *всасывать*, в зоне «удушьё» *gerri* = *отрыжка*, *keti+r+u* = *дымиться* и *museb+u* = *задыхаться*.

Конечно, абсурдно утверждать, что подобные единицы синхронно действуют как звукопись. Но и полностью отрицать такие валентности в их семантике тоже неверно. Корректно, скорее, говорить о процессе поэтапной их утраты, то есть деиконизации знака как проявлении одной из универсалий лексического развития [4]. Факторы влияния здесь те же, что и в других языках – требование языкового динамизма (стирание и замена носителей выразительной экспрессии) и фонетические изменения, из которых в японском на первом месте стоит делабиализация *p→h(→0)*. Связь с идеофонами, не затронутыми ей, обнаруживают столь многие лексикализованные единицы, что не будет преувеличением назвать исконную японскую лексику значительно «пропитанной» иконизмом: см. *hira+k+u* = *открывать*, *hira+ta+i* = *плоский* ≈ <pira> {мембрана, тонкая плоская поверхность}, *ak+u* = *открываться* <pa> {дырка}, *ata+r+u* = *попадать* ≈ <pata> {о шлепке}, *tao+rer+u* = *падать* ≈ <daba> {о падении плоского} и даже односложные единицы: *ha* = *лезвие, лист, зуб* ≈ <pa> {о пластинке, легко открывающемся}, *hi+k+u* = *тянуть, тащить* ≈ <pi> {о натяжении}. Круг примеров дополнительно расширяется, если учесть вторичные процессы озвончения как внутри корней, так и в инициальной позиции (среднепродуктивный словообразовательный способ): *kuda+k+u* =

размалывать ≈ <kuta> {о разбитом, размолом}, *neda+r+u* = *клянчить* ≈ <neta> {о клейкой поверхности}, *kone+r+u* = *месить*, *gone+ru* = *ворчат* ≈ <kune> {об вьющемся} <kunya> {о гнущемся, вялом}.

3. Размышления о процессе постепенной смены фонда идеофонов подводят к двум промежуточным выводам. Один касается существования инстанции некой постоянной бессознательной «аттестации» носителями единиц на предмет адекватности требованиям к их «как бы внеязыковой» выделенности и выразительности. Многие работы по идеофонам по понятным причинам проводятся по словарям, и тем острее стоит проблема ответственности за верификацию, теперь уже вполне сознательную, статуса той или иной единицы как «рабочего» члена класса идеофонов. Показательный пример – слово *notarinotari* {о медленно колеблющемся, качающемся}. Множество цитат с ним объясняется вхождением в сверхпопулярный шедевр поэзии хайку: *haru no umi hinemosu notarinotari kana* (Ёса Бусон) = *Весеннее море // Колышутся, холмятся* волны // Целыми днями (пер. А. Белых). Несомненно, в эпоху всеобщей грамотности известность самой этой единицы приближается к 100%-ному охвату окончивших японскую среднюю школу. Однако обращение к корпусу [11] даёт из 7 случаев употребления лишь 4 в иных контекстах (о медленно летящем насекомом, о парении над облаками, неспешной работе, привольной жизни), везде – в художественной прозе. Одно вхождение (оно же единственное на форуме) представляет собой прямое упоминание стихотворения, ещё два относятся к категории прецедентных феноменов, искажающих или обыгрывающих исходное хайку. Это, и в первую очередь отсутствие примеров из живого общения, говорит о том, что единицу, уже довольно далёкую от узуса XVI в., в большой мере поддерживает в употреблении лишь литературная инерция.

Ещё одно соображение, неизбежно следующее из закономерности ротации фонда идеофонов – подвижность самих шаблонов, или моделей фоносемантического отражения. Резистентность, проявляемая первыми к определённым фонетическим изменениям, ещё не гарантирует их от любых изменений вообще, какие могут помешать реализации их иконических механизмов. С другой стороны, на сходные мысли наводят и разительные несовпадения между звукоизобразительными средствами даже достаточно близких и ареально, и типологически языков. Скажем, почему из приведённых уже групп значений {вращение} в японском изображает *kurukuru*, а в корейском *bingbing*, {качание} же *urayura* и *ggundeok* соответственно (где разнится даже функционал редупликации)? Видимо, речь идёт о том, что в данной функционально-семантической зоне действуют те же закономерности, что и в языке в целом: использование того или иного мотивированного знака на устойчивой основе тоже несёт в себе элемент конвенции, произвольности – в данном случае в выборе из некоторого ассортимента объективно установившихся и, очевидно, неизменных во всяком случае на очень долгом временном промежутке механизмов. В этом смысле мы не можем говорить о том, что идеофонами японцы изъясняются «напрямую так, как чувствуют». Нет, даже

на этом «особом полигоне», где знаку разрешается частичная первичная мотивированность, говорящий связан немалыми правилами, а значит, и не носитель языка в состоянии их изучить и применить.

Всё сказанное позволяет поставить вопрос о необходимости взгляда на функционирование идеофонов японского языка в двояком ключе. Если мы фиксируем их как синхронный класс с заданными структурными и содержательными характеристиками, следует принять ряд «неудобных» случаев на его границах, определяемых языковой динамикой, данные об основных направлениях которой, несомненно, должны дать наблюдения за самыми «молодыми» языковыми жанрами, окказионализмами, употреблением в ситуациях меж- и внутриязыковых контактов. Если же подход смещается к функциональной перспективе, то тогда можно гибко отнестись к периферийной части класса, где будет наблюдаться немалая подвижность и размытость границ. При этом, помимо, разумеется, изучения того, как именно преломляются универсальные закономерности в определённой языковой системе, интерес с точки зрения типологической анкеты должно привлекать то, какие именно смысловые зоны вообще обслуживает звукоизобразительность, с учётом данных о том, как индивидуален этот набор может быть для отдельного языка [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. I–II. М.: «Наталис», 2008.
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики. СПб, ЛЕНАНД 2008.
3. Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений URL: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/skalichka-issledovanie-vengerskih-106440.html>
4. Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка. Дисс. канд. филол. н (Т.1) СПб, 2015.
5. Фролова О. А. Ономатопоэтические слова японского языка в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988.
6. Чиронов С. В. Идеофон как функциональная единица // Актуальные проблемы языкознания: материалы 6-й межвузовской научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ "ЛЭТИ", 2017.
7. Чиронов С. В. Ономатопоэтические слова в японском языке: проблемы функционирования. Дисс. канд. филол. н. М. 2004.
8. Шляхова С. С. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы // Филологические заметки. 2014. №. 1
9. 中里理子 「中世説話作品に見られるオノマトペ — 『古今著聞集』 『沙石集』を中心に—」 (Накадзато Р. Ономатопы в средневековых собраниях «Кокин-вакасю» и «Сясэкисю») Saga Univ. Vol. 2-2, 2018.

10. Gooオンライン辞典(Толковый онлайн-словарь «Гу») URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/jn/20622/meaning/m0u/>

11. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) URL: http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form

Sergey V. Chironov

*Moscow state institute of international relations,
s.chironov@inno.mgimo.ru*

SOUND SYMBOLISM AND JAPANESE IDEOPHONES: THE PHONENON AND THE CLASS

How correct is it to treat ideophones as a fixed lexical class in contemporary Japanese? It is possible to question this approach from the diachronic point of view (taking into considerations the influx of non-symbolic words and the processes of de-iconization). Also, a scale of iconic status may be in order, and a notion of some, though limited, arbitrariness and conventionality even of an iconic sign.

Contemporary Japanese, ideophone, onomatopoeic words, phonosemantics, sound symbolism, lexical class, diachrony.

УДК 81'22

Шамина Е. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
e.shamina@spbu.ru*

УНИВЕРСАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОНОМАТОПОВ С. В. ВОРОНИНА КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ

С привлечением материала звукоподражаний разных языков демонстрируется наличие у универсальной классификации онома톱ов, разработанной С.В.Вороным, экспланаторных и эвристических свойств. Обосновывается отсутствие у нее прогностической функции и приводятся аргументы в поддержку такой точки зрения.

Звукоподражания, инстанты, континуанты, фреквентативы

Разработанная С.В.Ворониным универсальная классификация онomatопов предлагает научную основу для анализа звукоподражаний любого языка в силу того, что она опирается на классификацию объективных свойств денотата, т. е. акустических параметров отображаемого в слове звучания [2].

Следует заметить, однако, что набор параметров, выбранных С. В. Ворониным в качестве основных свойств звучаний внешнего мира, репрезентируемых в языке с помощью онomatопозетических слов: высота, громкость, время, регулярность, диссонантность – является не вполне типичным для акустических (или уже – фонетических) исследований. Если первые три соотносятся с принятыми в этих науках обозначениями частоты основного тона, интенсивности и длительности звукового сигнала, то два других (регулярность и диссонантность) представляют собой достаточно сложные сочетания собственно акустических свойств денотата (в том числе и тембра) с впечатлениями от них при слуховом восприятии. Сам автор классификации характеризовал ее как (психо)акустическую. С правомочностью такого подхода к языковому (а не физическому) материалу приходится согласиться, однако необходимо иметь в виду, что он оставляет место для субъективных интерпретаций. В самом деле, в этом случае исследователь вынужден полагаться не только на объективно данные и измеримые параметры, но и на их перцептивный эффект, доступный для изучения только через язык, т.е. само изучаемое.

Универсальная классификация онomatопов предполагает существование трех основных классов звукоподражательных слов: инстантов (отображений ударов и импульсов), континуантов (репрезентаций длительных тонов или шумов) и фреквентативов (языковых представлений диссонансов и вибраций), а также двух гиперклассов инстантов-континуантов и фреквентативов квазиинстантов-континуантов. В своей более поздней работе [6] С. В. Воронин включил упомянутые гиперклассы онomatопов в число собственно классов звукоподражаний. Каждый из классов насчитывает несколько вариаций, обусловленных либо особенностями звукового денотата, либо особенностями его языкового представления. Общее число моделей, описанных автором классификации с помощью достаточно сложных формул, включающих указание на наличие и место в экспоненте слова тех или иных звукотипов, равняется 18.

Как показывают результаты многочисленных сопоставительных исследований звукоподражательных систем разных языков, предпринятых как самим С.В.Ворониным, так и его учениками, основные классы онomatопов регистрируются в широком спектре языков разной степени родства [2, с. 161]. Исследовательский инструментарий классификации онomatопов С. В. Воронина можно использовать при изучении звукоподражательной лексики как в синхронии, так и в диахронии, с использованием в качестве материала как отдельных лексем или лексико-семантических групп, так и текстов. Это со всей очевидностью указывает на ее значимость для теории

фоносемантики и для практики применения принципов фоносемантического анализа в исследовании звуковой материи языка.

Тем не менее, при принципиальной валидности указанного подхода, его применение оказывается существенно осложнено в определенных условиях. К таковым относятся:

1. сложная акустическая форма денотата (в случае, скажем, языкового изображения процесса чихания, который может занимать несколько секунд и включать фонации как на вдохе, так и на выдохе);

2. сложная фонетическая форма экспоненты, обусловленная звуковым строем языка (например, соответствующие английскому слову *rumble* «громыхать» литов. *burzduliuoti* или итал. *brontolare*, где разные слоги корня представлены разными звукоподражательными моделями);

3. частноязыковые фонотактические ограничения (например, отсутствие классических моделей инстантов в японском языке в связи с отсутствием в нем закрытых слогов);

4. регулярные фонемные чередования и вставки в языках с развитой морфологической системой (так, схожие по форме в современном русском языке *стучать* и *мычать* по значению и по происхождению из *стук* и *му* должны быть отнесены к инстантам и континуантам, соответственно);

5. особенности фоносемантической картины мира носителей данного языка, или предпочтительное использование разных классов онома톱ов при номинации сходных типов звучания (например, обозначение собачьего лая инстантами в германских языках и континуантами в романских [4]).

Указанные проблемы языковой звукоподражательной репрезентации являются свидетельством того, что рассматриваемая классификация не обладает прогностическими свойствами. Иными словами, зная свойства акустического денотата, нельзя предсказать, каким образом он будет представлен в том или ином языке.

Значимость и даже собственно универсальность классификации онома톱ов С.В.Воронина обусловлена, прежде всего, ее экспланаторной функцией. Так, в основной работе лингвиста, посвященной ономатопее, можно найти подробное объяснение, каким образом соотносятся между собой и соответствуют звуковой форме денотата следующие лексические единицы разных языков со значением «тяжелая поступь», развившимся из подражания глухому удару [2, с.99 - 100]:

- *clomp* (англ.)
- *tumb* (турецк.)
- *tuŋka-tuŋka* (баск.)
- *тамбуэк* (нанайск.)
- *гумп* (туркм.)
- *ланк* (чуваш.)
- *lantoem* (малайск.).

И при почти полном совпадении формы, как у турецкого и туркменского слов, и при ее значительном расхождении, как при сравнении баскского и

малайского слов, приведенные в списке оноματοпы относятся, в соответствии с универсальной классификацией, к классу инстантов-континуантов. Взрывные согласные в их экспонентах иконически передают резкие звуки ударов, а сонанты (в особенности, носовые) – длительное тоновое звучание, следующее за ударом.

Для универсальной классификации оноματοпов С. В. Воронина также характерны эвристические свойства, упрощаемые ее автором в связи с фоносемантическими элементами вообще [1]. Именно они обеспечивают возможность правильного опознания иконических слов чужого языка, по принципу: слышу слово – и знаю, что оно значит.

Доказательством наличия эвристической функции у оноματοпов могут служить различного рода перцептивные эксперименты, в которых носителям одного языка предлагается определить значение слов другого языка, им не знакомого. Такие эксперименты могут проводиться с использованием разных методик, в том числе и с заданием для респондентов выбрать подходящее по звучанию иностранное слово из двух предлагаемых для постановки его в контекст, предъявленный на родном языке испытуемых [3]. Так, в указанной серии экспериментов носителям английского языка, не знающим русского, нужно было выбрать из двух русских оноματοпов, воспринимаемых на слух, и вставить их в предложение на родном языке, представленном в письменном виде, например:

Leaves began to (свистеть / шелестеть), windows (дребезжать / гудосить) and a door (звенеть / грохотать) shut.

Материалом в этой части исследования послужило упражнение из учебника английского языка Р. Норриса [5], а в части эксперимента, где респондентами выступали носители русского языка, не знающие английского, – перевод данных английских предложений на русский:

Листья на деревьях начали (whistle/rustle), оконные стекла (rattle / mutter), а дверь с (rang / bang) захлопнулась.

Русскоязычные испытуемые получали такое же задание, что и англоязычные.

Обе группы респондентов (около 100 человек в каждой, мужчины и женщины разного возраста, пола и социального положения) успешно справились с заданием. Они правильно интерпретировали значение иностранных иконических слов далеко не случайным образом, в среднем более чем в 70 % случаев. В отдельных случаях правильное опознание иноязычных звукоподражаний составляло около 90 %, например, при выборе из пар слов *rumble / stutter* (в значении «урчать» русскими респондентами) и *брякнуть / жужжать* (для обозначения звука упавших ключей англоговорящими респондентами).

Приведенные выше данные и соображения позволяют прийти к следующим выводам:

- универсальная классификация оноματοпов С. В. Воронина является важным инструментом фоносемантического анализа любого уровня;

- как инструмент когнитивных лингвистических исследований она обладает экспланаторными и эвристическими свойствами;
- в связи с различиями в фоносемантических картинах мира и особенностями функционирования фонетических систем разных языков прогностические свойства ей не присущи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Ленинград: изд-во ЛГУ. 1982. 244 с.
2. Воронин С. В. Английские ономаины: Фоносемантическая классификация. СПб: Геликон Плюс, 2004. 190 с.
3. Шамина Е.А. Когнитивная валентность звукоподражательной лексики // *Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире*. Москва – Тамбов, 2018. С. 338 – 342.
4. Шамина Е.А. Репрезентация лая в языке: свидетельство в пользу существования звукоподражательной картины мира // *Актуальные проблемы языкознания. Материалы 6 Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, СПбГЭУ ЛЭТИ, апрель 2017*, с. 326–329.
5. Norris, R. *Straightforward Advanced. Student's book*. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2008.
6. Voronin, S. V. *The Universal Classification of Onomatopoes 25 Years On* // S. V. Voronin. *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2005. P. 30 – 37.

Shamina, E. A.

St. Petersburg state university

S. V. VORONIN'S UNIVERSAL CLASSIFICATION OF ONOMATOPEES AS A RESEARCH TOOL FOR THE STUDY OF LANGUAGE SOUND IMITATIONS

With the use of examples of sound imitative words from different languages, the universal classification of onomatopoes developed by S. V. Voronin is proven to demonstrate explanatory and euristic qualities. The prognostic function is found to be lacking and the explanation of the fact is offered.

Sound imitations, instants, continuants, frequentatives

СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО. НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ

УДК 81:821.161.1

Л. Н. Каминская

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
larkam@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УСВОЕНИЯ НОРМ ПУНКТУАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы усвоения норм пунктуации участниками государственной итоговой аттестации. На репрезентативном фактическом материале анализируются основные ошибки, связанные с нарушением пунктуационных норм современного русского литературного языка. Отмечается увеличение диспропорции между формальным, механистическим усвоением норм русского языка и их практическим применением в письменной речи.

Современный русский литературный язык, нормы пунктуации, государственная итоговая аттестация

Государственная итоговая аттестация в формате единого государственного экзамена является эффективным инструментом объективной оценки качества подготовки обучающихся, освоивших обязательные программы среднего общего образования. Это важнейший этап в процессе обучения, аккумулирующий положительный жизненный опыт выпускника средней школы, показатель его зрелости. В данном контексте ЕГЭ по русскому языку следует рассматривать как некий рубеж, завершающий процесс обучения в средней школе, и в то же время открывающий перспективы дальнейшего роста и развития [1, с. 31].

Содержание экзаменационной работы по русскому языку проверяет, в какой степени у выпускников средней школы сформирована каждая из четырех компетенций: языковая, лингвистическая, коммуникативная и культуроведческая. Результаты ЕГЭ позволяют судить об уровне освоения целого комплекса практических умений и навыков, важнейшим из которых является владение нормами современного русского языка, в частности, пунктуационного оформления письменного высказывания. Задания на пунктуацию для участников экзамена из года в год оказываются самыми трудными. Экзаменуемые не способны соотнести конкретный языковой материал с отвлеченной схемой и выбрать правильный знак препинания. Этим

обусловлены низкие результаты усвоения участниками экзамена пунктуационных норм русского языка [5].

Следует отметить, что степень владения пунктуационными нормами проверяется в ходе выполнения заданий контрольных измерительных материалов на разном уровне и в разном формате. Так, в первой, тестовой части экзаменационной работы представлен для пунктуационного анализа материал в виде отдельных предложений. В соответствии со спецификацией и кодификатором 2018 года это задания № 15 «Знаки препинания в простом осложнённом предложении (с однородными членами)». Пунктуация в сложносочинённом предложении и простом предложении с однородными членами», №16 «Знаки препинания в предложениях с обособленными членами (определениями, обстоятельствами, приложениями, дополнениями)», № 17 «Знаки препинания в предложениях со словами и конструкциями, грамматически не связанными с членами предложения», № 18 «Знаки препинания в сложноподчинённом предложении», № 19 «Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи» [4]. В этих заданиях, проверяющих умения в практике письма применять пунктуационные нормы современного русского литературного языка, экзаменуемый должен расставить знаки препинания в предложениях, применяя соответствующее пунктуационное правило.

Вторая часть, представляющая собой сочинение-рассуждение по прочитанному тексту, проверяет овладение экзаменуемыми практическими коммуникативными умениями и нормами русского литературного языка, реализующимися в письменной спонтанной речи.

Анализ результатов выполнения заданий, диагностирующих владение нормами пунктуации, выявил тревожную тенденцию: увеличение диспропорции между формальным усвоением норм пунктуации, которые проверяются в тестовых заданиях части 1, и уровнем практической грамотности, продемонстрированной участниками экзамена в сочинении части 2.

При этом с заданиями части 1, проверяющими усвоение пунктуационных норм русского языка, участники экзамена 2018 года справились в целом успешнее, чем экзаменуемые прошлого 2017 года.

В таблице 1 представлен средний процент выполнения заданий части 1, проверяющих владение пунктуационными нормами, показанный тремя группами участников (не преодолевшие пороговый балл, набравшие от 60 до 80 баллов, набравшие от 81 до 100 баллов), в 2018 году в сравнении с соответствующими результатами 2017 года.

Таблица 1

Средний процент выполнения заданий №15 – 19

год	Средний процент выполнения	Ниже мин. балла	В группе 60–80 баллов	В группе 81–100 баллов
2018	80,82	23,44	82,30	96,05
2017	75,43	22,09	77,11	94,12

Практически по всем типам заданий части 1, проверяющих пунктуационные навыки, средний процент выполнения задания вырос по сравнению с 2017 годом. Исключение составило задание 17 («Знаки препинания в предложениях со словами и конструкциями, грамматически не связанными с членами предложения»), средний процент выполнения которого снизился за счёт существенного понижения процента выполнения задания в группе участников, набравших от 60 до 80 баллов.

Если объединить все задания, проверяющие пунктуационные навыки, в тематический блок «соблюдение пунктуационных норм», то представляется возможным сопоставить результаты выполнения этих заданий с соответствующими показателями части 2 (владение навыками практической пунктуационной грамотности в связном тексте – критерий К8).

Критерий К8 (соблюдение пунктуационных норм) является политомическим. Экзаменуемый получает максимальный балл (3), если в его работе пунктуационных ошибок нет или допущена одна негрубая ошибка, 2 балла, если допущено одна-три ошибки, 1 балл – 4-5 ошибок и 0 баллов, если допущено более 5 ошибок. В таблице 2 представлен средний процент выполнения задания на 1 – 3 балла по критерию К8 в сопоставлении с соответствующими заданиями части 1.

Таблица 2

Средний процент выполнения заданий № 15-19 и задания № 26 по критерию К8

Номера заданий	Средний процент выполнения	Не преодолевшие минимальный балл	В группе 60–80 баллов	В группе 81–100 баллов
15 – 19	80,82	23,44	82,30	96,05
26 (критерий К8)	77,57 (79,06 в 2017 году)	0,00	79,93	98,86

Задания 15 – 19 и критерий К8 задания 26 проверяют на разных уровнях освоение и использование на практике пунктуационных норм русского языка.

Отметим, что тестовые задания 15 – 19 предполагают формализованный подход к проверке знаний по пунктуации, в то время как критерий К8 проверяет состояние практических навыков письменного оформления спонтанной речи. И если, как свидетельствует статистика, средний процент выполнения заданий, проверяющих пунктуационные навыки на уровне алгоритмизации, повысился по сравнению с 2017 годом, то средний процент выполнения задания К8 («Соблюдение пунктуационных норм») понизился [3, с. 47 – 49].

Следует отметить, что стабильно низкие результаты выполнения задания по критерию К8 продолжают оставаться неизменными на протяжении последних лет.

Таблица 3

Средний процент выполнения задания по критерию К8 на 3 балла

Критерий оценки задания	2018	2017	2016	2015	2014
К8	22,14	22,35	22,54	21,28	21,76

Поскольку пунктуационные нормы отражают смысловое и структурное членение речи, в частности, грамматическое в письменной речи, результаты коррелируют с результатами выполнения задания по критериями К 9 (соблюдение грамматических норм) [2, с. 378]. Типичные пунктуационные ошибки отражают незнание и непонимание грамматической структуры предложения.

Существенное снижение результатов по критерию К8 в сочинениях анализируемой группы участников экзамена говорит о поверхностном усвоении пунктуационных норм русского языка и неумении применять их в письменной речи. Типичной ситуацией остаётся незнание основных правил пунктуации, изучаемых в школе, а именно: правил постановки знаков препинания в предложениях с однородными членами, с обособленными членами (обособление определения, приложений, обстоятельств, дополнение), правил обособления вводных слов и конструкций, сравнительных оборотов; правил постановки знаков препинания в сложносочинённом и сложноподчинённом предложениях; знаков препинания при прямой речи, цитатах, правил употребления кавычек.

Приведём примеры (в цитатах из сочинений сохранены ошибки участников экзамена).

Отсутствие обособления вводных слов и конструкций, сравнительных оборотов: *«Такой приём как лексический повтор помогает понять позицию автора»*; *«Я согласен с позицией автора и так же как и Д.Л. Быков считаю...»*; *«В данном тексте автор поднимает важную на мой взгляд*

проблему высокомерия»; «Открытые люди не боятся задавать казалось бы банальные и очевидные вопросы».

Отсутствие обособления причастных и деепричастных оборотов: «Аргументируя свою точку зрения хочу вспомнить «Письма о добром» Д.С. Лихачёва»; «Ещё одним аргументом подтверждающим мою позицию является мой жизненный опыт».

Ошибочная постановка запятых: «В письме «Как говорить», филолог рассуждал о тесной связи речи человека и его внутреннего мира»; «Именно поэтому, отсутствие высокомерия в словах человека, говорит о том, что он умён»; «В заключение, хочется сказать, что умный человек обязательно последует зову сердца и не станет его стыдиться»; «Ещё одним аргументом, является мой жизненный опыт»; «Но, по-настоящему умный человек, не может быть таким рационалистичным, он всегда импульсивен и прямолинеен»; «Я согласен с позицией автора, и тоже считаю.....»; «Ведь, это те люди, которые помогут»; «Вообще, в жизни, в последнее время, очень много таких ситуаций».

Пунктуационные ошибки в сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях: «Я считаю что проблема на которой хотел заострить внимание автор, это несчастье умного человека»; «Другим примером того что ум заключается в откровенность может послужить наблюдение из моей жизни»; «Быков старается показать нам что в мире не бывает злых и умных людей»; «Очень часто умные люди встречаются с недопониманием и в этом я соглашусь с автором но в том что они обречены на одиночество я согласиться не могу»; «В наше время есть много людей которые совершают бессовесные поступки, и не несут ответственности»,

Неправильная постановка знаков препинания при прямой речи, в цитатах, ошибки в употреблении кавычек: «Умный человек не смотрит на всех «свысока», относится ко всему «с пониманием», «трезво» анализируя ситуацию»; «Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей души, ума...» – писал Д.С. Лихачёв»; «Писатель упоминает слова А.С. Пушкина, который писал, что: «Первый признак умного человека – с первого взгляда знать, с кем имеешь дело».

Подводя итоги, следует отметить, что усвоение пунктуационных норм русского языка продолжает оставаться на очень низком уровне. Как показывает проведенный анализ, диспропорция между формальным, механистическим усвоением норм русского языка и их практическим применением в устной и письменной речи увеличивается. В целях повышения практической грамотности выпускников общеобразовательных школ представляется целесообразным отказаться от формального алгоритмизированного подхода к выполнению заданий, связанных с пунктуационными нормами русского языка в пользу практического, аналитического подхода, основанного на принципах осознанности и рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминская Л. Н., Холодова Е. П. Результаты Единого государственного экзамена по русскому языку в аспекте преемственности «школа – вуз» // Межпредметные связи и преемственность в преподавании речеведческих дисциплин: материалы докладов и сообщений XX международной научно-методической конференции. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2015. – 397 с.
2. Каминская Л. Н. К проблеме формирования лингвистической компетенции выпускников общеобразовательных школ С. 378 // Материалы Седьмой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2018 года. – 432 с.
3. Каминская Л. Н., Белокурова С. П. Результаты единого государственного экзамена по русскому языку в 2018 году в Санкт-Петербурге: Аналитический отчёт предметной комиссии. – СПб: ГБУ ДПО «СПбЦОКОиИТ», 2018. – 57 с.
4. Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2018 году единого государственного экзамена по русскому языку. – М., 2018.
5. Цыбулько И. П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2018 года по русскому языку. – М., 2018.

L. N. Kaminskaia

Herzen State Pedagogical University of Russia

ON SOME ASPECTS OF MASTERING THE NORMS OF PUNCTUATION IN THE CONTEXT OF THE STATE CERTIFICATION EXAM

The article deals with the issues of mastering the norms of punctuation by participants of the state final certification exam. On a representative factual material, the main errors associated with the violation of the punctuation norms of the modern Russian literary language are analyzed. There is an increase in the disproportion between the formal, mechanistic mastering of the norms of the Russian language and their practical application in writing.

Modern Russian literary language, punctuation norms, state final certification exam

УДК:811.161.1:376.68

Е. Б. Рыкова

Северо-Западный государственный медицинский Университет
им. И. И. Мечникова,
chouette_63@mail.ru

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Рассматриваются пути формирования страноведческой компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык, принципы отбора страноведческого материала и представляются способы его введения в обучение, в том числе в современных учебниках русского языка как иностранного.

Формирование компетенции, страноведческая компетенция, иностранные студенты, студенты-нефилологи, русский язык как иностранный, отбор страноведческого материала, способы введения страноведческого материала в обучение.

Формирование страноведческой компетенции иностранных учащихся по-прежнему остается одним из актуальных вопросов методики преподавания русского языка как иностранного. Формирование страноведческой компетенции в стране изучаемого языка происходит разными способами. Перечислим пути формирования страноведческой компетенции у иностранных студентов-нефилологов:

Во-первых, формирование страноведческой компетенции может происходить на занятиях по общественным дисциплинам, входящим в программу обучения высшей школы. Например, в Северо-западном государственном медицинском университете им. И. И. Мечникова (СЗГМУ) на кафедре социально-гуманитарных наук читается курс «История России».

Во-вторых, страноведческая компетенция формируется на занятиях по специальным дисциплинам. М. Д. Зиновьева и Л. С. Журавлева отмечают, что усвоение студентами-нефилологами инженерно-технического и естественнонаучного профилей сведений об основных направлениях развития российской науки, техники, практической медицины, сельского хозяйства и информация о достижениях российской науки способствует совершенствованию их специальных знаний. Высокий уровень профессиональной подготовки студентов-нефилологов гуманитарного профиля (историков, журналистов, экономистов, юристов, работников искусства и т.д.) в значительной степени обеспечивается знакомством с работами российских ученых в области философии, социологии, истории

и т. д., с наиболее известными произведениями деятелей российской художественной культуры [14, с. 92].

В-третьих, существуют и различные формы внеаудиторной работы с иностранными учащимися: обзорные экскурсии по городу, посещение музеев и театров, подготовка и проведение тематических вечеров (например, вечера русской песни) и т. д.

Также возможно погружение иностранных студентов в языковую и этносоциокультурную среду, что происходит естественным путем, когда студенты вступают в общение с носителями изучаемого языка в бытовых ситуациях.

Общеизвестно, что существует специализированный страноведческий курс для иностранных учащихся. В советских вузах на подготовительных факультетах для иностранных учащихся читался страноведческий курс «Советский Союз». В наши дни в СПбГУ существует лекционный курс в объеме 34 часов «Страноведение России», разработанный И. А. Гончар. Сохранились специальные страноведческие курсы в центрах предвузовской подготовки, которые наследуют традиции классических подфаков: в Центре международного образования (ЦМО) МГУ им. М. В. Ломоносова, в Институте международных образовательных программ (ИМОП) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, в аналогичных центрах Воронежского государственного университета, Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ), Российского университета дружбы народов (РУДН) и некоторых других вузов.

Специальные курсы по страноведению читаются в период краткосрочного обучения иностранных учащихся на русском или на родном языке параллельно с преподаванием им русского языка. Например, в 2010 году в Российском центре науки и культуры в Индии в Тривандруме читались лекции по страноведению России [32, с. 16].

Безусловно, страноведческая компетенция формируется и на занятиях по русскому языку. Анализ методической и учебной литературы, а также опыта обучения русскому языку как иностранному в нефилологических вузах Санкт-Петербурга показывает, что существуют два подхода к формированию страноведческой компетенции на занятиях по русскому языку.

Первый подход, который можно назвать лингвострановедческим или лингвоориентированным, направлен на то, чтобы обеспечить учащимся усвоение единиц языка с этнокультурным компонентом семантики (лексики, фразеологии и т. д.) и дальнейшее их адекватное понимание в текстах и адекватное употребление в собственной речи. При введении таких единиц языка на занятиях по русскому языку используется дополнительный ресурс – страноведческий комментарий (у Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова – лингвострановедческий комментарий), представляющий собой методически обработанный текст о страноведческой реалии.

Второй подход, который можно назвать собственно страноведческим, или предметно ориентированным, направлен на то, чтобы обеспечить учащимся

усвоение страноведческих знаний. При этом подходе главной составляющей обучения является опора на страноведческий текст, однако и здесь необходим комментарий, но не страноведческий, а лингвистический – приведение этимологических, орфографических, орфоэпических, грамматических и стилистических пояснений к словам этого текста.

Рассмотрим, как решались и решаются в практике обучения русскому языку как иностранному вопросы формирования страноведческой компетенции, например, вопросы отбора и организации страноведческого материала, его введения в обучение.

Вопрос об отборе страноведческого материала для разных этапов обучения является одной из важнейших методических задач. В работах методистов [5, с. 152–156; 15, с. 137; 18, с. 39–42; 7, с. 17] выделены следующие принципы отбора страноведческого материала:

1. Принцип учета коммуникативной ценности страноведческой единицы.
2. Принцип облигаторности, то есть отбора сведений, которые обладают свойствами всеобщей распространенности в стране изучаемого языка.
3. Принцип учета имеющихся знаний учащихся о стране изучаемого языка.
4. Принцип учета интересов иностранных студентов к определенным сторонам жизни страны изучаемого языка.
5. Принцип воспитательной ценности отбираемых сведений (они должны позволять формировать у иностранных студентов позитивное отношение к российскому народу, обществу и культуре).
6. Принцип учета региональной значимости страноведческих сведений (регионально-ситуативный принцип).

В системе лингвоориентированного обучения создание страноведческого минимума рассматривалось как необходимый этап в процессе разработки лингвострановедческого минимума. М. Д. Зиновьева, рассматривая вопрос о создании лингвострановедческого минимума для подготовительных факультетов вузов СССР, выделила в нем четыре компонента: 1) отобранные фоновые знания, выделенные в несколько содержательных циклов, внутри которых страноведческий материал группируется по темам; 2) список слов и словосочетаний с культурным компонентом, отражающий отобранную страноведческую информацию; 3) лингвострановедческие комментарии; 4) список этикетно-узуальных форм, обслуживающих типичные ситуации общения иностранцев в СССР. Она отмечала, что работу над составлением страноведческого минимума «надо начинать с отбора страноведческой информации, подлежащей включению в минимум, а затем показать, как она закреплена в соответствующих языковых формах» [13, с. 45].

Во все еще действующей на подготовительных факультетах образовательной программе I сертификационного уровня выделены следующие темы общения: 1. Биография (Рассказ о себе. Официальная автобиография. Рассказ о друге, знакомом, родственнике); 2. Семья (Ваша семья. События детства и юности. Отдых в вашей семье); 3. Учеба, работа (Учеба. Работа. Ваш

рабочий день); 4. Система образования в Вашей стране и в России (Школа, институт, университет. Изучение иностранных языков); 5. Ваша страна. Ваше знакомство с Россией (История и культура стран. Природа и экономика страны сегодня. Времена года. Погода); 6. Город (Общая характеристика города. Ориентация в городе); 7. Ваши интересы. Выделены и следующие ситуации общения: 1) в административной службе (в офисе, в дирекции, в деканате); 2) в гостинице (в общежитии); 3) в ресторане (в столовой, в буфете); 4) в магазине (в киоске, в кассе); 5) на почте (на переговорном пункте); 6) на улице, в транспорте; 7) в библиотеке; 8) на занятиях (на лекциях); 9) в кинотеатре (в театре, в музее, на экскурсии); 10) в поликлинике (у врача, в аптеке); 11) разговор по телефону [22, с. 9 – 13]. Лексическое наполнение этих тем и ситуаций общения преподаватель отбирает, опираясь на «Лексический минимум для I сертификационного уровня».

Мы полагаем, что отбор страноведческих реалий для учебных материалов следует проводить, опираясь на рассмотренные выше принципы коммуникативной ценности реалии, облигаторности (общеизвестности), учета специфики вуза и региона обучения, воспитательной ценности отбираемого материала, учета имеющихся знаний и интересов иностранных учащихся. При этом очевидно, что страноведческие минимумы, создававшиеся в советское время и даже в 1990-е годы, в значительной степени устарели, и необходимо создавать новые страноведческие минимумы.

Анализ учебной и методической литературы позволил выделить следующие способы включения страноведческих сведений в процесс обучения русскому языку как иностранному:

- использование учебных текстов (например, диалога иностранца с русским),
- включение страноведческих сведений в упражнения,
- введение страноведческих сведений в процессе объяснение семантики слов с этнокультурным компонентом семантики, фразеологизмов и афоризмов (то есть через лингвострановедческий комментарий),
- использование страноведческих приложений,
- использование страноведческого плана иллюстраций,
- обращение к художественной литературе как к зеркалу действительности [6].

Эти приемы находят отражение и в современных учебниках. В диалогах иностранного гостя с русскими студентами или преподавателями упоминаются российские реалии: названия городов, городских улиц, театров, блюд и т.д. Например, в пособии «Слово» иностранный студент Джон собирается в воскресенье на прогулку. Мама его русского друга советует, куда можно поехать. Она предлагает ему посетить Петергоф и рассказывает, что Джон может там увидеть [12, с. 110].

Включение страноведческих сведений в упражнения происходит при обучении диалогической речи на материале повседневно-бытовых тем, например, темы «Транспорт» или «Город». Вот, например, одно из заданий

подготовительного характера: «Поставьте слова в скобках в нужную форму: Днем у меня была встреча (центр Москвы, площадь Маяковского)» [1, с.54]. Затем эта же информация используется при составлении диалога.

Страноведческие сведения также включаются в грамматические упражнения, например: «Ответьте на вопрос, используя информацию в скобках: Когда открыли первую линию метро в Москве? (15, май, 1935)» [28, с. 139]. Т. В. Чернявская указывала: «Включение интересных сведений в упражнения стимулирует внимание учащихся, повышает продуктивность усвоения грамматического материала. При этом внимание учащихся сосредоточено на языковой форме, а страноведческая информация усваивается «попутно» [30, с. 12].

В некоторых учебных пособиях страноведческие сведения вводятся через анализ семантики фразеологии и языковой афористики, например, в пособии «Россия сегодня» в тексте «Семейные студенты» при объяснении пословицы «С милой рай и в шалаше» вводится и ряд страноведческих сведений [24, с. 76].

Большой объем страноведческой информации содержится в энциклопедических словарях, а также в лингвострановедческих словарях, где приводится истолкование русских слов с этнокультурным компонентом семантики (см., например, словари «Народное образование СССР» [11], «Художественная культура СССР» [31], «По одежке встречают...Секреты русского костюма» [29]). В Большом лингвострановедческом словаре «Россия» «по-новому решается проблема соотношения объема страноведческой и лингвострановедческой информации, т. е. собственно содержания словаря. В структуре словарной статьи выделяются 2 обязательных компонента: страноведческая (энциклопедическая, справочная) часть и лингвострановедческая часть, описывающая национально-культурный фон заголовочного слова, предъявляя его в специфических языковых единицах» [26, с. VI].

На занятиях по русскому языку как иностранному преподаватели используют данные в учебниках страноведчески ценные иллюстрации (фотографии, репродукции произведений живописи или рисунки). Например, богато иллюстрирован учебник «Дорога в Россию» [2]. Используются видеоматериалы и визуальная информация интернет-сайтов. Среди страноведческих видеокурсов следует выделить «Диалог с Россией», предназначенный для продвинутого этапа обучения [3], «Прогулки по Петербургу» для начального этапа обучения [17] и «Семь прогулок по Москве» [23].

Обращение к художественной литературе как к зеркалу действительности было характерно для преподавания русского языка как иностранного в советский период. Издавались хрестоматии по советской литературе с комментариями на определенном иностранном языке [16]. В наши дни выходят хрестоматии, не ориентированные на учащихся-носителей конкретного языка. Примером может служить хрестоматия современной прозы 90-х годов XX века «Любовь – огромная страна», которая включает в

себя справку о писателе, неадаптированный текст и подробные комментарии, контрольные вопросы, упражнения и темы для дискуссий [33]. Издаются произведения классиков русской литературы, современных писателей, публицистов, журналистов, а также киносценарии, ориентированные на разные уровни владения русским языком.

Страноведческие знания иностранные учащиеся могут почерпнуть и из текстов учебников и учебных пособий. Так, в пособии «Мы похожи, но мы разные», предназначенном для продвинутого этапа обучения, страноведческих тексты представлены в рубриках «Русские о себе и иностранцах» и «Иностранцы о русских и о себе» [21].

Страноведческие сведения включаются в учебный процесс и фрагментарно, например, в качестве ссылок или страноведческих комментариев к текстам. Эти сведения могут быть предоставлены иностранным студентам на их родном языке или на изучаемом ими русском языке. Например, книга для чтения «Россия: характеры, ситуации, мнения» представляет собой разнообразные адаптированные художественные тексты из произведений классической и современной литературы. Страноведческий материал в ней дается в сносках к текстам. Например, к повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» даются пояснения слов *товарищ*, *домком*, *нэпман* и др. [9].

Существуют специальные страноведческие пособия, в которых тексты, зрительная наглядность и задания рассчитаны на формирование страноведческой компетенции: «Мы похожи, но мы разные» [21], «Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии» [27], «Россия: страна и люди» [20], «Такая разная Россия...» [10], однако все они предназначены для продвинутого этапа обучения.

Характер расположения страноведческого материала в учебниках различен. В одних учебниках не соблюдаются принципы расположения страноведческого материала [8], потому что страноведческие реалии являются составной частью грамматических и речевых упражнений, направленных на выработку языковой компетенции. В других учебниках выявляется стремление связать страноведческие сведения с датами календаря, с государственными и национальными праздниками [19]. В специализированных учебных пособиях соблюдается тематико-хронологический принцип изложения страноведческого материала [25] или тематический принцип подачи страноведческих реалий [4]. Эти специализированные страноведческие пособия можно использовать как основу для построения хронологического курса по страноведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина М. Н. Начинаем изучать русский. Лестница. Практикум. – М.: Русский язык, 2002. – 260 с.
2. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). 2-е изд., испр. – М.: ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова. – СПб: Златоуст, 2003. – 344 с.
3. Бердичевский А., Вегвари В., Крвалев К., Пассов Е., Поор З. Диалог с Россией. Видеокурс для продвинутого этапа/ Под ред. А.Бердичевского и З. Поора. – СПб.: Златоуст, 2002. – 88 с.
4. Берков В. П., Беркова А. В., Беркова О. В. Как мы живем. Пособие по страноведению для изучающих русский язык. – СПб: Златоуст, 2002. – 116 с.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Издательство Московского университета, 1973. – 233 с.
6. Верещагин Е. М., Чернявская Т. Н. Из опыта представления культуры в учебниках русского языка для иностранцев // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. метод. статей № 20. М.: Русский язык, 1981. – С. 224–231.
7. Витлин Ж. Л. Общие проблемы использования страноведения в зарубежных и отечественных курсах иностранных языков. // Страноведение и регионоведение чужой и своей страны в курсе иностранных языков (культурно-экономические, этнические и исторические аспекты). Сборник материалов международной научно-практической конференции. – СПб: РАО, 1996. – С. 10–19.
8. Глазунова О. И. Давайте говорить по-русски. Учебник по русскому языку. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2003. – 336 с.
9. Голубева А. В., Задорина А. И., Гананпольская Е. В. Россия: характеры, ситуации, мнения. Книга для чтения. Выпуск 1. Характеры. СПб: Златоуст, 1996. – 112 с.
10. Гончар И. А. Такая разная Россия...: учебное пособие по страноведению. – СПб: Златоуст, 2010. – 140 с.
11. Денисова М. А. Лингвострановедческий словарь «Народное образование СССР» – М.: Русский язык, 1978. – 276 с.
12. Ермаченкова В. С. Слово: Пособие по лексике и разговорной практике. – СПб: Златоуст, 2006. – 208 с.
13. Зиновьева М. Д., Златкина С. И., Князева В. П. К проблеме создания лингвострановедческого минимума для начального этапа // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Сб. научно-методических статей. – М.: Русский язык, 1979. – С. 45 – 52.
14. Зиновьева М. Д., Журавлева Л. С., Гурицкая И. А., Кулибина Н. В., Федорова Е. Л. Страноведческий и лингвострановедческий аспекты в системе коммуникативного обучения русскому языку как иностранному. // Шестой международный конгресс преподавателей русского языка и литературы «Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и

литературы». Доклады советской делегации. - М.: Русский язык, 1986. – С. 90–98.

15. Конецкая В. П. Лексико-семантические характеристики языковых реалий. – Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц/Под ред. А. Р. У. Рум, Л. В. Колесникова, Г. А. Пасечника и др. – М.: Русский язык, 1978. – 480 с.

16. Кубарева А. А., Нечаева Е. В. Хрестоматия по советской литературе. Книга для чтения с комментарием на французском языке. Начальный этап. М.: Русский язык, 1983. – 220 с.

17. Матвеева Т. Н., Филимонова Т. А., Харченкова Л. И. Прогулки по Петербургу: Учебный видеофильм для начального этапа обучения / Под ред. И. П. Лысаковой – СПб, 1998.

18. Московкин Л. В. Отбор страноведческой информации для начального этапа обучения русскому языку как иностранному // Современная зарубежная культура в обучении иностранным языкам. - СПб.: ИОВ РАО, 1993. – С. 39–42.

19. Московкин Л. В., Сильвина Л. В. Русский язык. Элементарный курс для иностранных студентов. – СПб.: СМНО Пресс, 2002. – 512 с.

20. Перевозникова А. К. Россия: страна и люди. Лингвострановедение: Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 284 с.

21. Писарчик Н. Ю., Прохоров Ю. Е. Мы похожи, но мы разные. – 2-е изд. – СПб: Златоуст, 2000.– 104 с.

22. Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень. Общее владение /Андрюшина Н. П. и др. – СПб: Златоуст, 2001. – 176 с.

23. Прохоров Ю. Е., Голубева А. В. Семь прогулок по Москве: Учебный видеофильм, 3-е изд. – СПб, 2004.

24. Радимкина А., Райли З., Ландсман Н. «Россия сегодня». Тексты и упражнения. 2-е издание, СПб, Златоуст, 1999 – 156 с.

25. Ременцов А. Н., Кузнецов А. Л., Кожевникова М. Н. Из истории России XX века: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. Базовый и первый сертификационный уровни. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 104 с.

26. Ростова Е. Г. Предисловие //Россия. Большой лингвострановедческий словарь. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – С. IV-VIII.

27. Соловьев В. М. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии – Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный. – М.: Русский язык. Курсы, 2001. – 200 с.

28. Хавронина С. А. Русский язык в упражнениях. Учебное пособие (для говорящих на английском языке) / С. А. Хавронина, А. И. Широченская – 12-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2003. – 285 с.

29. Харченкова Л. И. По одежке встречают...Секреты русского костюма: Лингвострановедческий словарь. – СПб: Астра-Люкс, 1994 – 146 с.

30. Чернявская Т. Н. Приемы создания и использования текстовых материалов учебника русского языка для иностранцев в лингвострановедческих целях. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 1983. – 23 с.

31. Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1984. – 360 с.

32. Штапкина Е. Курс страноведения России в Тривандруме, Индия // Вестник МАПРЯЛ, 2010, №66. – С.16.

33. Юдина Г., Кириченко С., Карамышева Л. Любовь – огромная страна: Хрестоматия современной прозы 90-х годов. Кн.1 – СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. – 268 с.

Rykova, E. B.

North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov

THE WAYS OF FORMING CROSS-CULTURAL COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The ways of formation of country competence of foreign students studying the Russian language, the principles of selection of country material are considered and the ways of its introduction into training, including in modern textbooks of Russian as a foreign language are presented.

To develop the competence, cross-cultural competence, foreign students, students
nefrology, Russian as a foreign language, cross-cultural selection of material,
methods of introducing cross-cultural material in teaching

УДК 811.161.1

И. Л. Шершнёва

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина),

ilsh2008@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СТРАНОВЕДЕНИЯ В ГРУППАХ БИЛИНГВОВ

Рассматривается явление билингвизма на современном этапе в условиях изменения психологии студентов-билингвов и описываются некоторые методические приемы работы с видеоматериалами в свете изучения страноведения.

Билингвизм, психология, методические приемы, видео, страноведение.

Понятие билингвизма становится все более актуальным в связи с историческими переменами в России конца XX – начала XXI века. Глобальные изменения происходят во всех сферах жизни общества и сопровождаются демографическими сдвигами, широкой миграцией, заключением смешанных браков, обучением детей в зарубежных школах и университетах. Овладение двумя языками становится участью довольно больших групп людей, и, в зависимости от ситуации, билингвизм классифицируют по множеству позиций – от двуязычия детей в смешанных семьях до способности изъясняться на иностранном языке в зарубежной поездке.

Процессы и способы овладения двумя языками интересуют специалистов в области нейробиологии, с интересом изучают это явление психо-, социо- и нейролингвисты. Однако два–три последних десятилетия примечательны и другими существенными изменениями.

Человечество вступило в эпоху цифровой цивилизации и информационной революции. Компьютеры, планшеты, смартфоны, роботы, новые технологии требуют совершенно новых подходов к обучению языков и на иностранных языках. Поколение Z наступает на поколение Y, не говоря уже о поколении X. У нового поколения по-другому функционирует сознание, память, восприятие информации. Меняются когнитивные процессы, информационное поле теряет границы – методики преподавания также должны меняться. На этом фоне страноведческий аспект обучения билингвов требует нового инструментария, так как студенты, приехавшие из другой страны, не владеют теми культурными кодами, которые позволили бы им идентифицировать себя как русских или почувствовать себя комфортно в русской среде. Страноведение для студентов-иностранцев, изучающих русский язык, должно включать в себя не только географические, исторические и культурологические сведения. Иностранец хочет понимать игру слов в рекламе

(телевизионной, печатной и сетевой), использовать в речи цитаты из кинофильмов, петь популярные песни. Новое поколение с большим интересом потребляет информацию из видеоисточников, поэтому одним из образовательных инструментов может стать YouTube. Работе с видео, просмотру и обсуждению кино- и мультфильмов посвящается эта статья. В наши дни мало кто сомневается, что никакие образовательные реформы не успевают за изменениями, происходящими с нынешней молодежью. За последние 15–20 лет выросло поколение людей, которых уже нельзя обучать по прежним академическим канонам. Младенцы, которые смотрят мультики не по телевизору, а на экране планшета; дошколята, еще не научившиеся читать, сидят за ноутбуком, – это уже другой психотип человека. Визуальность – характеристика современного восприятия мира. Недаром на смену маяковскому «Послушайте!» пришло словечко «Смотрите!» Кропотливая работа с текстом, традиционные упражнения на бумаге нашим студентам не только неинтересны, но, главное, не дают результата, *эквивалентного* их интеллектуальным возможностям. Выход один – найти такую форму письменной работы, которая отвечала бы потребностям нынешнего студента. И такие формы есть. Одно из заданий, которое выполняют после просмотра любого видеоматериала, состоит в том, чтобы описать обстановку, в которой действуют герои, их внешний вид, психологический портрет. Второе задание связано с изучением глаголов совершенного и несовершенного вида и глаголов движения: надо описать небольшой эпизод с помощью известных соответствующих глаголов.

Можно долго спорить об особенностях и отличиях поколений X, Y, Z, к окончательному варианту мы, очевидно, придем, когда народится следующее поколение, которому уже не хватает буквы в латинском алфавите. Пока же понятно только то, что мы действительно безнадежно отстаем от потребностей студентов. Конечно, они послушно выполняют наши задания по чтению и переводу текстов, выполнению упражнений на употребление глаголов совершенного и несовершенного вида, но делают это без особого удовольствия. Что они видят в своих смартфонах и как это можно «монетизировать» в процесс обучения русскому языку?

Студенты, приезжающие в Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» и попадающие на подготовительное отделение, представляют различные народы и языки. Однако бывают и более или менее монолитные группы, приезжающие из азиатских республик бывшего Советского Союза – таджики, узбеки, русские. По программе совместного обучения в университете учатся и китайские студенты. Довольно пестрым был состав специальной группы подготовительного отделения 2017/18 учебного года. В ней оказались студенты разного уровня владения языком. И если для более однородных групп, т.е. начинающих изучать русский язык с «чистого листа», программа обучения сформирована, то для этих студентов было необходимо разработать специальный курс, учитывающий особенности каждого студента. У всех студентов было одно объединяющее их качество –

все в той или иной степени владели русским языком и мало или совсем не имели в быту контактов с соотечественниками или другими иностранцами и, следовательно, вынуждены были говорить по-русски. Однако и знание русского языка, и способы его обретения были абсолютно различными. Двое студентов – билингвы по самым строгим меркам, с одной оговоркой. Родители студента Т. разных национальностей, а у студента К. родители – туркмены, получившие высшее образование в Москве еще в советское время, говорящие и дома на русском. Кроме того, сам студент Т. учился в русской школе, владеет в равной степени и русским, и туркменским языком. Студент Р. приехал из Того, учился в местной школе, где обучение ведется на французском языке, плохо освоил родной язык русской матери, мало знаком с культурой детства русских детей. Живет в России уже три года у родственников матери, общение по-русски сугубо на бытовые темы, что уже можно считать плохим диагнозом. И, наконец, три студента-инофона, уровень знаний которых более или менее одинаков, примерно на уровне А–2 – В–1. Эти студенты (из Эквадора, Испании, Германии) живут в русскоязычной среде, но имеют контакты с соотечественниками или другими иностранцами и в этом случае часто пользуются английским языком.

Таким образом, в одной группе соединились студенты, осваивавшие русский язык по разным стратегиям. Речь идет о когнитивной и коммуникативной стратегиях усвоения языка. Этому вопросу посвящены многие исследования [2, с. 156], но вкратце можно напомнить о двух парах стратегий, используемых взрослыми (коммуникативная и когнитивная) и детьми (референциальная и экспрессивная). Эти стратегии используются по принципу дополнительности, а не исключительности, т.е. задействуются вместе, но с разной частотностью. В детском возрасте превалирует экспрессивная стратегия, обусловленная недостатком жизненного опыта. Референциальная стратегия, на мой взгляд, появляется с первым вопросом «почему», причем не обязательно этот вопрос должен быть оформлен вербально.

У взрослых разные стратегии осуществляются неосознанным выбором, в соответствии с личными характеристиками, ментальными особенностями, уровнем образования и жизненными целями индивида. «... коммуникативная стратегия ориентирована на овладение правилами речевого поведения, в то время как когнитивная – на освоение в первую очередь системности языкового материала» [2, с. 157]. Отсутствие или недостаток русскоязычной культуры в детском возрасте сказались в непонимании нашими студентами специфической лексики сказок, затруднениями в области ономастики. Слово «богатырь» они объясняли как «богатый человек»; «теремок» ассоциировался с русским национальным рестораном, где готовят блины. Герои народных и литературных сказок часто неизвестны даже тем билингвам, которые хорошо знают язык матери, но выросли в иноязычной культуре. Например, только один студент (из русскоговорящей семьи туркмен) знал, кто такой Буратино.

Целью обучения наших студентов, собирающихся прожить в России не один год, становится не только овладение русским языком в границах бытовой и профессиональной коммуникации, но и преодоление культурологических различий. В этой ситуации страноведение становится не просто частью общей парадигмы обучения, а необходимым курсом погружения в культуру, историю и социальную жизнь современной России.

Студенты, обучавшиеся в национальных школах, имеют довольно слабое представление о нашей стране, ее истории и географии. На сегодняшний день преподаватель вооружён качественными учебниками по страноведению. Однако студенты на каждом занятии задавали вопросы об «окружающем их мире». В вагоне метро прочитали рекламу: все слова понятны, а смысл не улавливают. Русские приятели обменялись одной-двумя фразами, рассмеялись, но почему – не понятно. Голосовую рекламу уже заучили наизусть, она крутится в голове, но понимания опять нет. Игра слов иностранцу недоступна до тех пор, пока он не познакомится с источником – литературным или кинематографическим. Однако игра на литературном материале нынче часто остается привилегией образованной части российского общества, преимущественно старшего поколения. Не всегда молодые люди понимают происхождение цитаты, связанной с классической литературой или старым советским фильмом.

Работа с мультфильмами и художественными фильмами давно и успешно ведётся на занятиях по РКИ. Популярностью пользуются комедии 60-х – 70-х годов прошлого века. Тяготение к работе с комедией на занятиях по русскому языку понятно. Иностранцы, во-первых, не любят «грузить» себя проблемами, во-вторых, комедийные ситуации, юмор, подкрепленный «картинкой», быстрее достигают цели, позволяют запомнить слова, выражения, синтаксические обороты.

Мы в нашей работе также обращались к советской комедии 60-х – 70-х годов. Студентам было дано задание посмотреть три фильма Л. Гайдая – «Операция Ы и другие приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница». После ознакомительного просмотра всех трех фильмов требовалось выбрать наиболее интересный и написать небольшую заметку, обосновать свой выбор. Для того чтобы стимулировать желание написать рецензию, мы предложили студентам посмотреть в YouTube на одном из сайтов отклики иностранцев о русских фильмах.

«Кавказская пленница» понравилась сатирической направленностью и возможностью погружения в эстетику того времени, и студенческая тематика в одной из новелл «Операции Ы» тоже заинтересовали студентов. «Бриллиантовая рука» вызвала меньший интерес, поскольку сатира и юмор в этой комедии в меньшей степени отвечают комедии положений и носят более скрытый для иностранца национальный, даже, скорее, «советский» характер. Мультфильмы, детский киножурнал «Ералаш», детские стихи и песни всегда были благодатным материалом для работы с иностранными студентами. Формат короткометражного фильма, визуальность, разговорная лексика – всё

это удовлетворяет требованиям современного студента к обучающему материалу [1]. Для группы билингвов–инофонов было выбрано несколько мультфильмов, часть из которых просматривались в ознакомительном режиме, с целью проверки восприятия на слух.

Один из мультфильмов, «Бобик в гостях у Барбоса», был предложен студентам для более подробного изучения. Мультфильм очень старый, но в отличие от современного сериала «Маша и Медведь», фильм о двух собаках насыщен диалогами самого реального свойства. До начала просмотра студенты познакомились с некоторыми незнакомыми словами, без знания которых понимание диалогов героев затруднительно (например, «веник», «конура»), и глаголов с переносным значением, которое обыгрывается в диалоге. Интересной оказалась дискуссия о кличках собак в разных странах и обсуждение семантики кличек «героев» мультфильма.

Наличие у каждого студента индивидуального компьютера или смартфона позволяет осуществить основную задачу просмотра мультфильма: не мешая другим студентам, в собственном темпе прослушивать в наушниках все эпизоды и записывать диалоги. Каждый эпизод можно прослушивать несколько раз, до тех пор, пока текст не восстановится полностью. Начинать такую тренировку по аудированию надо с коротких фильмов или эпизодов. В нашем случае таким материалом стал мультфильм «Бобик в гостях у Барбоса» по сказке Н. Носова [3]. Роли собак озвучивали Юрий Никулин и Олег Табаков, голоса которых запоминаются навсегда, актеры играют словом и интонацией, необычайно точно передают характеры героев.

Забавная история о двух собаках позволяет практически освоить особенности устной речи: экспрессивность, использование неполных предложений, вводных слов и конструкций, повторений, отступлений, добавлений, парцелляций. При внимательном прослушивании диалогов, имея визуальную опору, студенты понимают, как развивается логика разговора, как «ловится» собеседником поданная реплика, чем завершается речевой сеанс. Широко используется в устной речи явление парцелляции, что находит свое отражение в диалогах героев мультфильма. Парцелляция и повторы, которыми насыщена речь обоих персонажей, придают ей отрывистость, приближают к ритмике собачьего лая.

«- Сыру хочешь? - Спрашиваешь! - Или котлету? - И котлету! - А чего больше? - Всего побольше! Побольше сыру и котлет побольше!»

Мультфильм заканчивается песней, что позволяет применить еще один способ аудирования. Учитывая популярность **караоке**, мы использовали и этот вариант закрепления полученных навыков и знаний. Завершающим этапом работы с мультфильмом стал просмотр с «озвучанием» студентами героев истории.

Видеоматериалы предоставляют преподавателю широкие возможности для создания некоммуникативных упражнений, крайне важных для коррекции ошибок, свойственных билингам. К некоммуникативным упражнениям относят фонетически, лексически и грамматически направленные задания.

Воспроизведение студентами диалогов фильма можно отнести к фонетическим заданиям, с помощью которых усваиваются нюансы произношения и интонации. Лексические упражнения позволяют расширить словарь учащихся той лексикой, которая отсутствует в учебниках. На любом видеоматериале можно составить грамматические упражнения, отражающие потребности именно этих студентов именно на этом этапе обучения. Об условно-коммуникативных упражнениях упоминалось выше. К ним относятся описания действий героев и их психологические портреты.

Таким образом, использование видеоматериалов позволяет решать несколько задач одновременно. Студенты погружаются в языковую среду, познают культурные коды, изучают историю и географию России и в то же время приобретают навыки аудирования и говорения, столь необходимые им в реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончар И. А. Аудирование иноязычного текста как объект лингвистики и методики // Вестник С. – Петербургского университета. Сер.9. – 2011. – Вып. 4. – С. 118 – 120.

2. Овчинникова И. Г., Павлова А. В. Психолингвистическая интерпретация ошибок письменного перевода как отражение особенностей переводческого билингвизма // Лики билингвизма / Отв. ред. С.Н. Цейтлин; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб: Златоуст, 2016. – С.153 – 203.

3. Бобик в гостях у Барбоса. Советский мультфильм для детей про собак. URL: <http://youtu.be/SdWWS15xgbc>. (Дата обращения 15.02.2019).

Shershniova I. L.

Saint-Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ACTUAL PROBLEMS OF TEACHING COUNTRY STUDIES IN BILINGUAL GROUPS

The phenomenon of bilingualism at the present stage is examined in the context of the changing psychology of bilingual students, and some methodological techniques for working with video materials are described in the light of the study of country studies.

Bilingualism, psychology, methodological techniques, video, country studies.

Материалы
Восьмой межвузовской научно-практической конференции
с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»
Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2019 года

Редколлегия:

Шумков А. А., Степанова Н. В., Флакман М. А.,
Ульяницкая Л. А., Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Стрельникова Н. Д.

Подписано в печать _____. Формат 60*84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 12,75.

Тираж ____ экз. Заказ ____.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5